Институт научной информации
по общественным наукам РАН
Финансовый университет при Правительстве РФ
Российская ассоциация политической науки

СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ
СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ

Коллективная монография

Отв. ред. *И. А. Помигуев*

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2021

УДК 327
ББК 66.0
С63

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19–011–33052, реализованного на базе ИНИОН РАН

Рекомендована к публикации на заседании Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ 12 мая 2020 г. (Протокол № 5)

Рецензенты:

Сморгунов Л. В., д. филос. н., профессор, профессор и заведующий кафедрой политического управления СПбГУ, Председатель Научного Совета РАПН (Санкт-Петербург)

Малинова О. Ю., д. филос. н., профессор, профессор Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Почетный президент РАПН (Москва)

Патрушев С. В., к. ист. н., ведущий научный сотрудник, руководитель отдела ФНИСЦ РАН, профессор ВАВТ, член Правления РАПН (Москва)

Авторский коллектив:

И. А. Помигуев (отв. ред.), *Д. В. Алексеев* (ред.), *П. С. Копылова*, *В. О. Деткина*, *Е. А. Захарова*, *Н. В. Прокудина*

Сообщество молодых политологов: Сетевой анализ: Коллективная монография / С63 И. А. Помигуев, Д. В. Алексеев, П. С. Копылова и др.; отв. ред. И. А. Помигуев. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. — 324 с.

ISBN 978–5–7567–1109–7

В книге представлены результаты масштабного исследовательского проекта, направленного на изучение сообщества молодых политологов и молодежных политологических структур. В рамках проекта собран богатый эмпирический материал (опрос, круглые столы, интервью, записи в социальных сетях и др.), который авторы проанализировали, применив широкий набор количественных и качественных методов.

В работе рассмотрены различные аспекты деятельности сообщества, особое внимание уделено вопросам коммуникации молодых политологов, в том числе в цифровых условиях. Затрагиваются вопросы политологического образования, состояния политической науки, факторов влияния на сообщество, характеристик окружающей среды, а также описываются конкретные практики работы с молодыми политологами. Выявлена роль молодежных политологических структур в формировании научных сетей молодых политологов.

Полученные результаты могут быть использованы в образовательных программах системы профессиональной подготовки в высшей школе, в деятельности государственных структур, общественных организаций и других субъектов политологического образования.

Для политологов и всех, кто интересуется проблемами политической науки и развития политологического сообщества.

УДК 327
ББК 66.0

ISBN 978–5–7567–1109–7

©Помигуев И. А., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 6

Глава 1. **Теоретико-методологические особенности изучения молодых политологов**
1.1. Сообщество молодых политологов: концептуализация понятия 13
1.2. Особенности сетевого подхода 22
1.3. Сетевые ресурсы сообщества 31
1.4. Программа исследования 42
1.5. Основные выводы 52

Глава 2. **Современные условия функционирования сообщества молодых политологов**
2.1. Оценка состояния политической науки 54
2.2. Политология как академическая дисциплина и инструмент социализации граждан: интерес молодых политологов 59
2.3. Факторы влияния на сообщество молодых политологов 64
2.4. Возможности и угрозы для развития сообщества молодых политологов 72
2.5. Основные выводы 76

Глава 3. **Человеческий капитал сообщества молодых политологов в России**
3.1. Возрастные особенности молодых политологов 79
3.2. Молодой политолог: к вопросу о типологии 82
3.3. Ролевые модели для молодого политолога и его профессиональные качества 92
3.4. Исследовательские центры и политологи как ориентир для молодых политологов 98
3.5. Основные выводы 112

Глава 4. **Знания о политике как основа сетевого взаимодействия: мнения молодых политологов**
4.1. Различия между знанием и информацией, академической и аналитической работой 115
4.2. Политическое и политологическое глазами молодых политологов 118
4.3. Каналы получения, методы сбора и анализа политической информации и политологического знания 120
4.4. Сферы применения политологических знаний. Профессия политолог . . . 131
4.5. Основные выводы 137

Глава 5. **Сетевые коммуникации молодых политологов в России**
5.1. Средства коммуникации молодых политологов: результаты опроса 139
5.2. Сеть межрегиональных коммуникаций молодых политологов 148
5.3. Сетевая структура сообщества молодых политологов 152
5.4. Особенности внутристрановой миграции молодых политологов 163
5.5. Основные выводы 165

Глава 6. **Молодежные политологические структуры: роль в формировании сообщества молодых политологов**
6.1. Потенциал молодежных политологических структур 168

6.2. Сетевые ресурсы молодежных политологических структур: взгляд руководителей СМП (МО) РАПН 175
6.3. Научная деятельность членов молодежных политологических структур (на примере членов СМП РАПН) 185
6.4. Потенциальные направления активности членов молодежных политологических структур (на примере СМП РАПН) 189
6.5. Основные выводы 191

Глава 7. **Цифровая среда сообщества молодых политологов**
7.1. Интернет как площадка для институционализации молодежного политологического сообщества 194
7.2. Онлайн-сообщества молодых политологов: особенности позиционирования в интернет-среде 199
7.3. Социальные сети как проводник политологического знания 211
7.4. Востребованность политологического знания в социальных сетях (на примере Political science library) 216
7.5. Основные выводы 221

Глава 8. **Окружающая среда сообщества молодых политологов**
8.1. Международное взаимодействие как фактор развития сети молодых политологов в России 224
8.2. Условия Болонской системы образования как фактор развития международных коммуникаций молодых политологов 226
8.3. Роль государства и некоммерческих организаций в развитии сетей молодых политологов 230
8.4. Высшие учебные заведения как источник культурного капитала сообщества 237
8.5. Основные выводы 246

Глава 9. **Политологическое образование глазами молодых политологов**
9.1. Поступление на политологические направления подготовки: плюсы и минусы, проблемы и решения 248
9.2. Политическое участие молодых политологов 254
9.3. Роль молодежных политологических структур в образовательном процессе 259
9.4. Основные выводы 263

Глава 10. **Практики работы с молодыми политологами**
10.1. Практики работы молодежных политологических структур 265
10.2. Институциональная база подготовки молодых политологов: высшие учебные заведения 275
10.3. Практики подготовки молодых политологов: опыт ведущих вузов 287
10.4. Адаптация и интеграция молодых политологов в профессиональное сообщество 297
10.5. Основные выводы 307

Заключение 310

Список литературы 315

Авторский коллектив:

Помигуев Илья Александрович, руководитель авторского коллектива, к. полит. н., н. с. Отдела политической науки, ИНИОН РАН; доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; доцент Департамента политики и управления, НИУ ВШЭ (Москва) (Введение, главы 1, 5; § 2.1, 2.3, 2.5, 3.4–3.5, 6.1, 6.3–6.5; 8.1 (совместно с Е. А. Захаровой); 8.2–8.3, 8.5, 10.5, Заключение);

Алексеев Дмитрий Владимирович, аспирант, РАНХиГС (Москва) (глава 4; § 2.2, 3.3; 7.1; 7.3–7.5 (совместно с П. С. Копыловой); 6.2, глава 9 (совместно с И. А. Помигуевым));

Копылова Полина Сергеевна, аспирант, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва) (§ 7.2)

Деткина Валерия Олеговна, независимый исследователь (Москва) (§ 8.4; 10.1–10.3 (совместно с П. С. Копыловой));

Захарова Евгения Александровна, аспирант, МГИМО (У) МИД РФ (Москва) (§ 2.4, 10.4);

Прокудина Надежда Валерьевна, независимый исследователь (Воронеж) (§ 3.1–3.2);

Авторы проекта выражают особую благодарность за ценные замечания и помощь в реализации проекта:

О. В. Гаман-Голутвиной, М. В. Ильину, Е. Ю. Мелешкиной, О. Ю. Малиновой, Л. В. Сморгунову, С. В. Патрушеву, А. В. Кузнецову, М. Н. Шестаковой, Д. В. Ефременко, А. Б. Шатилову, Ю. Г. Коргунюку, И. В. Фомину, А. Ю. Долгову, В. С. Авдонину, К. В. Симонову, Р. В. Пырме, А. С. Шерстобитову, А. Ю. Сунгурову, А. В. Артемову, Р. В. Савенкову, Д. В. Сосунову, А. В. Соколову, Л. Н. Тимофеевой А. В. Михалеву, А. И. Щербинину, Л. А. Фадеевой, К. А. Сулимову, Я. Ю. Шашковой, И. Н. Тарасову, П. С. Склянчуку, М. Ю. Гутеневу, А. Ю. Красноперову, Е. В. Матвеевой, А. В. Шумилову, Л. В. Рязановой, Т. К. Чернышевой

ВВЕДЕНИЕ

Президент Российской ассоциации политической науки О. В. Гаман-Голутвина в одной из своих работ определила политическую науку через парафраз второго закона термодинамики — как *институциональный инструмент противостояния необратимому рассеиванию общественной энергии*[1]. Эта дефиниция достаточно точно определяет роль политологии в современных общественных процессах. Производство и распространение знаний о политике, при всей их сложности и многообразии, являются важнейшим фактором осмысления и понимания политических событий, явлений и процессов в условиях глобальной неопределенности и неустойчивости.

Принимая во внимание идеи М. Фуко, можно говорить о том, что концепт «знания» является не просто исторически обусловленной динамичной системой упорядочивания вещей, соотносимой со словами. Знание еще и неразрывно связано с концептом «власть», становясь ее целью и средством, обеспечивая усиление и поддержание этой власти, определяя восприятие мира[2]. В таком случае профессиональные сообщества выполняют уже не только функции производства, накопления и распространения знаний, но и становятся участниками формирования мировоззренческих принципов восприятия политики, установки политического курса, будь то через научную, экспертную или образовательную деятельность.

В подобных условиях рефлексия состояния политической науки становится необходимым условием развития ее объяснительного, аналитического и эвристического потенциала. Для отечественных ученых данная проблема является предметом изучения на протяжении уже многих десятилетий. Эти усилия нашли выражение в том числе и в создании Советской ассоциации политической науки (САПН) в 1955 г. Новым импульсом для таких исследований послужило конституирование политологии как самостоятельной научной дисциплины в 1989 г.[3] В современной России сформировавшееся сообщество политологов — это в большей степени результат масштабной работы Российской ассоциации политической

---

[1] *Гаман-Голутвина О. В.* Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / РАПН // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 15

[2] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994. — 408 с.

[3] 25 января 1989 г. был издан Приказ ВАК при Совете министров СССР, предписавший принять новую номенклатуру научных специальностей, включающую политологию как самостоятельную дисциплину.

науки (исторической преемницы САПН)[1]. На протяжении многих лет РАПН формирует тренды в отечественной политической науке, задает формат взаимодействия политологов в России, поддерживает устойчивость их коммуникаций и консолидирует сообщество, являясь ярким примером настоящей профессиональной ассоциации как базовой структуры гражданского общества.

Подобная роль РАПН ко многому ее обязывает. В частности, важной задачей становится поиск возможностей для развития и успешного функционирования профессионального сообщества. В целом можно говорить, что Ассоциация с этой миссией успешно справляется. В 2015 г. вышла фундаментальная серия книг под общей редакцией Президента РАПН, доктора политических наук, члена-корреспондента РАН О. В. Гаман-Голутвиной «Российская политическая наука: истоки и перспективы»[2]. Публикация данных трудов стала продолжением систематических усилий РАПН по изучению наследия отечественной общественно-политической мысли. Так, в 2008 г. была издана серия книг «Российская политическая наука» (пятитомное издание под общей редакцией д.полит.н., профессора А. И. Соловьева)[3] и «Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990—2007)»[4]. В 2010 г. усилиями Ассоциации была опубликована Библиотека отечественной общественно-политической мысли в 117 томах, а в 2012 г.— серия монографий в формате *Библиотеки РАПН*. Эти события значительно повлияли на развитие политической науки в современной России, обозначили новый этап осмысления ее роли в системе научного знания, задали векторы продвижения политологии на годы вперед.

Указанные темы, наряду с вопросами о профессиональной идентичности политологов и восприятии их внешней средой, неизменно интересуют отечественных исследователей, среди которых можно выделить таких видных ученых, как О. В. Гаман-Голутвину, И. С. Семененко, А. И. Соловьева, Л. В. Сморгунова, Ю. С. Пивоварова, М. В. Ильина,

---

[1] Российская ассоциация политической науки.— Режим доступа: https://rapn.ru/ (дата обращения: 15.08.2020).

[2] В серию вошли такие книги, как: Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015.— 464 с.; История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой. М.: Аспект-Пресс, 2015.— 360 с.; История российской политической науки / под ред. Ю. С. Пивоварова, А. И. Соловьева. М.: Аспект-Пресс, 2015.— 471 с.; Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект-Пресс, 2015.— 375 с.

[3] Российская политическая наука: в 5 т. / Под общей редакцией А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008

[4] Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990—2007) / Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РАПН: РОССПЭН, 2008.— 463 с.

О. Ю. Малинову, Я. А. Пляйса, С. В. Патрушева и др.[1]. В рамках изучения фундаментальных проблем политической науки актуальными становятся также вопросы подготовки новых поколений политологов, выявления возможностей и ограничений для их профессионального роста.

Безусловно, в организационном плане РАПН многое делает для становления и развития молодежного политологического сообщества. Так, с 2013 г. Ассоциация является Центром ответственности при Министерстве науки и высшего образования РФ по выработке предложений по определению объемов контрольных цифр приема в вузы по политологии и смежным специальностям[2]. Руководство РАПН в тесной координации с Министерством науки и высшего образования РФ добилось существенного увеличения бюджетных мест по политологии и смежным специальностям[3], что напрямую сказывается на масштабе подготовки дипломированных специалистов-политологов.

Существенное влияние оказывают эксперты РАПН совместно с коллегами на содержательное наполнение учебных программ по политологии. В частности, с 2015 г. Президент Ассоциации О. В. Гаман-Голутвина возглавляет Федеральное учебно-методическое объединение (ФУМО) по Укрупненной группе специальностей и направлений (УГСН) подготовки 41.00.00. «Политические науки и регионоведение», в состав которой входят политология, международные отношения, зарубежное регионоведение, публичная политика, регионоведение России[4]. Членами ФУМО был разработан новый образовательный стандарт ФГОС 3++, на основании которого осуществляется в федеральном масштабе профессиональная подготовка по упомянутым ранее специальностям высшего образования. Еще более масштабные усилия были предприняты специалистами ФУМО «Политические науки и регионоведение» в плане разработки Примерных

---

[1] Отдельно выделим следующие работы: Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2016; Сообщество политологов: ракурсы профессиональной идентичности / О. В. Гаман-Голутвина, И. С. Семененко, И. В. Самаркина, Е. В. Морозова // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 825—871; Российская политическая наука: в 5 т. / Под общей редакцией А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008; Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990—2007) / Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РАПН: РОССПЭН, 2008.— 463 с.

[2] РАПН стал Центром ответственности по выработке предложений по определению контрольных цифр приема в вузы по направлению 41.00.00 — Политические науки и регионоведение // РАПН.— Режим доступа: https://www.rapn.ru/?grup=41&doc=4447 (дата обращения: 15.08.2020).

[3] *Гаман-Голутвина О. В.* Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / РАПН // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 8—28

[4] До недавнего времени в орбиту данного ФУМО входила также специальность «Востоковедение и африканистика», выделенная в 2018 г. в отдельную УГСН.

основных образовательных программ (ПООП), экспертизы и рецензирования учебных материалов для подготовки политологов, а также многое другое[1].

Нельзя не отметить и поддержку со стороны РАПН исследовательской деятельности в молодежной среде. Так, во многом благодаря усилиям руководства Ассоциации стали возможны грантовые программы для молодых политологов[2], которые позволяют им сосредоточиться на профессиональной научной деятельности, сформировать профильные компетенции, что в конечном итоге способствует становлению нового поколения профессионального сообщества.

Развитие молодежного крыла организации в целом является значимым направлением деятельности РАПН. Руководство Ассоциации поддерживает инициативы, способствующие вовлечению начинающих политологов в научную деятельность, формирование их коммуникативных, управленческих и организаторских навыков. Политологические организации выступают важным элементом научного сообщества, обеспечивающим развитие сетевых ресурсов его членов. Для начинающих исследователей они могут представлять еще большую важность, поскольку позволяют формировать не только сетевые контакты с ровесниками, но и содействовать их адаптации и интеграции в уже сформировавшееся профессиональное сообщество.

История работы молодежных политологических структур, которая насчитывает уже не один десяток лет, подтверждает этот тезис. Еще в советское время существовала молодежная секция при САПН, членами которой могли стать аспиранты. В 1990-е гг. также предпринимались попытки создания молодежных секций и групп, однако только 21 октября 2006 г. на IV конгрессе РАПН усилиями ее руководства было создано Молодежное отделение Российской ассоциации политической науки, которое открылось для всех «студентов, аспирантов и молодых ученых, обучающихся по специальности политология и смежным наукам»[3].

В 2015 г. в молодежном крыле РАПН произошли структурные изменения: во исполнение новой редакции Устава Ассоциации изменено поло-

---

[1] Федеральное учебно-методическое объединение укрупненной группы специальностей и направлений подготовки 41.00.00. «Политические науки и регионоведение» // МГИМО-Университет.— Режим доступа: https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/fumo/ (дата обращения: 15.08.2020).

[2] Например, представители РАПН принимают активное участие в экспертизе и отборе заявок молодых ученых Совета по грантам Президента РФ; конкурса РФФИ и ЭИСИ по поддержке лучших научных проектов фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, реализуемых молодыми учеными, а также проектов, выполняемых талантливой молодежью под руководством ведущего ученого — наставника.

[3] Положение о Совете молодых политологов РАПН // РАПН.— Режим доступа: https://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=11&d=1845&n=35&p=0&to= (дата обращения: 15.08.2020).

жение и название — Совет молодых политологов (СМП) РАПН[1]. Перемены были направлены на сближение молодежи со «взрослой» структурой, интеграцию нового поколения в исследовательскую деятельность, получение опыта самоорганизации и управления общественными структурами. Так, например, раз в три года СМП проводит Форум, последний по времени из которых состоялся в декабре 2018 г. и стал самым массовым в истории организации[2]. Программы ежегодных конференций РАПН всегда включают инициированные Советом мероприятия. Особое значение для Совета молодых политологов РАПН, как и для их старших коллег, имеет развитие региональной сети молодых исследователей. Развиваются и другие направления деятельности: информационное (сайт, социальные сети и др.), исследовательское (в виде исследовательских групп), публикационное[3] и др.

В последние годы зарождаются и новые структуры молодых политологов. Например, в рамках Российского общества политологов создана молодежная политологическая структура без официального членства, но с признаками иерархической соподчиненности, — МолРОП[4]. В данном контексте можно упомянуть также ряд молодежных политологических *проектов*, которые приобретают черты институтов благодаря выработке своих норм, правил и практик поведения. Это, например, образовательный проект «Гражданин Политолог», дискуссионный клуб «Реальная политика» и другие университетские проекты — в столице и регионах.

В целом сегодня можно констатировать, что молодежные политологические объединения в России вошли в научную жизнь страны: существуют институционализированные структуры (в том числе с фиксированным членством), которые инициируют проведение конференций, «круглых столов», конкурсов, развивают исследовательские группы; их участники пробуют свои силы в публичных выступлениях и написании первых научных работ. При этом необходимо помнить, что указанные выше структуры не являются юридическими лицами и действуют в рамках существующих «взрослых» организаций.

---

[1] Положение о Совете молодых политологов РАПН // РАПН. — Режим доступа: https:// www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=11&d=1845&n=35&p=0&to= (дата обращения: 15.08.2020).

[2] *Помигуев И. А.* Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики (V Форум молодых политологов, г. Москва, 8 декабря 2018 г.) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 268—274.

[3] Например, Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики. Материалы V Всероссийского Форума молодых политологов, Москва, 8 декабря 2018 г. / Под общей ред. И. А. Помигуева, Р. В. Савенкова. М.: Аспект Пресс, 2018. — 296 с.

[4] По мнению отдельных исследователей, РОП — это организация, где «институционально оформилась «почвенническая» часть политологического сообщества», «преимущественно состоящая из преподавателей российских вузов». См. подробнее: *Карягин М. Е., Сунгуров А. Ю.* Современное российское политологическое сообщество — первые шаги к анализу // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 8—20.

Однако молодым политологам достаточно сложно ассоциировать себя с профессиональным сообществом вследствие ограниченности опыта, отсутствия ученой степени, неопределенности профессиональных целей, ограниченной мобильности и т.д. Образовательные организации, особенно региональные, часто лимитированы в возможностях обеспечить формирование широких научных сетевых коммуникаций в отечественном и международном научном сообществе для получения новых знаний о политической реальности. Значение сетевых контактов для молодых людей сложно переоценить: они позволяют оставаться в сообществе и после окончания обучения, служат стимулом для профессионального роста.

В связи с вышесказанным возникает важный исследовательский вопрос, побудивший инициировать данный проект: *что представляют собой научные сети молодых политологов и какова роль молодежных политологических структур в процессе их формирования*?

Ответ на поставленный вопрос требует всестороннего рассмотрения, причем изучения не столько субъектов образовательного процесса, сколько особенностей выстраивания взаимоотношений между молодыми политологами в процессе получения образования и обретения профессиональных знаний.

Таким образом, объектом исследования в рамках представленного проекта стало сообщество молодых политологов, а предметом — молодежные политологические структуры как субъект формирования исследовательской сетевой коммуникации в сообществе.

Всесторонний подход к изучению сообщества молодых политологов также предусматривал решение следующих важных задач:

- разработка и конкретизация теоретико-методологической рамки исследования сообщества молодых политологов;
- выявление особенностей внешней среды, влияющей на формирование сетевых отношений молодых политологов;
- оценка сетевых ресурсов сообщества молодых политологов в России;
- разностороннее рассмотрение концепта «знания о политике», в идеале являющегося основным ресурсом и целью сетевого взаимодействия молодых политологов как участников эпистемического сообщества;
- определение особенностей сетевых коммуникаций молодых политологов в России;
- выявление «брокерских» функций молодежных политологических структур в процессе выстраивания сетевых взаимоотношений молодых политологов;
- анализ активности молодых политологов в цифровом пространстве;
- оценка состояния политологического образования в России;

– анализ практик и механизмов работы основных субъектов политологического образования с молодыми политологами, в том числе в процессе их адаптации и интеграции в профессиональное научное сообщество.

Данные вопросы освещены в отдельных главах книги и рассмотрены с применением различных исследовательских методов, адекватных каждой конкретной задаче. Однако общая теоретико-методологическая рамка сетевого подхода последовательно выдержана в каждом из разделов.

Данное исследование можно рассматривать также как своеобразную апробацию имеющихся в политической науке концептуальных оснований изучения сетей, идентифицируемых в представленной работе как политологические. Исследовательский проект позволил выявить адекватные методологические основания и методические подходы для изучения коммуникаций молодых политологов как представителей эпистемического сообщества.

Полученная в ходе исследования эмпирическая информация потенциально может быть востребована современными политиками, управленцами, представителями научного и экспертного сообщества, которые заинтересованы в понимании особенностей коммуникации молодых людей, активно вовлеченных в исследовательскую и образовательную деятельность по профилю политической науки. Изучение молодежных политологических структур и сетей позволяет оценить потенциал профессиональной подготовки молодых политологов и особенности их целевой ориентации, а также выявить возможности управления и наблюдения за сетевыми процессами в молодежной политологической среде. Предложенная теоретико-методологическая рамка показала потенциал ее применения для систематического мониторинга состояния политологического сообщества и его представителей различных возрастов.

Основные результаты проекта отражены в серии научных публикаций[1], в том числе в сборнике материалов по итогам серии региональных круглых столов[2]. Завершающей частью исследования является данная книга.

---

[1] Подробнее на интернет-странице проекта: Молодежные политологические организации как субъект формирования научных сетей // СМП РАПН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://morapn.ru/project/proekt-molodezhny-e-politologicheskie-organizatsii-kak-subekt-formirovaniya-nauchny-h-setej/ (дата обращения: 15.07.2020).

[2] Знания о политике: как получить и где применить? (27 сентября — 12 октября 2019 г.): Сборник материалов по итогам цикла региональных круглых столов / Под общ. ред. И.А. Помигуева, П.С. Копыловой. М.: Аспект Пресс, 2020. — 480 с.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

1.1. Сообщество молодых политологов: концептуализация понятия

Политология — относительно молодая для России наука. 25 января 1989 г. был издан Приказ ВАК при Совете министров СССР, предписывавший принять новую номенклатуру научных специальностей, это способствовало созданию конце 80-х годов XX в. кафедр политологии, в большинстве своем пришедших на смену кафедрам научного коммунизма. Соответственно, процесс становления российской политической науки начался не так давно, однако за это время в России возникло большое количество научных школ и направлений, получивших в том числе и международное признание[1], разработан богатый методологический и методический инструментарий изучения политических явлений и процессов[2], чему во многом способствовала работа профессиональной организации – РАПН, продолжившей дело своей предшественницы – Советской ассоциации политической науки[3].

Однако дальнейшие научные успехи политологии в России в немалой степени зависят от тех молодых людей, которые только начинают свой профессиональный путь и в будущем продолжат формировать «лицо» политической науки. Сложности заключаются в том, что молодежи достаточно сложно определить свое место в профессии, сделать первые шаги. Причиной тому могут служить неопределенность карьерных траекторий,

[1] История российской политической науки / Под ред. Ю. С. Пивоварова, А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2015. — 470 с.; Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. — 376 с.

[2] Российская политическая наука. Идеи, концепции, методы / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. — 376 с.

[3] История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. — 360 с.

отсутствие мотивации и опыта научной деятельности, небольшой круг знакомых среди коллег, финансовые трудности, институциональные барьеры и т.д. Само наличие слова «политолог» в дипломе о высшем образовании вряд ли дает ясность по поводу будущих перспектив работы в политической или околополитической сфере.

Объектом изучения в этой работе для нас являются молодые политологи как потенциальные представители «взрослого» профессионального научного сообщества. В этой связи три понятия — «молодые», «молодые политологи» и «сообщество молодых политологов» — необходимо рассмотреть отдельно.

Понятие «молодой»

Если обратиться к словарям, то чаще всего можно найти определение «молодого» как того, «кто находится в возрасте от отрочества до зрелых лет» или «кто недавно возник, появился или стал функционировать как кто-либо»[1]. В первом случае зрелость может определяться возрастом, и тогда мы говорим, например, что зрелый ученый — это кандидат наук от 35 или доктор от 40 лет[2]. Во втором случае возраст уже не имеет большого значения. Например, один из участников круглых столов «Знания о политике: как получить и где применить?»[3], Н. Гурский, в возрасте 62 года обучается на философском факультете Томского госуниверситета. «Молодой философ» так определил «молодого политолога»: «...это тот, кто готов быть внушаемым со стороны старших политологов. В смысле идей, образования и т.д.». Таким образом, не возраст, а готовность усваивать информацию может говорить о молодости, и не важно, какого возраста человек. Другое дело, что не все его могут признавать молодым, поэтому большое значение имеет окружение, сообщество, в котором человек находится. На том же круглом столе в Томске студенты-бакалавры отмечали,

---

[1] Толковый словарь Ефремовой. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova/молодой (дата обращения: 15.07.2020).

[2] Понятие «молодой ученый» нормативно закреплено. Это работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет, [...] либо являющийся аспирантом, исследователем или преподавателем образовательной организации высшего образования без ученой степени в возрасте до 30 лет. *Источник:* Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/259d15e3e1e1cdf34051651764c142ec83e16404/ (дата обращения: 11.11.2019.).

[3] Знания о политике: как получить и где применить? (27 сентября — 12 октября 2019 г.): Сб. материалов по итогам цикла региональных круглых столов / Под общ. ред. И. А. Помигуева, П. С. Копыловой. М.: Аспект Пресс, 2020. — 480 с.

что аспиранты и молодые кандидаты наук уже считаются для них старшими коллегами.

Если говорить про научную сферу, то здесь тоже есть свои «странности». Так, социолог В. Вахштайн точно подметил: «В науке разница в возрасте работает странно: отцы и деды иногда становятся братьями своим сыновьям и внукам. Дистанция исчезает вскоре после окончания учебы»[1].

Тогда возникает вопрос: когда приходит тот момент зрелости? Этому в немалой степени способствует признание заслуг со стороны сообщества. В науке это чаще всего момент, когда совершается своеобразная процедура «посвящения» — защита кандидатской диссертации, где маститые ученые признают заслуги начинающего исследователя. При этом политологом можно считать себя и без такой диссертации. Наличие дипломов о высшем образовании, для получения которых нужно защитить дипломную работу и сдать экзамены, уже является веским основанием называть себя политологом и стремиться к признанию в сообществе.

Таким образом, «молодые» в политологии — это характеристика готовности к обучению старшими коллегами, восприятия человеком авторитетов для формирования знаний и навыков, необходимых в дальнейшем для признания представителями профессионального сообщества статуса равных.

Понятие «молодой политолог»

С понятием «политологи» также нет ясности: это широкая группа людей, деятельность которых строится вокруг политической сферы. С одной стороны, это могут быть и политтехнологи, и аналитики, и люди, задействованные в разных качествах в политических кампаниях, с другой — только ученые, исследователи, преподаватели политологических дисциплин. Главное условие — это подтверждение своей квалификации и определенной специализации, а также признание другими. В данной работе под политологами мы будем подразумевать преподавателей, ученых и исследователей политической сферы, составляющих академическое сообщество, основной сферой деятельности которых является получение систематических знаний о сфере политического. Мы намеренно сужаем карьерные цели молодых политологов, чтобы более ясно представлять все трудности и возможности достижения высот не в политике, а в сфере ее изучения. Однако для того, чтобы определить особенности построения карьеры в этом направлении, мы будем рассматривать пример и других, «неполитологических» политологов, которые работают или учатся в близких сферах.

[1] Виктор Вахштайн // ВКонтакте. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/id1452598?w=wall1452598_5744%2Fall (дата обращения: 15.07.2020).

Молодые политологи — это особая социальная группа, которая в силу возраста и специфики получаемых знаний имеет высокий потенциал непосредственного участия в политических процессах. Их роль в политической жизни может быть различной — от ученого до публичного политика, от аналитика до лоббиста, — при этом четко определить социальные позиции политологов, особенно молодых, а также идентифицировать по профессиональному признаку достаточно сложно, особенно если разделять научную и практическую деятельность представителей этой профессии[1].

В свою очередь, каждого из них отличает стремление к получению профессиональных компетенций, чаще всего определяемых как совокупность знаний, навыков, умений, необходимых для профессиональной деятельности. Карты компетенций являются необходимым элементом при разработке программ высшего образования, в том числе и по политологии. Федеральные учебно-методические объединения (ФУМО), включающие в свой состав выдающихся представителей профессионального сообщества, разрабатывают федеральные государственные образовательные стандарты. Фактически мы можем говорить об успешной институционализации направления подготовки «Политология», соответствии ее требованиям профессионального сообщества. К тому же, если рассматривать пример профильного ФУМО (председатель – д. полит. н., член-корр. РАН, Президент РАПН О.В. Гаман-Голутвина), то деятельность его распространяется на укрупненную группу смежных специальностей: «Политические науки и регионоведение» (политология, международные отношения, зарубежное регионоведение, публичная политика, регионоведение России)[2]. Что касается этой группы специальностей, то можно предположить, что «международники» и «регионоведы» тоже могут считаться политологами как представляющими одно из направлений политологии. Ко всему прочему, предмет политологии, определенный в 1948 г. на коллоквиуме политологов под эгидой ЮНЕСКО, включает в себя и международные отношения, что позволяет считать такое направление политологическим по своей сути. Это важные замечания, которые нужно учитывать при определении понятия «политолог».

[1] Например, в статье В. М. Барсегяна показано, что молодые политологи, занимаясь наукой, оказываются более политически активными, чем их сверстники — «не-политологи»: *Барсегян В. М.* Политическая и научная активность молодых политологов: игра с нулевой суммой? // Политическая наука. 2018. № 4. С. 258–270.

[2] Федеральное учебно-методическое объединение укрупненной группы специальностей и направлений подготовки 41.00.00. «Политические науки и регионоведение» // МГИМО-Университет. — URL: https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/fumo/ (дата обращения: 15.08.2020).

Таким образом, в данном исследовании предлагается понимать под *молодыми политологами людей, которые получают признаваемый политологическим сообществом набор профессиональных компетенций, необходимых для получения новых знаний о сфере политического.* Такое определение отражает основную составляющую профессии политолога, связанную с политической наукой, существенно сужает круг молодых политологов ступенями высшего образования, признанием научным сообществом получаемых ими знаний, умений и навыков, заслуг в процессе становления их дипломированными специалистами или получения ученого звания.

Предполагается, что в таком случае главная цель указанной социальной группы — получение объективных знаний о сфере политического научными методами познания, результаты этой деятельности должны признаваться профессиональным сообществом, например, при прохождении рецензирования и принятия работ в научные издания, защите выпускных квалификационных работ, диссертаций. Важно подчеркнуть, что возраст в данном случае не имеет решающего значения, но тоже должен учитываться. Например, это необходимо в количественных подсчетах по итогам опроса молодых политологов.

Понятие «сообщество молодых политологов»

Определение понятия «сообщество» имеет ряд особенностей. Например, К. Кэлхун предложил сразу несколько формулировок: группы, образованные по общности характеристик (социальных, юридических и др.); малые группы, сформированные на межличностных отношениях по сетевому признаку; люди, включенные в общий дискурс изучения социальных институтов[1].

Все эти характеристики можно учитывать при изучении сообщества политологов, поскольку одновременно можно наблюдать процессы институционализации науки и профессии политолога, формирование малых групп по горизонтальному принципу, а также общую направленность на получение знаний о природе политического. Звучат также точки зрения, что ближе всего к «идеальному типу сообщества» приближаются социальные группы, основанные на идентичностях, чувстве принадлежности, общности интересов, которые складываются в процессе социализации индивидов[2].

---

[1] *Calhoun C.* Nationalism, Political Community and the Representation of Society Or, Why Feeling at Home is not a Substitute for Public Space // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. № 2. P. 220.

[2] Сообщества как политический феномен / Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 118.

В то же время важнейшим качеством сообщества политологов является направленность ее членов на получение, производство и распространение знаний о политике, что выделяет эту группу среди представителей других направлений исследования. В таком случае можно говорить о существовании эпистемических сообществ, современную трактовку которых предложил П. М. Хаас.

Отметим, что вопрос определения понятия «эпистемические сообщества» крайне важен в данном исследовании, поскольку именно оно может подчеркнуть связь политологического сообщества с политикой (*policy*). По мнению М. Майера, «эпистемические сообщества» позволяют объединить для анализа три важных параметра — знания, коллективную организацию и политику (*policy*)[1].

В российской литературе можно встретить разные варианты перевода определения. Например, С. В. Акопов предлагает понимать под эпистемическими сообществами «сеть признанных в какой-либо области экспертов, совместно вырабатывающих критерии истинности знания и активно влияющих на процесс принятия политических решений в сфере своей компетенции»[2], однако представляется, что в данном случае достаточно вольно трактуется возможность влиять на политику. Другой вариант перевода предложен О. В. Михайловой: «сети, объединяющие профессионалов, претендующих на приоритетность своих экспертных знаний в конкретной проблемной области»[3]. Однако и здесь видна проблема соотнесения знаний с политикой (*policy*).

Наиболее близким по смыслу переводом можно считать следующий: «эпистемическое сообщество — сеть профессионалов с признанными компетенциями в определенной области знаний, совместно вырабатывающих критерии их истинности и способные соотносить эти узкоспециализированные знания с практической реализацией политического курса (*policy*)»[4].

---

[1] *Meyer M.* Epistemic Communities and Collaborative Research // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. Vol. 7. P. 862–866. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.41024-X.

[2] *Акопов С. В.* Эпистемические сообщества: Производство политических нарративов в эпоху глобализации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Akopov_RAPN.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

[3] *Михайлова О. В.* Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 169. DOI: https://doi.org/10.17223/1998863X/46/19.

[4] Цит. по: *Haas P. M.* Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. No. 46 (1). P. 3. (Перевод авторский — И. П.). Оригинальный вариант: «An epistemic community is a network of professionals with recognized expertise

По факту членов эпистемического сообщества можно назвать *policy experts*, глубоко разбирающихся в определенной предметной области политики, будь то здравоохранение, экологическая безопасность или выборы[1]. Эпистемические сообщества существуют вне политических контекстов, но могут быть и публичны, встраиваясь в сети политики (*policy networks*), либо в проблемные сети (*issue networks*) для решения конкретных проблем, затрагивающих их сферу компетенции. П. Хаас отмечает, что подобные сообщества могут включать в себя профессионалов из разных сфер, дисциплин и даже стран, но им присущи несколько характерных черт:

1. Общие нормативные и принципиальные убеждения, которые обосновывают социальные действия ее членов.
2. Общие мнения относительно причинно-следственных связей между возможными политическими действиями и желаемыми результатами.
3. Общие представления о действительности критериев проверки их специальных знаний (методологический и методический аппарат).
4. Набор общих практик компетентного решения проблем в политике, направленных на улучшение жизни людей.

Эпистемические сообщества в такой трактовке близки к пониманию научных сообществ Т. Куна, который отмечал наличие научных парадигм, а также определил то, что считается нормальной наукой, — это исследование, которое прочно опирается на одно или несколько прошлых достижений, которые в течение определенного времени признаются научным сообществом как основа для дальнейшей практической деятельности[2]. Большое внимание в этой сфере уделяется преемственности поколений, передаче опыта и знаний от старших коллег, формированию сообщества. Именно поэтому в рамках данного исследования научные и эпистемические сообщества мы будем рассматривать как синонимы, но с небольшими уточнениями. В частности, Е. Адлер и П. Хаас признавали, что эпистемическими могут выступать не только научные сообщества, но и другие, например дипломатические[3].

Концепция существования эпистемических сообществ подвергается определенной критике, в частности:

---

and competence in a particular domain and an authoritative claim to policy-relevant knowledge within that domain or issue-area».

[1] *Meyer M. & Molyneux-Hodgson S.* Introduction: The Dynamics of Epistemic Communities // Sociological Research Online. 2010. Vol. 15(2). P. 109–115. DOI: https://doi.org/10.5153/sro.2154.

[2] *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. — 310 с.

[3] *Adler E., Haas P. M.* Conclusion: epistemic communities, world order, and the creation of a reflective research program // International Organization. 1992. No. 46 (1). P. 367–390.

– наличие какого-либо общего знания, поскольку в этой сфере часто подвергаются сомнению выводы, которые считают истинными;
– высокие ожидания того, что лица, принимающие решения, будут прислушиваться к представителям сообщества;
– избыточное внимание научным знаниям как главному ресурсу сети;
– недостаточное внимание формированию и институционализации эпистемических сообществ, особенно целям их создания и структурным компонентам сети экспертов[1].

Последний пункт особенно важен в рамках данного исследования, поскольку для российского политологического сообщества предметом постоянной саморефлексии являются вопросы его институционализации[2], определения профессионального портрета российских политологов[3], а также профессиональной идентичности, восприятия их внешней средой — обществом и государством.

Еще в 2003 г. состоялась конференция профессиональных ассоциаций в области общественных наук, где поднимались вопросы самоорганизации «взрослых» профессиональных сообществ, перспективы их развития и влияния на научно-преподавательскую деятельность[4]. Интересно, что политологами считаются не только люди с профильным образованием, занимающиеся исследовательской, аналитической, преподавательской деятельностью, связанной с политической наукой[5]. Ими могут быть аналитики, политтехнологи, идеологи, лоббисты, партийные деятели и другие специалисты без «корочки» политолога. Более того, политическими учеными могут также быть кандидаты социологических, фило-

[1] *Meyer M.* Epistemic Communities and Collaborative Research // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. Vol. 7. P. 862–866. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.41024-X.

[2] В частности, институционализации политологического сообщества посвящен тематический номер научного журнала «Политическая наука»: *Мелешкина Е. Ю., Авдонин В. С.* Представляем номер // Политическая наука. 2020. № 1. С. 9–12.

[3] *Пляйс Я. А.* Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009. — 448 с.; Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. — 463 с.; *Малинова О. Ю.* Кто формирует общественное «лицо» профессии: сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ // Политическая наука. 2015. № 3. С. 225–237.

[4] Профессиональные ассоциации в России и оптимизация условий научной и преподавательской деятельности: Материалы конференции (Центр развития политической науки и конституционного права). М.: ИНИОН РАН, 2003. — 246 с.

[5] *Малинова О. Ю.* Об опыте взаимодействия профессионального сообщества политологов с властью и гражданскими организациями // Публичная политика / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2006. С. 42–54.

софских, исторических и других наук. Важным условием в таком случае является признание политологическим академическим сообществом профессиональных заслуг.

Как мы отметили выше, важнейшей целью научных (эпистемических) сообществ является производство новых смыслов, социально значимых форм[1]. В таком случае для молодых людей открываются новые возможности: они чаще всего не ограничены жесткими рамками прошлого научного бэкграунда, могут выступить движущей силой изменений в умах людей и бросить вызов устоявшимся научным теориям и практикам.

При этом связь молодых политологов со «взрослым» научным сообществом может быть затруднена в силу возраста, неопытности, отсутствия формальных признаков, например ученой степени, неопределенности профессиональных целей, низкой мобильности и т.д. Их не воспринимают всерьез старшие коллеги, потому что те еще не доказали свою состоятельность как исследователи.

Как правило, для определения границ профессионального сообщества и критериев принадлежности к нему выделяют образование, ученые степени и характер деятельности[2]. Но к молодежным сообществам это не совсем применимо. Диплом о высшем образовании молодые политологи могут еще не получить, как и ученую степень, которая является показателем профессиональной зрелости, а основной характер деятельности — это обучение в вузах, т.е. принадлежность к более широкой социальной группе — студентам. Таким образом, ни один из представленных критериев в полной мере не отражает вопросы идентификации молодых людей с политологическим сообществом. Однако объединяющим фактором может послужить именно стремление к получению систематических знаний о политике.

Появляется потребность в комплексном исследовании нового поколения политологов, причем изучении не столько институтов образовательного процесса, сколько процесса выстраивания их коммуникаций в ходе обучения и обретения ими профессиональных знаний. Такое сообщество можно изучать разными способами, но наиболее перспективным является сетевой анализ, который фокусируется именно на коммуникациях участников сети молодежного политологического сообщества. Сообщество — это и есть сеть, где взаимодействия имеют конкретную цель, ограничены определенными рамками, правилами поведения, в нем есть свои ресурсы, капитал, определенные условия окружающей среды и т.д.

---

[1] *Малинова О. Ю.* Указ. соч. С. 190.

[2] Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. С. 441.

1.2. Особенности сетевого подхода

Общая характеристика

Перспективным направлением изучения сообществ является использование методологии сетевого подхода, в настоящее время получившего большую популярность в социальных науках[1]. Междисциплинарная методология сетевого анализа является одним из наиболее удачных подходов для рассмотрения отношений и взаимодействий социальных групп, в том числе молодежи[2]. Уже к 20-м годам XX в. социологи (Г. Зиммель, Дж. Морено, Э. Дюркгейм и др.), психологи (С. Милграм, Ф. Хейдер, Т. Ньюкомб и др.), антропологи (А. Р. Рэдклифф-Браун, Дж. К. Митчелл и др.)[3] отмечали особую роль сетевых форм взаимодействия. С развитием компьютерных технологий (с 1970-х годов), информатики, математики (теория графов) статистические физики также проявляли интерес к исследованию больших сетей.

Стоит отметить, что сетевой подход использовался еще в СССР в науковедческих работах, посвященных роли научных сетей в организации фундаментальных исследований. В 1987 г. вышла монография Г. Г. Дюментона[4], где рассматривались вопросы определения личных и общих научных целей, эффективности организации и управления научным коллективом, закономерности развития личных сетей и научных результатов, выявлялись типы научных связей и механизмы признания научных достижений.

Переход в историческую фазу «информационного общества», о котором писали еще Э. Тоффлер[5] и М. Кастельс[6], показал важность изучения

---

[1] *Помигуев И. А.* Особенности сетевого подхода к изучению сообщества молодых политологов // Власть. 2019. № 4. С. 94–100. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6592.

[2] *Stokman F. N., Doreian P.* Evolution of Social Networks: Processes and Principles // Evolution of Social Networks / Ed. by P. Doreian, F. N. Stokman. L.: Routledge, 1997. Vol. 1. P. 233–250; *Borgatti S. P., Foster P. C.* The network paradigm in organizational research: A review and typology // Journal of Management. 2003. No. 29. P. 991–1013; *Lin N.* Social networks and status attainment // Annual Review of Sociology. 1999. No. 25. P. 467–487; *Scott J.* Social network analysis: a handbook: 2nd edition. L.: SAGE Publications Ltd., 2013. — 224 p.; *Кучукян А. В.* Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 24–26; *Гапич А. Э., Плисюк А. Г.* Теоретико-методологические подходы к изучению структуры молодежных интернет-сообществ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 36–40.

[3] *Сушко В. А.* История и методология сетевого подхода // Социология. 2015. № 1. С. 46–58.

[4] *Дюментон Г. Г.* Сети научных коммуникаций и организация фундаментальных исследований / Отв. ред. В. А. Ядов; АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1987. — 103 с.

[5] *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. — 261 с.

[6] *Castels M.* The Information Age: Economy, Society and Culture: L.: Wiley-Blackwell, 2010. Vol. I. The Rise of the Network Society. — 656 p.

не только акторов, но и особенностей коммуникации, структуры связи между элементами социальной системы.

Особо стоит выделить экономическую науку, где методологию сетевого анализа активно используют, особенно в теории игр. Отметим вклад сотрудников лаборатории сетевых форм организации НИУ ВШЭ, которые подробно систематизировали методологические положения сетевого подхода для анализа организаций и социальных групп[1].

Теоретико-методологические особенности анализа политических сетей подробно описали Л. В. Сморгунов и А. С. Шерстобитов[2]. Сети в политике и управлении также изучаются Ф. Т. Алескеровым, А. И. Соловьевым, О. В. Михайловой, И. В. Мирошниченко, А. П. Кочетковым и др., за рубежом — Д. Ноком, Д. Маршем, Дж. Куклински, К. Прованом, П. Кенисем, Х. Компстоном и др. Отдельным направлением исследований уже можно назвать изучение политических аспектов функционирования сетевых сообществ в социальных медиа[3].

Наработки ученых имеют особую значимость для исследования сообщества молодых политологов: с одной стороны, это будущие специалисты, имеющие специальные знания об устройстве политических явлений и процессов и способные обеспечивать экспертное сопровождение процесса принятия политических решений. С другой — такие знания могут быть использованы в политической деятельности, причем без «отрыва от производства» научного продукта в виде исследований[4].

---

[1] Методология исследования сетевых форм организации бизнеса: Колл. моногр. / М. А. Бек, Н. Н. Бек, Е. В. Бузулукова и др.; под науч. ред. М. Ю. Шерешевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 446 с.

[2] *Сморгунов Л. В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103–112; *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. — 320 с.

[3] Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал / Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. — 181 с.; *Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В.* Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. — 173 с.; *Шерстобитов А. С., Брянов К. А.* Технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: Сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 196–202; *Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. [Электронный ресурс]. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06; *Башкарев А. А.* Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи: Дисс. ... канд. полит. наук.: 23.00.02 / Башкарев Андрей Альбертович; Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. СПб., 2009. — 166 с.

[4] *Барсегян В. М.* Политическая и научная активность молодых политологов: игра с нулевой суммой? // Политическая наука. 2018. № 4. С. 258–270.

Таким образом, молодых политологов можно считать не только членами эпистемического сообщества, но и реальным/потенциальным элементом политической сети. По классификации Р. Родса[1], представителя институциональной (организационной) теории, их можно относить к профессиональным сетям, которые по своим характеристикам относительно изолированы от других групп, имеют общую идентичность и интересы. Сети молодых политологов предлагается рассматривать как научные (эпистемические), поскольку основным ресурсом сетевого обмена является объективное знание о политике, получаемое как из научной литературы, учебников, курсов лекций, так и из практической деятельности, в том числе связанной с написанием научных работ.

Основная методологическая проблема состоит в определении содержания и структуры знания о политике в зависимости от целей приобретения этих знаний и практической деятельности акторов, что в итоге может приводить к разнице в структуре, параметрах, ресурсах сетей, механизмах коммуникации и основных целях молодых политологов.

Именно поэтому предлагается сфокусировать внимание на научном знании как основе сети молодежного политологического сообщества, которым в идеале должны овладеть все участники для рационального решения целей и задач, стоящих перед отдельным политологом и сообществом в целом.

Связь понятий «организация/структура» и «сообщество/сеть»

«Власть структуры оказывается сильнее структуры власти» — так описывал появление новой социальной детерминанты, формирующей сети, Мануэль Кастельс, один из ведущих исследователей «общества сетевых структур» (*network society*)[2]. Для него этот термин означает комплекс взаимосвязанных «узлов», не обязательно формально институционализированных.

Я. ван Дейк подчеркивал обратную связь — базовыми ячейками общества являются не сетевые структуры, а коммуницирующие и объединяющиеся в сообщества (*community*) индивиды[3].

Понятия «структура» как институт/организация и «сеть» как сообщество/community имеют кардинальные различия. Они лежат и в разнице

---

[1] *Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham, Philadelphia: Open univ. press, 1997. — 252 p.

[2] *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 494.

[3] *Dijk J.A.G.M. van.* The Network Society. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999. — 272 p.

исследовательских подходов (сетевой или реляционный), и в понимании самих явлений, имеющих разную природу, и особенностях функционирования[1]. В сетях каждый элемент является актором, если производит действие[2]. В структурах положение участников определяется системой «включенности/исключения», их статусами и ролями. Таким образом, структура представляется как институт, имеющий свои правила, нормы, практики поведения.

Возникает вопрос — какова роль структур в формировании сетей и сетей в формировании структур? М. Кастельс считает, что сети размывают структуры за счет децентрализации коммуникаций. Я. ван Дейк склонен думать, что структуры могут управлять сетями за счет контроля над технологиями и социальными сетевыми связями — ресурсами сети.

Связи между узлами сети определяются способностью к коммуникации — передаче информации на основе «кода», которым для политологов выступает профессиональный язык. Чем сложнее «код», тем труднее акторам стать участниками сети и выше порог «отсечения». Признание политолога академическим сообществом — это многоступенчатый процесс практического следования институционализированным правилам и нормам поведения, определенным общепринятым стандартам, языку общения как неотъемлемых свойств эпистемических сообществ.

Сложность вовлечения в профессиональное сообщество новых членов определяется и структурами, и сложностью «кода». Для молодых политологов этот вопрос в силу недостатка опыта и знаний остается вдвойне актуальным. Им необходимо получать новые для себя компетенции, которыми уже располагают старшие коллеги, чтобы быть способными формировать принципиально новые знания. Для этого нужно уже на начальном этапе учиться «сожительству» в одном профессиональном поле, находить контакты и связи, самопозиционироваться в сообществе, искать себя в профессии.

Различия понятий «сообщество/сеть» и «организации/структуры»

Сложности в определении двух понятий сообщество как сеть и организации как структуры можно преодолеть с помощью разделения их по ряду критериев, которые мы будем применять при анализе молодежных политологических объединений и сообщества молодых политологов (табл. 1.1).

---

[1] *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 14–18.

[2] В такой трактовке даже боты в соцсетях могут рассматриваться как акторы.

Таблица 1.1

Различия между понятиями сообщество/сеть и организация/структура

№	Критерий	Сообщество/сеть	Организация/структура
1	Характеристика целого	Сообщество	Часть сообщества
2	Ключевые структурные элементы	Акторы	Члены
3	Отнесение структурных элементов к целому	Принадлежность	Членство
4	Источник идентичности	Профессия	Структура
5	Критерии идентичности (принцип «свой/чужой»)	Действия	Статусы и роли
6	Ориентация отношений между элементами	Горизонтальные	Вертикальные и горизонтальные
7	Характеристика структуры отношений между элементами	Сетевая	Иерархическая и сетевая
8	Преобладающий тип связей между элементами	Неформальные	Формальные
9	Характеристика связей между элементами	Неопределенные и неустойчивые	Определенные и устойчивые
10	Престиж элемента	Количество входящих связей	Статус в организации/структуре
11	Основной процесс	Сетевой обмен	Организация и управление
12	Приоритетный ресурс для обмена	Интеллектуальный капитал	Символический капитал
13	Основа взаимодействия элементов	Знания	Информация
14	Принципы функционирования	Рациональность	Нормы и правила
15	Основная цель структурных элементов	Знания	Признание
16	Общая цель	Обмен и накопление объективных знаний о политике	Формирование и развитие сообщества/сети

В нашем исследовании мы не вкладываем в понятие «организация» правовой смысл и не рассматриваем молодежные политологические структуры с точки зрения наличия у них самостоятельного юридического лица, зарегистрированного государством и осуществляющего свою деятельность на всей территории страны. Именно поэтому понятия «объединение», «структура» и «организация» и их сокращения, в частности, МПО, используются как синонимы для определения так или иначе институционализированных структур, имеющих признаки, описанные в табл. 1.1.

Предложенное ниже разделение понятий «сообщество/сеть» и «организации/структуры», конечно, имеет условный характер, поскольку они связаны друг с другом и описывают одних и тех же людей, но в случае с организациями/структурами их существенно меньше, поскольку не все ассоциируются с ними, чтобы считать себя молодым политологом. Рассмотрим каждый критерий подробнее.

1. Характеристика целого. Сообщество рассматривается как сетевая структура, которая постоянно изменяется, включает в себя все новых акторов и исключает старых, рассматривается при этом как целостная совокупность молодых политологов, вступающих друг с другом во взаимодействие. Организация/структура рассматривается как институционализированный коллективный актор сети, который может включать в себя достаточно большое количество членов, но не все сообщество. Появление новых организаций в сообществе расширяет количество сетевых акторов, вовлеченных в деятельность организаций, могут наблюдаться пересечения, когда одни и те же акторы будут выступать сразу членами нескольких организаций. Однако в любом случае организации не смогут представлять все сообщество в целом.

2. Ключевые элементы. В случае с сообществом ключевым элементом является актор, т.е. тот, кто отличается наличием действий в профессиональной сфере. Формы таких действий могут быть разнообразны, начиная с обучения на политологических специальностях и заканчивая работой в профессиональных организациях. Молодежные политологические организации здесь могут выступать также в роли акторов. Для МПО главным элементом является член организации, который может иметь лишь формальную привязку к ней, выраженную подтвержденным членством, при этом он не будет производить никаких действий в сфере политологии.

3. Отнесение структурных элементов к целому. Этот критерий напрямую связан со следующим. В случае с сообществом профессиональная принадлежность к нему определяет его позиции как части сети. Для организаций связь определяет формальное или неформальное членство и деятельность в рамках организации.

4. Источник идентичности. Важнейший критерий отнесения себя к сообществу и организации, но самый сложный для анализа. Это пер-

вооснова соотнесения себя с сообществом и/или организацией. В нашем случае сама профессия политолога для молодых людей является важнейшим критерием отнесения себя к сообществу. Этот момент будет отдельно проанализирован при типологизации молодых политологов (подробнее см. § 3.2). В организациях первоосновой отнесения себя к ней является членство, формальное или неформальное. В обоих случаях важно наличие фактов — отнесения молодого политолога к сообществу/организации и признание сообществом/организацией его принадлежности/членства.

5. Критерии идентичности. При каких обстоятельствах молодые политологи могут считаться частью сообщества/организации? В сетевых отношениях важна акторность — действие, позволяющее оценивать его в рамках определенных профессиональных стандартов, например обучение, участие в мероприятиях, написание научных статей, аналитики и т.д. В организациях есть конкретные статусы и роли, принимаемые всеми членами, которые и являются достаточным критерием отнесения их к структуре.

6. Ориентация отношений между элементами. Между акторами в сообществе развиваются горизонтальные связи, в которых важнейшим условием являются не социальные позиции, а близость к центру сети, определяемой количеством прямых и потенциальных связей с другими элементами. В организациях возможны горизонтальные отношения между членами, равными по статусу.

7. Характеристика структуры отношений между элементами. В сообществе каждый участник вступает во взаимодействие с другими при учете наличия у них определенных ресурсов и потенциала, что определяет сетевой характер связей. В организациях каждый участник может выполнять еще и свою функциональную роль, занимает определенные позиции, в том числе руководящие, что придает структуре иерархический характер. Стоит сразу отметить, что общественные организации в принципе не могут иметь жесткую иерархическую структуру, поскольку как элемент гражданского общества они создаются для решения общественно значимых проблем, а не борьбы за власть или получения экономической выгоды.

8. Преобладающий тип связей между элементами. Коммуникации в сообществе строятся независимо от статусов и ролей, а неформальные связи присутствуют в обоих случаях. Однако оформление организации в виде структуры и ее институционализация непосредственно связаны с тем, что акторы принимают на себя еще некоторую ответственность за эту структуру, формализуют свое присутствие, выступают от ее лица, пользуются статусом для взаимоотношений с другими структурами, в том числе вузами и государственными органами власти. Соответственно, формальный статус определяет и наличие формальных связей.

9. Характеристика связей между элементами. В сообществе связи крайне подвижны. Постоянные знакомства с коллегами, реализация новых

проектов, расширение дружеских контактов — это то, что с трудом поддается определению. В организациях, хоть и с поправкой на возраст и быстрое «взросление» молодых политологов, позиции членов более устойчивые, формализованные. Чаще всего «костяк» в виде команды сохраняется на некоторое время, а позже крепкие связи таких людей сохраняются уже и во «взрослой» жизни.

10. Престиж элемента. В соответствии с положением сетевого анализа связи в сообществе определяют престиж и репутацию. Чем более качественные знакомства, чем больше контактов у людей, тем более влиятельными они в итоге оказываются. Молодые политологи, занимающие руководящие посты, также стремятся к расширению своего круга контактов для большего влияния в сообществе, однако в этом помогает в том числе занимаемый ими статус, а также ресурсы организации — человеческие и информационные. С ними охотнее взаимодействуют опытные политологи, потому что видят в них бо́льшие перспективы в профессии за счет активной вовлеченности в дела политологов. Таким образом, статус является не единственным, но важным символическим критерием, способствующим повышению престижа конкретных людей.

11. Основной процесс. Этот критерий показывает основу движения ресурсов среди участников. В сообществе из-за ориентации на горизонтальную форму отношений между элементами основным процессом является сетевой обмен имеющимися ресурсами. В организациях этот ресурс распределяется за счет принятия управленческих решений руководством, координацией ее деятельности. Организационная и управленческая работа является жизненно важной для устойчивости организации. Фактически, чтобы создать площадку для коммуникации и обмена знаниями, коей и должна являться такая структура, ее членам приходится прикладывать усилия, которые напрямую не связаны с научной деятельностью, но способствуют ее развитию.

12. Приоритетный ресурс для обмена. В обоих случаях ресурсы повторяются, но, если для сообщества формальные статусные позиции в принципе не являются первоочередными, потому что оно рассматривается в горизонтальной плоскости, в организациях статусы и роли, которые получают ее члены, могут становиться предметом для торга и обмена. Поскольку отсутствуют свои экономические ресурсы в молодежных общественных организациях, по факту являющихся структурными подразделениями «взрослых», то максимум, на что можно рассчитывать, — это статусные позиции и доступ к информации. Символический капитал конкретного человека в дальнейшем можно преобразовать и в реляционный, и в экономический, но здесь все будет зависеть от способностей конкретного человека.

13. Основа взаимодействия элементов. Этот и предыдущий критерии напрямую связаны. В сетевом анализе между интеллектуальным капиталом и знаниями часто ставят практически знак равенства, считая второе основой первого[1]. Таким образом, в сообществе, если принимать за приоритетный ресурс интеллектуальный, взаимодействия определяются знаниями. При оценке молодежных политологических организаций ответить на этот вопрос сложнее. Представляется, что основой взаимодействия может служить информация. *Во-первых*, такая позиция подкрепляется важностью самой информации для существования МПО, продвижением анонсов собственных событий, об актуальных новостях из мира политологии и т.д. *Во-вторых*, обладание существенной базой контактов, возможность формировать и корректировать информационную повестку в век цифровых технологий становится важнейшим ресурсом. Поскольку развитие профессиональной активности, в первую очередь в науке, является важнейшей целью организации, то именно информация о жизни сообщества и отдельных его представителей является определяющей.

14. Принципы функционирования. Для сообщества определяющим условием функционирования может выступать рациональность в плане оптимального соотношения средств актора с общими и личными целями сообщества и в сообществе. Это определяет поведение актора, способствует активной деятельности в профессиональном поле, формирует окружение каждого с учетом его целей и задач. В организациях, кроме интереса его членов, есть строго установленные, формально закрепленные правила и нормы, определяющие особенности взаимодействия и практик поведения в рамках институциональных структур.

15. Основная цель структурных элементов. Этот критерий крайне сложно определить теоретически. В идеале стремление принадлежать к политологическому сообществу должно сопровождаться получением основного конкурентного преимущества — знаний о сфере политического, которые нужны как для того, чтобы получать новые знания, так и для их монетизации. Здесь все зависит от индивидуальных особенностей представителей сообщества. В организациях стремление активно заниматься общественной деятельностью определяет желание членов быть признанными в сообществе, в том числе за счет формальных статусов.

16. Общая цель. Для сообщества такой целью (скорее, идеальной) должно выступать накопление знаний о сфере политического. В этом, собственно, смысл существования подобной надындивидуальной категории. Однако здесь тоже есть некоторая корректировка на возраст: молодые политологи только начинают свой профессиональный путь, поэтому

[1] *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 72.

в основном они получают уже имеющиеся знания, чтобы в перспективе формировать новые. Фактически сообщество молодых политологов выступает моделью «взрослого», со своими проблемами и возможностями. Для организации чаще всего устанавливаются цели формальные, которые потом воплощаются в жизнь: формирование и развитие сообщества в целом, максимальная поддержка своих членов.

Предложенные критерии имеют теоретические основания, в реальной жизни их порой сложно определить и отдельно проанализировать, поэтому они используются в работе в основном как свойства, на основании которых можно проводить границу в понимании двух ключевых категорий исследования — сообщество/сеть и организации/структуры молодых политологов.

МПО являются элементом сетевого научения, поскольку участие в их работе способствует формированию совместного опыта и знаний в инструментальной, нормативной и процедурной формах. Они могут образовываться и действовать на любом уровне — федеральном, региональном, университетском, главное условие — нацеленность на развитие навыков профессиональной научной деятельности и получение новых знаний о сфере политического.

Таким образом, в рамках предложенной сетевой методологии важным становится вопрос относительно влияния институционализированных структур, подобных молодежным политологическим организациям, на формирование и функционирование сообщества (сети) молодых политологов в целом, а также его возможностей и потенциала в частности.

1.3. Сетевые ресурсы сообщества

Под сетевыми ресурсами в данной работе понимается совокупность факторов и конкурентных преимуществ, которые используются акторами в процессе сетевого взаимодействия для достижения ими общих целей, в нашем случае — получения новых знаний о политике[1].

Научное знание как сетевая основа и цель сообщества

«Наука по определению является коллективным предприятием. Как бы гениальны ни были прозрения и достижения талантливых оди-

[1] *Pye L.* The Behavioral Revolution and the Remaking of Comparative Politics // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / Ed. by R. E. Goodin, Ch. Tilly. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 797–805; *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. — 320 с.

ночек, приращение "систематических знаний о современном мире" — результат деятельности сообществ ученых»[1]. Эти слова как нельзя точно формулируют смысл существования научных (эпистемических) сообществ, в том числе политологов. Однако возникает вопрос — что считать научным знанием в сетевом взаимодействии?

Мы предлагаем исходить из классической традиции социологии науки, идущей от Р. Мертона и его школы[2], дополненной затем системной социологией науки Н. Лумана, Р. Штихве, В. Патцельта и др. и разделяемой также многими российскими исследователями[3]. Наука здесь рассматривается как познавательная деятельность в рамках определенной социальной институционализации. Это значит, что получение, накопление и трансляция знаний в науке обусловлены определенными социально-институциональными параметрами, вне которых знание утрачивает статус научного.

В данном случае изучение процесса получения, накопления и трансляции знания о политике невозможно без изучения институционализации профессиональных научных сообществ, в том числе включающих в себя политологические организации. Такой подход позволяет исследовать научное знание в качестве самостоятельного, рационального и критического познания мира политического и в целом соответствует разработкам современных ученых, исследующих менеджмент знаний (Т. Давенпорт, К. Свейби, К. Виг и др.)[4]. Однако нужно учитывать, что строгость подхода к получению научного знания о политике может иметь обратный эффект, поскольку «чем больше политическая наука стремится быть объективной и строиться по меркам естественно-научного знания, тем меньший интерес она вызывает в политическом мире»[5].

---

[1] Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. — 463 с.

[2] *Merton R.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. University of Chicago Press, 1973. — 605 p.; *Merton R.* The Sociology of Science: An Episodic Memoir // The Sociology of Science / Ed. by R. K. Merton, J. Gaston. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1977. P. 3–141.

[3] The Cambridge History of Science / T. Porter, D. Ross. Oxford: Cambridge University Press, 2008. Vol. 7: The Modern Social Sciences. — 734 p.; Этос науки: Колл. монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Academia, 2008. — 544 с.; *Мотрошилова Н. В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов: 2-е изд., расшир. и испр. М.: ИФРАН, «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с.

[4] Handbook on Knowledge Management 2. Knowledge Directions / Ed. by C.W. Holsapple. Berlin: Springer, 2003. — 751 p.

[5] *Сморгунов Л. В.* Познание политической реальности: от состояния политики к политическим процессам // Политика и управление государством: новые вызовы и векторы развития / Под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 76–93.

В современных условиях может и не быть жестких ограничений норм и традиций личного взаимодействия: часто люди проживают далеко друг от друга, имеют разный социальный статус, при этом формулируют сходные цели в процессе получения политологического знания. Именно поэтому институционально сложно оценить коалиции независимых акторов, составляющих сеть. Например, О. В. Михайлова в своей докторской диссертации подчеркивала, что «сеть — это пример современной, постмодернистской организации, которую отличает локация не по месту, а по времени»[1].

В какой-то мере с этим тезисом можно согласиться, но значение институтов явно умалять не стоит. Например, молодежные политологические организации также являются элементом научной сети, поскольку способствуют идентификации молодых политологов с научным сообществом, выстраиванию доверительных и плотных профессиональных связей, обеспечивают сплоченность. В то же время важнейшей институциональной базой для подготовки политологов являются вузы, которые имеют определенную привязку к месту, хотя сейчас обучающиеся имеют широкие возможности менять места дислокации для развития своих компетенций, это касается даже продолжения обучения за рубежом.

Научное знание о сфере политического независимо от дальнейших карьерных траекторий молодых политологов является базовой основой интеллектуального ресурса сообщества и конкретно каждого его участника, позволяющей развиваться профессионально, как минимум, в четырех направлениях: наука ради науки; косвенное участие в политике; политическая деятельность; неполитическая деятельность. Так или иначе, молодые специалисты осознают свою принадлежность к политологическому сообществу, если получили или получают углубленные научные знания о политике.

Сетевой подход предполагает изучение отношений между акторами сети (в данном случае молодыми политологами), имеющими принадлежность к своему сообществу, определяемую обучением в образовательных учреждениях по политологическим специальностям, участием в профессиональных организациях, а также занятием научной деятельностью. В процессе коммуникации происходит взаимный обмен знаниями на основе рационального выбора акторов, формирующий социальный и интеллектуальный капитал сети, а молодежные политологические организации являются одним из субъектов такого процесса наряду с ву-

[1] *Михайлова О. В.* Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: Дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Михайлова Ольга Владимировна; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2014. — 335 с.

зами. Приоритет в сетевом подходе отдается при этом не индивидуальным предпочтениям акторов или характеристикам отдельных институтов, а сетевым отношениям.

Отметим также, что основным методом взаимодействия и координации сетевых коммуникаций является сотрудничество, которое построено на трех базовых принципах:

1) наличие совместных задач;
2) обмен сетевыми ресурсами;
3) установление доверительных отношений в ходе постоянного сотрудничества[1].

Таким образом, если рассматривать научное знание как идеальный ресурс политологического сообщества, то именно оно определяет наличие общих задач, именно им обмениваются в процессе коммуникации и вокруг него происходит формирование доверительных отношений.

Конечно же, это идеальная модель, которая не учитывает все разнообразие жизненных траекторий молодых политологов. На практике знания могут выступать не целью, а средством, например, для того чтобы получить хорошую работу или высокий социальный статус, зарабатывать много денег, бороться за власть и т.д. Во всех этих случаях знания не являются самоцелью, но становятся важным ресурсом, используемым в своих личных интересах.

Еще одной проблемой является разделение двух понятий — «знания» и «информация». До сих пор в научной литературе нет единства в этом вопросе[2]. В данной работе за основу мы возьмем вариант «знаний» по К. Свейби, который предложил считать знанием интерпретированную информацию[3]. Информацию же представим как совокупность значимых сообщений[4].

На самом деле с исследовательской точки зрения крайне важный вопрос — особенности осознания самого понятия «знания о политике» теми, кто его получает, а именно молодыми политологами. В этих целях в рамках исследовательского проекта проведена серия круглых столов «Знания о политике: как получить и где применить?», собраны мнения

[1] *Сморгунов Л. В.* Политическая интеграция в сетевом обществе: поиск нового порядка для инклюзивного развития // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 12–25.

[2] Подробнее об идеях разграничения понятий см.: *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 74.

[3] *Sveiby K. E.* The New Organizational Wealth: Managing and Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco: Berrett-Koehler, 1997. P. 42.

[4] *Wiig K. M.* Knowledge Management Foundations: Thinking About Thinking: How People and Organizations Create, Represent, and Use Knowledge. Arlington. TX: Schema Press, 1993. P. 73.

участников. Проект помог узнать позиции молодых политологов сразу по нескольким смежным вопросам:

- политология как академическая дисциплина и/или инструмент социализации граждан;
- различия в представлениях участников о политическом знании и политической информации;
- каналы получения, методы сбора и анализа политической информации молодыми политологами;
- сферы применения знаний политолога;
- особенности профессии политолога.

Ответы на поставленные вопросы позволили молодым политологам отрефлексировать базовые элементы своей профессии, задаться вопросами, ответы на которые раньше казались очевидными. Подробнее знания о политике как сетевой ресурс раскрываются в главах 4 и 9.

Типы сетевых ресурсов сообщества молодых политологов

В сетевой теории при описании ресурсов в наиболее обобщенной форме используется понятие интеллектуального капитала как суммы человеческого, структурного (или институционального)[1] и реляционного капитала, представляемого как коммуникационные механизмы взаимодействия участников.

Интеллектуальный капитал сети/организации определяется совокупностью знаний и навыков участников, нематериальных активов. Человеческий капитал — это личные навыки и знания; структурный — институциональные особенности организации работы людей, а реляционный — связи с внешними и внутренними акторами (рис. 1.1).

Такие критерии могут быть применимы как для анализа организаций молодых политологов, так и в целом сообщества, однако с некоторыми оговорками и дополнениями.

Использование понятия «капиталы» применительно к анализу социального поля отсылает нас к работам П. Бурдье, который определял их как средства, необходимые для удовлетворения интересов определенных агентов и являющиеся предпосылкой эффективного действия в опреде-

[1] Интеллектуальный капитал делится на три типа: человеческий (личные знания и навыки), структурный (структуры и процессы, обеспечивающие работу) и релятивный (отношения с внешними акторами). Подробнее см.: *Khavand Kar J., Khavandkar E.* Intellectual Capital: Management, Development and Measurement Models. Publisher: Ministry of Science, Research and Technology, 2013. 3rd Edition. — 424 p.; *Sveiby K. E.* Intellectual capital. URL: http://www.sveiby.com/articles/IntellectualCapital.html (дата обращения: 15.07.2020).

Рис. 1.1. Структура интеллектуального капитала организации

Источник: Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 72.

ленной области. В итоге он выделил четыре вида капитала: экономический, социальный, культурный и символический[1]. Эти капиталы могут представлять собой эквиваленты понятия «ресурсы», используемого Э. Гидденсом[2]. В нашем случае мы также будем использовать эти два понятия как тождественные.

Как показано на рис. 1.1, реляционный капитал выходит далеко за рамки собственно коммуникаций и включает в себя символические ресурсы в виде бренда, социальные — клиенты, а также интеллектуальная

[1] *Бурдье П.* Формы капитала / Пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Электронный журнал. 2020. Т. 3. № 5. С. 60–74; *Бурдье П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 57.

[2] *Леднёва А. В.* Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. — 119 с.

собственность — это объективированный аспект культурного капитала. Кроме того, схема отражает капитал организации с четко определенной структурой, но не подходит для описания научных сообществ, поскольку в них нужно делать поправку на общие цели в виде накопления знаний, выступающих в организациях как средство. Однако если совместить указанную группировку с видами капитала по П. Бурдье, то можно сформировать общее представление о сетевых ресурсах сообщества.

1. **Интеллектуальный капитал** — основная категория, характеризующая сообщество. Это сумма трех типов капитала: человеческого, структурного и реляционного. Основой его являются знания, а институциональные рамки крайне размыты: ими могут выступать вузы, академические институты, журналы, интернет-проекты и т.д. Но вся эта структура является фактически сосудом для накопления знаний. Человеческий капитал при этом является совокупностью людей, которых можно приписать к сообществу, поскольку они себя ассоциируют с ним, а сообщество их принимает. В итоге рамки тоже размыты. Реляционный капитал в принципе связывает все сетевые ресурсы воедино и обеспечивает взаимодействие человеческого капитала в рамках сетевой структуры сообщества и за ее пределами. К этому стоит добавить, что здесь имеет значение также социальный, культурный и символический капиталы сообщества, о чем пойдет речь далее. Также заметно влияние окружающей среды.

2. **Человеческий капитал —** это совокупность компетенций в виде навыков, знаний, умений людей, входящих в сообщество. Под ним также понимается квалификация, мотивация и возможность решения поставленных задач. В полной мере человеческий капитал оценить крайне сложно из-за особенностей отнесения акторов к конкретному сообществу.

3. **Структурный капитал** (тождественный понятию институциональный) для сообщества и организации разный. Для первого он не имеет четких ограничений, однако результаты опроса молодых политологов показывают, что для сообщества отдельным внутренним фактором являются вуз, молодежные политологические организации и различного рода студенческие/молодежные проекты (см. § 2.3). Для организаций структурный капитал определяется рамками, установленными в нормативных документах, определены формально по принципу «включенности/исключения». Все остальные институциональные структуры (например, образовательная и государственная системы, «взрослые» профессиональные и непрофильные общественные организации, международные институты) рассматриваются как окружающая среда.

4. **Реляционный капитал** подчеркивает коммуникативную составляющую сети как между акторами внутри нее, так и с людьми, не являющимися членами сообщества, но оказывающими определенное влияние

на процесс сетевого научения. Реляционный капитал включает в себя ряд составляющих, таких как:

4.1. ***Сетевая коммуникация.*** Рассматривается как скрепляющий механизм всех перечисленных выше капиталов, обеспечивающий обмен ими между участниками сети. В контексте исследуемой проблематики мы понимаем процесс формирования связей между акторами в целях получения и передачи информации и знаний о политике, а также эффект, получаемый от коммуникационного взаимодействия. Связи с коллегами, конечно, имеют не только или не столько научную составляющую, сколько личную подоплеку, связанную с взаимодействием людей, имеющих общие интересы, цели, проекты, общих знакомых. У них складываются доверительные отношения, позволяющие браться за общие дела с теми, кому доверяешь. Доверие зарабатывается не сразу после знакомства, этому предшествует долгий процесс нахождения общих точек соприкосновения, малых совместных дел. Тут важны и вопросы идентичности: с политологическим, студенческим, региональным сообществом, восприятием себя как части организации.

4.2. ***Средства коммуникации.*** Это совокупность средств связи между участниками сети, в которую входят как личное общение, так и цифровые формы — социальные сети, виртуальные группы, мессенджеры и т.д. Средства коммуникации технически обеспечивают сетевые коммуникации.

4.3. ***Обмен знаниями и информацией.*** Представляет собой непосредственную передачу от одного актора другому информации и знаний, способствующих сетевому научению.

5. **Социальный капитал** (по П. Бурдье) — это средства, непосредственно связанные с принадлежностью актора к определенной группе, ресурс для получения выгоды для каждого конкретного человека. Для молодых политологов это принадлежность ко всему сообществу и тем структурам и людям, которые вступают во взаимодействие с ними в соответствии с занимаемой ими социальной позицией.

6. **Символический капитал** — престиж, репутация каждого конкретного актора. Как мы уже отмечали выше, для организаций он связан в первую очередь со статусными позициями, а для сообщества — с позициями в сети.

7. **Культурный капитал** сети и структуры можно рассматривать как институционализированное состояние в форме академических квалификаций без инкорпорированного и объективированного аспектов[1]. Последние можно вынести в окружающую среду как явления более широкого

[1] *Бурдье П.* Формы капитала / Пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Электронный журнал. 2020. Т. 3. № 5. С. 67.

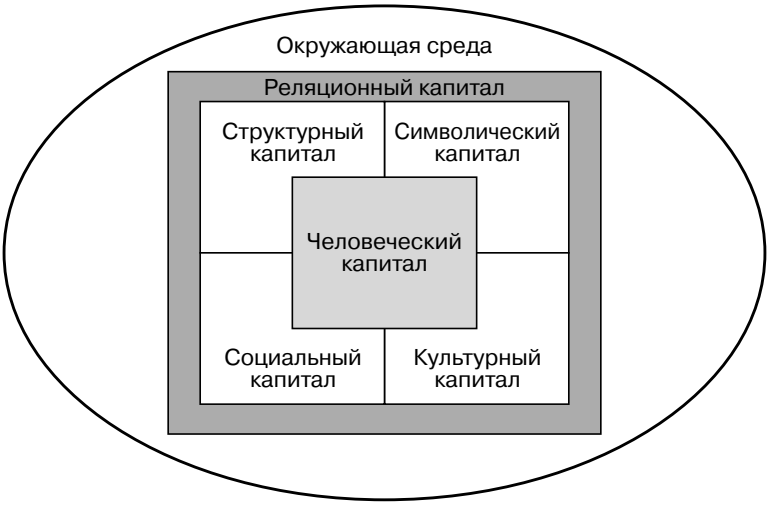

Рис. 1.2. Структура интеллектуального капитала сообщества молодых политологов

характера, выходящие за рамки сообщества, но оказывающие перманентное контекстуальное влияние на сетевые коммуникации. Таким образом, оценка институциональной базы подготовки молодых политологов и особенности политологического образования также входят в список ресурсов сообщества.

8. **Экономический капитал** сети и структур очень важен, но в рамках данного исследования рассматривается как составляющая окружающей среды. Это аксиома: деньги существенно помогают в развитии сообщества, являются средством активизации взаимодействия между участниками сети, реализации проектов, а их отсутствие может являться главной преградой для сетевой коммуникации. Однако данное исследование сосредоточено на выявлении интеллектуального капитала сети, ее потенциала, который можно раскрыть в том числе и за счет финансирования молодежных политологических инициатив. Кроме того, взаимодействовать сейчас намного дешевле, достаточно обладать доступом в Интернет. Основными источниками финансирования для сообщества молодых политологов являются вузы, некоммерческие организации, государство. Для работающих политологов это еще и работодатели, но посчитать их доход был бы крайне затруднительно.

Еще один важнейший вопрос для данного исследования заключается в определении роли цифровой среды для функционирования сообще-

ства. Это не окружающая среда и не отдельный тип капитала, это средство коммуникации, позволяющее расширить возможности сетевого взаимодействия, в том числе за счет институционализации структур в интернет-пространстве. Все чаще появляются проекты для молодых политологов в сети, все больше людей узнают информацию и получают новые знания дистанционно. Однако это средство коммуникации стоит рассматривать как дополнение к личному общению и офлайн-активности. Последнее намного более эффективно для выстраивания доверительных сетевых отношений, необходимых для реализации общих проектов, а виртуальная среда — для накопления неформального и виртуального социального капитала, поддержания связей с людьми[1].

В дальнейшем будет представлен анализ факторов, влияющих на сообщество молодых политологов, которые подтверждают наличие важнейших типов сетевых ресурсов (человеческого, структурного, реляционного, а также внешней среды).

Отметим, что сетевые ресурсы организации могут определять высокую значимость ее как узла сети, и чем больше таких узлов, «тем вероятнее они будут выступать [сетевыми] брокерами по концентрации и передаче опыта и знаний»[2]. Ниже мы предлагаем рассмотреть роль МПО в формировании научного сетевого сообщества, опираясь на целый ряд эмпирических данных: результаты социологического опроса молодых политологов; стенограммы выступлений участников круглых столов в 20 регионах страны под общей темой «Знания о политике: как получить и где применить?»; данные о членах Совета молодых политологов; контента групп в социальной сети «ВКонтакте»; открытые сведения об организациях высшего образования и молодежных политологических проектах.

В поиске основного сетевого ресурса можно прийти к выводу, что им является нематериальный актив, который отличает представителей сообщества от всех остальных — знания о политике.

Окружающая среда сети молодых политологов

Кроме внутренних ресурсов сети, представленных как отдельными акторами, так и более крупными структурными компонентами — молодежными политологическими структурами, — отдельное внимание заслу-

[1] *Козырева Л. Д., Зверькова С. А.* Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе // Социодинамика. 2017. № 4. С. 94–104; *Чебунина О. А.* Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 1. С. 229–241.

[2] *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. — 320 с.

живает окружающая среда как все разнообразие факторов, которые находятся вне сети, но определяют особенности ее функционирования. Речь идет об особенностях системы образования, институционализации политологии как науки и образовательной дисциплины, влиянии государства и ее отношений с различными международными акторами. Окружающая среда — это и более приземленные вещи, например благосостояние конкретной семьи, географическое расположение региона проживания, даже стоимость билета в другой город.

Такой подход отличается широтой и позволяет только интуитивно выделить важнейшие внешние факторы, оказывающие влияние на формирование научных сетей и развитие сетевых структур. Однако в данной работе использовано два подхода к ответу на вопрос об основных факторах окружающей среды:

1) определение институционального контекста: особенностей образовательной системы, работы вузов, государственной образовательной и молодежной политики на федеральном и региональном уровнях, деятельности некоммерческих организаций («взрослых» ассоциаций либо даже непрофильных структур);
2) выявление факторов влияния на формирование сети и на работу молодежных политологических организаций с помощью факторного анализа ответов молодых политологов по результатам социологического опроса. Это позволит уточнить конкретные особенности окружающей среды, которые важны для представителей сообщества.

Любая сеть не может существовать в отрыве от окружающей среды как совокупности факторов, оказывающих на нее воздействие[1]. Существование и развитие сети напрямую зависит от того, как она сможет отвечать на внешние вызовы — социальные, политические, экономические, технологические и т.д. Важным фактором также является институциональный, формулирующий правила игры и определяющий стратегии и возможности выстраивания сетевых отношений. Таким образом, важным элементом сетевого анализа является анализ контекста сетевых взаимодействий молодых политологов. В сетевом анализе окружающая среда может отражать особенности реляционного капитала организации как совокупности связей между внутренними и внешними акторами.

В целом стоит отметить, что сетевая методология, базирующаяся на изучении горизонтальных связей участников, структурных компо-

[1] *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. — 320 с.

нентов, стремящихся к центральным позициям в сети (организациям), в контексте коммуникативного взаимодействия является наиболее перспективным направлением исследования сообществ как *community*, выстраивающих свои отношения для накопления и распределения определенных ресурсов между своими членами. Важнейшим вопросом становится выявление того самого ресурса, который является ключевым в сетевых отношениях научного сообщества политологов в целом и молодых политологов в частности. Как ранее мы говорили, им может выступать научное знание, о котором пойдет речь в главе 4.

1.4. Программа исследования

Основными источниками информации в рамках проекта явились записи в социальных сетях, материалы сайтов и страниц в соцсетях учебных заведений и молодежных политологических структур, официальные документы, результаты общероссийского опроса молодых политологов, экспертные интервью с представителями руководства Молодежного отделения (сейчас Совет молодых политологов) РАПН, стенограммы обсуждений на круглых столах в 20 регионах страны («Знания о политике: как получить и где применить?»).

Итоги цикла региональных круглых столов «Знания о политике: как получить и где применить?»

Важнейшим источником эмпирических данных послужили стенограммы проведенных в 20 регионах страны круглых столов. Сам формат круглых столов позволил решить сразу несколько организационно сложных вопросов: собрать мнения молодых политологов по поводу основного ресурса сетевого взаимодействия — знаний о политике. В рамках данного вопроса участникам было предложено ответить на основной вопрос мероприятий тремя разными способами:

- тезисы, которые включали в себя письменное раскрытие темы в тексте, ограниченном по объему (не более 3 тыс. знаков). Этот вариант наиболее полно подходит для содержательной оценки логически выстроенной структуры текста, продуманной аргументации и основных субдискурсов главной темы;
- доклады участников, включающие в себя основные идеи по теме, подготовленные заранее. Некоторые участники опирались на свои тезисы, но, как правило, выступления корректировались уже в ходе круглого стола. Условия мероприятия позволили обеспечить более «живой» формат представления своих мыслей по теме, отметить

наиболее волнующие аспекты проблемы. Доклады выступили отправной точкой дальнейшей дискуссии;

– дискуссия участников. Живое общение, обмен мнениями, уточняющие вопросы, высказывание своих позиций по отмеченным вопросам. Эта часть круглых столов оказалась наиболее продуктивной, поскольку шла по неопределенному сценарию. Условные ограничения касались лишь того, чтобы участники придерживались основной темы и трех вопросов, установленных заранее:

1. Источники получения и методы обработки информации, способствующие формированию знаний о политике.
2. Молодой политолог в профессиональном сообществе: проблемы и возможности получения/обмена новыми знаниями.
3. Профессиональные перспективы применения специальных знаний о политике.

В дальнейшем эти вопросы легли в основу анализа отдельных проблем, волнующих молодых политологов, среди которых: академическая и «гражданская» составляющие политологии; различия между знаниями и информацией; каналы получения данных и сферы применения знаний. Отдельным блоком вопросов выделены проблемы политологического образования.

Формат мероприятия был максимально приближен к формату открытых групповых дискуссий[1] с отдельными элементами экспертного опроса и фокус-групп. В частности, особенностями мероприятий являются:

– неограниченное и непостоянное число участников и слушателей. В каждом случае число участников было 5–15 человек за некоторыми исключениями, однако в дискуссии могли принимать участие и слушатели, которые на равных высказывались и задавали вопросы участникам;
– неопределенность временных рамок дискуссии. Мероприятия проходили от 1 до 3 часов и завершались, когда были исчерпаны мнения участников по предложенным вопросам;
– преобладание пассивных участников (слушателей). Среди таких людей оказывались те, которые выступали с оригинальной точкой зрения, что позволило дополнить мнения докладчиков максимальным количеством новых взглядов;
– большинство участников так или иначе знакомы друг с другом, поскольку основными организаторами выступали коллеги из регионов, распространявшие информацию о круглых столах по сети своих контактов.

[1] *Левинсон А.* Открытые групповые дискуссии как метод прикладных социологических исследований // Вестник общественного мнения. 2007. № 6 (92). С. 45–54.

Важным звеном дискуссии выступил «дискутант» — член команды организаторов, выполнявший роль фасилитатора. В отличие от модератора, осуществлявшего организационную функцию, у дискутанта была роль человека, удерживающего дискуссию в рамках заявленной темы, своими наводящими вопросами он направлял разговоры в нужное русло.

Кроме того, для участников мероприятий были подготовлены раздаточные материалы, включавшие в себя как информацию об организаторе, под эгидой которого проходили мероприятия, так и анкету молодого политолога. В «раздатку» входила программа круглых столов во всех 20 регионах, где были указаны не только сведения об участниках и темы выступлений, но и их контактная информация каждого. Таким образом, круглые столы стали еще и перспективной площадкой для коммуникации почти 500 молодых политологов, присутствовавших на мероприятиях в разных городах.

Проведение круглых столов сполна обеспечило исследование оригинальными эмпирическими данными, причем как для качественного, так и количественного анализа, что определило необходимость использования широкого набора методов обработки данных.

Опрос молодых политологов

В сентябре–октябре 2019 г. исследовательской группой РАПН при поддержке ИНИОН РАН и СМП РАПН было проведено анкетирование студентов и молодых ученых, изучающих политологию и смежные дисциплины (молодых политологов). Опрос проводился среди участников крупного федерального проекта для молодых политологов — серии региональных круглых столов «Знания о политике: как получить и где применить?», прошедших в 20 регионах страны[1]. Также респондентам была доступна электронная версия анкеты[2], которая распространялась по членской базе почтовых контактов молодежного крыла РАПН (1528 адресов) и через социальные сети.

В опросе приняло участие 579 респондентов из 42 субъектов РФ, из них 538 в возрасте от 16 до 40 лет[3] были отобраны для анализа, сред-

[1] См. подробнее: В 20 регионах страны СМП РАПН провел круглые столы, связанные одной темой: «Знания о политике: как получить и где применить?» // Российская ассоциация политической науки. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rapn.ru/in.php?part=3&gr=585&d=5873 (дата обращения: 16.11.2019).

[2] С анкетой можно ознакомиться по ссылке: Социологический опрос по изучению научных сетей молодых политологов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://opros-politologov.testograf.ru/ (дата обращения: 16.11.2019).

[3] Понятие «молодой ученый» нормативно закреплено. Это работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет, [...] либо являющийся ас-

ний возраст опрошенных — 22,5 года. Такой предельный возраст основан на том факте, что 40 лет — это максимум, когда государство считает ученого молодым, а 16 лет — это возраст, когда молодые люди уже начинают поступать в высшие учебные заведения, определяются с направлением подготовки. Поскольку большинство из них так или иначе считают себя молодыми политологами или представителями смежных специальностей и пришли на круглые столы, посвященные знаниям о политике, то можно предположить, что выборка с учетом предложенных возрастных ограничений является вполне релевантной.

Стоит сразу отметить, что границы изучаемой генеральной совокупности «студенты и молодые ученые, обучающиеся по специальности "политология" и смежным наукам, занимающиеся преподаванием дисциплин и/или исследованиями в области политической науки» достаточно размыты. Мы исходили из того факта, что сложно однозначно идентифицировать политологов, поскольку российская политическая наука в целом сохраняет свою приверженность междисциплинарности[1].

Подобная ситуация существенно затрудняет построение полностью репрезентативной выборочной совокупности. Тем не менее численный и социально-демографический состав полученной нами выборки позволил выявить ряд закономерностей в контексте исследуемой проблематики.

Основные характеристики выборки:

- **Возраст.** В анкетировании принимали участие студенты, молодые ученые и специалисты в политической сфере в возрасте 16–40 лет. Средний возраст опрошенных — 22,5 года.
- **Пол.** 48,5% женщин и 51,5% мужчин.
- **Образование.** 58,2% — студенты-бакалавры 1–4-х курсов, 11,3% — магистранты 1–2-х курсов, 4,3% — специалисты, 5% — магистры, 9,1% — аспиранты, 8,7% — кандидаты наук, 0,7% — доктора наук[2].
- **Основные виды деятельности.** Респонденты могли указать несколько видов деятельности, но не более трех (табл. 1.2).

пирантом, исследователем или преподавателем образовательной организации высшего образования без ученой степени в возрасте до 30 лет. *Источник*: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/259d15e3e1e1cdf34051651764c142ec83e16404/ (дата обращения: 11.11.2019). В данном исследовании мы отобрали для анализа политологов до 40 лет, но независимо от наличия у них докторской научной степени, имеющейся на момент опроса.

[1] *Малинова О. Ю.* Кто формирует общественное «лицо» профессии: сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ // Политическая наука. 2015. № 3. С. 225–237.

[2] 2,8% не указали свое образование.

Таблица 1.2

Основные виды деятельности респондентов, %

Вид деятельности	
Обучение в вузе	69,4
Исследования	38,5
Аналитика (прикладная политология)	18,6
Преподавание	14,9
Государственная служба	9,3
Политтехнологии, проведение предвыборных кампаний	8,4
Политическое консультирование	7,1
Журналистика	5,2
Бизнес	5,2

Для решения ряда исследовательских задач респонденты были сгруппированы по типу их основной деятельности на 5 категорий (табл. 1.3). Кроме студентов разных курсов и уровней обучения отдельно выделена категория «молодой ученый» — это респонденты, занимающиеся преподавательской и исследовательской деятельностью, кандидаты наук, доктора наук, аспиранты, соискатели. Также к отдельной группе отнесены «специалисты в политической сфере», деятельность которых не связана с образованием и наукой, но имеет отношение к политике (например, политконсультанты, политтехнологи, аналитики и т.д.).

Таблица 1.3

Типы деятельности респондентов, %

Категория	
Молодые ученые	21
Студенты-магистры 1–2-х курсов	11,3
Студенты-бакалавры 1–2-х курсов	32
Студенты-бакалавры 3–4-х курсов	26,2
Специалисты в политической сфере	6,9
Затруднились ответить	2,6

Целью проводимого исследования была попытка определить возможности молодежных политологических организаций (далее — МПО) выступать субъектом формирования научных сетей в процессе получения молодыми людьми профессионального образования и знаний. В целом данные опроса позволяют нам проанализировать намного больше аспек-

тов деятельности молодых политологов[1]. В частности, в данной работе представлены результаты опроса по следующим темам:

- оценка состояния политической науки;
- оценка возрастного восприятия респондентами молодежных политологических организаций и своего собственного статуса в сообществе;
- определение факторов формирования и функционирования научных сообществ молодых политологов, их интеллектуального капитала[2];
- оценка потенциала МПО на основании таких параметров, как уровень активности респондентов в качестве участников МПО и степени удовлетворенности работой организаций; стремление вступить в МПО и причины неучастия респондентов в деятельности организаций; мнения опрошенных о приоритетных задачах, роли и перспективах МПО как субъекта научной сети;
- типология молодых политологов;
- особенности коммуникации в молодежном политологическом сообществе;
- сетевая структура сообщества молодых политологов, сеть межрегиональной коммуникации;
- оценка структур, на которые равняются молодые политологи;
- особенности миграции молодых политологов.

Методы обработки данных

В рамках исследования применялся целый спектр количественных и качественных методов анализа, позволивших посмотреть на сообщество молодых политологов и молодежные политологические организации с разных ракурсов. Сочетание используемых методов анализа показало возможность их применения в рамках одного метаисследования.

Факторный анализ. Применялся в варианте метода главных компонент с подпрограммой поворота осей *varimax*. При интерпретации использовались следующие показатели:

- вес фактора отражает долю в общей дисперсии, вносимую конкретным фактором;

[1] С ответами респондентов в обобщенном виде можно ознакомиться на официальном сайте Совета молодых политологов Российской ассоциации политической науки: Результаты социологического опроса молодых политологов // СМП РАПН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://morapn.ru/rezultaty-sotsiologicheskogo-oprosa-molody-h-politologov/ (дата обращения: 17.12.2019).

[2] Про интеллектуальный капитал сетевых структур см. подробнее: *Khavand Kar J., Khavandkar E.* Intellectual Capital: Management, Development and Measurement Models. Publisher: Ministry of Science, Research and Technology, 2013. 3rd Edition. — 424 p.

- каждая переменная в определенном факторе имеет свою математическую «нагрузку», значение — коэффициент корреляции (связи) с фактором в целом (чем больше значение корреляции, тем в большей степени переменная отражает общий смысл фактора);
- для проверки пригодности данных применялась процедура подсчета коэффициента *Kaiser–Meyer–Olki* (KMO-коэффициент). Кроме того, учитывалась статистическая значимость при помощи *Barlett-Test*.

Регрессионный анализ позволил описать свойства переменной через влияние на нее определенных признаков. В нашем случае проверялось влияние полученных факторов на оценку работы молодежного политологического сообщества в вузе и регионе. При интерпретации учитывается величина R^2 (показывает полноту построенной модели), значимость модели и отдельных признаков, значение Бета-коэффициента, показывающего влияние признаков на переменную и ранжирующего их по степени влияния.

Дисперсионный анализ (ANOVA) направлен на исследование значимости различий средних значений показателей гомогенных (по определенному признаку) групп между собой[1].

Корреляционный анализ позволяет выявлять значимые (достоверные) взаимосвязи между исследуемыми показателями. По тексту статьи представлены корреляции с высоким уровнем значимости ($*p < 0,05$ и $**p < 0,001$). Коэффициенты корреляции отражают силу взаимосвязи — чем выше их значение, тем сильнее зависимость между признаками. Отрицательный знак коэффициента указывает на существование обратной зависимости.

В работе использована также характеристика **статистической значимости** (*statistical significance*), даваемая результатам, вероятность случайного появления которых равна или ниже некоторого общепринятого уровня. По тексту статьи анализируются корреляции с высоким уровнем статистической значимости ($p < 0,05$).

Сетевой анализ — количественный метод, который позволил выявить связи между явлениями, которые с трудом поддаются обычным методам статистических исследований. Метод позволяет найти связи между анализируемыми единицами, определить их интенсивность, вес единицы в сетевых отношениях, позволяют выявить более глубокую картину сообщества, оценить горизонтальные коммуникации. Направленность связей позволяет определить центры притяжения, а количество связей — сетевой

[1] *Шеффе Г.* Дисперсионный анализ / Пер. с англ. Б. А. Севастьянова, В. П. Чистякова. М.: Физматгиз, 1963. — 625 с.

вес. Однако важно отметить, что узлы, которые связывают сети, не являются независимыми, а оказывают косвенное влияние друг на друга.

Позиция в сети конкретного человека может оцениваться, только если мы имеем наиболее полную информацию относительно его связей. Однако представленный опрос не направлен на выявление разветвленных связей каждого конкретного молодого политолога. Главной задачей является оценка их межрегионального взаимодействия с помощью ответа респондентов на вопрос «С коллегами из каких регионов Вы общаетесь?». Таким образом можно определить не только направленность связей, но и сетевой вес региона в структуре сообщества (см. подробнее главу 5). Кроме того, построение сетей для анализа миграционного потока молодых политологов — людей, которые уезжают учиться на политологов в другой регион — показывает приоритетные направления академической мобильности внутри страны, а также выявляет определенные проблемы в регионах, откуда уезжают для получения профессиональных знаний политологов.

Кластерный анализ — процедура упорядочения объектов в сравнительно однородные классы (группы, кластеры) на основе попарного сравнения этих объектов по заранее выбранным критериям. При этом происходит переход от исходной совокупности множества объектов (переменных) к существенно меньшему числу кластеров. Кластер (*cluster* — гроздь, скопление) — объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными свойствами. Кластером можно назвать также одну из групп, полученную в результате применения кластерного анализа.

Кластерный анализ позволяет:

- классифицировать объекты, т.е. строить дерево классификации N объектов (испытуемых), посредством иерархического объединения их в группы или кластеры все более высокой общности на основе критерия минимума расстояния в пространстве M переменных, описывающих объекты;
- находить разбиение некоторого множества объектов (переменных, шкал опросника) на определенное число кластеров.

Иерархический кластерный анализ, применяемый в работе, реализует так называемый агломеративный алгоритм. Его смысл заключается в следующем: перед началом кластеризации все объекты считаются отдельными кластерами, которые в ходе алгоритма объединяются. Вначале выбирается пара ближайших кластеров, которые объединяются в один кластер. В результате количество кластеров становится равным ($N - 1$). Процедура повторяется, пока все классы не объединятся. На любом этапе объединение можно прервать, получив нужное число кластеров. Алгоритм агреги-

рования базируется на вычислении расстояния между объектами и определении близости между кластерами.

Для определения расстояния между парой кластеров в данном случае применялся метод средней связи (*Average linkage*). Его называют также методом межгрупповой связи (*Between groups linkage*). В этом случае на каждом шаге вычисляется среднее арифметическое расстояний между каждым объектом из одного кластера и каждым объектом из другого кластера. Объект присоединяется к данному кластеру, если это среднее расстояние меньше, чем среднее расстояние до любого другого кластера[1].

Для определения кластеров, связанных с собой наиболее тесно, в сети проведена процедура естественной кластеризации (*natural clusters*). Группировка в **естественные кластеры** применялась для анализа сетевой структуры и соответствовала ряду критериев:

- каждый узел был членом только одной группы;
- каждый узел имеет наибольшее число ребер с членами своей группы и практически не имеет узлов с другими группами.

Алгоритм, применяемый в программе *yEd Graph*, основан на кластеризации между краями, предложенной Гирваном и Ньюманом[2].

***SWOT*-анализ.** С помощью *SWOT*-анализа проанализированы возможности и ограничения при формировании научных сетей молодых политологов из России с представителями других стран, оценивается роль государства и некоммерческих организаций, в частности профессиональных ассоциаций, выступать драйверами развития международных связей.

Анализ конкретных случаев. В работе представлен сравнительный анализ образовательных траекторий двух передовых стран — Германии и США. Оценивается роль различных субъектов, влияющих на развитие интеграционных проектов в науке и образовании, позволяющих занимать странам ведущие места в различных международных рейтингах. Выявляется тенденция к приоритету негосударственных форм финансирования исследовательских проектов, программ стажировок и обмена, роль некоммерческого сектора в этом процессе.

Кроме того, анализ конкретных случаев применялся и для оценки практики работы с молодыми политологами среди лидеров сетевых кластеров, а также в рамках молодежных политологических организаций.

---

[1] Описание метода взято из учебника: *Ермолаев-Томин О. Ю.* Математические методы в психологии: В 2 ч. Ч. 2: Учебник для академического бакалавриата / О. Ю. Ермолаев-Томин. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. — 235 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

[2] Automatic Grouping // yWorks. URL: https://yed.yworks.com/support/manual/auto_grouping.html#clustering (дата обращения: 17.04.2020).

Рассмотрены конкретные форматы образовательной и воспитательной работы, которые способствуют профессиональному становлению. Для этих целей также использовался традиционный анализ документов, относящихся к деятельности образовательных структур.

Практические вопросы социокультурной адаптации молодого специалиста и в среде профессионального сообщества также были рассмотрены путем **моделирования вариантов поведения политологов на основе концепции К. Додда**[1], касающейся вопросов адаптации мигрантов. Молодые политологи представлены в роли мигрантов, которые интегрируются в новые условия разными способами. Применение подобной концепции показало гибкость и универсальность предложенных К. Доддом моделей, что делает ее применимой для оценки любых профессиональных сообществ, и в первую очередь людей, которые стоят на «входе».

Дискурс-анализ. Различные методики дискурс-анализа направлены на вычленение смыслов и тематик из массива текста. Причем он позволяет сосредоточиться не просто на лингвистических аспектах, но и на конструировании повестки в рамках отдельных сообществ в социальных сетях. Применяя дискурс-анализ, в сущности, мы анализируем фрагмент социальной реальности и представления о ней.

Отметим, что политический дискурс — это в целом сетевой феномен, так как сетевые акторы вносят в него вклад, коммуницируя друг с другом. Пост в социальной сети также является актом коммуникации, при этом запись в сообществе адресована не конкретному сетевому актору, а определенному кругу подписчиков.

Дискурс-анализ был применен для выявления доминирующих тематик в молодежных политологических сообществах в социальных сетях. Если говорить о техниках анализа, то были применены элементы анализа аргумента по М. Скривену[2] и трехмерный анализ Н. Фэркло[3]. В той или иной степени были рассмотрены все три измерения, которые могут генерировать как посты в социальной сети, так и высказывания на круглом столе.

В целом можно отметить, что под каждую конкретную задачу потребовался свой методический инструментарий, адаптированный с учетом спе-

---

[1] *Dodd C. H.* Dynamics of intercultural communication. Boston: MS: McGraw Hill, 1998. — 289 p.

[2] *Scriven M.* Reasoning. — New York: McGraw-Hill. 1976; *Романов П. В., Щебланова В. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций) // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 144–154.

[3] *Йоргенсен М. В., Филлипс Л.* Дискурс-анализ: теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 118–131.

цифики предмета исследования. Использование качественных и количественных методов позволило рассмотреть предмет комплексно, с разных сторон. Выводы, полученные в ходе работы, позволяют судить о достаточно высокой эвристической ценности сетевого подхода, применяемого при рассмотрении профессиональных сообществ с учетом возрастного фактора.

1.5. Основные выводы

Исследование сообщества молодых политологов имеет ряд особенностей, без учета которых раскрыть его содержание и характеристики будет довольно сложно. В первую очередь это проблема вовлеченности молодых ученых и специалистов в политику, соединение ролей теоретиков и практиков в профессиональной жизни. От этого во многом зависит профессиональный портрет политологов, особенности их идентичности и восприятия внешней средой. Так или иначе, цель деятельности политологов как представителей интеллектуального сообщества заключается в производстве новых смыслов и идей, социально значимых форм ради улучшения общества, что в определенной мере делает их политиками.

В данном исследовании предлагается понимать под *молодыми политологами людей, которые получают признаваемый политологическим сообществом набор профессиональных компетенций, необходимых для получения новых знаний о сфере политического.*

Понятие «сообщество» также достаточно сложное и многогранное, но точно можно сказать, что оно формируется в процессе институционализации науки и профессии политолога, формирования малых групп по сетевому (горизонтальному) признаку и цели — получению знания о политическом. Наиболее подходящим для определения особенностей сетевой организации политологов можно признать понятие «эпистемическое сообщество», предложенное П. Хаасом, — это сеть профессионалов с признанными компетенциями в определенной области знаний, совместно вырабатывающих критерии их истинности и способных соотносить эти узкоспециализированные знания с практической реализацией политического курса (*policy*). Эпистемические сообщества подчеркивают взаимосвязь трех важных параметров: знаний, коллективной организации и политики (*policy*), при этом существуют вне политических контекстов, но могут быть и публичны, встраиваясь в сети политики (*policy networks*) либо в проблемные сети (*issue networks*) для решения конкретных проблем, затрагивающих их сферу компетенции.

Если отталкиваться от предложенных характеристик сообщества, наиболее перспективным методологическим подходом исследования

является сетевой анализ, который позволяет оценить особенности коммуникации и структуры связи между элементами социальной системы. Основным ресурсом сетевого обмена является объективное знание о политике, структура и содержание которого отличается.

Наука — дело коллективное. Получение, накопление и трансляция знаний в науке обусловлены определенными социально-институциональными параметрами. Научное знание о сфере политического независимо от дальнейших карьерных траекторий молодых политологов все равно является для них базовым ресурсом, позволяющим развиваться профессионально в рамках сетевого взаимодействия. При этом институционализированные субъекты (образовательные и профессиональные организации) выступают полноценными участниками сети, способствующими ее развитию.

Изучение сообщества молодых политологов и молодежных политологических организаций как сети и структуры соответственно возможно только при четкой концептуализации этих двух понятий, выделении идеальных критериев, способных обеспечить их различие. Всего предложено 16 таких критериев, которые будут использоваться в работе для точного определения и разделения сообщества и организаций. Кроме того, для определения ресурсов и потенциала сообщества молодых политологов, а также влияния на них молодежных политологических организаций проведена работа по выявлению наиболее значимых сетевых ресурсов, среди которых можно выделить интеллектуальный, человеческий, структурный, реляционный, культурный, социальный, символический капиталы, а также окружающую среду, содержание которой имеет важное значение для развития научной сети. Анализ указанных ресурсов определил структуру данной работы.

Цифровую среду предложено рассматривать как средство коммуникации, составляющую реляционный капитал сообщества, а не как компонент окружающей среды. Фактически интернет-пространство дублирует и расширяет горизонты взаимодействия, соответственно, нуждается в глубоком рассмотрении.

Для сетевого анализа сообщества молодых политологов вполне оправданно применение разных методов исследования, как количественных, так и качественных. Каждый аспект деятельности молодежного политологического сообщества имеет свои особенности, которые можно учесть только при использовании широкого набора инструментов анализа. В данной работе представлен целый комплекс методов исследования, раскрывающих всю глубину и универсальность сетевого подхода для изучения профессиональных сообществ.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

Запрос со стороны молодых политологов на развитие коммуникаций друг с другом существует, другое дело, что не всегда сложившиеся условия могут способствовать формированию сетей, в том числе и на международном уровне. Можно констатировать, что тенденции и проблемы развития российской политической науки в настоящее время лежат в той же плоскости, что и проблемы российской науки в целом[1]. Именно поэтому важно понять мнения самих молодых политологов о современном состоянии политической науки, их интересы и представления о политологии как академической дисциплине.

Сообщество молодых политологов, подвергаясь влиянию определенных факторов, способно изменяться и усиливать имеющиеся у них свойства, развивать свой потенциал. Именно поэтому в рамках данной главы отдельно речь пойдет о возможностях и угрозах для развития сообщества молодых политологов.

2.1. Оценка состояния политической науки

Состояние науки — понятие крайне широкое. Каждый его трактует по-своему, а показатели, по которым это можно определить, достаточно обширны, затрагивают множество аспектов[2]. В данной работе предложен анализ позиций молодых политологов по указанному вопросу. Эти мнения,

[1] *Патрушев С. В., Филиппова Л. Е.* Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и проблемы // Политическая наука. 2020. № 1. С. 20–53.

[2] *Авдонин В. С.* Политическая наука в институтах РАН: Институциональное измерение и наукометрические показатели // Политическая наука. 2015. № 3. С. 27–52; *Ильин М. В.* Десять лет академической политологии — новые масштабы научного знания // Полис: Политические исследования. 1999. № 6. С. 135–143; Круглый стол: «Политическая наука в институтах РАН: История, современное состояние, перспективы» // Поли-

Рис. 2.1. Оценка состояния политической науки в России, % от общего числа опрошенных

безусловно, субъективны и отражают их собственный опыт взаимодействия с сообществом, получения и обмена актуальными знаниями. Конечно, стоит учитывать и возрастные особенности, и степень вовлеченности в профессиональные коммуникации, и множество других факторов. В целом опрос молодых политологов смог предоставить вполне релевантные данные на заявленный вопрос относительно актуального состояния политической науки: уверенно можно говорить об основных трендах в восприятии респондентами особенностей развития российской науки о политике.

Мнения респондентов об актуальном состоянии политологии в России распределились примерно в равных долях, с небольшим смещением в сторону крайних отрицательных оценок (рис. 2.1).

Около 3% респондентов в комментариях изложили собственный взгляд на данный вопрос анкеты, приведем наиболее содержательные цитаты:

- **критические замечания**:
  «политология как наука отсутствует»; «большой отрыв теории от практики, о политологии судят по участникам шоу на ТВ»; «политология не воспринимается всерьез, не воспринимается как наука, к которой должны прислушиваться политические акторы»; «политология в России очень слабо практико-ориентированная. Отсюда возникают основные проблемы ее развития»; «в неполи-

тическая наука. 2015. № 3. С. 237–251; *Пляйс Я. А.* Отечественная политология на рубеже XX и XXI вв. // Полис: Политические исследования. 2002. № 2. С. 175–179.

тической России не нужна, поэтому на уровне ниже плинтуса: это как айфон в первобытном мире»; «неразвитость, ориентация на Запад без развития своих идей и теорий»; «западная политическая наука уже на уровне понятийного аппарата не адекватна реалиям российской социосистемы, вместе с тем науки о российской власти не существует»; «и не поднималась»; «имитация»;

- **неопределенная позиция**:
  «ожидаемое повышение позитивности в связи с ростом политической конкуренции, а сейчас пока "скорее негативное"»; «в целом состояние близко к стагнации, но всегда есть отдельные темы и исследователи, которые двигают науку вперед»; «сочетание развития и упадка»;
- **сдержанно-оптимистичные отзывы**:
  «медленное развитие»; «развивается, но медленно»;
- **нейтральная оценка**:
  «статичное состояние»; «политология развивается через несистемные каналы коммуникации и новые медиа».

Комментарии респондентов содержат преимущественно отрицательные коннотации, сетования на недостаточное развитие и отставание политической науки от западной школы. И даже те ответы, которые условно можно отнести к положительно заряженным суждениям, построены по принципу *«да..., но...»-логики*: развитие есть, но медленное; есть интересные темы, но в целом стагнация и т.д. Таким образом, можно отметить небольшой перевес в сторону негатива в плане оценки актуального состояния политологии в России.

Корреляционный анализ данных позволил выделить ряд факторов, в той или иной степени влияющих на оценки респондентов. Из социально-демографических признаков можно отметить пол: *женщин отличает более оптимистичное восприятие ситуации* (рис. 2.2)[1].

Интересная закономерность выявлена при сопоставлении ответов респондентов–студентов разных курсов обучения, а также молодых ученых и специалистов в политической сфере. Наиболее оптимистичные представления ожидаемо присущи первокурсникам и второкурсникам[2]. При этом самое большое число негативных оценок зафиксировано среди студентов 3-го и 4-го курсов бакалавриата[3] (рис. 2.3).

Одним из объяснений подобного распределения мнений можно считать некоторое разочарование в специальности и, возможно, наличие

[1] Коэффициент корреляции 0,16 при $p < 0,05$.

[2] Коэффициент корреляции 0,16 при $p < 0,05$.

[3] Коэффициент корреляции 0,17 при $p < 0,05$.

Рис. 2.2. Оценка состояния политической науки в зависимости от гендерной принадлежности, % от конкретной социально-демографической группы без учета затруднившихся ответить и выбравших вариант «другое»

страхов и неопределенности в отношении своего профессионального будущего. Эту тенденцию условно можно назвать *«кризисом некомпетентности»*. Согласно полученным данным[1], представления студентов первых курсов о деятельности политологического сообщества в целом и МПО как его структурного элемента в частности несколько размыты. Так, среди приоритетных задач молодежных политологических организаций они видят в том числе и создание стартовых условий для построения политической карьеры, и подготовку кадров для госструктур. Можно предположить, что сильно завышенные ожидания в отношении выбранной специальности, сформированные на первых курсах или еще до поступления в университет, к концу обучения на бакалавриате приводят к разочарованию и пессимизму в отношении выбранного профессионального пути, и косвенным признаком подобных настроений является преобладание негативизма в оценках состояния всей отрасли.

Примечательно, что оценки магистров и молодых ученых, а также специалистов в политической сфере в целом сопоставимы со средневыборочными, значимых корреляций не выявлено.

И еще одним важным фактором, влияющим на восприятие ситуации в политической науке, является *коммуникативная активность.* Респонденты, взаимодействующие с коллегами из других регионов, склонны более позитивно оценивать актуальное состояние политологии в России[2] (рис. 2.4).

[1] См. главу 6.

[2] Коэффициент корреляции 0,12 при $p < 0,05$.

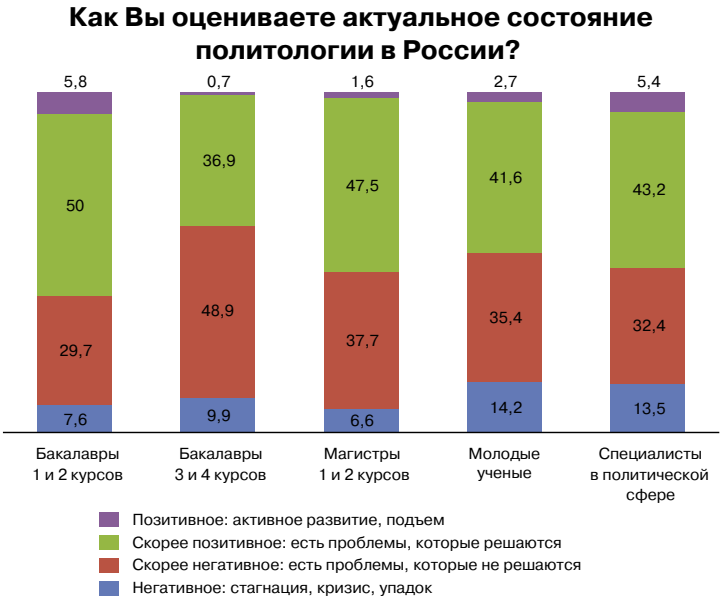

Рис. 2.3. Оценка состояния политической науки в зависимости от рода деятельности, % от конкретной группы без учета затруднившихся ответить и выбравших вариант «другое»

Данный вывод можно считать одним из ключевых во всем исследовании, поскольку он показывает, насколько важно поддерживать связи с коллегами из сообщества. Именно это формирует в целом осознание нужности себя в профессии, вовлеченности в процесс производства новых знаний. Общение с коллегами позволяет понять, что сообщество действительно существует и развивается, соответственно, мнения относительно актуального состояния политической науки будут смещаться в сторону ее положительной оценки.

В целом состояние политической науки молодые политологи оценивают неоднозначно. Студенты первых курсов бакалавриата излишне его идеализируют, а их коллеги постарше (3–4-е курсы), наоборот, относятся более скептически. В одном случае налицо непонимание всей специфики профессии, а во втором — сложности в осознании своего места в политологии и окружающей реальности. Главное же, что более положительные отзывы о состоянии политической науки высказывают те, кто больше вовлечен в общение со своими коллегами из других регионов, а не только из своего вуза или субъекта.

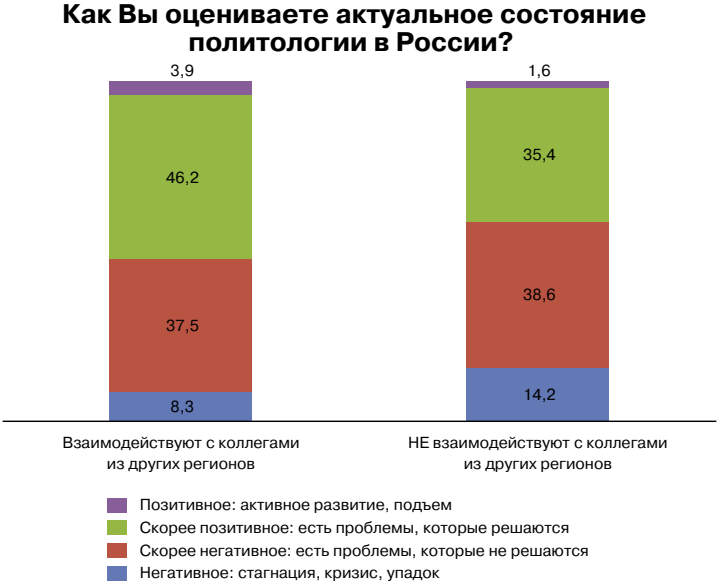

Рис. 2.4. Оценка состояния политической науки в зависимости от рода деятельности, % от конкретной группы без учета затруднившихся ответить и выбравших вариант «другое»

2.2. Политология как академическая дисциплина и инструмент социализации граждан: интерес молодых политологов

В ходе круглых столов «Знания о политике: как получить и где применить?», проведенных в 20 городах России, не раз поднималась тема о сущности политологии. Этот вопрос актуален в особенности для студентов младших курсов бакалавриата, которые могут еще не до конца осознавать все многообразие новой для них науки. Кроме того, с точки зрения учебных планов первокурсники и второкурсники не успевают ознакомиться со всеми сферами политологического знания.

Например, на круглом столе в Астрахани в качестве «одного из предметов политологии» была отмечена *«...способность власти и способность политика расположить к себе максимальное количество людей»*. Здесь открытым остается вопрос — насколько данная тема соответствует сфере интересов академической политологии? Таким образом, студенты часто не видят разницы между академическим и прикладным измерением политической науки.

Соотношение теории и практики в политической науке также было главной темой ряда круглых столов. Многие участники прошедших мероприятий считают практические навыки важнее, чем знания в области политической теории или философии. Как правило, все вытекает из востребованности на рынке труда именно тех молодых специалистов, которые уже успели обрести некоторые прикладные умения:

«Я ни для кого не открою сейчас Америку, если скажу, что на рынке более конкурентоспособен специалист, имеющий определенный опыт практический в той или иной сфере, политология не является исключением» (Елизавета, студент, Барнаул).

Еще один пример аналогичного взгляда на проблему:

«Главное — это практика, но порой стоит, порой приходится довольствоваться лишь теорией, изучением теории и тем, что в голове строишь свою какую-то идеальную модель государства... Поскольку теория намного доступнее, чем практика. Практика — это то, для меня что-то такое еще, наверное, тяжело найти способ практиковаться. Поэтому, конечно, за практикой будущее, но теория доступнее» (Русанов Никита, студент, Астрахань).

А вот взгляд первокурсника на проблему соотношения теории и практики:

«Нужна теория, которая сможет применяться на практике, если он не может применить теорию на практике, то первая остается невостребованной... Мы можем применить ее на практике, например, когда участвуем в дебатах, мы можем показать людям свое мнение, как можно поступать в различных ситуациях, или можем, например, участвовать в каких-то выборах — это же тоже применение теории» (Ичинская Марина, студент, Кемерово).

При этом использование таких формулировок, как «порой приходится довольствоваться одной теорией», большое количество вводных слов в речи выдают непонимание у участников круглых столов возможностей получения практического опыта в политике или политологии. Вероятно, студент из Астрахани именно это и имел в виду, когда говорил о том, что *«за практикой будущее, но теория доступнее»*. Возможность применения знаний, особенно в условиях реальной политической ситуации, — одна из ключевых проблем для молодых политологов, которая будет подробнее освещена в последующих параграфах.

Подчеркивая необходимость и приоритет практики, многие участники круглых столов говорили о важности теоретического знания:

«Политологу нужно овладеть широким кругом возможностей, а для этого, во-первых, нужно освоить академические знания в университете либо самому как-то развиваться, дополнительно изучать литературу, так как теория — это основа любой деятельности и без нее невозможно оттачивать свои навыки на практике» (Трофимова Дарья, магистрант, Кемерово).

Примечательно, что значимость теории лучше осознают студенты старших возрастов, в то время как младшие курсы придают ей меньшее значение.

Еще один важный вопрос касается интереса к политологии и политике со стороны студентов. В различных городах на этот вопрос отвечали по-разному. Например, в Воронеже один из докладчиков сослался на опрос НИУ ВШЭ, который зафиксировал рост интереса к политологическому знанию у респондентов с 36 до 44% в возрастной группе 11–17 лет. Таким образом, востребованность политологического знания возрастает. Отметим, что относительно уровня интереса к политике имели место содержательные дискуссии:

«Глеб сказал одну интересную мысль, что у школьников есть некая апатия к политике, к практическим знаниям. Поскольку я занимался и продолжаю заниматься общественной деятельностью в молодежной избирательной комиссии, то мы часто встречаем в школах, что у ребят все-таки есть интерес к получению знаний о политике, более того, у них уже есть свои сформировавшиеся взгляды на происходящее в стране и регионе» (Третьяков Денис, студент, Барнаул).

На ряде площадок отметили и низкий интерес к политологии у студентов. Политология как учебная специальность оказывается менее популярной, чем государственное и муниципальное управление:

«Ну если говорить честно, то, конечно, государственное и муниципальное управление превалирует. Потому что предметов по этому направлению гораздо больше, чем в политологии. Там всего один предмет. Они его прошли, получили зачет и довольны. Для меня пока что ясна одна интересная вещь: в Республике Бурятия молодежь не сильно интересуется политикой, ну вообще» (Ташканэ Александр, преподаватель, Улан-Удэ).

Иными словами, студенты неполитологических специальностей политикой интересуются мало и относятся к политологии лишь как к одной из непрофильных дисциплин. Что касается сравнения таких образовательных направлений, как «Политология» и «Государственное и муниципальное управление», то популярность второй вызвана ее большей по-

нятностью для студентов, абитуриентов и их родителей. После окончания вуза по направлению ГМУ студент может пойти на работу в государственные органы, и он там будет востребован.

Политология в этом смысле более «широкая» специальность. С одной стороны, она дает базовые знания по многим социальным наукам, с другой — у политологической специальности нет такой четкой привязки к профессии, как в случае с тем же государственным и муниципальным управлением. Этого же мнения придерживаются и некоторые представители государственных структур:

«Яркий пример, когда я разговаривал с министром по внутренней политике в Микроскопусе. Он мне сказал так: "Политология — это не образование, образование — это ГМУ, если вы хотите работать здесь"» (Алешин Артем, студент, Калининград).

На круглом столе в Барнауле тема интереса к политике у молодежи стала одной из ключевых. Среди причин низкого интереса к этой сфере студенты (читай — представители молодежи) называют несменяемость лиц в политике, стагнацию системы власти, бюрократические барьеры. Некоторые студенты уже реально сталкивались с такими проблемами:

«Мы видим это наблюдение, что молодежь видит и чувствует эту бесперспективность на уровне своих регионов. А уже на уровне, в дальнейшем, когда уже они едут дальше — невозможность развития идей и потенциала на уровне Российской Федерации. И в первую очередь идет столкновение с жесткой бюрократией. Нет никакой поддержки здесь. И вот пример личный — когда мы звонили в фонд Европейский — они без проблем захотели осуществить эту поддержку» (студент, Барнаул).

Кроме того, некоторые студенты отмечают сложность политического в принципе, что некоторых может отпугивать. Об этом в ответе на вопросы говорили студентки из Улан-Удэ. В то же время на некоторых круглых столах указывали на важность политологии для всех граждан. Ведь она является не только академической дисциплиной, но и включает в себя знания, которые необходимы любому политически грамотному человеку. В данном случае речь идет о таких объектах изучения политической науки, как партии, избирательные системы, государства и политические режимы:

«Управленческая деятельность сама по себе уже требует некоторых глубоких знаний в области политологии. Я предлагаю вспомнить одну из монографий Якунина, называется она "Политология транспор-

та". Если коротко говорить, то в этой книжке автор высказывает свое мнение о том, что не важно, в какой сфере ты работаешь, т.е. не важно, будь ты технарь, инженер или госслужащий, политология тебе необходима» (Зайцева Екатерина, Астрахань).

О политологии как одном из инструментов политической социализации молодежи говорили в Иркутске:

«На мой взгляд, в Иркутске это все есть и практико-ориентированный формат, публичная политика, политологи СМП РАПН. Молодежь должна использовать все эти ресурсы к тому, чтобы социализироваться в политологическом плане. Таким образом, через работу с этими ресурсами появляется возможность для дальнейшего развития» (Олейников Илья, преподаватель, Иркутск).

При этом в словах преподавателя из Иркутска есть не только мысль о политологии, как об инструменте социализации. Он призывает использовать предоставляющиеся возможности и получаемые знания для саморазвития. Одной из составляющих социализации является и общение с коллегами, причем не только на лекционных или семинарских занятиях, но и, например, в перерывах. Простое нахождение внутри небольшой группы будет способствовать усвоению не только политических знаний, но и политических установок:

«Потому что здесь вы социализируетесь, вы растете и развиваетесь среди сферы и среди ваших, так сказать, коллег, которые мыслят с вами и тоже растут с вами, и у вас появляются тоже мысли и идеи в процессе этой социализации и, соответственно, в процессе образования» (Назарова Регина, магистр, Санкт-Петербург).

Препятствием для политической социализации молодежи является как раз изъятие политологии и других социальных дисциплин из учебных планов. Студенты утрачивают один из важнейших каналов политической социализации и фактически не готовы к реализации даже своего активного избирательного права:

«Политология, культурология, т.е. базовые такие социально-гуманитарные дисциплины, они просто не читаются и не преподаются. Так вот изъятие из учебного плана таких дисциплин приводит к тому, что не затрагиваются глубинные, ценностные, смысловые проблемы» (Кривец Алла, преподаватель, Белгород).

Таким образом, консенсуса по поводу интереса к политике у молодых исследователей и молодежи в ходе круглых столов в разных городах

не было. Нередко студенты неполитологических специальностей мало интересуются политикой. В то же время студенты-политологи очень часто неравнодушны к текущей политической ситуации и проявляют интерес к политологическому знанию. Одним из свидетельств этого стала популярность большинства круглых столов в региональных вузах. Плохой новостью является то, что студенты, очевидно, не всегда представляют, где можно применить полученные знания.

Политология участниками круглых столов трактуется и как академическая дисциплина, и как способ получения знаний и навыков, которые могут быть полезны в повседневной жизни, а также делают граждан готовыми к принятию политических решений.

2.3. Факторы влияния на сообщество молодых политологов

Выявление факторов, способных показать основные точки роста сообщества молодых политологов, имеет важное значение для определения особенностей его развития.

Нами был использован факторный анализ, который помог выделить группы параметров — некие смысловые конструкты, состоящие из ассоциативно связанных в сознании респондентов параметров, *влияющих на формирование и функционирование сообщества молодых политологов*.

В сетевой теории при описании ресурсов сети используются чаще всего характеристики социального и/или интеллектуального капитала (подробнее см. главу 1, § 1.3), а также коммуникативных механизмов взаимодействия участников. Для оценки нашим респондентам были предложены вопросы, которые касаются внутренних и внешних характеристик сообщества, а также особенностей коммуникации.

Для начала мы попросили ответить на вопрос — насколько респонденты информированы о деятельности молодежного политологического сообщества у себя в вузе / регионе? В целом стоит признать, что респонденты достаточно хорошо осведомлены о такой работе — порядка 80% опрошенных в той или иной степени знакомы с текущей деятельностью. Однако степень информированности на университетском уровне немного выше, чем на региональном (рис. 2.5).

Подобное распределение мнений является вполне закономерным благодаря бо́льшей включенности студентов и молодых ученых в вузовскую среду. В свою очередь, чем выше уровень или больше масштаб объединения, тем сложнее коммуникативные процессы и выше инертность информационных потоков. Получается, что именно вузы выступают ос-

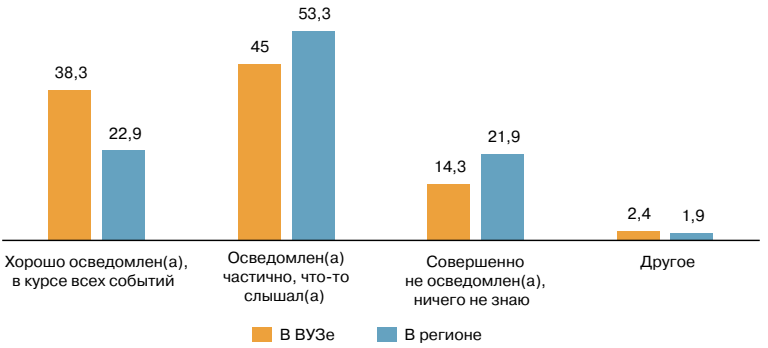

Рис. 2.5. Ответы респондентов на вопрос:
«В какой степени Вы осведомлены о деятельности молодежного политологического сообщества у себя в вузе / регионе?», %

новной площадкой для получения сведений о жизни молодежного политологического сообщества.

Респондентам, хорошо или частично осведомленным о работе молодежных политологических сообществ, было предложено дать общую оценку их деятельности в вузе и регионе по шкале от 1 до 5, где 1 — очень плохо, 5 — очень высоко, отлично. В обоих случаях средний балл оказался удовлетворительным — 3,3 (табл. 2.1, параметр № 1). По тому же принципу оценены и другие параметры деятельности молодежного политологического сообщества.

Факторы влияния на молодежное политологическое сообщество в вузе

В результате статистической обработки выделено три фактора влияния на деятельность **университетских** молодежных политологических сообществ, условно обозначенные нами как коммуникативный (фактор 1), внутренний (фактор 2) и внешний (фактор 3) (табл. 2.2).

Внутренний фактор (как следует из названия) определяют параметры, описывающие внутренние процессы жизни сообществ, в первую очередь *научная и публикационная активность студентов и молодых ученых*, а также *кадровый потенциал, стремление молодежи к научной деятельности*. Этот фактор в сознании респондентов объединяет то, что в сетевом анализе называется человеческим капиталом. Он определяет личные навыки и знания участников, их квалификацию, опыт, мотивацию, профессиональные возможности. В целом параметры внутреннего фактора, отражающего содержание человеческого капитала, респонденты оценили выше, чем все остальные.

Таблица 2.1

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень организации молодежного политологического сообщества у себя в вузе / регионе?»

Параметр	В вузе		В регионе	
	средний балл	затруднились оценить, %	средний балл	затруднились оценить, %
Работа молодежного политологического сообщества	3,3	7	3,3	11
Научная активность студентов и молодых ученых (участие в исследовательских проектах, конференциях и проч.)	3,8	5	3,4	7
Публикационная активность студентов и молодых ученых	3,4	6	3,3	6
Кадровый потенциал, стремление молодежи к научной деятельности	3,2	5	3,4	6
Информирование о научных или практических мероприятиях в университете	3,8	4	3,4	7
Информирование о всероссийских научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	3,4	6	3,4	7
Информирование о научных или практических мероприятиях в регионе	3,4	5	3,4	6
Включенность в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов	3,2	9	3,3	10
Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	3,2	6	3,2	7
Поддержка со стороны вуза	3,5	7	3,4	9
Поддержка со стороны региональной власти	2,8	10	2,9	11
Поддержка со стороны федеральной власти	2,6	11	2,8	13
Наличие в регионе дискуссионных площадок и клубов по политологической проблематике	–	–	3,3	6
Сотрудничество региональных МПО с молодежными политологическими организациями других регионов	–	–	3,1	15

Таблица 2.2

Факторный анализ оценок параметров работы молодежного политологического сообщества в вузе[1], %

Параметр	Факторы		
	1	2	3
Научная активность студентов и молодых ученых (участие в исследовательских проектах, конференциях и проч.)		0,807	
Публикационная активность студентов и молодых ученых		0,829	
Кадровый потенциал, стремление молодежи к научной деятельности		0,689	
Информирование о научных или практических мероприятиях в университете	0,582	0,537	
Информирование о научных или практических мероприятиях в регионе	0,800		
Информирование о всероссийских научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,874		
Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,814		
Включенность в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов			0,550
Поддержка со стороны вуза		0,483	0,595
Поддержка со стороны региональной власти			0,883
Поддержка со стороны федеральной власти			0,883
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.			
Вращение сошлось за 5 итераций.			

Внешний фактор отражает влияние внешней среды на деятельность молодежных политологических сообществ. В нашем случае *это поддержка со стороны федеральной и региональной власти*, *включенность в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов*. Данный фактор связан с внешней средой, используемой в сетевом анализе для оценки коммуникативных особенностей участников сети с внешними акторами. Он включает в себя также отношения сообщества с внешней средой.

[1] KMO-коэффициент: 0,880 (высокая пригодность данных). Barlett-Test: $p < 0,000$ (высокий уровень значимости). Вес фактора 1 = 25,3%, вес фактора 2 = 24,4%, вес фактора 3 = 22,8%.

Коммуникативный фактор основан на процессе получения и обмена знаний посредством участия в различного рода научных мероприятиях. В частности, это касается информирования о значимых для сообщества событиях — *научных или научно-образовательных мероприятиях российского и международного уровней (школы, курсы),* а также *научных или практических мероприятиях в регионе*. Оценку проводимой информационной работы можно интерпретировать как среднюю, удовлетворительную. О международных событиях, с точки зрения респондентов, они знают несколько хуже, чем о российских или региональных. Несмотря на сильную роль средств коммуникации в современном мире, респонденты считают, что уровень информационной обеспеченности средний. Данный фактор отражает процесс сетевого обмена, основанного на свободном доступе к информационным ресурсам акторов сети, связанного в первую очередь с реляционным капиталом сообщества.

Полученные факторы в некоторой степени детерминируют оценку работы молодежных политологических сообществ в вузе. С помощью регрессионного анализа они были проранжированы по степени влияния на данный параметр (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Регрессионный анализ влияния выделенных факторов на оценку работы молодежных политологических сообществ в вузе

Переменная	Бета-коэффициент	Значимость
Фактор 2 (внутренний)	0,410	0,000
Фактор 3 (внешний)	0,375	0,000
Фактор 1 (коммуникативный)	0,363	0,000
$R^2 = 44\%$		

Следует отметить, что выявленные факторы не являются автономными конструктами. В процессе анализа выделены своеобразные зоны пересечения — параметры, которые в сознании опрашиваемых прочно взаимосвязаны сразу с двумя из описанных выше факторов:

- так, *информирование о научных или практических мероприятиях в университете* можно отнести как к внутреннему, так и коммуникативному факторам. Этот параметр, к слову, оценивается респондентами выше остальных — 3,8 балла;
- *поддержка со стороны вуза* воспринимается респондентами скорее как элемент внешней среды (факторная нагрузка > 0,5), однако существует и корреляция с внутренним фактором, выраженная чуть слабее (факторная нагрузка > 0,4). Отметим, что помощь от университета студенты и молодые ученые ощущают заметнее, неже-

ли поддержку федеральной и региональной власти, — 3,5 балла против 2,6 и 2,8 балла соответственно. Этот факт свидетельствует об особой роли вузов в обеспечении деятельности сообщества.

Факторы влияния на молодежное политологическое сообщество на региональном уровне

Как уже отмечалось выше, респонденты хуже осведомлены о деятельности молодежных объединений политологов на **региональном уровне**. Это, несомненно, отразилось на их оценках работы сообществ (табл. 2.1; 5-й и 6-й столбец).

Представления участников опроса о работе молодежного политологического сообщества в регионе имеют менее четкую структуру, в результате анализа было выделено только два фактора (табл. 2.4, 2.5).

Первый блок объединяет **внутренний** и **коммуникативный факторы,** прочно взаимосвязанные в сознании респондентов. Оценки респондентами конструирующих его параметров варьируются в пределах 3,2–3,5 балла и в целом сопоставимы с оценками аналогичных категорий, характеризующих работу университетских сообществ (разница в 0,1–0,2 балла). Исключение составляет научная активность студентов и молодых ученых — по мнению участников опроса, на региональном уровне она несколько ниже, чем на вузовском (3,5 и 3,8 балла соответственно). При этом респонденты в целом удовлетворены наличием в регионе дискуссионных площадок и клубов по политологической тематике (3,3 балла).

На деятельность научных сообществ политологов также оказывают определенное влияние и параметры коммуникативного свойства, которые были введены специально для регионального уровня сообществ. Они обозначают взаимодействие с другими акторами научной сети: *сотрудничество региональных МПО с молодежными политологическими организациями других регионов* и *включенность в общероссийское научное сообщество.* Эти параметры в равной степени коррелируют как с первым, так и со вторым фактором (факторные нагрузки 0,5–0,6). Оценка удовлетворенности данными параметрами также средняя (3,1–3,3 балла), причем они не выделены в сознании респондентов в отдельную группу, как и поддержка со стороны вузов, которая одновременно относится и к внутренним, и к внешним факторам. Соответственно мы получаем дополнительные подтверждения того, что на региональном уровне молодежное политологическое сообщество также достаточно тесно связано с работой вузов.

Внешний фактор включает в себя поддержку со стороны федеральной и региональной власти. Вузы воспринимаются в большей мере как элемент внешней среды по отношению к региональным сообществам и оце-

Таблица 2.4

Факторный анализ оценок параметров работы молодежного политологического сообщества в регионе[1], %

Параметр	Факторы	
	1	2
Научная активность студентов и молодых ученых (участие в исследовательских проектах, региональных конференциях и проч.)	0,766	
Публикационная активность студентов и молодых ученых (местные издательства, региональная периодика)	0,789	
Кадровый потенциал региона	0,739	
Информирование о научных или практических мероприятиях в регионе	0,774	
Информирование о всероссийских научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,750	
Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,735	
Наличие в регионе дискуссионных площадок и клубов по политологической проблематике	0,657	
Сотрудничество РМПО с молодежными политологическими организациями других регионов	0,558	0,525
Включенность в общероссийское научное сообщество	0,622	0,562
Поддержка со стороны вузов	0,488	0,620
Поддержка со стороны региональной власти		0,890
Поддержка со стороны федеральной власти		0,891
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.		
Вращение сошлось за 3 итерации.		

Таблица 2.5

Регрессионный анализ влияния выделенных факторов на оценку работы молодежных политологических сообществ в вузе

Переменная	Бета-коэффициент	Значимость
Фактор 1 (внутренний / коммуникативный)	0,571	0,000
Фактор 2 (внешний)	0,483	0,000
$R^2 = 55\%$		

[1] KMO-коэффициент: 0,923 (высокая пригодность данных). Barlett-Test: $p < 0,000$ (высокий уровень значимости). Вес фактора 1 = 41,2%, вес фактора 2 = 27%.

ниваются выше, чем все остальные. Проводя аналогии с университетскими политологическими сообществами, можно сказать, что именно вузы непосредственно участвуют в деятельности подобных структур, они предоставляют площадки для проведения мероприятий, их информационную и организационную поддержку. Содействие региональных и федеральных властей развитию политической науки и профильных сообществ оценивается неудовлетворительно.

О деятельности региональных молодежных политологических сообществ участники опроса осведомлены чуть хуже, что делает их представления более размытыми и сумбурными. Коммуникативные процессы не выделяются в отдельный фактор, а видятся элементами исключительно внутренней среды.

Взаимодействие с представителями общероссийского научного сообщества и молодежных политологических организаций находится на пересечении внешней и внутренней среды, коррелируя с обоими факторами. Это может быть связано с тем, что, с одной стороны, МПО чаще всего связаны с работой в определенных вузах[1], а с другой — позиционируют себя как часть общероссийского профессионального сообщества. Таким образом, в восприятии респондентов достаточно сложно определить границы деятельности МПО, в отличие, например, от научных студенческих сообществ или федеральных организаций, где нет разветвленной региональной сетки представительств.

Таким образом, анализ представлений респондентов позволил выявить ряд ключевых факторов, оказывающих влияние на формирование, функционирование и развитие сообщества молодых политологов. В университетской среде появление подобных объединений определяется внутренними процессами, отражающими качество человеческого капитала (научно-исследовательской, публикационной активности студентов и молодых ученых, кадрового потенциала). Примерно в равной степени на оценку работы политологических сообществ влияют правильно выстроенная информационная работа (как реляционный капитал), структура и взаимодействие с элементами окружающей среды — общероссийским научным сообществом, университетскими структурами и представителями госструктур.

Отметим, что респонденты отмечают низкий уровень поддержки региональной и федеральной власти, в то время как университетские структуры оказывают достаточно серьезное позитивное влияние на МПО в регионах. Таким образом, если вузы обеспечат условия для развития

[1] В некоторых регионах политологов готовит только один вуз, поэтому работа молодежных политологических сообществ может напрямую ассоциироваться с данным учебным заведением.

не только студенческой, но и профессиональной активности, этого будет достаточно для раскрытия потенциала сообщества.

2.4. Возможности и угрозы для развития сообщества молодых политологов

Потенциал — это динамическое явление, которое в нашем случае показывает возможность усложнения, расширения и качественного роста сетевой структуры сообщества и его интеллектуального капитала. Представителями гуманитарных наук потенциал чаще всего рассматривается как «источник скрытых возможностей для достижения целей, как направленность, придающая человеческой жизни ценность и смысл», «особого рода возможность, которая, реализуясь, все время сохраняется как возможность дальнейшей деятельности»[1].

Для оценки потенциала сообщества наиболее релевантным выглядит рассмотрение возможностей и угроз через призму *SWOT*-анализа (табл. 2.6).

Сильные стороны. Политология — молодая наука, но уже накоплен достаточный опыт научных исследований, формирования и институционализации профессионального сообщества[2]. С 2006 г. активно развивается молодежное направление, структура, в которой молодые политологи могут попробовать свои силы в науке, поучаствовать наравне со взрослыми в различных формах научной активности[3].

Институционализация политической науки в целом может считаться важным фактором ее дальнейшего развития, а соответственно, и отбора сильных кадров для дальнейшего формирования и развития новых научных направлений и школ[4].

Важным, а возможно, ключевым условием такой институционализации являются профессиональные некоммерческие организации, представляющие интересы сообщества с внешними акторами. В частности,

---

[1] *Иванченко Г. В., Плотникова А., Леонтьев Д. А.* Идея потенциала в науках о человеке: от «человеческого потенциала» к личностному // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под науч. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 42–58.

[2] *Патрушев С. В., Филиппова Л. Е.* История Российской ассоциации политической науки: Науч. издание / Под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. — 360 с. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы» / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

[3] История СМП РАПН // СМП РАПН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: morapn.ru/history (дата обращения: 12.02.2020).

[4] Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. — 463 с.

Таблица 2.6

***SWOT*-анализ потенциала развития сообщества молодых политологов**

	Сильные стороны	**Слабые стороны**
Внутренние факторы	Высокое качество образования, особенно в столичных вузах Накопленный опыт проведения фундаментальных научных исследований Институционализация политической науки Широкие возможности влияния на государственную научно-образовательную политику некоммерческих профессиональных организаций Наличие бюджетных мест на всех ступенях образования Приверженность общепринятому кодексу поведения в рамках международного научного сообщества Высокая оценка человеческого ресурса молодежным политологическим сообществом	Привлекательность для студентов преимущественно из стран постсоветского пространства Невысокие расходы на НИОКР Трудности миграционного режима Пробелы в нормативно-правовой базе, нестабильность законодательного регулирования Низкий уровень вовлеченности молодежи в исследовательские проекты Малое количество научных фондов, особенно в частном секторе Востребованность в научных исследованиях и формирование научных направлений создается в основном за счет государственного заказа Рассинхронизация теоретического и практического знания Преимущественная централизация ресурсов (человеческих и финансовых) в столицах — Москве и Санкт-Петербурге Низкий уровень владения английским языком как языком международного общения
	Возможности	**Угрозы**
Внешние факторы	Участие в Болонском процессе Взаимное признание дипломов с университетами зарубежных стран Постоянное проведение международных конференций Участие в программах обмена ППС и студентами Финансирование молодежных исследовательских проектов Развитие форм дистанционного обучения	Санкции западных стран Политизация науки Идеологизированность науки Слабое вовлечение российских ученых в международные научные проекты Запрет на иностранное финансирование профессиональных некоммерческих организаций Невысокая квота на бюджетное обучение иностранных студентов (15 тыс. чел. в год) Излишнее государственное регулирование и контроль за академической деятельностью

Российская ассоциация политической науки не только проводит международные научные мероприятия, но и является Центром ответственности по комплексу специальностей политологического профиля, участвует в определении количества бюджетных мест, что помогло расширить бюджетный прием по политологическим специальностям в 2014–2019 гг. на 25–80%, участвует в разработке федеральных государственных образовательных стандартов и программ[1].

Знание международных норм поведения позволяет представителям российского научного сообщества участвовать в международных конференциях и завязывать необходимые контакты, что позитивно сказывается на формировании научных сетей[2], особенно в молодежной среде. Отдельно стоит отметить, что сами молодые политологи достаточно высоко оценивают человеческий ресурс сообщества (см. главу 5).

Слабые стороны заметны в сфере работы с иностранными обучающимися, реализации исследовательских проектов с вовлечением молодых ученых, централизации человеческих и финансовых ресурсов в стране. Также заметны проблемы, вызванные низким уровнем знания английского языка, что затрудняет коммуникации[3].

Что касается привлекательности для студентов, то для продвижения позитивного образа российской науки необходимо не только привлекать студентов из стран постсоветского пространства, Ближнего Востока и Китая, но и работать со студентами из европейских стран, увеличивать количество стажировок, обменов и грантов с ведущими европейскими и американскими университетами, а также наращивать взаимодействие с «элитными вузами», которые занимают ведущие позиции по различным рейтингам. Все это будет способствовать формированию международных научных сетей и продвижению позитивного видения российской науки, выведет ее в авангард научных исследований.

Существенным недостатком является рассинхронизация теоретического и практического знания. Еще мало соединена политическая теория и политическая практика, многие аналитические работы политологов остаются невостребованными, а «практики» скорее ориентируются на свое восприятие политической ситуации, порой игнорируя наработки теоретиков. Стоит отметить и вмешательство государства в научную деятельность посредством, например, искажения и интерпретаций по-

---

[1] *Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И., Чугров С. В.* Мир и политика сквозь призму научных форумов // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 99.

[2] Там же.

[3] Россия стала 39-й из 70 стран по показателю владения английским языком // РБК. 2015. 03 ноября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/03/11/2015/563866969a79474acfd69663 (дата обращения: 25.02.2020).

лученных учеными данных, а также целевой заказ на определенные исследования[1].

Угрозы для формирования молодежного политологического сообщества лежат в основном в сфере государственного регулирования науки и образования, а также международного контекста. Роль государства сложно переоценить, поскольку именно оно формирует законодательную базу, которая достаточно часто меняется, строго контролирует некоммерческий сектор, устанавливает бюджетные места для иностранных учащихся, финансирует исследовательскую деятельность. В этой связи есть существенная угроза политизации и идеологизации науки, когда для внешних акторов оказываются важными не ученый и результаты его исследования, а национальная, идеологическая принадлежность или государственные приоритеты, особенно в международном пространстве. Это противоречит принципу объективности в науке и тормозит процесс развития плодотворной научной дискуссии между представителями различных мировых научных школ. Заметим, что нормативное регулирование образования трансформируется относительно часто, что добавляет неопределенности существующим «правилам игры». Хорошим примером здесь являются продолжающиеся реформы аспирантуры, отличающиеся некоторой непоследовательностью в решениях государственных органов власти[2].

Стимулирование российских ученых проводить более качественные исследования и продвигать результаты своих исследований на международной научной арене (например, участие в конференциях, организуемых ведущими научными центрами) выявляет необходимость увеличения затрат на НИОКР, которые включают в себя в том числе расходы, связанные с регистрационными взносами, проживанием, оформлением виз, проездом, выплатами суточных, доступом к необходимому оборудованию, информации и т.д.

Тем не менее есть и некоторые *возможности*, которые следует использовать для интеграции российского научного сообщества в международное. А именно участие России в Болонском процессе и взаимное признание дипломов позволяет студентам получать более комплексное

[1] *Северинов К.* Никто не застрахован от того, что у него вдруг не поедет крыша. Как реорганизовать Академию наук // Indicator. 2017. 27 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://indicator.ru/engineering-science/severinov-o-ran.htm (дата обращения: 12.12.2019).

[2] Одним из примеров является принятый в первом чтении законопроект № 860618-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)», который вносит существенные изменения в процесс подготовки аспирантов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/860618-7 (дата обращения: 15.07.2020).

представление о состоянии науки, знать и понимать различные подходы к рассмотрению вопросов научного интереса, а также формируют критическое мышление, являющееся неотъемлемой частью освоения научного знания. Этому также способствует участие в программах обмена профессорско-преподавательского состава и студентов, организация и участие в международных конференциях, где возможен обмен знаниями в условиях открытости мнений и свободной научной дискуссии.

Среди достоинств также можно подчеркнуть активное развитие сотрудничества с иностранными вузами и исследователями (программы «двойного диплома», международные конференции и т.д.), наличие бюджетных мест на всех ступенях образования, что дает возможность небогатым талантливым людям получить качественное образование и совершенствоваться в научной деятельности.

Общемировая тенденция, способствующая интернационализации научной сферы, — это расширение онлайн-платформ для получения образования и выстраивания связей со своими коллегами — социальные сети, в том числе профессиональные, массовые открытые онлайн-курсы (MOOK), иные формы сетевой коммуникации.

В свою очередь, главным драйвером для позитивных изменений может стать некоммерческий сектор, в частности профессиональные ассоциации, которые призваны развивать политологическое сообщество. Именно они могут правильно оценить проблемы и возможности политической науки и ее молодых представителей, а также содействовать созданию условий академической свободы, способствующих развитию коммуникаций с иностранными коллегами. Но здесь важно преодолеть сложности в государственном регулировании некоммерческих организаций, в том числе касающиеся ограничений на иностранное финансирование. Несмотря на это, профессиональные ассоциации можно рассматривать как один из основных драйверов развития всего сообщества[1].

2.5. Основные выводы

Таким образом, консенсуса по поводу интереса к политике у молодых исследователей и молодежи в ходе круглых столов в разных городах не было. Студенты неполитологических специальностей нередко мало интересуются политикой. В то же время студенты-политологи очень часто неравнодушны к текущей политической ситуации и проявляют ин-

[1] *Яковлев А. А., Казун А. П., Ситкевич Д. А.* Профессиональные организации как драйверы социальных изменений в развивающихся странах // Journal of Institutional Studies. 2016. № 3. С. 47–71.

терес к политологическому знанию. Одним из свидетельств этого стала популярность большинства круглых столов в региональных вузах. Плохой новостью является то, что студенты, очевидно, не всегда представляют себе сферы, где можно применить полученные знания.

Политология участниками круглых столов трактуется и как академическая дисциплина, и как способ получения знаний и навыков, которые могут быть полезны в повседневной жизни, а также делают граждан готовыми к принятию политических решений.

Если говорить в общем о позициях молодых политологов по поводу современного состояния политической науки, то мнения разделились примерно поровну, однако отмечено смещение в сторону крайних отрицательных оценок. Развернутые комментарии респондентов содержат в основном отрицательные коннотации по принципу «да..., но...»-логики.

Заметны некоторые социально-демографические особенности в восприятии состояния политической науки в России. В частности, женщин отличают более оптимистичные взгляды. Такая же тенденция заметна у студентов первых двух курсов бакалавриата. Однако у этой группы наблюдается больше всего высоких оценок функций МПО, связанных с созданием стартовых условий для построения политической карьеры и подготовки кадров для госструктур. Таким образом, заметно, что «младшекурсники» не совсем понимают особенности своей профессии, а непонимание сменяется разочарованием на старших курсах.

Это может быть связано как с разочарованием в профессии, так и с «кризисом компетентности», когда оказывается, что представители этой группы не могут конкурировать со своими сверстниками на рынке труда.

Ключевым фактором, влияющим на восприятие состояния политической науки в России, является коммуникативная активность. Респонденты, взаимодействующие с коллегами из других регионов, склонны более позитивно оценивать актуальное состояние политологии в России. В итоге поддержание связей с представителями политологического сообщества из регионов формирует в целом осознание нужности себя в профессии, а соответственно, и оценки становятся более оптимистичными.

Факторный анализ выявил ключевую роль высших учебных заведений в процессе формирования и функционирования сообщества молодых политологов. Именно на вузовском уровне, а не на региональном или федеральном представления о деятельности молодых политологов наиболее четко определены, что отмечено при выявлении трех наиболее явных групп факторов, связанных с тремя видами интеллектуального капитала сети и окружающей средой.

Внутренний фактор по своим характеристикам связан с человеческим ресурсом сети. Именно здесь отмечаются наиболее высокие оценки респондентов. Внешний фактор показывает уровень развития структурного капитала, а также особенностей влияния окружающей среды (заметно ниже оценивается влияние на молодых политологов со стороны региональных и федеральных властей, чем университетов). Особенности сетевого обмена отражаются в коммуникативном факторе (реляционном капитале), который показывает некоторую ограниченность коммуникаций на региональном и федеральном уровнях, а также сложности при взаимодействии с представителями научного сообщества других стран.

Глава 3

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СООБЩЕСТВА МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ В РОССИИ

3.1. Возрастные особенности молодых политологов

Как мы раньше отметили, к политологам себя могут относить и люди с профильным дипломом, и представители других смежных направлений подготовки, но главное, что их деятельность связана со политической сферой. Именно интерес к сфере политического во многом становится определяющим условием формирования общей идентичности как важного параметра выстраивания сетевых отношений. Вопрос идентичности в данной главе мы раскрываем с помощью ответов респондентов, считающих, что достаточно молоды для участия в деятельности молодежных политологических организаций, а также причисляющих себя к молодым политологам.

Достаточно сложно идентифицировать политологов по критерию «молодой», поскольку возрастной критерий имеет хоть и важное, но не ключевое значение. В анкете был представлен вопрос, который позволил нам понять возраст молодых политологов (табл. 3.1). Получилось, что больше всего положительных ответов у магистрантов, а у бакалавров 1-го и 2-го курсов этот показатель ниже всех. Важно отметить: затруднившихся с ответом было достаточно много, особенно среди студентов, еще не получивших диплом бакалавра.

Однозначный ответ на вопрос о причислении себя к молодым политологам оказался достаточно сложным для респондентов. Здесь можно выделить четыре категории трудностей:

1) **пока не политологи** — молодые люди, которые еще не получили достаточных знаний, чтобы называть себя специалистами. Они чаще всего в строчке «Другое» писали фразы вроде «*пока обучаюсь*», «*пока нет, но в будущем хочу себя таким называть*», «*пока что нет, но очень хотелось бы и стремлюсь к этому!*», «*мне не хватает опыта и знаний, но хотелось бы ответить да*», «*недостаточный теорети-*

Таблица 3.1

Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы назвать себя молодым политологом?» в зависимости от типа деятельности респондентов, %

Можете ли Вы назвать себя молодым политологом?	Молодые ученые	Студенты-магистры 1 и 2 курсов	Студенты-бакалавры 1 и 2 курсов	Студенты-бакалавры 3 и 4 курсов	Специалисты в политической сфере	Все респонденты
Да	55,8	**77**	**41,9**	53,2	48,6	**52**
Нет	**30,1**	16,4	20,9	20,6	29,7	**22,9**
Затрудняюсь ответить	8	4,9	**31,4**	22,7	13,5	**4,8**
Другое (полузакрытый вопрос)	6,2	1,6	5,8	3,5	8,1	**20,3**

ческий и практический уровень, но имеется цель и желание», «база есть, но опыта мало»;

2) **немолодые по возрасту** — такие респонденты отмечают, что «*мне 35 лет», «возраст не позволяет», «средневозрастной политолог»;*
3) **представители смежных направлений подготовки** — «*я не политолог», «учусь на другом направлении, но интересуюсь политикой»;*
4) **сомневающиеся** — одни из них не видят необходимости выделять отдельную социальную группу «молодой политолог»: «*понятие "молодой"-конструкт», «я вообще против понятия "молодой политолог". Профессиональная зрелость приходит с годами. А острота видения, проницательность, чувство реальности не зависит от возраста. Языком профессии овладевают со временем. Но что толку овладевать языком профессии, если в голове каша или, напротив, пустота»*. Другие респонденты не могут определиться с понятием «политолог»: *«если политолог или исследователь, то нет», «нельзя назвать себя тем, деятельность которого не несет практической значимости»*.

Результаты опроса показали существование «развилки», которая строится на критериях возраста и квалификации. Дипломированные бакалавры намного чаще говорили, что они молодые политологи, чем те, кто еще только обучается. Для того чтобы подтвердить это умозаключение, мы убрали из выборки всех обучающихся на «неполитологических» специальностях. В итоге более половины респондентов не смогли утвердительно ответить

на указанный вопрос (табл. 3.2), при том что среди магистрантов высокая доля положительных ответов — 78%. Причиной для таких ответов могут быть либо отсутствие диплома, либо недостаток необходимых знаний. Соответственно, для студентов достаточно важно получить подтверждение их квалификации, чтобы они относили себя к этой группе.

Таблица 3.2

Распределение ответов студентов-политологов на вопрос «Можете ли Вы себя назвать молодым политологом?», %

Можете ли Вы себя назвать молодым политологом? (*данные среди студентов, обучающихся по образовательным программам направления подготовки «Политология» и смежных специальностей*[1])	**Студенты-бакалавры**	**Студенты-магистры**
Да	44,7	**78**
Нет	21,4	17,1
Затрудняюсь ответить	**28,6**	4,9
Другое	5,3	0

Важным наблюдением можно считать оценку молодыми людьми предела своей «молодости», после которого они уже не считают возможным состоять в таких организациях. Так, средний возраст, когда респонденты считают себя уже взрослыми, — 26 лет. Это примерно совпадает с периодом завершения обучения в аспирантуре или прохождения начального этапа в построении своей карьеры. В представлении респондентов именно «вузовский» период жизни политологов можно считать молодостью (рис. 3.1).

Наиболее важным для нас вопросом является выявление роли молодежных политологических организаций в формировании молодыми политологами своей идентичности, принадлежности к профессиональному сообществу. Для нас было важно проследить связь между теми, кто состоит в подобных структурах, и теми, кто считает себя молодым политологом. Анализ данных позволяет увидеть, что определенная связь между двумя этими параметрами действительно прослеживается: только меньше четверти участников МПО не ответили утвердительно на вопрос о восприятии себя молодым политологом. Больше половины респондентов, проявивших интерес к вступлению, не называют себя молодыми политологами, а больше четверти так и не решились ответить однозначно (табл. 3.3).

[1] Образовательные программы и программы подготовки «Политология», «Зарубежное регионоведение», «История и теория политики», «Мировая политика», «Политические институты, процессы и технологии», «Политические науки и регионоведение», «Публичная политика и социальные науки», «Теория и философия политики, история и методология политической науки», «Экономическая политология», «Социология политики», «Политический менеджмент».

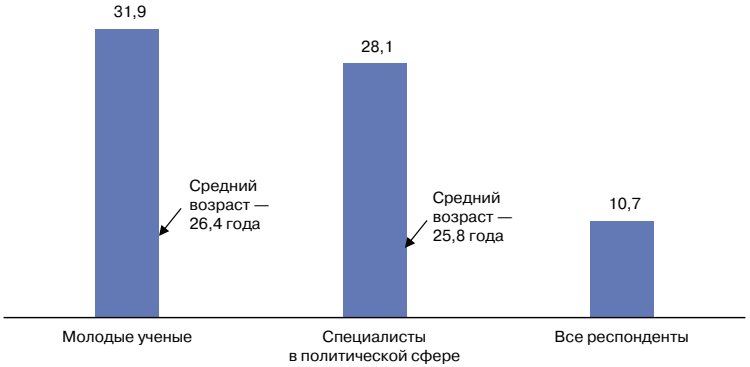

Рис. 3.1. Категории респондентов, выбравших позицию «не отношу себя к молодежи» в ответе на вопрос о причинах неучастия в МПО, %[1]

В итоге мы можем признать, что молодежные политологические организации действительно являются студенческими структурами, которые помогают молодым и неопытным политологам почувствовать себя частью сообщества, идентифицировать себя по профессиональному принципу. При этом нельзя исключать тот факт, что именно вузы наиболее активно участвуют в формировании навыков, знаний, компетенций политологов, а также в формальном признании их дипломированными специалистами. Такой вывод подтверждается также результатами рассмотрения сетевых ресурсов молодежных политологических сообществ, способствующих их развитию, и возрастным составом членов Совета молодых политологов РАПН, членами которого являются, за некоторым исключением, студенты, магистранты и аспиранты.

3.2. Молодой политолог: к вопросу о типологии

Основной целью данного раздела является определение типологии молодых политологов для изучения внутреннего устройства молодежного политологического сообщества через призму вопросов, связанных с профессиональной идентичностью. Это поможет лучше понять группы молодых политологов, определить основные целевые аудитории молодежных политологических организаций, глубже понять их запросы и особенности поведения. Безусловно, полученные типы не являются строго очерченными конструктами, скорее они носят динамический характер. Однако полученные результаты дают некоторое представление об актуальном составе политологического сообщества и существующей проблематике.

[1] Общий средний возраст в категории «Молодые ученые» — 25,6 года. Общий средний возраст в категории «Специалисты в политической сфере» — 24,7 года.

Таблица 3.3

Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы себя назвать молодым политологом?» в зависимости от членства в молодежных политологических организациях, %

Можете ли Вы себя назвать молодым политологом?	Действующие члены МПО	Не являются членами МПО и не хотели бы вступить	Не являются членами МПО, но хотели бы вступить	Ранее были членами МПО	Все респонденты
Да	**76,4**	35,1	47,1	48,9	**52**
Нет	5,5	**42,6**	19,8	**31,9**	**22,9**
Затрудняюсь ответить	14,6	18,1	**27,3**	12,8	**4,8**
Другое	2,4	4,3	5,7	6,4	**20,3**

Для построения типологии была проведена процедура иерархического кластерного анализа с помощью пакета SPSS.Statistic.22 по двум критериям: принадлежность к профессиональному политологическому сообществу и самоидентификация себя как молодого политолога (использовались ответы респондентов на вопросы: «*Считаете ли Вы себя членом профессионального сообщества политологов?» «Можете ли Вы назвать себя молодым политологом?*»). В результате проведения иерархического кластерного анализа было выявлено 6 типов респондентов — студентов и молодых ученых, изучающих политологию и смежные дисциплины[1]. Для удобства интерпретации каждому типу было присвоено условное название. Далее был проведен корреляционный анализ, рассчитаны меры центральной тенденции и рассеивания, что позволило сделать типы более рельефными и определить их особенности в контексте исследуемой проблематики.

Активные политологи

Данный тип является самым многочисленным и составляет почти 40% от всех участников опроса (рис. 3.2). Его представителей условно можно считать ядром молодежного политологического сообщества. Подавляющее большинство этих респондентов, по их словам, являются молодыми политологами. Почти две трети из них считают себя членами профессионального сообщества политологов, остальные одновременно принадлежат еще к другим профсообществам.

[1] Для проведения процедуры кластерного анализа отобраны 98% релевантных наблюдений.

Рис. 3.2. Доля Типа 1 — «Активные политологи» среди общей выборки респондентов

Гендерный состав типа преимущественно мужской — 62,4%. Его представителей заметно чаще можно встретить среди жителей Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга.

Почти на треть данный тип состоит из молодых ученых (аспирантов, соискателей, кандидатов и докторов наук). Их сфера деятельности в основном связана с исследовательской работой и аналитикой. Несколько чаще, чем в среднем по выборке, эти респонденты также отмечали преподавание и политическое консультирование.

«Активные политологи», как правило, хорошо осведомлены о деятельности молодежного политологического сообщества в вузе и регионе, отмечают наличие одной или нескольких политологических организаций, и почти две трети (суммарно) из них состоят или состояли ранее в МПО. Подобная информированность, вероятно, позволяет им лучше ориентироваться и в проблематике — для этого типа характерны более критические оценки работы сообществ по ряду параметров. Так, более 30% отмечают недостаточную включенность политологического сообщества вуза в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов, а свыше половины недовольны размером поддержки со стороны региональной и федеральной власти.

Еще одна важная особенность типа — активное взаимодействие с коллегами из других регионов (86,4%). Причем в 40% случаев речь идет о частом (каждую неделю, месяц) и очень частом (каждый день) общении. Релевантные формы взаимодействия — личные связи, совместные мероприятия (конференции, круглые столы), обмен идеями, знаниями, общие исследовательские проекты — распределены примерно в том же порядке, что и в среднем по выборке, однако представители типа отмечали каждую

Рис. 3.3. Доля Типа 2 — «Опытные политологи» среди общей выборки респондентов

из них на 8–15% чаще. Популярной площадкой для дистанционного общения является социальная сеть *Facebook*.

Опытные политологи

Данный тип (рис. 3.3) включает в себя преимущественно возрастных респондентов — средний возраст в группе 28,5 года (медиана 27 лет). В связи с этим можно предположить, что именно возраст является причиной неопределенности при идентификации себя как «молодого политолога»: свыше 75% затруднились с ответом на этот вопрос. Отметим также, что доля опрошенных старше 26 лет в ней составляет 61,5% (в среднем по выборке — 20,3%). Напомним, именно этот возрастной порог можно назвать условной границей отнесения себя к «молодым политологам». Кроме того, комментируя свой ответ, некоторые респонденты отмечали: *«мне 35 лет», «средневозрастной политолог»* и т.д. Иными словами, эта часть опрошенных считает себя «уже немолодыми политологами».

И вторая возможная причина затруднений с самоопределением участников опроса — их склонность к междисциплинарности. Свыше 75% респондентов отметили, что одновременно являются членами и других профессиональных сообществ, т.е. можно предположить, что политология не является их основным профилем.

Половина респондентов из этого типа — молодые ученые, почти 40% занимаются преподавательской деятельностью.

«Опытные политологи», как правило, раньше состояли в МПО, и в качестве причины ухода из организации они чаще всего указывали возраст («не отношу себя к молодым»), что еще раз подтверждает тезис о влиянии

Рис. 3.4. Доля Типа 3 — «Незаинтересованные в политологии» среди общей выборки респондентов

возрастных особенностей на процесс самоидентификации себя как молодых политологов.

Данный тип является самым активным в плане построения коммуникаций — 100% респондентов взаимодействуют с коллегами из других регионов. Основной формой взаимодействия являются совместные мероприятия (конференции, круглые столы).

Интересной особенностью типа является преобладающая позитивная оценка актуального состояния политической науки в России — 70,8% (в сумме) отметили активное развитие, подъем и постепенное решение текущих проблем отрасли (средневыборочный показатель — 49,8%). Это еще одно доказательство того факта, что коммуникации с коллегами из других регионов обеспечивают более позитивный взгляд на состояние политической науки, поскольку такие люди глубоко вовлечены в коммуникации с коллегами и изнутри видят проблемы и возможности науки.

Незаинтересованные в политологии

Данный тип составляет 17,5% от общего числа опрошенных (см. рис. 3.4). Эти респонденты не идентифицируют себя как члены политологического сообщества. Однако и к молодым политологам они себя тоже не относят.

Почти треть из них обучаются на смежных с политологией направлениях подготовки — международные отношения, государственное и муниципальное управление и др. Отсюда, вероятно, и низкая заинтересованность в изучении политической науки и расширении контактов с ее представителями, которая проявляется в слабой осведомленности о деятельности молодежных политологических сообществ в вузе и регионе, ра-

Рис. 3.5. Доля Типа 4 — «Потенциальные политологи» среди общей выборки респондентов

боте местных МПО, в отсутствии желания пополнить ряды молодежных политологических организаций.

Представители данного типа реже взаимодействуют с коллегами из других регионов, меньше посещают совместные мероприятия (круглые столы, конференции).

Из социально-демографических особенностей типа можно отметить преобладание женщин, а также существенную долю жителей регионов Приволжского кластера (см. главу 5).

Потенциальные политологи

Эти респонденты, по их словам, не относят себя ни к одному из профессиональных сообществ и в большинстве своем затрудняются с ответом на вопрос «Можете ли Вы назвать себя молодым политологом?» (рис. 3.5). Основная причина такой позиции, вероятно, их юный возраст (средний показатель 19 лет, медианное значение 18). Большинство представителей типа — студенты первых курсов бакалавриата, обучающиеся на профильных политологических специальностях, и обретение ими статуса «молодой политолог» является пока вопросом их профессионального будущего.

Для этих респондентов характерны довольно оптимистичные оценки работы молодежного политологического сообщества в их вузах и регионах и ее отдельных параметров: включенность в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов, поддержка со стороны региональной власти и федеральной власти. При этом уровень осведомленности скорее средний.

«Потенциальных политологов» отличает также стремление пополнить ряды МПО. В качестве приоритетных задач политологических организа-

ций они чаще других выделяли развитие научно-исследовательских навыков, содействие в публикационной деятельности, получение и трансляцию знаний о политической сфере. Именно эта категория является одним из главных источников рекрутирования новых членов в молодежные политологические организации.

Эти респонденты пока слабо интегрированы в научное сообщество — 40% из них не взаимодействуют с коллегами из других регионов. Отметим также, что, например, социальная сеть *Facebook*, столь популярная у представителей наиболее активной части политологического сообщества, практически не востребована в этой группе. Таким образом, построение коммуникаций между опытными и потенциальными политологами, соблюдение своеобразной преемственности на сегодняшний день затруднено.

Интересно отметить, что среди представителей типа преобладают женщины (64%), тогда как Тип 1 — «Активные политологи» преимущественно мужчины. Можно предположить, что происходит постепенное размывание гендерных стереотипов и в будущем следует ожидать рост числа женщин-политологов.

Кроме того, это жители преимущественно регионов Центрального и Приволжского кластеров, что также может свидетельствовать о будущей трансформации научной сети политологов (в случае успешной интеграции во «взрослое» сообщество).

Начинающие политологи

Все представители данного типа относят себя к молодым политологам. При этом ни один из них не считает себя частью политологического сообщества. Их доля составляет чуть меньше пятой части от числа всех опрошенных (рис. 3.6).

Как и представители предыдущего рассмотренного нами типа, эти респонденты в большинстве своем являются студентами (почти 20% — студенты-магистры 1-го и 2-го курсов), причем большинство из них обучается на политологических специальностях[1]. Однако в среднем они на год-два старше «потенциальных политологов». Можно предположить, что после нескольких лет обучения эти студенты уже начинают себя идентифицировать как молодых политологов, однако неоконченное образование, отсутствие профильного диплома, недостаточный багаж знаний не позволяют им считать себя полноправными членами политологического сообщества.

[1] Образовательные программы и программы подготовки «Политология», «Зарубежное регионоведение», «История и теория политики», «Мировая политика», «Политические институты, процессы и технологии», «Политические науки и регионоведение», «Публичная политика и социальные науки», «Теория и философия политики, история и методология политической науки», «Экономическая политология», «Социология политики», «Политический менеджмент».

Рис. 3.6. Доля Типа 5 — «Начинающие политологи» среди общей выборки респондентов

Кроме того, ощущение изолированности отчасти может быть связано с местом их локализации: среди представителей данного типа несколько чаще встречаются жители регионов Приволжского кластера.

Одним из путей закрепления в научной среде для этих респондентов может стать вступление в МПО — почти 60% «начинающих политологов» хотели бы стать членами молодежных политологических организаций, приоритетным направлением работы которых они считают интеграцию молодых политологов в научное сообщество, расширение контактов с его представителями (средний балл 3,9 из 5 возможных). Данная категория также является важным человеческим ресурсом для молодежных политологических организаций. Вероятно, их даже не надо убеждать в необходимости вступления в них, а просто предоставить им такую возможность.

Интересно отметить, что более 70% представителей типа, по их словам, коммуницируют с представителями других регионов. И данный показатель, как и другие (интенсивность коммуникаций, релевантные формы взаимодействия, популярные ресурсы для общения и т.д.), практически не отличаются от средневыборочных.

Неполитологи

Данный тип, по сути, не совсем укладывается в заявленную типологию (рис. 3.7). Все они являются членами других, неполитологических, профессиональных сообществ, и, вероятно, по этой причине в большинстве своем затрудняются идентифицировать себя как молодых политологов. Однако для представителей типа характерно желание вступить в МПО, т.е. потенциально они все же готовы стать частью политологического сообщества посредством молодежных организаций.

Рис. 3.7. Доля Типа 6 — «Неполитологи» среди общей выборки респондентов

В связи с малочисленностью представителей данного типа значимых корреляций выявить практически не удалось. Единственное, что можно отметить, — высокая популярность социальной сети *Instagram* в качестве ресурса для общения с коллегами из других регионов.

* * *

Выявленные типы показывают в общем виде структуру сообщества молодых политологов, что позволяет судить о ресурсах сети, возможностях и ограничениях ее развития. Так, активные политологи нуждаются в поддержке их инициатив, позволившей бы профессионально развиваться. В свою очередь, отсутствие заинтересованности в своей будущей профессии свидетельствует о том, что профессиональный потенциал может быть раскрыт только за счет дополнительных механизмов мотивации со стороны различных субъектов образовательного процесса.

Например, группа «Незаинтересованные в политологии» во многом состоит из студентов политологических специальностей (35% от представителей типа или 14% от студентов-политологов), что может свидетельствовать о разочаровании в профессии. Это же подтверждают дополнительные расчеты. Так, 15,7% учащихся не хотели бы вступить в МПО, и в качестве причины они чаще всего указывают нехватку времени (37%), что можно трактовать как удобную отговорку, и отсутствие интереса (13%). Около 30% и вовсе не знают, есть ли в их регионе молодежные политологические организации, 22% совершенно не осведомлены о событиях регионального молодежного политологического сообщества. Порядка 60% не смогли назвать ни одного авторитетного для них представителя политической науки или исследовательского центра, что может свидетельствовать об их недостаточной компетентности в данном вопросе.

Полученные данные позволяют предположить, что большая часть студентов-политологов получают образование ради обладания дипломом, а не приобретения профессиональных знаний и пополнения рядов научного сообщества. Такая ситуация является общероссийским трендом. Если посмотреть на данные ВЦИОМ, 44% россиян считают, что высшее образование необходимо, чтобы иметь диплом для трудоустройства на хорошую работу, 26% — чтобы сделать карьеру и лишь 22% — чтобы получить специальные знания, стать хорошим профессионалом[1]. Между тем профессиональное будущее студента во многом зависит именно от того, какой мотив определяет его вовлеченность в учебу. Подробно эта проблема была исследована сотрудниками НИУ ВШЭ Н. Малошонок, Т. Семеновой и Е. Терентьевым. Согласно их результатам, «наиболее мотивированными можно считать тех студентов, у которых желание получать пятерки совпадает с подлинным интересом к предмету, ощущением самоценности учебы и стремлением использовать навыки, наработанные в университете, для профессионального и личностного роста»[2].

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют типы под условными названиями «Начинающие политологи» и «Потенциальные политологи». Их представители — преимущественно студенты, и именно им в будущем предстоит формировать повестку политологического сообщества, к которому они себя пока не относят. Для определения эффективных способов интеграции учащихся в научное сообщество обратимся к анализу существующих коммуникативных практик наиболее активных его членов (типы «Активные политологи» и «Опытные политологи»). В первую очередь, их отличает активное взаимодействие с коллегами из других регионов — 86 и 100% соответственно. Исходя из полученных данных, можно выделить три направления построения коммуникации в политологических сообществах, которые могут стать его своеобразными точками роста.

Во-первых, **личное общение**. Это приоритетная форма взаимодействия для членов научной политологической среды, и основным местом для осуществления данной коммуникативной практики являются совместные мероприятия, круглые столы, конференции.

Во-вторых, **дистанционное взаимодействие**. Среди активных представителей политологического сообщества достаточно популярна социальная сеть *Facebook*, тогда как студентов, особенно младших курсов, нельзя

[1] Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/age-problems/article/vysshee-obrazovanie-socialnyi-lift-ili-poterjannoe-vr.html (дата обращения: 15.07.2020).

[2] Мотивация студентов к учебе влияет на их перспективы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177664243.html (дата обращения: 15.07.2020).

назвать ее активными пользователями. Стоит отметить и потенциал сети «ВКонтакте», которую для общения с коллегами используют более 50% респондентов из всех выделенных нами типов. Однако налицо разделение сообщества по принципу выбора основной соцсети для общения с коллегами. «Взрослые» политологи отдают предпочтение *Facebook*, в то время как молодые пользуются в основном «ВКонтакте». Таким образом, заметен разрыв поколений в соцсетях.

И наконец, **членство в МПО**. Большинство представителей типов «Активные политологи» и «Опытные политологи» — это действующие или бывшие члены молодежных политологических организаций. Таким образом, можно предположить, что участие в МПО является эффективным инструментом интеграции молодых политологов в научное сообщество.

Таблица 3.4

Характеристики типов молодых политологов по возрасту

Название типа	Представители типа старше 26 лет, %	Средний возраст, лет	Стандартное отклонение	Медиана, лет
Тип 1 — «Активные политологи»	**32,9**	24,5	6,03	23
Тип 2 — «Опытные политологи»	**61,5**	28,5	6,4	27
Тип 3 — «Незаинтересованные в политологии»	12,8	21,6	4,43	20,5
Тип 4 — «Потенциальные политологи»	2,7	19	2,23	18
Тип 5 — «Начинающие политологи»	7,3	20,8	3,21	20
Тип 6 — «Неполитологи»	9,1	20,1	4,14	20,5

3.3. Ролевые модели для молодого политолога и его профессиональные качества

Один из самых простых по форме, но не по содержанию вопросов, который ставили перед собой участники круглого стола «Знания о политике: как получить и где применить?», — это ориентиры для молодого политолога. Какими качествами он должен обладать? Какие ролевые модели для себя он должен принимать за основу? Этот вопрос нужно рассматривать в комплексе с результатами опроса молодых политологов, где мы спрашивали о конкретных людях и политологических центрах, на которые равняются молодые политологи. Однако на круглых столах прозвучали важные мнения, обобщенные и развернутые, которые невозможно обойти стороной.

В некоторых городах мнения звучали весьма оригинально, в форме наглядных метафор и сравнений. Кроме того, высказывания даже относительно опытных политологов, которые также присутствовали на мероприятиях, показывают изменение понимания ролевых моделей политологов на протяжении своей жизни. Так, Р.В. Савенков сравнил политолога с врачом:

«Политолог — это вооруженный методологией врач, ну почти что такой, циничный человек, который точно должен ставить диагноз тому, что происходит в политической жизни, точный диагноз политическим партиям, политической системе, куда это катится. Потому что он как врач, вооруженный методом, на него ложится ответственность, чтобы правильно показать проблемы — те пропасти, те обрывы, те стены, в которые упрутся общество и политические элиты» (Савенков Роман, доцент, Воронеж).

«Политолог-врач» напоминает бюрократа, по М. Веберу, по мнению которого тот должен быть профессионалом в своем деле, но не выходить за рамки своих обязанностей, оставаясь «человеком-функцией»[1]. Сравнение политолога с врачом коррелирует с современным российским трендом на «политиков-технократов». От таких людей требуются не столько навыки политика, сколько управленческие компетенции и исполнительность[2]. Главное здесь — воспринимать, скажем, систему управления регионом как совокупность деталей, шестеренок и вовремя исправлять дисфункции механизмов. Поэтому цинизм в данном случае стоит воспринимать не как неимение этической конструкции, а как беспристрастность и отсутствие эмоций.

Также и политолог должен, невзирая на собственные политические предпочтения, пользуясь имеющимися знаниями и методом, препарировать факты и контексты, анализировать и прогнозировать, подобно механику, работающему с машинным двигателем, или оперирующему хирургу. Однако есть и другой, альтернативный, взгляд, который предложил тот же докладчик:

«Политолог, он не врач, он должен показать, как правильно, он должен сформировать ценности, он своим выступлением, своим примером должен привить некие качества тем, кто его слушает, а именно — плюрализм, спокойное отношение к противоположному мнению, умение его выслушать. Гражданин, обладающий мужеством

[1] *Weber M.* Bureaucracy // Weber's Rationalism and Modern Society: New translations on Politics, Bureaucracy, and Social Stratification / Ed. by T. Waters, D. Waters. P. 67–121.

[2] *Колесников А.* Молодые. Аккуратные. В очках // Центр Карнеги. 2017. 04 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://carnegie.ru/2017/10/04/ru-pub-73298 (дата обращения: 15.07.2020).

высказывать критичные замечания по отношению к власти или тем, кто занимает какие-то доминирующие позиции, он не должен этого бояться» (Савенков Роман, доцент, Воронеж).

В данной цитате в каком-то смысле приведена противоположная позиция. «Политолог-гражданин» должен быть ориентирован на конструирование ценностей в обществе. Также он должен быть терпимым к другому мнению и транслировать ценности плюрализма для других, пропагандировать их в хорошем смысле слова. Необходимо помнить, что в таком случае «политолог-гражданин» сам должен прислушиваться к тем, кто транслирует иную точку зрения, например сторонников «сильной руки», авторитарного режима.

Кроме того, здесь же обозначена важная проблема критики власти и существующего положения вещей. В каком-то смысле политолог является самым резким критиком власти, так как в силу образования и профессионального бэкграунда хорошо видит последствия тех или иных шагов. Однако при этом его замечания не должны быть резкими и неконструктивными, специалист в области политических наук должен предложить качественную альтернативу, что для властных структур даже полезно, ибо в таком случае появляется несколько вариантов действия и развития событий.

Р. В. Савенков в конце своего доклада подчеркивает необходимость совмещения качеств «политолога-врача» и «политолога-гражданина». Балансирование между этими двумя сущностями — сложная задача. Политолог должен быть беспристрастен в своем анализе, выводах, применять научные методы, оперировать данными. Однако всегда необходимо помнить: политическая наука имеет дело со связями между социальными институтами, отношениями между гражданами, а значит, на кону стоят судьбы людей. Участник круглого стола отмечает, что с возрастом представление о роли политолога у него изменилось:

«Это осторожный врач сегодня, он обладает, повторяю, методом, но всегда понимает, что рядом ну не то чтоб пациенты — здоровые люди, которые могут неправильно его понять. И на нем лежит ответственность за правильное употребление слов, за разжигание какой-то повышенной эмоциональной обстановки, если он ее повышает, то он должен понимать зачем» (Савенков Роман, доцент, Воронеж).

Еще одно примечательное сравнение привела участница круглого стола в Барнауле:

«Теперь, непосредственно, я поняла, обучаясь на политологии, что политолог и политик — это как астронавт и астроном, это люди, которые друг от друга отличаются. Вот...» (Абдуллаева З., студент, Кемерово).

Мысль яркая, но нуждается в некотором пояснении. Студентка наглядно проиллюстрировала разницу между исследователем, ученым или аналитиком и практиком. Астроном исследует звезды, планеты, черные дыры, подобно тому как политолог имеет дело с политической системой, революциями и партиями. В то же время, в отличие от астронавтов и политиков, астрономы и политологи напрямую не вовлечены в реальные процессы. Отсюда вытекает проблема политического участия политолога. Должен ли он транслировать свои идеологические воззрения, субъективный взгляд или даже быть участником политического процесса? Как политическое участие сказывается на качестве исследований? Подробнее тема политического участия молодых политологов будет раскрыта в следующем параграфе. Однозначный ответ здесь едва ли возможен, и каждый сам для себя решает эту дилемму. Причем поставленный вопрос актуален не только для политологической специальности, но и для других социальных наук.

Еще одна ролевая модель, на которую политологу стоит ориентироваться, — это медиатор:

«И вот вы еще добавили, кем же он еще обязательно должен быть, желательно, как идеальная модель, что... вот медиатором. Мне очень понравилось, я согласна. Помогает излагать, помогает просто объяснить сложное, переводчик с русского на русский, на язык родных осин, фигурально выражаясь» (Поливаева Надежда Павловна, профессор, Воронеж).

Основной задачей «политолога-медиатора» должно стать построение коммуникации между обществом и государством. В этой связи появляется нужда и еще в одной группе профессионалов — «политологах-просветителях», которые могли бы доносить суть сложных концептов и явлений простыми словами. Это становится еще более актуально в условиях, когда политики не всегда разъясняют мотивы тех или иных решений.

Сразу на нескольких круглых столах была высказана мысль о том, что политолог должен выглядеть успешным. Именно это будет лучшим пиаром для специальности:

«В мире конкуренции на рынке труда успешны те, кто помимо обучения в вузе занимается самообразованием. Это так, потому что политика — есть явление, быстро развивающееся» (Хомяков Дмитрий, студент, Тула, тезисы).

«Если он приходит и жалуется на жизнь: я зарабатываю мало, у меня не получается, меня не слушают, никому не интересны мои статьи, — он не успешен, он не вызовет желания подражать... Да, наверно, любой педагог должен демонстрировать успех, чтобы вы-

зывать уважение и желание подражать у своих учеников, чтобы они за ним шли» (Савенков Роман, доцент, Воронеж).

Понимание важности демонстрации успеха уже пришло многим руководителям факультетов и политологических кафедр. К образовательному процессу в больших количествах привлекаются специалисты-практики. Речь идет об аналитиках, политтехнологах, экспертах, даже политиках. В результате этого перед студентами-политологами появляется «живой», а не гипотетический ориентир, к которому нужно стремиться.

Если говорить о других качествах, которые, по мнению участников круглых столов, важны для политолога, то необходимо отметить желание идти в ногу со временем:

«Современный человек — тот, кто все успевает. Не просто успевает, а разумно располагает своим временем, заниматься наиболее приоритетным делом. Современный человек — человек, с легкостью обращающийся с плодами технического достижения... современному человеку присуще такое свойство, как высокая скорость, скорость действия, реакции, мышления и принятия решений. Разобравшись с тем, что из себя представляет современный человек, поговорим о политике» (Фомина Софья, студент, Орел).

Грамотный тайм-менеджмент — важная предпосылка для успеха молодого политолога. Сегодня это становится особенно актуальным в связи с тем, что перед студентом и преподавателем постоянно стоит множество разнообразных задач. Успешный преподаватель в наши дни часто является и практикующим специалистом, либо он непрерывно пишет научные статьи в журналы высокого уровня, либо ведет грантовые исследования. Студент с высокими амбициями, помимо обучения в вузе, посещает научные конференции, занимается самообразованием, стажируется. Без грамотного распределения времени, умения использовать новые технологии здесь не обойтись.

Если говорить о профессиональной составляющей, то хотелось бы обратить внимание на то, что современный политолог должен сочетать теоретический базис с практическими навыками (об этом уже упоминалось в главе 3):

«Конечно, политологам нужно: это два направления — базовые знания, то, о чем мы сегодня говорили, и очень серьезные практические навыки решения задач. Иначе говоря, в рамках чисто вузовской системы мы не сможем научить политологов решать эти задачи. Они должны уходить в проекты, они должны выходить непосредственно в практическую деятельность» (Черникова Виктория, преподаватель, Воронеж).

Иными словами, вуз отвечает за теоретическую подготовку будущих специалистов политологических профессий. Отлично, если среди преподавателей есть те, кто является практикующими аналитиками, политтехнологами. Однако в приобретении практических навыков, хотя институт и кафедра могут помочь (например, порекомендовать на стажировку), студент сам должен проявить желание и настойчивость. При этом хотя бы минимальный опыт крайне важно приобрести в студенческие годы:

«И более приветствуются в определенных кругах работодателей студенты-политологи, которые начинают заниматься вещами со студенчества, действовать в определенных структурах, т.е. показывать себя на практике. То есть для эффективной реализации нашего потенциала нам необходим опыт еще со студенчества» (Финк Елизавета, магистрант, Барнаул).

При этом необходимо помнить, что, одновременно обучаясь, стажируясь, занимаясь общественной деятельностью, молодой политолог не только приобретает новые навыки, но и показывает свою готовность воспринимать новое и много работать. Это едва ли менее важно для преподавателей, коллег и работодателей, чем новые навыки. Таким образом, трудолюбие — важнейшая составляющая успеха для любого специалиста, и молодой политолог не исключение.

При этом студентка отмечает и ряд препятствий, которые могут помешать профессиональной самореализации молодого политолога. Здесь речь идет как о банальной лени, неуверенности в себе, так и переоценке самого себя на старте карьеры:

«Адекватно нужно оценивать свои возможности, свой потенциал, что вы пришли с нулевым багажом. Личный пример — первые полгода я работала бесплатно, потому что понимала, что в условиях отсутствия практических навыков либо так, либо никак» (Финк Елизавета, студент, Барнаул).

У многих студентов, особенно это касается столичных вузов, довольно завышенные ожидания, в том числе и финансовые. Они опасны тем, что молодые специалисты из-за сложности в поиске своего места могут быстро разочаровываться и опустить руки. Молодому специалисту нужно быть готовым, что в начале карьеры ему придется не просто много работать, но и делать это за скромное вознаграждение. Однако такое положение дел стоит рассматривать как инвестицию в собственное будущее.

Для того чтобы молодой ученый стал успешным исследователем или построил карьеру ученого, аналитика, политика или политтехнолога, ему приходится проходить через множество испытаний. Иначе невоз-

можно, ведь современный специалист должен обладать не только набором глубоких теоретических знаний, но и практическими навыками. Без упорства, самообразования успешным специалистом не стать.

Таким образом, можно заметить, что особое место на круглых столах заняло обсуждение вопроса о том, каким должен быть политолог в отношениях между государством, властью, обществом: «врачом», «гражданином», «медиатором» или, может, кем-то другим? С одной стороны, он должен беспристрастно препарировать факты посредством научных методов, с другой — способствовать политическому просвещению граждан и отстаивать свои принципы, а также выступать «внешним» коммуникатором между властью и обществом. Кажется, что одно исключает другое, но, вероятно, истина лежит где-то посередине. Оставаясь объективным профессионалом, политолог все же должен иметь собственные принципы и этическую конструкцию, причем последнее относится ко всем гражданам любого здорового общества.

3.4. Исследовательские центры и политологи как ориентир для молодых политологов

Профессиональная жизнь у молодых политологов только начинается, но уже в юном возрасте каждый задумывается о своих дальнейших перспективах, определяет для себя жизненные траектории. Само понятие «молодой», как уже отмечалось ранее, в большей степени подчеркивает не возраст, а готовность усваивать информацию, «быть внушаемым со стороны старших политологов». Поэтому неизбежно возникает вопрос об авторитетах, на которых равняются молодые политологи в своей профессиональной деятельности. Для этих целей в ходе социологического исследования респондентам было предложено указать исследовательские центры и конкретных политологов, на которых они равняются в своей деятельности, а также прокомментировать свой выбор.

Авторитетные исследовательские центры

Первый открытый вопрос: «*На какие исследовательские центры, структуры, отечественные или зарубежные, Вы ориентируетесь в своей деятельности и почему?*» Более половины опрошенных (54% из 538 человек) затруднились с ответом. Сложности с ответом можно объяснить персонализированностью научно-аналитической сферы (знают людей, а не структуры), отсутствием интереса к деятельности подобных центров, их невысокой медийной активностью, низкой вовлеченностью в политические процессы, отсутствием практио-ориентированного подхода в деятельности.

Еще 5% респондентов ответили более категорично, заявив, что для них нет таких организаций. Свою позицию некоторые из них объясняли недостатком доверия к подобным структурам, отсутствием «единого ориентира в научной деятельности», «оторванностью исследовательских центров от структур политической власти», что «мешает данным центрам быть эффективными и значимыми». Снова возникает вопрос вовлеченности в политику подобных структур.

Среди названных организаций самой популярной оказалась **РАПН** (7%). В числе ее достоинств респонденты отмечали следующее «*сильную аналитику и уровень организации*», «*доступность информации», «количество исследуемых сфер*», «*авторитет*», «*большой объем научной литературы в открытом доступе*». Наиболее важной функцией Ассоциации респонденты считают коммуникативную: «*данная организация позволяет наладить связи с политологами из разных регионов страны, потому как это почти единственная крупная площадка для профессионального взаимодействия в нашей стране*». Таким образом, можно предположить, что у молодых политологов действительно есть запрос на развитие своих профессиональных связей, и в этом может помочь РАПН. Отметим также, что вторую аналогичную структуру — РОП — указали лишь 1% опрошенных, причиной выбора для одного из респондентов оказались «*интересные проекты»,* проводимые организацией.

В целом наблюдается достаточно «пестрая картина» в ответах на вопрос относительно ведущих исследовательских центров. Для удобства интерпретации оставшиеся ответы разделим на следующие категории:

- **российские исследовательские и аналитические центры, организации, НКО — 25%**. Среди них чаще других упоминались Московский центр Карнеги, а также аналитические центры, занимающиеся проведением социологических опросов, — ВЦИОМ, Левада-центр. Эти структуры многогранны, работают как в сфере политики, так и в других областях общественной жизни. Респондентам в данном случае импонирует актуальность изучаемых вопросов и качественная аналитика от ведущих экспертов. «Социологический» уклон показывает, что политология и социология неразрывно связаны;
- **вузы (в том числе их структурные подразделения) — 22%.** В данной категории явным лидером является **НИУ ВШЭ**, его отметили 6% опрошенных. Свой выбор они прокомментировали следующим образом: «*наиболее прогрессивный университет*»; «*структура вызывает наибольшее доверие*»; «*там в силу финансовых возможностей собраны самые светлые головы страны*»; «*так, они предлагают развернутую аналитику, в большинстве своем неангажированную*; *наиболее крупные и фундаментальные социологические и политоло-*

гические центры»; «*практика налаживания сетевых коммуникаций и системы стажировок»* и др.

Важно отметить, что респонденты отмечали не только вуз, но и его структурные подразделения как самостоятельные единицы. Фактически за счет разветвленной организационной структуры и медийной представленности отдельных подразделений вуз получает дополнительные очки к репутации, что положительно влияет в целом на отношение к НИУ ВШЭ. Также интересно, что в поддержку своего выбора респонденты высказывали мнения идеологического характера: «*как наиболее сильный русский think tank, представляющий парадигму ... западнически-либеральную»*.

По 2–3% участников опроса называли **Европейский университет (Санкт-Петербург), МГУ, МГИМО, СПбГУ**.

Первый из них (3%) отмечен в комментариях респондентов как крупный политологический и социологический центр, отличающийся высоким уровнем исследований и способностью перекладывать их результаты на практику: «*лучший think-tank в России, умеющий перекладывать исследовательские наработки в продвижение конкретных управленческих решений и реформы (в части судебной, правоохранительной системы и КНД)»*.

В МГУ (3%) чаще всего выделяют конкретные исследовательские структуры, например *кафедра ФПП ФФ МГУ, факультет ИСАА МГУ, а среди плюсов подчеркивают «наличие ведущих экспертов»* и *«качественный анализ выборки данных»*.

В случае с МГИМО (2%) наблюдается примерно та же ситуация, однако его конкурентным преимуществом можно считать фокус исследований на международную тематику (*«в силу общих научных интересов»*). Репутация института в политологической среде высока, особенно отдельных исследователей. Кроме того, стоит отметить еще одну важную мысль, которая наиболее явно выражена в комментарии одного из респондентов: «МГИМО, так как учусь там». Это показывает, что молодые политологи равняются на то, что им ближе и что они видят чаще всего, — деятельность своих преподавателей и структур в собственном вузе.

Вышесказанное применимо к региональным вузам. Например, 1% респондентов (из Перми) отметили Пермский государственный научно-исследовательский институт и его конкретные структуры в качестве своего ориентира, а в единичных случаях — Южный федеральный, Байкальский, Томский, Бурятский университеты. Можно сделать вывод, что географическая близость та-

ких структур является важным критерием в вопросах ориентации в своей профессиональной деятельности у молодых политологов;

- **зарубежные организации, университеты, НКО — 14%.** В данном случае больше были распространены единичные упоминания, чуть чаще респонденты называли *IPSA* (*«если ориентироваться не на них, то на кого?»; «является признанной мировой политологической ассоциацией»*), *Stanford*, *Pew Research Center*, *RAND Corporation* — общепризнанные мировые лидеры в сфере политической аналитики. По словам опрошенных, эти и другие названные организации позволяют изучать западные тренды и анализировать обстановку на международной арене. В основном респонденты выделяли структуры из США, Великобритании, несколько реже европейские центры из Франции, Голландии, Финляндии. Были редкие («экзотические») варианты (Сербия, Беларусь, Украина, Китай), которые могут объясняться конкретными научными интересами молодых политологов и их местом проживания.

  Международная направленность исследований в целом близка для молодых политологов, это наблюдается и в комментариях по поводу других представленных здесь структур: РСМД, МГИМО, ИМЭМО РАН (по 2%) и даже Министерство иностранных дел РФ (1%).

  В комментариях респондентов также заметно желание ориентироваться на отечественные исследовательские центры (упоминалось 12 раз), что связано с желанием решать проблемы страны своими силами: «*в первую очередь надо решать проблемы своей страны своими способами, а опыт других стран может быть неприменим к нашей политической ситуации*».
- **Институты РАН — 8%**, в частности ИМЭМО РАН, ИНИОН РАН, ИВ и ИДВ РАН, ФНИСЦ РАН, ИС РАН. Респонденты считают, что «*на их базе собрана наиболее полезная информация не только аналитического плана, но и приглашения на разные научные мероприятия* и работают *ведущие специалисты в области политологии*».
- **Специализированные издания, СМИ, базы данных — 4%.** Чаще остальных упоминали *e-library* (РИНЦ), Росстат, Полис (научный журнал).
- **Государственные структуры — 2%.** МИД РФ и различные «*аналитические центры при ведомствах, входящих в структуру аппарата правительства*», поскольку в таком случае «*есть возможность осуществлять практически значимые научные и общественные исследования, не оперируя исключительно теорией*».

- **Другое — 7%.** В эту категорию вошли такие организации и мероприятия, как Территория смыслов на Клязьме («*прямой диалог с ведущими политологами государства*»), G-7, TED, Доклады Хельсинкской группы, ООН, а также комментарии респондентов без указания конкретных наименований, отмечающих ориентацию на отечественные структуры, а также центры по своим профессиональным интересам («*Гендерная политология*» (2 раза); «*любые, где есть нужная информация*»).

Таким образом, можно сказать, что исследовательские структуры в представлениях молодых политологов — это в первую очередь люди, которые там работают («[ориентируюсь] ... *на те, где работают ведущие авторы по конкретным темам, с которыми приходится работать. География здесь малую роль играет. Важнее то, какие проекты на данный момент кто реализует*»). Качественный состав исследователей дает большие преимущества центрам, а также делает их уважаемыми в глазах молодых политологов. Персонализация таких структур меньше заметна только по отношению к крупнейшим социологическим компаниям и вузам. В целом можно заметить, что достаточно скромное количество респондентов ориентируется в своей деятельности на институционализированные структуры — всего 41%.

В целом это может говорить о «западности» науки и низком интересе к альтернативным вариантам (например, «особый» путь национальной науки, хотя подобные комментарии присутствовали: «*Западная политическая наука меня вообще не интересует, я считаю, что господствующий там сегодня дискурс абсолютно чужд нуждам России, к ее реальным проблемам не имеет никакого касательства*»). Заметен ориентир респондентов на центры, занимающиеся анализом международной проблематики. Молодые политологи ориентируются на западные стандарты политологии (в основном США и Великобритания).

Авторитетные политологи

Участникам опроса также предлагалось ответить на вопрос: «*На кого из отечественных или зарубежных политологов Вы равняетесь в своей деятельности и почему?*» Около половины респондентов (48,9%) затруднились ответить и в этом случае. Здесь наблюдается незначительный рост определившихся (на 5%) по сравнению с предыдущим вопросом. Отметим, что показатели все-таки близки и показывают примерно равное значение для респондентов как структур, так и конкретных личностей в их профессиональной деятельности.

«Затруднившиеся» не позволяют нам увидеть полную картину профессиональных ориентаций и карьерных моделей, но имеющиеся ком-

ментарии респондентов крайне полезны для выявления общих тенденций и их хода мыслей.

Стоит отметить, что группы респондентов, затруднившихся ответить на вопросы про аналитические центры и политологов, не тождественны и пересекаются примерно на 80%. Тем не менее корреляционный анализ выявил общие особенности двух групп (табл. 3.5). Чаще остальных не могли назвать авторитетные центры и персоналии женщины, молодые люди от 16 до 21 года, студенты первых курсов и обучающиеся на неполитологических специальностях. Можно предположить, что в данном случае причиной затруднений является недостаточный уровень компетентности в представленных вопросах. Так, среди молодых ученых процент затруднившихся в 2 раза ниже, коэффициент корреляции отрицательный.

Примечательно, что среди студентов-политологов около 60% также не смогли назвать авторитетных для себя отечественных или зарубежных политологов. Сложно сказать, с чем это связано: недостаточный уровень знаний или признак некоего кризиса в плане ориентиров для молодых политологов.

Кроме того, выявлено еще два фактора, влияющие на представления респондентов. *Во-первых*, это активное взаимодействие с коллегами — 60% опрошенных, не общающихся с представителями других регионов, не ответили на поставленный вопрос. *Во-вторых*, бывшие и действующие члены МПО, а также люди, отмечающие свою принадлежность к политологическому сообществу, проявляют значительно бо́льшую компетентность.

Если в целом судить по ответам респондентов, то можно выделить несколько групп:

- назвали конкретные персоны (44%);
- не равняются ни на кого (6,3% от числа респондентов);
- не определились (менее 1% от числа респондентов), например:
  - *«Пока рано говорить об этом»;*
  - *«Пока еще только присматриваюсь, а не выбираю ориентиры и идеалы»;*
  - *«Хороший политолог должен уметь анализировать и оценивать деятельность своих коллег с разных точек зрения»;*
  - *«Не думала об этом, я только накапливаю информацию, поэтому интересны многие взгляды исследователей и политологов»*.

Количество суждений, содержащих прямое отрицание («нет таких», «нет авторитетов» и т.п.), немного выше (почти на 1,5%) и составляет 6,3%. Некоторые респонденты, ответившие отрицательно на вопрос о на-

Таблица 3.5

Состав респондентов, затруднившихся ответить на вопросы об авторитетных исследовательских центрах и политологах, на которых они равняются

Затруднились указать, *на какие исследовательские центры, структуры, отечественные или зарубежные, они ориентируются в своей деятельности и почему*	**В % от представителей конкретной группы**	**Коэффициент корреляции**
Женщины	63,9	0,23
Респонденты в возрасте 16–21 год	70,3	0,40
Студенты неполитологических* специальностей	68,8	0,25
Бакалавры 1-го и 2-го курсов обучения	70,9	0,26
Молодые ученые	15,9	–0,36
Хотели бы стать членами МПО	64,8	0,23
Являются членами МПО	41,5	–0,11
Раньше были членами МПО	31,9	–0,18
Не взаимодействуют с коллегами из других регионов	63,8	0,17
Являются членами политологического сообщества	32	–0,18
Затруднились указать, *на кого из отечественных или зарубежных политологов они равняются в своей деятельности и почему*	**В % от представителей конкретной группы**	**Коэффициент корреляции**
Женщины	62,8	0,22
Респонденты в возрасте 16–21 год	68	0,38
Студенты неполитологических* специальностей	62,5	0,21
Студенты политологических* специальностей	61,7	0,20
Бакалавры 1-го и 2-го курсов обучения	66,9	0,21
Бакалавры 3-го и 4-го курсов обучения	61	0,11
Молодые ученые	16,8	–0,36
Хотели бы стать членами МПО	63,4	0,21
Раньше были членами МПО	36,2	–0,14
Не взаимодействуют с коллегами из других регионов	61,4	0,12
Являются членами политологического сообщества	40	–0,15

* *Политологические специальности:* «Политология», «Зарубежное регионоведение», «История и теория политики», «Мировая политика», «Политические институты, процессы и технологии», «Политические науки и регионоведение», «Публичная политика и социальные науки», «Теория и философия политики, история и методология политической науки», «Экономическая политология», «Социология политики», «Политический менеджмент».

личии авторитетов, вполне логично аргументировали свою позицию. Звучали следующие точки зрения:

- **создание авторитетов — не лучший путь в профессии и жизни:**
  - *«создание авторитета и образца — не лучший путь»*;
  - *«я не равняюсь на людей: кумиры вредны, знания полезны»;*
  - *«на себя самого, потому что думать нужно своей головой, получать наибольшее количество знаний из разных источников и формировать собственное мнение»;*
- **надежда на собственные силы:**
  - *«у меня свой образ политолога»;*
  - *«только на себя»;*
- **отсутствие достойных примеров для подражания:**
  - *«все руководители отечественных think-tanks ориентированы на получение прибыли от своих проектов [...] В этой связи никто не импонирует. Все решают личные связи с правительственными институтами (более «жирные» заказы, извлечение выгоды)».*

В свою очередь, ответы с упоминанием конкретных персон можно разделить на три больших блока:

- ученые и исследователи в сфере политологии, преподаватели, например:

  «Милан Шволик (Йель) — передовые разработки в области формального моделирования авторитарных режимов, Эндрю Гелман (Колумбийский), статистические методы и Байесовская статистика, Рональд Инглхарт (Мичиган) — самая масштабная версия теории модернизации на данный момент»;

- политические аналитики, комментаторы, политтехнологи и представители других профессий, определяемых как политологи, например:

  «Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики. Уважаю его за многолетний опыт и личную позицию, взгляд на внутреннюю российскую политику, которые мне близки»;

- политики, общественные деятели, журналисты, блогеры, среди которых фигурируют:

  Владимир Путин (4 раза) *(«он яркий политик, его боятся, слушают, уважают»);* Уинстон Черчилль *(«ибо это один из наиболее известных, популярных и уважаемых политиков мира»)*; Барак Обама*;* Сергей Лавров *(3 раза)*; Мария Захарова*;* Ли Куан Ю; Ирина Хакамада, Никита Хрущев; Петр Толстой; Торопов *(«четкость,*

открытость»), «ярославский блогер»; «главы государств», «главы международных организаций», «негосударственные акторы»; «политические лидеры», «политжурналисты»; «равняюсь не на политологов, а на политиков, наблюдая за их деятельностью».

Ориентация на политиков говорит о том, что некоторые молодые политологи либо не совсем поняли вопрос, либо связывают свою дальнейшую карьеру с политикой, а не с политологией. Такие мнения звучали и на круглых столах, эта проблема будет подробнее анализироваться в 4-й и 6-й главах. Здесь лишь скажем, что подобные ответы присущи в первую очередь студентам первых курсов бакалавриата, а значит, политические деятели «рекламируют» политологию и в какой-то мере определяют профессиональные цели молодых людей, познающих политику через политологию.

В ответах респондентов можно наблюдать не только условные дихотомии «политологи/политики» и «теоретики/практики», но еще и четкое разделение «отечественные/зарубежные». Причем в большинстве своем среди отечественных специалистов называют «современников», продолжающих активно работать и по сей день на протяжении многих лет (например, А. И. Соловьев, В. Я. Гельман, Г. В. Голосов, Л. В. Сморгунов и т.д.), а среди западных — «классиков» политической науки (например, С. Хантингтон, Д. Истон, Ф. Фукуяма, Р. Дарендорф и т.д.). В основном общепризнанные «мировые звезды» становятся примером благодаря своим мыслям и работам, а отечественные политологи — своим действиям и сферам научных интересов (например, по поводу Г. В. Голосова написали: «*удачная научная ниша (полит. партии в авторитарных режимах) + доступная популяризация исследований*)».

Вопрос об авторитетных политологах снова поставил проблему, которую пытаются решить представители политологического сообщества уже долгое время: кого считать «настоящим» политологом? И здесь можно сделать крайне интересные выводы: ***молодые политологи равняются в основном на «политических ученых»*** (английский аналог — *political scientists*), а не на «говорящие головы», известные только благодаря выступлениям в СМИ. Респонденты говорили по этому поводу следующее:

— «Мало на кого можно ориентироваться ввиду сильной междисциплинарности политической науки в России. Политологом может назваться “любой”».

— «Почему именно “политологов”? Кстати, не забывайте, что “политология” и “political science” — это не одно и то же. [...] Чтобы заслужить мое доверие, нужно либо хорошо работать в моей или близкой мне сферах, либо делать что-то выдающееся, заинтересовывающее за пределами моей сферы. А толпа бесполезных “уче-

ных", не ведущих исследования и не могущих сказать ничего нового, мне неинтересна».

Еще в 2015 г. д-р филос. наук О. Ю. Малинова проводила исследование и выявляла группы политологов, формирующих общественное «лицо» профессии. Тогда был сделан вывод, что для совокупности профессий, определяемых как «политолог», такое «лицо» для внешних потребителей формируют политические комментаторы и аналитики (по-английски их называют *political analysts*)[1]. Молодые политологи не являются «внешними потребителями» политологического знания, и более того, как показал опрос, ответы некоторых из них показывают достаточно широкие знания о политологах-ученых.

Открытый формат ответа на поставленный вопрос позволил не только определить персональный состав авторитетных политологов, но и основные причины, по которым респонденты их таковыми считают. Можно выделить несколько групп аргументов:

- **профессиональные компетенции авторитетных политологов (профессионализм, компетентность, высокое качество исследований):**
  - *«компетентность в теоретических и эмпирических исследованиях»;*
  - *«строгий академизм и высокий уровень качества исследований»;*
  - *«это ученые, которые проводят очень интересные и качественные прикладные исследования»;*
  - *«Хантингтон, Алмонд. Широта кругозора, высокий уровень аналитических навыков»;*
- **общее признание заслуг в профессиональном сообществе:**
  - *«высокие индексы Хирша»;*
- **публичность, медийная активность, просветительская деятельность:**
  - *«образец поколения политологов среднего возраста, не чурающихся медийности, стоящих на прагматичных позициях в отношениях с властью»;*
- **независимость, неангажированность, изучение «сложных», «неудобных» вопросов:**
  - *«аргументированность, неангажированность, взвешенность оценок и логичность изложения материала»; «авторский стиль и неординарность выводов, значительный исследовательский опыт и авторитет»;*

[1] *Малинова О. Ю.* Кто формирует общественное «лицо» профессии: сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ // Политическая наука. 2015. № 3. С. 233.

- **личное знакомство, профессиональные отношения, «учителя»:**
  - *«они являются либо моими педагогами, с которых беру пример, либо носителями одного или схожего научного интереса»;*
  - *«П. А. Цыганков, т.к. мы работаем в коллективном мероприятии»;*
  - *«научный руководитель (3 раза)»;*
  - *«ориентируюсь на своих профессоров. Дают много интересных знаний»;*
- **близость исследовательских интересов и взглядов на мир:**
  - *«общая сфера интересов, близкие подходы»;*
  - *«специалисты в области символической политики»;*
  - *«Хантингтон, так как нравится его идея "столкновения цивилизаций"»;*
  - *«схожесть интересуемой деятельности и достижений в этой сфере».*

Среди ответов были и оригинальные истории влияния старших политологов на формирование собственных человеческих принципов:

«Был у меня преподаватель политологии в университете, с которым не совпадали политические позиции. Однако мы все равно общались помимо аудиторной работы, и я следую его «завету» — всегда и во всем сомневаться, задавая себе дополнительные вопросы».

Некоторые респонденты рассказали и о других вариантах выбора авторитетных специалистов, например:

«В своей деятельности (как научной, так и практической) я сопоставляю направления работы с незначительной частью научных кадров местных департаментов университета, а также практиками из числа знакомых, действующих в рамках структурных подразделений органов исполнительной власти/отдельного бизнеса».

Если говорить о конкретных личностях, то их упоминание респондентами носило в основном единичный характер, как и в случае с аналитическими центрами. Лишь семи персонам удалось преодолеть условный 1,5-процентный барьер[1] (табл. 3.6). Сразу бросается в глаза тот факт, что у каждого из них есть большой опыт академической работы, а особенно преподавательской деятельности.

[1] Подробнее см. на странице проекта: Таблица «Полулярные ответы на вопрос о политологах, на которые равняются респонденты». – Режим доступа: http://morapn.ru/project/proekt-molodezhny-e-politologicheskie-organizatsii-kak-subekt-formirovaniya-nauchny-h-setej/tablitsa-populyarny-e-otvety-na-vopros-o-politologah/ (дата обращения: 01.07.2020).

Как мы можем заметить, в этом списке нет политиков, журналистов или блогеров, что говорит о некотором единстве относительно образа профессионала в глазах молодых политологов. Однако медийность, в том числе создаваемая за счет социальных сетей, имеет достаточно серьезное значение. Большинство комментариев содержит оценку научных достижений авторитетных политологов, простоту изложения их мыслей, объективность и аргументированность позиций (научный подход).

Как можем заметить, только один из семи наиболее популярных ответов содержит упоминание зарубежного политолога, который широко известен своими известными трудами по мировой политике и международным отношениям. Остальные представляют российскую политологию и в большинстве своем имеют научную известность за пределами страны. При этом они достаточно разноплановы в формах профессиональной деятельности.

Для оценки академических заслуг отечественных политологов была составлена сводная таблица (табл. 3.7) некоторых параметров их научной деятельности (публикационная активность, научная степень, область исследований).

В. Я. Гельман и Г. В. Голосов достаточно похожи в направлениях своей деятельности и даже работают в одном и том же вузе в России — Европейском университете (Санкт-Петербург). В первую очередь стоит отметить, что имя в российской политологии они заработали еще в 1990-х — начале 2000-х годов своими исследованиями политического режима и партийной системы в России. Сейчас эти политологи продолжают активную исследовательскую деятельность, ориентированы на написание научных работ на английском языке, получили признание за рубежом, активно участвуют в международных проектах. Г. В. Голосов и В. Я. Гельман также активно популяризируют результат своей работы в печатных СМИ, в своих аккаунтах в соцсетях, ориентированных на русскоговорящую аудиторию. Также мы можем заметить на примере В. Я. Гельмана: не обязательно становиться доктором политических наук, чтобы проводить качественные исследования и быть признанным в научной среде.

О. В. Гаман-Голутвина сочетает в себе сразу несколько ролей: она руководит кафедрой в МГИМО, активно участвует в общественной деятельности, в том числе возглавляя основную профессиональную ассоциацию для политологов, а также в экспертной работе на федеральном уровне. При этом ее академические заслуги также вызывают уважение, что в итоге было отмечено Российской академией наук, избравшей ее членом-корреспондентом РАН. Как видно из таблицы, респонденты отмечают успешность О. В. Гаман-Голутвиной, *востребованной как специалиста и реализовавшейся в политологической среде.* Аккаунты в социальных сетях она не ведет, однако публикаций в журналах из международных баз данных

Таблица 3.7

Параметры научной активности популярных личностей среди молодых политологов (сортировка по индексу Хирша в РИНЦ)

№	ФИО	Научная степень	Год последней научной публикации	Количество публикаций (РИНЦ / Scopus)	Индекс Хирша (РИНЦ / Scopus)	Область исследований
1	**Гельман В. Я.** (Европейский университет, СПб.)	к. полит. н.	2020	193 / 65	38 / 19	Исследование современной российской и постсоветской политики в теоретической и сравнительной перспективе
2	**Гаман-Голутвина О. В.** (МГИМО; НИУ ВШЭ, Москва)	д. полит. н.	2020	339 / 16	37 / 5	Политическое лидерство, политические элиты, политическая культура и политическое сознание, этические аспекты политики, генезис административно-политической бюрократии
3	**Соловьев А И.** (МГУ, Москва)	д. полит. н.	2020	190 / 4	26 / 1	Политическая эпистемология, политическая коммуникативистика, политическая культура, принятие политических решений, государственное управление, сетевой подход в политической науке
4	**Голосов Г. В.** (Европейский университет, СПб.)	д. полит. н.	2020	114 / 65	25 / 17	Сравнительная политология, методология компаративных исследований, политические процессы в российских регионах
5	**Кынев А. В.** (НИУ ВШЭ — до 2019 г., Москва)	к. полит. н.	2019	74 / 13	16 / 2	Региональные политические процессы России и стран СНГ, исследования партийных и избирательных систем, выборы и политические технологии
6	**Шульман Е. М.** (РАНХиГС, Москва)	к. полит. н.	2018	14 / 4	3 / 1	Законотворческий процесс, политические режимы в России и мире

достаточно много. Кроме того, ее популярность у молодых политологов и студентов может быть связана с высоким положением в РАПН, а также с тем, что О. В. Гаман-Голутвина является образцом построения успешной карьеры для женщины в науке.

А. И. Соловьев (МГУ) — яркий представитель отечественной школы политологии, отличается глубокими теоретическими работами, большими академическими достижениями, а по его учебникам учится бо́льшая часть российских студентов-политологов. Респонденты отмечают его авторитет в сообществе, подтверждаемый высокими показателями индекса Хирша в российской системе научного цитирования. Однако политолог совсем не представлен в соцсетях, а также практически не публикуется в журналах из международных баз данных, что не мешает ему быть примером для подражания молодых политологов.

Наиболее медийно известными представителями политологии из представленного списка являются Е. М. Шульман и А. В. Кынев. Первая отличается своей деятельностью в качестве политолога-просветителя, активно ведет страницы в социальных сетях, выступает в СМИ, пишет аналитические тексты для печатных изданий, при этом преподает в РАНХиГС и до недавнего времени занималась исследовательской деятельностью, посвященной изучению парламентаризма и законодательного процесса.

Наиболее близко к такому же формату работы в политологии тяготеет и А. В. Кынев, основной сферой научных интересов которого являются партийная система и избирательный процесс, в том числе на региональном уровне. До 2019 г. политолог преподавал в НИУ ВШЭ, а сейчас продолжает активно комментировать события актуальной политической повестки дня на радио и в печатной прессе, ведет аккаунты в социальных сетях и на *YouTube*. При этом послужной список в плане работ академической и аналитической направленности у А. В. Кынева существенно больше, чем у Е. М. Шульман.

Если смотреть на специалистов, которых отметили от 1 до 1,5% респондентов, то здесь можно увидеть такие фамилии: В. Д. Соловей, Е. Н. Минченко, Л. В. Сморгунов, С. П. Поцелуев, М. В. Ильин, О. Ю. Малинова. Как мы видим, преобладание академических политологов и здесь сохраняется, однако появляется среди них политтехнолог — Е. Н. Минченко, а также на данный момент политический публицист — В. Д. Соловей.

В целом можно наблюдать значительный перевес политических ученых как примеров профессионализма для молодых политологов. Таким образом, действительно можно отметить преемственность поколений и формирование российской школы политологии со своими «классиками». Однако стоит обратить внимание на то, что наблюдается некая

отчужденность молодых политологов из России от нынешней мировой науки, что выражается в единичных упоминаниях ими фамилий современных зарубежных акторов.

Полученные результаты позволяют также сделать вывод, что молодые политологи в большей степени ориентируются в своей деятельности на академических политологов из России, которых уважают за вклад в науку и карьерные достижения. Важным условием их ориентаций является объективность позиций, доступность мыслей, популяризация своей деятельности в медиасфере, в первую очередь в соцсетях. Политики, общественные деятели, блогеры, журналисты и другие представители «неполитологических» специальностей, освещающие политические события, также сказываются на профессиональных позициях молодых людей. Однако скорее их можно рассматривать как людей, рекламирующих политологию, под влиянием которых они решают стать политологами, чтобы лучше разбираться в политике.

3.5. Основные выводы

Сообщество молодых политологов — многогранное понятие, но основой его являются люди, которые изучают политические явления и процессы, стремятся понять политику, вступают ради этого во взаимодействие. Чтобы выявить особенности человеческого капитала сообщества, в представленной главе были проанализированы возрастные особенности его представителей, приведена их типология, оценивались их ролевые модели поведения в профессиональной сфере, ориентации на исследовательские центры и политологов, вызывающих у них уважение.

Возраст молодых политологов отражает структуру сообщества, поскольку касается вопроса собственного восприятия себя как молодого. Как показывают результаты опроса, трудности с этим возникают, поскольку одни пока не считают себя политологами, другие — немолодые по возрасту, третьи пока сомневаются, а кто-то интересуется политикой, но учится на смежных специальностях. Четко наблюдается «развилка» в ответе на вопрос «Можете ли Вы себя назвать молодым политологом?»: бакалавры без диплома не считают себя таковыми, потому что пока не политологи, а старшие коллеги — потому что немолодые. Диплом о высшем образовании становится важным аргументом, чтобы отнести себя к этой социальной группе. В то же время члены молодежных политологических организаций чаще других своих сверстников причисляли себя к сообществу молодых политологов, даже не имея диплома бакалавра.

Если говорить о возрасте, после которого респонденты перестают считать себя молодыми политологами, то здесь можно заметить параллели

с периодом завершения аспирантуры — около 26 лет. В представлении респондентов именно «вузовский» период жизни политологов можно считать молодостью.

Та же проблема наблюдалась при выделении типов молодых политологов — данные показывают, что существенная часть студентов-политологов получают диплом ради диплома, поэтому не проявляют особой активности. Это является общероссийским трендом. Если говорить о других, то стоит выделить многочисленную группу «Активные политологи» (почти 40%), которые, как правило, хорошо осведомлены о деятельности сообщества, однако критически относятся к государственной и региональной поддержке и считают, что студенты вузов мало вовлечены в общероссийские проекты. Они предпочитают развивать личные связи, участвовать в совместных мероприятиях и исследовательских проектах, наблюдается значимая корреляция и в плане популярной среди них онлайн-площадки для коммуникации — *Facebook*.

«Опытные политологи», медиана возраста которых 27 лет, затруднились считать себя молодыми, однако активно коммуницируют с коллегами из других регионов и в целом более позитивно оценивают состояние политической науки, чем другие типы.

Представители двух вышеперечисленных типов чаще всего действующие или бывшие члены МПО, что говорит о важном значении организации на определенном этапе жизни для проявления своей активности в профессиональной сфере.

«Начинающие политологи» (17,8%) и «Потенциальные политологи» (13,9%) — это люди, которые будут в ближайшем будущем лицом политологии, и уже сейчас необходимо обратить на них особое внимание. Состав их достаточно однороден — это студенты. Начинающие чувствуют некоторую изолированность от сообщества, но есть ярко выраженное желание вступить в молодежные политологические организации, приоритетным направлением работы которых считают интеграцию в сообщество. Интересно, что представители этих типов склоняются к взаимодействию с коллегами посредством соцсети «ВКонтакте».

Но для того чтобы молодой политолог стал успешным, нужно будет пройти еще через много трудностей, в том числе связанных с выбором своего карьерного пути и модели поведения в профессии, в отношениях с обществом и властью. Анализ круглых столов показывает, что таких основных моделей три: «врач», «гражданин» и «медиатор», но главное — это те этические и моральные принципы, которыми они обладают уже сейчас.

Карьерные перспективы связаны еще и с примерами исследовательских структур и конкретных личностей, на которых равняются молодые

политологи. Анализ их ответов показал, что такими структурами становятся те, которые либо занимаются международной проблематикой (например, РСМД), либо имеют междисциплинарный профиль (ВЦИОМ, Левада-центр и др.), либо так или иначе специализируются на анализе политических процессов (Центр Карнеги). Но главное — есть тенденция к тому, что молодые люди чаще ориентируются на центры, продвигающие западные стандарты политологии.

С конкретными личностями все намного сложнее. С одной стороны, высок процент затруднившихся ответить и тех, кто не «создает себе кумиров». С другой — четко видны общие принципы и ориентации молодых политологов. В старших коллегах их привлекают профессиональные компетенции, общее признание в сообществе, публичность и медийность, объективность мыслей и оценок, личное знакомство или профессиональные связи. Интересно, что среди ответов встречаются и упоминания представителей политической сферы, журналистов, блогеров и других «неполитологов», но их намного меньше. Можно сделать вывод, что эти люди также влияют на интерес к политике у молодых людей, что сказывается на выборе абитуриентов направлений при поступлении в вузы.

Основная группа людей, на которых равняются молодые политологи, состоит из представителей академической политологии. Сразу бросается в глаза «отечественный» уклон ориентаций молодых политологов.

В целом можно отметить, что человеческий капитал сообщества высок, видно, что уже окончательно сложилась собственная российская политологическая школа, появились свои «герои», но ориентация на западные стандарты политологии неизменно сохраняется и по сей день.

Глава 4

ЗНАНИЯ О ПОЛИТИКЕ КАК ОСНОВА СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: МНЕНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

4.1. Различия между знанием и информацией, академической и аналитической работой

В предыдущей главе мы рассмотрели такие важные вопросы, как особенности человеческого капитала сообщества молодых политологов. Прежде всего речь шла о людях, исследователях, их навыках и ориентирах. Однако неотвеченным пока остается вопрос, для чего молодым исследователям необходимо сообщество. Логично, что коммуникации между молодыми исследователями из разных университетов, регионов и школ обогащают членов сообщества и повышают качество человеческого капитала. Однако главным ресурсом исследовательских сообществ и сутью коммуникации между молодыми политологами является знание, его передача и преумножение. Категория знания о политике имеет прямое отношение к молодежным политологическим сообществам и нуждается в отдельном рассмотрении.

Соотношение знания и информации

Вопрос о соотношении знания, политики и политической науки так или иначе был затронут на большинстве из проведенных в 20 городах России круглых столов. Одно из важных измерений этой темы связано с разграничением знания и информации. Этот вопрос крайне важен, поскольку именно знания мы рассматриваем как основу сетевого взаимодействия участников сообщества. В 1-й главе нами были представлены варианты различения двух понятий: «знания» и «информация». Однако намного важнее узнать, что думают собственно те люди, которые их получают, обмениваются, накапливают и используют в своей деятельности.

Как правило, студенты интерпретировали знания как обработанную, проанализированную и желательно используемую в практической деятельности информацию:

«Знание — это тоже информация, но не вся информация может быть знанием. Знание — это правильно примененная информация. Можно получить какую-то информацию, но не придавать большого значения и не пользоваться этой информацией. Тогда от нее не будет никакого толка. А знание — это информация, которой можно найти применение» (Попова Любовь, студент, Иваново);
«Информация — это любое сообщение, любое предоставление какого-либо, даже обыденного, знания. Если мы говорить будем о научном знании, то у него существуют признаки, существуют правила, и методология, и методы, и процедуры. Аналитик пользуется всем этим, и он склонен к научной деятельности» (Прилукова Екатерина, преподаватель, Челябинск).

Как видно из двух вышеприведенных цитат, знание понимается как производное информации. Студенты противопоставляют знания, полученные посредством научных методов, обыденной информации о чем угодно. В этом они видят ключ к ответу на вопрос о различии между знанием и информацией. Информация — это любое сообщение, полученное из внешнего мира, причем посредством любого коммуникативного канала (текст, визуальные образы, звуки). Она может стать знанием после некоторой обработки и рефлексии.

Аналитическая и научная деятельность в контексте работы с информацией и знанием

В одном из уже упомянутых пассажей аналитическая деятельность фактически приравнивается к академической. Аналитическое мышление действительно может быть сходно с научным, однако определенно не тождественно ему. В этом смысле показательно мнение, высказанное начальником отдела политического мониторинга Департамента общественных связей С. В. Кулакова на круглом столе в Ярославле:

«Политическая аналитика, ее основная задача, смысл — оценка текущего состояния, наблюдение за изменениями в общественно-политической системе, в ее состоянии, структуре, курсе, определение ее тенденций изменения, своевременное выявление нежелательных тенденций, принятие упреждающих мер политического воздействия, прогнозирование и влияние на политическую систему» (Кулаков Сергей, выпускник, Ярославль).

Политическая наука же имеет дело не только и даже не столько с текущей политической ситуацией, а с фундаментальными концептами, такими как «политический институт», «государство», «политическая партия».

Кроме того, по-видимому, само слово «знание» вызывает у участников круглого стола больше доверия, чем термин «информация». Если говорить совсем упрощенно, то знание — это проверенная информация:

«Информация может быть совершенно различной, может быть как правдивой, так и неправдивой. А знание, оно как-никак имеет какую-то приближенность к истинности» (Тимофеева Дарья, студент, Воронеж).

Использование просторечных оборотов («как-никак», «какую-то») в данном случае свидетельствует о том, что многие не мыслят категориями информации и знания в рамках научного дискурса и воспринимают эти слова как часть повседневной лексики.

В то же время анализ стенограмм некоторых круглых столов позволяет выдвинуть предположение о том, что понимание знания у студентов связано либо с образовательным процессом, либо с наукой как с процессом его верификации:

«Мне кажется, знания — это все-таки научно доказано наукой, а информация — это то, что человек получил и научно недоказанное» (Курпатова Мария, студент, Кемерово).

Безусловно, высказывание несколько путаное, однако оно схватывает базовое понимание различий между информацией и знанием. Обобщая вышесказанное, отметим, что, по мнению студентов, знания — это переработанная информация, полученная посредством научных методов.

Одной из проблем, с которой сталкиваются как студенты, так и исследователи при препарировании информации и превращении ее в знание, стал резкий рост объема получаемых сообщений. Эту тему в своем выступлении в Ярославле, опираясь на собственный опыт, осветил С. В. Кулаков:

«Если буквально, не знаю — в 2012 году я мог лично там во время выборов Президента, выборов мэра Ярославля отследить все социальные сети, тогда форумы... Сейчас даже, несколько человек, если вы будете целые сутки листать фейсбук, вы просто не сможете успеть все новости прочитать... сейчас главное не добыть информацию... То есть необходимо не искать информацию, а отсеивать, избавляться от ненужного» (Кулаков Сергей, выпускник, Ярославль).

Очевидно, что все молодые ученые сталкиваются с проблемой выделения качественных источников информации среди общей массы:

«Так бы я хотела привести слова Георгия Почепцова, специалиста в области коммуникативных технологий. Он говорил о том,

что за последние 30 лет произведено большее количество информации, чем за 5000 лет до этого, т.е. из этих слов мы можем сделать вывод, что современное общество перенасыщено различного рода информацией, именно поэтому так важно, чтобы человек умел выбирать информацию истинную, а не ложную» (Мальфанова Нелли, Орел).

Факт, приведенный в выступлении, впечатляет и даже может вызывать доверие, однако непонятно, как отличить ложную информацию от истинной. Тем более затруднительно требовать от граждан, не имеющих политологического образования или бэкграунда в сфере социальных наук, постоянной рефлексии над получаемыми сведениями, так как это требует большого количества времени. В лучшем случае они лишь потребляют информацию из разных источников (об источниках потребления информации для молодых исследователей см. далее).

* * *

Таким образом, студенты понимают информацию как совокупность сведений об окружающем их мире. Знание же является переработанной, отрефлексированной и обобщенной информацией, доказанной посредством научных методов. При этом поверхностный взгляд выдает сходства между методами работы академического политолога и политического аналитика. Однако исследователь в большей степени работает с фундаментальными концептами, а аналитик с вопросами по текущей повестке дня. При этом и те и другие сталкиваются с проблемой взрывного роста количества информации. В наши дни найти информацию гораздо проще, чем буквально 10 лет назад, но сложнее стало выделить действительно важные сведения из общего массива информационного потока.

4.2. Политическое и политологическое глазами молодых политологов

Одним из важных вопросов, поставленных в ходе круглых столов, стало различение политического и политологического студентами и молодыми учеными. Отметим, что не все четко различают политику и политические науки. При этом сама по себе политика, по крайней мере в ее примитивном понимании как сферы жизни общества, к науке не приравнивается:

«Честно, я не считаю политику наукой. Это то, с чем мы сталкиваемся ежедневно. Но если есть ученые, которые этим занимаются, то это их сфера интересов» (Почивалова Татьяна, глава муниципального образования, Астрахань).

Этот небольшой фрагмент из стенограммы круглого стола, прошедшего в Астрахани, отсылает нас к пониманию власти по М. Фуко[1]. Он понимал ее как некую материю, которая буквально растворена в обществе, а значит, ею наделен каждый из нас в разной степени. Следуя этой метафоре, все мы так или иначе вовлечены в политику, даже если отказываем себе в этом. Хорошим подтверждением является то, что знаменитую цитату Ш. де Монталамбера «Если вы не будете заниматься политикой, то политика займется вами» два раза цитировали на мероприятии в Воронеже.

Политическую сферу и науку о политике студенты разделяют, как правило, на довольно «приземленном» уровне, относя к информации о политике новости, связанные с текущей повесткой дня, а к политологии анализ событий посредством определенных методов:

«Я считаю, что сначала нужно определиться и разграничить, что мы хотим получить, методы получения информации о политике или политологическую информацию, потому что информация о политике, ее можно получать из новостей, буквально, кто что возглавляет, кто что делает, именно в политике. А политология — это уже выработанный научный анализ...» (Неизв., Калининград).

Такое понимание политической науки коррелирует с восприятием концепта знания как такового (см. предыдущую главу). По сути, там, где начинается наука о политике, заканчивается политика как сфера жизни общества, которая окружает нас повседневно. В такой логике становятся понятны слова профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта И. Н. Тарасова о том, что он не комментирует политические новости в СМИ именно в связи с тем, что он прежде всего именно академический политолог.

Одна из причин, почему понимание разделения политических наук и политологии отсутствует, лежит в сфере недостаточной подготовки будущих студентов еще в период обучения в школе:

«Что касается политики и политологии. На своем опыте знаю, что в школах создается общее впечатление о политике и нет разграничения этих названий. Когда абитуриент приходит в университет, он просто теряется, куда поступить: везде интересные специальности. Политология есть в каждом направлении, она должна быть, потому что, опять же, она даст в дальнейшем отсутствие манипулирования правительством молодежи» (Калинина Владилена, студент, Иркутск).

[1] *Льюкс С.* Власть: радикальный взгляд. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2010. — 240 с.

В данной цитате раскрыта основная функция политологии на неполитологических образовательных программах: чем больше ты знаешь о политике, чем лучше ты подкован в области политических наук, тем меньше вероятность стать объектом манипуляций и популизма. Когда участница круглого стола говорит: «*...отсутствие манипулирования правительством молодежи*», очевидно, под «правительством» она подразумевает все органы власти и, шире, политические институты.

Если под информацией мы понимаем всю совокупность сведений, которые мы получаем из внешнего мира, то очевидно, что она может касаться и политики. В таком случае под знаниями о политике мы понимаем информацию, которая была обработана и проанализирована ее получателем. Политологическое знание при этом должно быть получено посредством специфических научных методов: «*...политология — уже выработанный научный анализ» (Неизв., Калининград)*.

Вопрос о различении политологического и политического вызвал дискуссии на нескольких круглых столах. Однако участники были солидарны, что отличия существуют. Студенты, в том числе студенты-неполитологи, определяют политику как область жизни, которая так или иначе касается многих. При этом многие с сожалением отмечают политическую апатию, в том числе и в молодежной среде. Политология — это прежде всего наука о политике, а политолог — тот, кто обладает навыками научного анализа политических процессов, и они необходимы для успешного политика (такой тезис присутствовал, в частности, на круглом столе в Астрахани). При этом политическое и политологическое неразрывно связаны, и одно без другого едва ли имело бы смысл.

4.3. Каналы получения, методы сбора и анализа политической информации и политологического знания

Источники получения для политологов информации и знаний

1. СМИ

Каналы получения информации для молодых политологов и исследователей стали одной из наиболее популярных тем для обсуждения на проведенных круглых столах. Говоря об источниках информации, студенты отмечали, что большую часть информации черпают из СМИ и интернет-источников:

«Одним из еще определяющих способов распространения информации в настоящее время являются средства массовой информации,

одной из отличительной особенности информации впоследствии развития СМИ становится глобализация, т.е. одновременно одну и ту же информацию получает весь мир» (Выскребенцева Яна, студентка, Орел);
«Научные знания — из истории, опыта прошлых поколений. Что касается конкретных источников получения информации, то для меня это Интернет и СМИ» (Дубовой Егор, студент, Калининград);
«Я гражданин Афганистана. На первый вопрос об источниках получения и методиках обработки я могу сказать, во-первых, о СМИ» (Садат Сайед, студент, Иваново);
«Останавливаясь на источниках получения информации, они довольно простые: СМИ, соцсети» (Барский Яков, муниципальный служащий, Ярославль).

При этом многие студенты относятся к СМИ скорее как к некоторой эмпирической базе для анализа или исследования, а не как к руководству к действию. Студент из Калининграда подчеркивает, что знания мы получаем из опыта поколений, а информацию — из СМИ. Также участниками круглого стола было зафиксировано ускорение темпов распространения знания и информации. Важную роль в увеличении количества сообщений о политике играют новые медиа. Одним из наиболее ярких примеров являются *Telegram*-каналы:

«У нас появился даже целый мессенджер — Телеграм, через анонимные каналы делиться с аудиторией. Цена подачи либо инсайдерская информация, но совершенно невозможно отличить от ложной, вброшенной информации» (Кулаков Сергей, выпускник, Ярославль).

В то же время именно *Telegram* часто вызывает больше доверия у пользователей и людей, которые интересуются политикой, по причине анонимности. Кроме того, у данного мессенджера сформировался имидж площадки, где можно получить достоверную информацию о политических событиях, а интернет-алгоритмы не так сильно влияют на потребляемый контент:

«Телеграм позволяет размещать конфиденциальную информацию и оперативно давать комментарии по тому или иному вопросу... В основе Телеграма лежат другие принципы, здесь пользователь сам ищет для себя источники информации и потребляет свой контент» (Журкина Анастасия, студентка, Ростов-на-Дону).

Секрет успеха политического сектора *Telegram* заключается в удобстве использования самого мессенджера, а также в специфическом наборе

тем. Закрытость и дефицит информации о российских элитах в политике и бизнесе создают благодатную почву для развития *Telegram*-каналов.

Рост количества политической информации порождает сложности, связанные с вычленением недостоверной информации и фейков. Выше мы уже немного осветили вопрос в плане сложности выделения нужной и действительно важной информации для граждан. Теперь разберем этот непростой момент в контексте сбора информации из СМИ молодыми политологами.

Самым популярным рецептом избегания дезинформации для студентов является ознакомление с как можно большим количеством источников. «Чем больше читаешь разных точек зрения в СМИ, тем полнее у тебя представление о повестке дня» — это аксиома для многих молодых политологов:

«Если мы говорим о получении знания о политике, то здесь имеет место быть дезинформация... информация, которая подается, должна быть достоверной. Для этого, прежде всего, необходимо сравнивать различные источники... Никогда мы не должны руководствоваться одним ресурсом, мы должны все сравнивать и путем анализа уже приходить» (Захарова Дарья, студентка, Иваново).

Примечательно, что студентка говорит не просто об ознакомлении с источниками или о простом просмотре ленты в социальных сетях, но о сравнении различных источников и их анализе. Сопоставление двух явлений, а также исследование связей между ними — это уже элемент научного анализа. Именно здесь повседневная картина мира сменяется научной. Риски получения недостоверной информации были упомянуты и на круглом столе в Ростове:

«Слишком много недостоверной информации. Отличить правду от лжи становится очень сложно. Государственные СМИ, оппозиционные СМИ ...сложно различать факты. Да, у нас появился клад информации, мы можем изучать первоисточники, но до сих пор мы не способны отличать фейки от настоящих событий, которые происходят в нашей жизни... Если он либерал, то он обязательно будет смотреть на оппозиционные СМИ, если он консерватор и поддерживает Путина, то государственные СМИ. То есть то, что ему интересно, то он и смотрит» (Мосоровчук Антон, студент, Ростов-на-Дону).

Докладчик в данном случае обращает внимание на влияние наших идеологических установок на восприятие информации и даже на выбор канала ее получения (если либерал, то будет смотреть оппозиционные

СМИ, и т.д.). Таким образом, данный пассаж говорит о невозможности объективного взгляда на вещи. При этом подлинное исследование возможно лишь вне подобных установок. По выражению Х. Ортеги-и-Гассета, для того чтобы рассмотреть предмет, нужно предельно на нем сосредоточиться, порой не обращая внимания на свои внутренние воззрения по поводу предмета, а лишь созерцая, а потом и препарируя его (см. известную метафору о стекле и саде, связанную с искусством, но применимую и к научным исследованиям тоже[1]).

Кроме того, разделение всех общественно-политических СМИ лишь на государственные и оппозиционные уводит нас в сторону «двухцветной» реальности. Таким образом, мы отказываем ей в сложности, что, по меньшей мере, вызывает дискуссии. Подобный взгляд встречался и на других круглых столах, поэтому наличие мнения о возможности существования только двух видов СМИ: провластных и оппозиционных весьма распространено:

«Вообще в демократическом государстве должны быть как провластные СМИ, т.е. государственные, для поддержания определенной точки зрения и для опубликования хотя бы новых законодательных актов различных, так и оппозиционные СМИ, которые будут как бы противостоять государственной власти» (Мамаев Андрей, студент, Йошкар-Ола).

Таким образом, основной целью политолога при работе с материалами СМИ, является представление максимально комплексной картины мира и ее трансляция:

«Мнения людей о политике часто складываются из СМИ и такого источника, как Интернет. Поэтому задача политологов, как профессионалов своего дела, изучив широкий круг источников, представить политику, политическое событие наиболее полно и объективно» (Ичинская Марина, студентка, Барнаул).

С этой мыслью сложно спорить, однако для представления адекватной политической картины мира необходимо использовать не только материалы СМИ, но и другие каналы получения информации. Особенно это важно для молодых исследователей.

2. Аудиторные занятия и онлайн-курсы

Еще одним важным каналом получения не столько информации, сколько знания в области политических наук и политики являются ауди-

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // ЛитМир — Электронная Библиотека. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=81219&p=2 (дата обращения: 19.03.2020).

торные занятия, лекции. Причем лекция воспринимается исключительно как возможность получить новое теоретическое знание. О практических навыках здесь речь не идет:

«Мне кажется, сбор информации — это уже практический навык, если ты имеешь в виду конкретные исследования. Если говорить в рамках теоретического знания, то это, скорее всего, будут лекции» (Гуреев Дмитрий, Томск).

Впрочем, именно этот фактор едва ли обесценивает лекции сами по себе, хотя этот формат и подвергается критике, как не подходящий для современных студентов. В мире цифровых технологий все сложнее концентрироваться на чем-то одном в течение продолжительного количества времени, будь то одна дисциплина в рамках учебного плана или один преподаватель:

«Сейчас ситуация, что идет эпоха клипового сознания, что человеку, находящемуся в аудитории, очень сложно сконцентрироваться на монотонной лекции профессора, длящейся 1,5 часа, и ловить суть всего сказанного. Наверное, проще в этом плане посмотреть онлайн-курс, выпить кофе, записать важные моменты, вернуться, если что-то пропустил» (Смирнова Юлия, студентка, Санкт-Петербург).

Действительно, случаи, когда преподаватель настолько интересен, что способен держать аудиторию на протяжении полутора часов, довольно редки. От личности, харизмы и компетентности лектора по-прежнему зависит многое.

Также отметим и то, что сегодня онлайн-курсы действительно стали полноценным каналом получения знаний, причем конкурирующим по отношению к формату «лекция–семинар». Некоторые ректоры ведущих российских вузов уже рассматривают перспективу перехода на лекции в онлайн-формате[1]. Импульс распространению такого вида получения знаний может придать временный переход на дистанционное обучение практически всех вузов, в связи с пандемией коронавируса[2]. Подробнее о мнениях, высказанных на круглых столах по вопросам политологического образования, будет рассказано в 9-й главе.

[1] Лекции переносят в онлайн-аудиторию. Ярослав Кузьминов намерен обязать преподавателей читать курсы в цифровом формате // КоммерсантЪ. 2018. 2 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3758336 (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Крупнейшие российские вузы переходят на дистанционное обучение из-за коронавируса // Новая газета. 2020. 16 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://novayagazeta.ru/news/2020/03/16/159836-krupneyshie-rossiyskie-vuzy-perehodyat-na-distantsionnoe-obuchenie-iz-za-koronavirusa (дата обращения: 20.03.2020).

Отметим, что студенты предлагают и свои варианты сделать классический университетский формат эффективнее, что свидетельствует об их активной позиции не только по вопросам, связанным с политологией, но и по организационно-образовательным процессам в университете:

«Например, лично для меня было бы лучше, когда предмет политическая философия преподавался бы не раз в неделю в течение полугода, а концентрированно в течение полутора-двух недель, в зависимости от часов нагрузки, без отвлечения на посторонние предметы» (Приходько Александр, студент, Белгород).

В таком формате уже проходят занятия для аспирантов в некоторых вузах, а также на заочных и очно-заочных формах обучения. Обратная связь от студентов по образовательному процессу очень важна. В перспективе такая заинтересованность в делах своей группы и вуза может вылиться и в гражданскую активность.

3. Учебные пособия

Безусловно, одним из способов получения политологического знания, особенно для студентов младших курсов, являются учебные пособия:

«Как я уже говорил выше, сыграло большую роль самообразование. То есть свое личное желание. Где-то различные статьи в Интернете, различные научные статьи, и также учебник политологии под редакцией Гаджиева, который лично мне нравится по манере изложения в большей степени, в отличие от других» (Казимиров Максим, Чебоксары).

Интересно, что учебники как источник политологических знаний идут через запятую с научными статьями. Возможно, это связано с тем, что, *во-первых*, в обоих случаях мы имеем дело с текстовыми материалами, *во-вторых*, действительно заинтересованные в политологии студенты, а в основном такие и делали доклады на круглых столах, потребляют информацию из большого разнообразия источников и порой не различают, откуда конкретно они почерпнули тот или иной факт или мысль.

При этом даже в случае с учебными пособиями многие обращают внимание на недостаточность использования лишь одного источника:

«Если мы, например, будем изучать политологию по западным, допустим, американским учебникам, у нас не будет целостного представления о проблеме. Когда американцы пишут о внутренней политике России в 1990-е гг., может быть, кому-то из читателей-

политологов это покажется субъективным. Надо изучить книги об истории России в 1990-е гг. российских политологов» (Голин С., Томск).

Хотя в данном фрагменте просматриваются некоторые политические предпочтения говорившего, он в то же время указывает на необходимость ознакомления с максимально полным набором учебных пособий, связанных с российской политикой 1990-х годов.

4. Научные статьи и монографии

Участники круглых столов говорили об академических работах гораздо меньше, как об источниках знания о политике и политологии. О них упоминалось лишь в контексте перечисления источников знания и информации, не расшифровывая того, как именно они изучают именно эту группу источников. Вот один из типовых примеров:

«Источники политической информации могут быть представлены, например, в печатном виде: газеты, журналы, всякие документы, монографии» (Ялышева Диана, Орел).

При этом студенты и молодые ученые безусловно признают, что «нужно читать больше книг» (этот рефрен повторяется сразу на нескольких круглых столах). Показателен даже факт называния научной литературы, монографий общеупотребительным и даже разговорным словом «книги».

То, что студенты уделяют сравнительно мало внимания научной литературе, связано со сложностью таких текстов, их «сухостью», помноженным на относительно юный возраст студентов. Вместе с тем низкий интерес к академическим источникам указывает и на поверхностный взгляд многих студентов на политическую науку.

5. Нормативно-правовые документы

Еще одной недооцененной группой источников, которые связаны с политологическим знанием, являются нормативно-правовые акты. Если сделать акцент на знании о политике, то законы и другие юридические документы часто являются важной частью политического анализа. В частности, на важность нормативно-правовых источников было указано в тезисах под названием «Ум бороды не ждет, или Как взрослеть молодым политологам»:

«Также не менее значимыми являются документальные источники (нормативные документы, справочные документы). Это наиболее важный для политических исследований корпус источников и самый разнообразный. Выработан целый ряд специальных методов работы

с документами (контент-анализ, ивент-анализ и др.)» (Соколова Наталья, студентка, Йошкар-Ола).

При этом в ходе круглых столов крайне малое количество участников указало на документы как на важный источник информации для политологов. Недооценка такой важной группы источников молодыми политологами тревожит, ибо опора лишь на интерпретацию документов может приводить к недостоверным результатам исследований.

6. Дискуссионные площадки и публичные лекции

Еще одним важным каналом получения информации для молодых политологов являются дискуссионные площадки, где специалисты в области социальных наук могут объяснить сложные концепты и явления простыми словами. Одной из таких площадок является «Гражданин политолог»:

«Мы пытаемся простым людям, студентам, работникам, которые работают в офисах и на заводах (если они к нам приходят, а скорее всего, не приходят, потому что им это не интересно), показать, что, посмотрев на тот черный ящик, можно не просто увидеть происходящее, а потом сидеть на кухне и рассуждать о результатах. Можно посмотреть через специальную линзу, которую ученые предлагают в своих исследованиях, и углубиться в эти знания» (Валиев Руслан, студент, Санкт-Петербург).

В данной цитате обращает на себя внимание то, что политическая социализация как студентов-политологов, так и простых граждан — это дорога с двусторонним движением. Такие площадки, как «Гражданин политолог», безусловно необходимы, однако их эффективность будет невысока, если люди не готовы будут тратить свое время на их посещение. На данный момент, по признанию докладчика, граждане такой активности не проявляют.

В то же время подобные мероприятия с радостью посещают политологи. Согласно проведенному в рамках грантового проекта опросу, 58,2% человек, вошедших в кластер «Активные политологи», взаимодействуют с коллегами из других регионов в форме совместных мероприятий, а 43,7% — посредством обмена идеями и знаниями. Востребованность молодежных политологических конференций, а также таких площадок, как «Гражданин политолог», подтвердил и один из ее главных организаторов, Р. Э. Валеев:

«Количество участников у нас варьируется. Если суммировать всех участников за 4 года, то получается, что число приблизилось

к 1000 человек, которые посетили наш проект и поучаствовали в нем. Если, как написано в буклете, через молодежное отделение российской политической науки прошло около 3000 человек, то через наш проект прошла одна треть. И я считаю, что для такого города это достаточно успешно» (Валиев Руслан, Санкт-Петербург).

Соответственно, как минимум, у политологов разных возрастов и даже шире — у специалистов в сфере социальных наук совместные мероприятия являются важным каналом получения новой информации и знания.

Методы сбора и анализа политической информации и знаний

Для молодых политологов недостаточно получить новую информацию или знание. Их нужно обработать, отрефлексировать, «провести через себя». Выше мы уже говорили, что именно научный метод превращает информацию в знания. Таким образом, именно метод и методология превращают политическое в политологическое. Тема методов в политических науках также обсуждалась на нескольких круглых столах.

На указанных мероприятиях в целом сложился консенсус, что научный метод — это именно то, что делает информацию, в том числе и политическую, знанием:

«Главный момент не получать информацию, а правильно ее обрабатывать, чтобы делать определенные выводы, которые могли быть использованы для дальнейших исследований» (Золотова Ольга, студентка, Ростов-на-Дону);

*«**Помигуев И. А.**: Можно ли сказать, что при получении информации формируется знание, или нет? Или знание — это то, что из учебников, например, доказанное научными методами.*

***Курпатова М. А.:** Ну, все-таки научных методов лучше придерживаться, потому что даже в Интернете часто такой поток информации...» (студент, Кемерово).*

При этом участники круглого стола имеют в виду не только количественные или качественные методы, но и общенаучные. Так, выявление каузальных связей многими студентами считается методом, который применим в политических науках. Таким образом, само понятие «научный метод» трактуется молодыми исследователями в регионах предельно широко. При этом, как показывает второй пример, им не совсем понятно, какие именно научные методы применять в той или иной ситуации и при анализе больших потоков информации.

Такое же понимание характерно и для методов, связанных с политическим прогнозированием:

«Использование правильного метода прогнозирования даст возможность определить наиболее вероятные и желательные сценарии развития событий, а также получить альтернативные варианты распределения ресурсов для успешной реализации и вывода стратегии» (Миезис Евгений, студент, Кемерово).

Про какие «правильные» методы идет речь, не ясно. Однако докладчик абсолютно точно подчеркивает важность прогнозирования, в том числе и как результата политологических исследований. Некоторые участники того же круглого стола указали на то, что мало прогнозов сбывается и это связано не столько с усложнением окружающей реальности, сколько с низкой подготовкой самих политологов:

«Однако на протяжении более 20 лет я наблюдаю картину того, что прогнозы политические практически не сбываются. То есть это говорит о чем? О слабости политологов в подготовке к прикладным методам исследования, нежелании их использовать, либо это ангажированность к определенным структурам, которые используют политологов для продвижения каких-то своих интересов» (Востриков Константин, преподаватель, Кемерово).

Здесь также затронут вопрос этики политологов. Перед специалистами, особенно теми, кто входит в публичное поле, встает выбор между использованием научных методов, трансляции объективной картины или желанием любой ценой подстраиваться уже под существующий дискурс. Каждый решает этот вопрос для себя, однако важно помнить, что главной целью любого исследователя является поиск истины.

Если говорить о конкретных научных методах и методологиях, то на круглых столах среди прочего был упомянут сетевой подход, который сыграл особую роль для настоящего проекта:

«Но стоит заметить, что связи и сети отражают взаимодействие между акторами в потоке ресурсов между ними, т.е. какое-то взаимовыгодное сотрудничество» (Вощинский Кирилл, студент, Астрахань).

Круглые столы «Знание о политике: как получить и где применить?» были направлены на выявление практик сотрудничества молодых исследователей, в том числе из разных регионов. Сетевое взаимодействие в научном сообществе — это всегда равноправный обмен знаниями и навыками, что, в сущности, является ресурсом в рамках коммуникации между учеными (по крайней мере, его частью).

На ряде круглых столов участники обратили внимание на относительно новые методы и методики исследования, связанные с машинным обучением и работой с большими данными:

«Вместе с тем технология анализа данных развивается настолько быстро, что мы уже не успеваем их улавливать. Если в шестидесятые–семидесятые годы количественные методы казались чем-то прорывным, то сегодня мы понимаем, что для анализа каких-то вещей их не вполне достаточно» (Исобчук Мария, магистрант, Пермь).

То есть современные методы работы с данными, которые все больше распространяются на социальные науки, не заменяют «старые» научные методики, а лишь дополняют, усиливают их. То же самое касается и больших данных, которые все чаще становятся эмпирической базой для политологических исследований:

«Использование Big Data позволяет прогнозировать будущее с большей точностью в отличие от других методов научного познания, потому что человек со своей субъективностью уже не ладит. Мы берем те данные, которые человек генерирует сам о себе в Интернете» (Балаболина Алина, студент, Тула).

Фраза «человек со своей субъективностью уже не ладит» можно проинтерпретировать как «человек слишком субъективен». В связи с этим веры в прямое суждение человека уже меньше, а значит, данные об индивиде, его цифровой профиль смогут нам дать намного больше информации, чем он сам.

Однако стоит заметить, что многие хотя и отметили важность работы с большими данными, значение количественных методов для современной политологии, тем не менее констатировали их недостаточность. Даже здесь остается место для субъективных интерпретаций:

«Именно с помощью Big Data можно максимально актуализировать сбор информации. А вот конечный анализ, конечное решение — это все же субъективное мнение — каких-либо своих аналитиков» (Донцов Александр, студент, Тула).

На многих круглых столах констатировали важность научного метода для производства в том числе и политологического знания, однако многое зависит и от компетенций и опыта человека или группы исследователей, которые заняты в том или ином проекте.

Таким образом, СМИ является главным источником информации не только для граждан, но и для молодых политологов. Также большое

значение имеют лекционные и семинарские занятия, а также такие мероприятия, как молодежные круглые столы и научные конференции. При этом научной литературе и нормативно-правовым актам молодыми учеными уделяется меньше внимания. Это связано с их относительной сложностью, а также с юным возрастом многих участников круглых столов. На первом и втором курсах бакалавриата непросто ориентироваться в многообразии научных статей и монографий.

Фактически все участники круглых столов признают важность метода для производства научного знания в сфере политических наук. При этом его сущность трактуется широко. Участники круглых столов говорили не только про роль количественных и качественных методов, но и об общенаучных методах, например, анализе. Также особое внимание в ряде докладов было обращено на сетевой подход, а также на методики обработки больших данных и машинное обучение.

4.4. Сферы применения политологических знаний. Профессия политолог

Вопрос, связанный с применением политологического знания, стал одним из наиболее острых, в особенности для студентов-политологов. Данная проблема напрямую связана с трудоустройством уже дипломированных политологов по специальности, и неудивительно, что профессиональные перспективы тревожат студентов.

Политологическое образование: скепсис и возможности

Многие участники круглых столов на свои карьерные перспективы смотрят с долей скепсиса. Некоторые из них указывают, что большинство студентов идут в магистратуру, а потом и в аспирантуру во многом для продления образовательного процесса. В таком случае политологи лишь откладывают вопрос трудоустройства на время:

«По большей части возникает вопрос, когда вы заканчиваете бакалавр, куда идти дальше. Многие идут в магистратуру, рассчитывая этим увеличить как-то срок на два года. К сожалению, есть одна возможность — это научная сфера. Развиваться, писать статьи, как-то себя реализовывать. Только, к сожалению, так» (Алешин Артем, студент, Калининград).

Вместе с пессимизмом по поводу собственного будущего (также можно вспомнить и мысль о предпочтении специализации ГМУ относительно

«Политологии» на государственной службе, которая также была высказана на круглом столе в Калининграде) здесь же обозначен один из первых треков, где политолог может применить свои знания. *Речь идет о научной деятельности*. Однако наука интересна не всем студентам, обучающимся по направлению «Политология». Кроме того, даже по окончании аспирантуры не всем находится место в научных структурах. Отсюда и «сожаление» участника круглого стола.

Однако не все выражают скепсис по поводу обучения политологии на всех ступенях образования (подробнее о политологическом образовании см. главу 4). Некоторые считают это полезным, и не только в контексте научной деятельности:

> *«Мы считаем, что аспирантура расширяет профессиональные перспективы применения специальных знаний о политике. Усвоение педагогических, психологических и методологических знаний позволяет выпускнику-аспиранту быть конкурентоспособным в сфере занятия государственных и муниципальных должностей. Выпускник-аспирант сегодня востребованный специалист в системе образования и просвещения» (Дианов Сергей Александрович, профессор, Пермь).*

Помимо возможности преподавать и заниматься научной деятельностью, выпускник-аспирант получает еще один ценный ресурс — новые знания и навыки, которые могут быть полезны при устройстве в государственные органы, общественные или экспертно-аналитические организации.

Политологические профессии

Сразу на нескольких круглых столах обсуждалась тема профессий, где политологи могут найти применение своим навыкам и знаниям. Некоторые участники в своих докладах давали классификации специалистов-политологов:

> *«Политолог может проявить себя в двух центральных направлениях после обучения: либо направление, связанное с наукой, — политический аналитик/эксперт/ученый; либо направление, связанное с практикой, — политтехнолог, политический консультант, который занимается политической рекламой, имиджмейкингом» (Сучкова Анастасия, ассистент, Тула).*

Спикер четко обозначила некоторые сферы профессиональной реализации политологов, однако отнесла к одной группе политическую экспертизу и политическую науку. Выше мы уже упоминали о том, что обе эти профессии пусть и в чем-то сходны, но имеют свои особенности.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой разграничения нескольких профессий. Например, политтехнолог должен обладать и навыками аналитика: уметь проводить электоральную диагностику, организовать социологическое исследование и проинтерпретировать его.

Предлагались и чуть более сложные варианты классификаций. Например, доцент Воронежского государственного университета Р. В. Савенков выделил три типа политологов: академические политологи, политтехнологи и «телеполитологи». При этом сам докладчик оговаривается, что речь идет лишь об идеальных типах (сам он употребляет слово «идеально»). При этом исследователь подчеркнул, что спрос на политологов существует и со временем может даже вырасти:

«Чувствую, уверен, есть спрос на публичную политику. Отношения общественные усложняются, появляются социальные группы, которые осознают свои политические интересы, начинают предъявлять свои претензии к власти. От того, что представители власти еще не научились понимать этот язык, крайне нужен медиатор, который организует эти общественные интересы, понятный язык для чиновника поможет этой проблеме решиться» (Савенков Роман, доцент, Воронеж).

Выработать этот новый язык общения между обществом и властью, стать посредником между ними могут как раз политологи. Но список политологических профессий вовсе не исчерпывается вышеперечисленным. На круглом столе в Воронеже модератор и участники дополнили его еще несколькими профессиями. В этой связи заслуживают внимания политический журналист, «организатор от науки», аналитик.

Кроме того, в законодательных и исполнительных органах власти работают люди, сфера деятельности которых довольно близка к политологии. Речь идет о тех, кто пишет аналитические записки, занимается мониторингом СМИ, сводит статистические данные, занимается спичрайтингом для чиновников высокого уровня, депутатов (один из таких людей даже делал доклад в Ярославле, цитаты из его выступления можно найти выше). Часто такие люди даже имеют политологическое образование:

«Я бы еще добавил 4-й тип — политолог-технократ, который как раз работает исполнителем в законодательных органах власти и напрямую связан...» (Орлов Владимир, студент, Воронеж).

Можно дискутировать вокруг определения «политолог-технократ». Однако очевидно, что для чиновника знание политической теории и понимание политических процессов полезно. Некоторые студенты в качестве профессионального пути выбирают правозащитную деятельность:

«Я хочу исправить эту ситуацию (несправедливое отношение к людям из-за предрассудков. — Д. А.), я хочу добиться равенства и толерантного отношения ко всем, независимо от их пола и ориентации. Именно поэтому я бы хотела связать свою дальнейшую деятельность с профессией правозащитника» (Потапова Дарья, студент, Томск).

Многим студентам присущ юношеский максимализм, однако такие намерения относительно использования политологического знания не могут не вселять оптимизм. Хотя в данном случае речь идет скорее не о политической профессии, а об общественной деятельности. Однако не будем забывать, что сфера применения политологических знаний — это не только профессии, так или иначе связанные с политикой или наукой. Знание о политике может быть полезным и в реализации своих политических прав. Например, университетские курсы по политологии могут помочь при рассмотрении предвыборных программ кандидатов и принятия решения по поводу голосования:

«Без знаний о политике в политической жизни не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемые права и свободы» (Андреев Данил, студент, Белгород).

Изучение политической науки, ее базовых категорий действительно воспитывает определенный набор ценностей у граждан. Прежде всего речь идет об осознании своих гражданских прав и ценности свободы личности, уважении к государственным и демократическим институтам, а также понимании того, как они работают. Об этом стоит помнить тем студентам, для кого политология не является профильным направлением подготовки:

«Поскольку нам дается комплексное знание, оно позволяет вырастить человека. Он становится гражданином, готов и может самостоятельно принимать решения и участвовать в процессах. Соответственно, на основании тех знаний, которые ему уже дали, он может принимать решения и ориентироваться в этом мире, соответственно, находить свое место в жизни» (Казанцев Дмитрий, ст. преподаватель, Барнаул).

Таким образом, изучение политических наук дает навыки и знания, которые применимы не только в сфере политики, но и при ориентировании во всем многообразии социальных процессов. При должном упорстве молодой человек с политологическим образованием вполне может найти свое предназначение и в рамках своей специальности.

Финансовое благополучие будущих специалистов-политологов. Их профессиональная мотивация

Однако перед любым выпускником рано или поздно встает вопрос собственного финансового благополучия. Политологи в этом смысле не исключение:

*«**Помигуев И. А.** — Вы хотите получить такие знания здесь, которые в дальнейшем на практике принесут вам много денег?*
***Смирнов Г. М.** — Конечно.*
***Помигуев И. А.** — Где вы видите себя после окончания вуза? Где бы вы хотели получать много денег? Знаете ли Вы, где получают много денег?*
***Смирнов Г. М.** — Допустим, организация предвыборных кампаний либо СМИ» (Челябинск).*

Многие студенты убеждены, что наиболее надежные способы заработка, связанные с политической наукой, — политические технологии. При этом многие забывают, что конкуренция на таком рынке довольно высока, и он сжался в связи с относительно низкой конкуренцией на выборах во многих регионах, а также с введением единого дня голосования.

Большинство участников круглого стола сошлись во мнении, что практическая область политики лучше подходит для зарабатывания денег, чем научная сфера:

«Почему вы смотрите только на науку? Почему нельзя взять практику как основу? Почему бы не прийти работать в партию, которую вы поддерживаете, начать работать там, с самых низов, использовать знания, которые у вас есть для того, чтобы развивать эту структуру, эту сферу. В итоге вы будете квалифицированным политологом, вы будете зарабатывать деньги» (Неизв., Калининград).

В данном случае партийная работа служит примером возможностей, которые открываются перед молодыми политологами, если они хотят строить карьеру по специальности. При этом при работе на партию или на государственные структуры необходимо помнить, что вы будете отстаивать определенные интересы и линию, лишаясь части собственной свободы. Данный тезис не означает наличия цензуры в государственных органах власти, однако вам придется учитывать текущий политический курс. В любом случае каждый решает этот вопрос для себя сам:

«Раз они финансируются за государственные деньги, то они проводят не свою независимую политику, а ту политику, которая удержива-

ется официальной властью, и, если посмотреть на взнос, у нас люди просто не хотят платить, сколько там? 100 рублей или 50? А если организация не может себя финансировать, то как она сможет определять и продвигать свою независимую позицию?» (Неизв., Орел).

Теме финансового благополучия в том числе и политологов была посвящена значительная часть круглого стола в Твери. Особенностью его стало присутствие большого количества школьников. Мероприятие показало, что для школьников приоритетом является именно финансовая составляющая, а не профессиональная самореализация:

«Также политика всегда ценилась, т.е. это всегда выгодная ниша, куда многие стремятся попасть и многие стремятся и попадают туда. А полиция охраняет политику, из-за этого это тоже выгодная ниша, в которой получаются большие деньги» (Гаценко Яков, школьник, Тверь).

Еще один школьник из Твери, как бы подтверждая слова одноклассника, видит себя в секторе добывающей промышленности, так как наша страна богата природными ресурсами, а в нефтяном и газовом секторах высокие зарплаты.

С одной стороны, высокий уровень жизни и стремление обеспечить семью, родителей понятно и даже похвально, с другой стороны — многие старшие коллеги, преподаватели, присутствующие на круглых столах, указывали на важность отталкиваться и от собственного интереса к предмету деятельности, а не лишь от финансовой выгоды:

«Есть ребята, которые ориентируются именно на аналитику, кто-то больше тяготеет к публичным выступлениям. Уже сейчас определяйтесь. Однажды я встретил своего бывшего студента, который занимался на факультете организацией различных мероприятий. Сейчас он работает в Правительстве Воронежской области, я у него спрашиваю: "Ну как у тебя дела? Чем ты занимаешься?" А он отвечает: "Денис Владимирович, тем же самым, что и на факультете, только за это получаю деньги"» (Сосунов Денис, доцент, Воронеж).

Преподаватель привел показательный пример применения навыков, полученных в студенческие годы, в профессиональной деятельности. Очевидно, что высокие гонорары приходят к уже сформировавшимся профессионалам, дающим результат. Сильными специалистами становятся те, кто неравнодушен к своему делу. Часто в том числе и политологам платят немного, но иногда их услуги большего и не стоят:

«Политологам платят мало. Потому что тем, кому стоит заплатить, их немного. В любой отрасли, политология это или ветерина-

рия, нужно быть профессионалом. Таким специалистом, на которого не жалко потратить денег. И говорить о том, что ты политолог и твоя судьба уже точно не сложится... Я буду против этого протестовать» (Тарасов Илья Николаевич, профессор, Калининград).

То есть многое зависит не только от профессии, но и от образования, навыков и квалификации конкретного работника. Чуть ранее профессор И. Н. Тарасов отмечает:

«На бирже труда нет вакансий политологов. Если говорить об успешных политиках, которые имеют политическое образование, то Барак Обама политолог. Я бы агитировал в пользу политологии как раз вот этим аргументом: она дает широкий веер возможностей, которые даже прочитать сложно» (Тарасов Илья Николаевич, профессор, Калининград).

И в этом и заключается основное достоинство политических наук, в том числе и в контексте профессиональной деятельности. Она дает обзорные знания по всем социальным наукам, а главное, навыки работы с источниками, данными, информацией. При должном отношении и желании, при наличии сильных преподавателей и наставников у студента-политолога есть все шансы не затеряться в жизни. То, что политологическое образование не приговор заниматься лишь наукой, подтверждают многочисленные истории успеха выпускников, которые присутствовали на круглых столах в немалом количестве. Впрочем, в нем существует немало своих особенностей и проблем.

4.5. Основные выводы

Знания о политике являются базовым ресурсом функционирования политологического сообщества. Подобно тому как деньги являются кровью экономической системы, знания выполняют аналогичную функцию, только в научном (эпистемическом) сообществе.

Участники круглых столов, студенты определили информацию как сведения об окружающем мире, получаемую посредством органов чувств. Знание — это переработанная, отрефлексированная информация, полученная с использованием научных методов. При этом академический политолог работает с фундаментальными концептами, тенденциями, а аналитик — скорее с текущей повесткой дня. Впрочем, грань между аналитической деятельностью и академическими исследованиями бывает довольно зыбкой.

Разницу политического и политологического молодые политологи обычно выделяют на уровне интуиции и здравого смысла. В том или ином

виде не раз высказывалась мысль о том, что политика — это важная сфера жизни общества, а в рамках политической науки осмысливаются и изучаются процессы, проходящие в ней. При этом многие участники круглых столов часто не разделяют политику и политологию в плане получаемого профильного образования. Многие до сих пор считают, что профильные кафедры и факультеты готовят прежде всего политиков и чиновников, а не исследователей, аналитиков или иных специалистов. Предположим, что политологи, если вынести научную сферу за скобки, становятся не столько политиками (хотя и это возможно: как упоминал профессор И. Н. Тарасов, Барак Обама по образованию именно политолог), сколько обеспечивают их деятельность, приближаясь к роли участника эпистемического сообщества.

Важной проблемой, поднятой во время обсуждения на круглых столах, стал вопрос относительно каналов получения политологического знания и информации. Выяснилось, что помимо учебных пособий, лекций, онлайн-курсов, публичных дискуссий студенты получают информацию в основном из СМИ. Намного меньше упоминаются научные статьи, монографии, нормативно-правовые акты. Скорее всего, последний факт напрямую связан со сложностью восприятия научных текстов, особенно для младшекурсников, хотя он не может не тревожить. В то же время на оптимизм настраивает осознание студентами важности научного метода как основы получения научных знаний. Многие обратили внимание на общенаучные методы (анализ, синтез), хотя были и отдельные доклады, например, про количественные методы, применение больших данных в политологии.

Самым волнующим вопросом для молодого политолога являются его будущие карьерные перспективы. Для выпускников политологических специальностей рефрен знаменитой поэмы В. Маяковского «Кем быть?» звучит по-прежнему актуально. Участники круглых столов упоминали такие профессии, как политтехнолог, академический политолог, политический аналитик, чиновник, политический комментатор (или «телеполитолог»), собственно политик. При том что, как было сказано в одном из докладов, «дорога к политологическим знаниям розами точно не усыпана», при должном упорстве, желании узнавать новое и осваивать новые ниши талант молодого политолога вполне может раскрыться, если он решит работать по специальности. Со временем он даже сможет себе обеспечить вполне комфортный уровень жизни с финансовой точки зрения, хотя сначала придется непросто и в этом отношении.

В данной главе подчеркнута важность знания как одного из основных ресурсов молодежных политологических сообществ и сетевых структур. Однако для его накопления и преумножения необходима почти непрерывная коммуникация между членами сообщества, узлами сети. В следующей главе мы рассмотрим этот вопрос более подробно.

Глава 5

СЕТЕВЫЕ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ В РОССИИ

5.1. Средства коммуникации молодых политологов: результаты опроса

Напомним, что сетевые коммуникации рассматриваются в представленной работе как скрепляющий механизм различных видов сетевых капиталов сообщества, обеспечивая обмен ими между участниками сети. Здесь мы подчеркиваем как процесс формирования связей между акторами в целях получения и передачи информации и знаний о политике, так и эффект, получаемый от коммуникационного взаимодействия. Коммуникация отражает процесс общения молодых политологов со своими коллегами с помощью различных средств коммуникации как совокупности средств связи между участниками сети, в которую входят как личное общение, так и цифровые формы — социальные сети, виртуальные группы, мессенджеры и т.д. Средства коммуникации технически обеспечивают сетевые коммуникации.

В данной главе речь пойдет о приоритетных средствах коммуникации и региональных особенностях взаимодействия молодых политологов в России.

Для ответа на первый вопрос использованы результаты социологического опроса, где наши респонденты отмечали частоту, форму, средства и трудности в коммуникации. Процентное распределение мнений опрашиваемых по этим категориям представлено в табл. 5.1.

В таблице можно заметить, что 23,6% респондентов вообще не взаимодействуют с коллегами из других регионов. Среди них преобладают студенты-бакалавры 1-го и 2-го курсов обучения, что, вероятно, является следствием начального этапа интеграции в политологическое сообщество, непонимания особенностей профессии и слабой информированности о возможностях и способах сотрудничества с его представителями. Молодые ученые, напротив, в большинстве своем поддерживают связи с коллегами из других регионов (рис. 5.1).

Таблица 5.1

Показатели коммуникативного взаимодействия молодых политологов

Какие формы взаимодействия с коллегами из других регионов Вы используете чаще всего? *(респонденты могли выбрать неограниченное число ответов)*	*%*
Личные связи	47,4
Совместные мероприятия (конференции, круглые столы)	45,9
Обмен идеями и знаниями	34,8
Комментарии	18,6
Общие исследовательские проекты	16
Совместные статьи	9,5
Экспертиза	7,4
Затрудняюсь ответить	7,6
Другое	0,9
Не взаимодействую с коллегами из других регионов	23,6
Какой способ взаимодействия с коллегами для Вас является более предпочтительным? *(один вариант ответа)*	*% (от числа респондентов, взаимодействующих с коллегами из других регионов)*
Личное общение	72
Дистанционное общение	17,8
Затрудняюсь ответить	10,2
Какими ресурсами и площадками для дистанционного взаимодействия с коллегами Вы пользуетесь? *(респонденты могли выбрать неограниченное число ответов)*	*% (от числа респондентов, взаимодействующих с коллегами из других регионов)*
«ВКонтакте»	73,7
Мессенджеры (*WhatsApp*, *Viber* и т.д.)	46
Telegram	36
Facebook	31,4
Instagram	31,1
Skype	10,5
LinkedIn	2,0
Специализированные социальные сети, платформы для научного общения (academia.edu, *ResearchGate*, *bitrix*, *Scribd*)	1,5
Затрудняюсь ответить	6,1
Другое	3,9

Окончание табл.

Как часто Вы взаимодействуете с коллегами из других регионов? *(один вариант ответа)*	*%(от числа респондентов, взаимодействующих с коллегами из других регионов)*
Очень часто (ежедневно)	4,1
Часто (каждую неделю, месяц)	23,6
Редко (раз в несколько месяцев)	38,2
Очень редко (раз в год, раз в несколько лет)	18,5
Затрудняюсь ответить	15,6
Что, по Вашему мнению, в большей степени мешает развитию коммуникации и научного сотрудничества между представителями политологического сообщества? *(респонденты могли выбрать не более двух вариантов ответа)*	*%*
Недостаточное количество открытых публичных площадок для личного взаимодействия, налаживания контактов	47,8
Преобладание личного общения над деловым, обмен информацией, но не знаниями	26
Неразвитость существующих специализированных Интернет-ресурсов, онлайн-платформ, форумов и т.д. с возможностью обсуждений актуальных тем	22,7
Несовпадение интересов политологов	18
Отсутствие доверия между членами профессионального сообщества	14,7
Другое	5,6
Затрудняюсь ответить	13,6

Выявлена также значимая взаимосвязь[1]: *чем моложе респонденты, тем реже они контактируют с представителями других регионов*. Это дает основание предположить, что одной из причин отсутствия взаимодействия в этом случае является *слабая интегрированность молодых людей в научное сообщество, недостаточная осведомленность об особенностях профессии, сложность в определении своего будущего в политологии*. Пока идет обучение, особенно если это не касается респондентов, уже получивших диплом бакалавра или специалиста, молодые люди редко задумываются о научной карьере. Как показал анализ круглых столов (см. главу 4), слабое различение политики/политологии, знания/информации, методов и способов получения новых знаний о политике мешает молодым людям

[1] Коэффициент корреляции 0,21 $p < 0{,}000$.

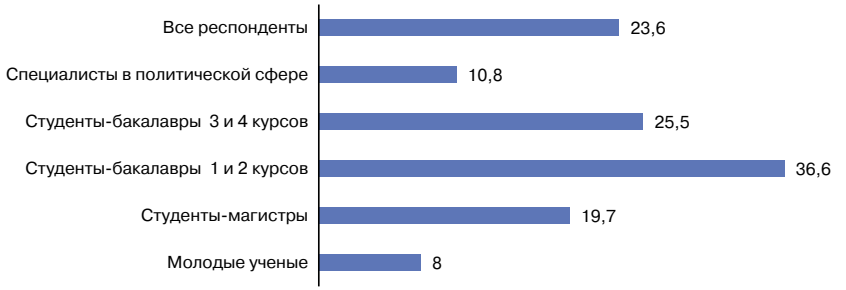

Рис. 5.1. Группы респондентов, не взаимодействующие с коллегами из других регионов, %

определиться со своей академической карьерой. Политология на начальных этапах расценивается как дисциплина, позволяющая сформировать общие навыки критического мышления, получить практический опыт участия в политических процессах и т.д.

Среди остальных участников опроса большая часть отдает предпочтение налаживанию **личных связей**. С одной стороны, это делает коммуникацию более тесной, устойчивой, но с другой — несколько размывает основу научного сетевого взаимодействия — передачу и обработку знания, т.е. коммуникация подчас сводится к неформальному личному общению и обсуждению вопросов, напрямую не связанных с политической наукой. В подтверждение данного тезиса отметим, что вариант «обмен идеями и знаниями» в качестве релевантной формы коммуникации отметили лишь около трети опрошенных, а более содержательные формы сотрудничества (общие исследовательские проекты, совместные статьи, экспертиза) выбирали еще реже — 7–16%.

Такая ситуация показывает, что молодые политологи не ставят себе основной целью заниматься академической политологией, получать новые знания не лично для себя, а для всех, чтобы внести свой вклад в науку. Фактически мы можем наблюдать картину, когда представленные формы взаимодействия имеют образовательную цель, молодые политологи учатся быть политологами, поэтому предпочитают такие варианты коммуникаций, которые могут принести личную выгоду для них, позволят развивать определенные навыки, получать опыт общения. Такие компетенции могут помочь развиваться в любой сфере, не только в науке.

Важной особенностью анализируемых сетевых коммуникаций является значительное **преобладание личного общения над дистанционным** — 72 и 17,8% соответственно. Такое можно объяснить тем, что в отсутствие общих проектов, интересов в профессиональной сфере, сложившихся доверительных отношений с политологами, находящимися далеко, слож-

нее поддерживать конструктивные связи. Знакомство — это не гарантия продолжения конструктивного взаимодействия. Однако респонденты отметили, что основной площадкой для осуществления непосредственной коммуникации являются **совместные мероприятия** (конференции, круглые столы и т.д.): данный вариант в качестве предпочтительной формы взаимодействия с коллегами из других регионов отметили 45,9% респондентов. Можно признать, что площадки для коммуникаций нужны именно для начала общения и этому отдают предпочтение многие опрошенные, что подтверждается показателем интенсивности коммуникаций.

Существенный перекос в сторону личного общения детерминирует и довольно **слабую интенсивность коммуникации** — большинство участников опроса взаимодействуют с коллегами из других регионов редко (раз в несколько месяцев) или очень редко (раз в год, несколько лет) — суммарно 56,7%. Более частые контакты (раз в неделю, месяц) характерны для 23,6% опрошенных. Ежедневно связь с коллегами поддерживают лишь 4,1% респондентов.

Помимо этого, в ходе опроса респондентам предлагалось указать, что, по их мнению, мешает развитию коммуникации и научного сотрудничества между представителями политологического сообщества. Почти половина респондентов (47,8%) в качестве основной причины назвали недостаточное количество открытых публичных площадок для личного взаимодействия, налаживания контактов.

Несмотря на то что подавляющее большинство отдает предпочтение личному общению, более четверти респондентов считают это одной из наиболее явных преград научному сотрудничеству. Слишком тесные контакты, преобладание личного общения над деловым, обмен информацией, но не знаниями могут стать помехой для построения научного сотрудничества, по мнению 26% респондентов. Скорее всего, опрошенные рассматривали этот пункт как закрытость отдельных политологов для общения, возможно, даже как «подковерные игры» отдельных групп. Это можно подтвердить пунктом «Другое», где отражены «нестандартные ответы». Например: «*преодоление “закрытости” в общении»; «нежелание идти на контакт»; «отсутствие стимулов в развитии политической науки»*.

Сеть складывается тогда, когда есть доверие среди ее членов, однако мы можем заметить, что шестая часть опрошенных указали именно отсутствие доверия преградой на пути установления связей в сообществе. Это не такой высокий процент, как у вышеперечисленных пунктов, однако показатель заставляет задуматься над тем, почему у молодых политологов, которые делают еще только первые шаги в профессии, возникает недоверие к коллегам. На этот вопрос сложно ответить в рамках данного исследования, анализ распределения ответов в разных возрастных группах

(люди 16–20 лет — 12%; 21–25 лет — 17; 26–30 лет — 21; 31–35 лет — 9; 36–40 лет — 21%) не выявил статистически значимой взаимосвязи (в силу относительно небольшого размера подвыборки и неравномерного распределения возрастов со смещением в сторону более молодых).

Можно предположить, что проблема не в «горизонтальном» уровне доверия между молодыми политологами, а в вертикальном — между старшими и младшими коллегами: старшие пока не уверены в способностях начинающих политологов стать равными им, поэтому молодые могут воспринимать это как недоверие. Этот момент в какой-то степени представлен в высказывании одного из респондентов: «*отсутствие четко выраженной профессиональной идентичности молодых политологов и, как следствие, зыбкость и непостоянство научных и исследовательских интересов*». Однако такой вывод не может быть в достаточной мере подтвержден без дополнительного исследования.

В меньшей степени на коммуникацию в научном сообществе, исходя из полученных результатов, влияют такие факторы, как несовпадение интересов (18%) между политологами. В разделе «другое» один респондент вполне логично заметил: «*Я не вижу проблемы в том, чтобы коммуницировать с коллегами. Скорее, можно говорить о несовпадении интересов, мировоззренческих матриц, онтологических оснований исследовательских практик. Хотя тут всегда можно найти коллег на "вкус и цвет"*».

Другие развернутые ответы участников опроса заставляют вновь взглянуть на роль государства в процессе выстраивания коммуникаций. Ряд мнений достаточно категорично указывают на то, что государство в той или иной мере ограничивает возможности политологического сообщества, особенно в регионах:

- *«политический режим в стране»;*
- *«отсутствие финансирования на участие в научных мероприятиях, закрытие политологических факультетов в регионах и сокращение бюджетных мест в регионах»;*
- *«политика государства в сфере образования»;*
- *«ощущение излишнего внимания со стороны государства к научным контактам, политизация научного диалога»;*
- *«излишняя централизация политологических центров в стране, их деградация в регионах, разница в финансировании».*

Последнее высказывание выводит на другую проблему в коммуникации молодых политологов — состояние политической науки в целом. Респонденты этот факт отмечали в следующих комментариях: *«кризисное состояние отрасли полит. науки и востребованности полит. исследований в России»; «идеологизированность политологии»; «отсутствие стимулов*

в развитии политической науки». И даже звучали наиболее радикальные для политической науки мысли — в целом *«отсутствие перспектив»*.

Отметим, что практически все проблемы в развитии коммуникации для молодых политологов — это отсутствие поддержки с какой-либо стороны. Однако стоит признать, что связи возникают в первую очередь тогда, когда есть желание и возможности у конкретного индивида. В основном молодежь отмечает «офлайновый» контекст преград на их пути, однако поиск возможностей, а не причин мог бы помочь решить указанные выше проблемы.

Так, например, наличие онлайн-платформ может выступать перспективной площадкой для поддержания коммуникативного взаимодействия, способствовать развитию межрегионального и международного взаимодействия политологов. В настоящий момент, согласно полученным данным общероссийского опроса молодых политологов, сетевую коммуникацию в профессиональном сообществе можно охарактеризовать как масштабную и разветвленную.

Так, отвечая на вопрос *«С коллегами из каких регионов Вы взаимодействуете чаще всего?»*, респонденты упомянули 70 субъектов РФ, а также 10 стран ближнего и дальнего зарубежья (Украина, Белоруссия, Польша, ЛНР, Узбекистан, Казахстан, Италия, Германия, США, Австралия). Однако заметна и довольно сильная централизация сети, ее ключевым узлом является Москва — каждый третий участник опроса (32,2%) так или иначе взаимодействует со своими столичными коллегами. На втором месте находится Санкт-Петербург, его указали 14,3% респондентов. От 3 до 5% опрошенных поддерживают контакты с представителями следующих городов и регионов: Московская область, Новосибирская область, Татарстан, Пермский край, Краснодарский край. Остальные регионы называли менее 3% респондентов (см. подробнее главу 6).

При этом если исключить из полученной сети Москву и Санкт-Петербург, то мы увидим, что взаимодействия происходят преимущественно между соседними регионами и в пределах отдельных федеральных округов[1]. Особенно это заметно на примере Сибирского федерального округа.

Таким образом, *направленность сетевой коммуникации* имеет два разных вектора: с одной стороны, сильное смещение в сторону Москвы и, в несколько меньшей степени, Санкт-Петербурга и, как следствие, определяющее влияние столичных сообществ на формирование актуальной повестки и состояние политической науки в целом.

С другой стороны, можно говорить о некоторой местечковости, стремлении сотрудничать в основном с коллегами из своего и соседних регионов. Вероятно, это также следствие преобладания традиционных форм

[1] См. подробнее в главе 6.

коммуникации (т.е. ее физического контакта). Отметим, что данная особенность, выявленная в ходе исследования, значительно затрудняет моделирование и графическое отображение научной политологической сети. Ведь ее основу, согласно полученным данным, составляют множественные неформальные и нефиксируемые личные контакты, а объективные показатели, поддающиеся измерению (такие, как совместные статьи, публикации, проекты и т.д.), составляют лишь «вершину айсберга». В связи с этим мы можем только описать некоторые особенности анализируемых сетевых коммуникаций и указать факторы, влияющие на ее качество.

Анализ результатов исследования позволяет выделить *три основных блока проблем формирования научной политологической сети*. Условно их можно обозначить как организационные, технические и содержательные. В условиях преобладания личного взаимодействия над его дистанционными формами (о чем неоднократно упоминалось выше) важную роль играет организация площадок для обсуждения актуальных вопросов, получения и трансляции нового знания. Напомним, данный вид взаимодействия с коллегами выделяют в качестве приоритетного 45,9% опрошенных. При этом 47,8% респондентов считают недостаточным количество открытых публичных площадок для личного взаимодействия, налаживания контактов. Их увеличение также будет способствовать и повышению интенсивности сетевых коммуникаций.

Содержательные проблемы связаны скорее с качеством и эффективностью взаимодействия. Более пятой части опрошенных считают, что в политологическом сообществе личное общение нередко преобладает над деловым, происходит обмен информацией, но не знаниями[1].

И наконец, технические проблемы заключаются в неразвитости существующих специализированных интернет-ресурсов, онлайн-платформ, форумов и т.д. с возможностью обсуждений актуальных тем (по мнению 22,7%). Существующие профессиональные сообщества в популярных социальных сетях «ВКонтакте», *Facebook*, *Instagram* не могут в полной мере обеспечить решение этой проблемы, *во-первых*, в силу особенностей целевых аудиторий (в первую очередь возрастных)[2], а *во-вторых*, все эти ресурсы больше ориентированы на личное общение (что возвращает нас к содержательному блоку проблем).

Стоит отметить, что повышение доли дистанционного взаимодействия в рамках научной политологической сети является необходимым условием ее развития. Создание специализированной онлайн-платформы позволит снизить остроту организационных проблем (новый формат востребованных совместных мероприятий), расширит границы сети

[1] Подробнее о разнице знаний и информации для молодых политологов см. в главе 4.

[2] См. главу 7.

Таблица 5.2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие формы взаимодействия с коллегами из других регионов Вы используете чаще всего?» в зависимости от членства в МПО, % от числа конкретной группы респондентов

Какие формы взаимодействия с коллегами из других регионов Вы используете чаще всего?	**Действующие члены МПО**	**Не являются членами МПО и не хотели бы вступать**	**Не являются членами МПО, но хотели бы вступить**	**Ранее были членами МПО**	**Все респонденты**
Личные связи	48	42,6	41,4	**66**	**47,4**
Совместные мероприятия (конференции, круглые столы)	**59,3**	39,4	34,8	**61,7**	**45,9**
Обмен идеями и знаниями	35	30,9	32,2	44,7	**34,8**
Комментарии	13	12,8	24,2	18,1	**18,6**
Общие исследовательские проекты	16,3	11,7	11,9	**29,8**	**16**
Совместные статьи	9,9	9,6	7,5	13,8	**9,5**
Экспертиза	4,1	6,4	4	**21,3**	**7,4**
Не взаимодействую с коллегами из других регионов	17,9	30,9	30	**8,5**	**23,6**

и упрочит межрегиональные контакты. Опыт перевода на дистанционный формат обучения во всех учебных заведениях весной 2020 г. может способствовать в данном случае популяризации онлайн-площадок для проведения совместных мероприятий и других дистанционных форм взаимодействия молодых политологов, но не заменить личное общение и непосредственные контакты между представителями сообщества.

Положительное влияние на формирование научной сети оказывает и деятельность МПО. Как показывают результаты проведенного исследования, действующие и бывшие (покинувшие организации в основном из-за возраста) члены МПО значительно чаще взаимодействуют со своими коллегами (табл. 5.2). Кроме того, в числе наиболее приоритетных задач работы молодежных политологических организаций респонденты единодушно выделяли именно интеграцию молодых политологов в научное сообщество, расширение контактов с его представителями.

Таким образом, молодежные политологические организации являются важным субъектом формирования научной политологической сети. Их поддержка и популяризация их деятельности обеспечат укрепление и развитие сетевых коммуникаций.

5.2. Сеть межрегиональных коммуникаций молодых политологов

Среди задач, которые ставили перед собой участники проекта, — оценка межрегионального сетевого взаимодействия молодых политологов.

Для решения указанной задачи в анкете был предусмотрен вопрос «С коллегами из каких регионов Вы взаимодействуете наиболее интенсивно?». Для ответа можно было вписать до пяти субъектов. Данный подход помогает нивелировать разницу в количестве респондентов, на первый план выходит «качество» ответов опрашиваемого, а именно наличие большого количества связей.

255 респондентов (47%) из 39 субъектов России отметили, что имеют профессиональные связи с политологами хотя бы из одного региона страны (всего 542 связи и 72 субъекта). В расчет не принимались взаимодействия с зарубежными коллегами, а также из своих собственных регионов[1].

С помощью программы для обработки данных и построения сетевых графиков *yEd Graph* были проанализированы полученные результаты. Связи определялись на основании двух параметров — место проживания респондента => регионы проживания коллег. Интенсивность связей определялась по количеству отмеченных взаимодействий между двумя конкретными регионами.

Для определения значимости регионов для коммуникаций введены несколько коэффициентов: *сетевой вес, вес исходящих коммуникаций* и *вес входящих коммуникаций*.

Вес исходящих коммуникаций рассчитывается по формуле

$$P_i = \frac{N_i}{N_{i(\max)}},$$

где P_i — вес исходящих коммуникаций, N_i — количество исходящих связей конкретного региона, $N_{i(\max)}$ — количество исходящих связей наиболее взаимодействующего региона (Москва, 99 (18% от общего числа исходящих связей)).

Вес входящих коммуникаций имеет такую же формулу:

$$P_o = \frac{N_o}{N_{o(\max)}},$$

где P_o — вес входящих коммуникаций, N_o — количество входящих связей конкретного региона, $N_{o(\max)}$ — количество входящих связей наиболее взаимодействующего региона (Москва, 149 (28% от общего числа входящих связей)).

[1] Несмотря на конкретно заданный вопрос, достаточно много респондентов указывали связи со своим собственным регионом.

Сетевой вес определяется как общее число связей субъекта со всеми остальными регионами и рассчитывается как

$$P_n = \frac{N_i + N_o}{N_{i(\max)} + N_{o(\max)}},$$

где P_n — сетевой вес субъекта, N_i — количество исходящих связей конкретного региона, $N_{i(\max)}$ — количество исходящих связей наиболее взаимодействующего региона, N_o — количество входящих связей конкретного региона, $N_{o(\max)}$ — количество входящих связей наиболее взаимодействующего региона. Показатель также находится в диапазоне от 0 до 1.

Значения лежат в диапазоне от 0 до 1. Поскольку все регионы имеют, как минимум, одну коммуникацию, то их показатель отличен от нуля. Однако при округлении для некоторых наименее взаимодействующих субъектов округление происходило в сторону уменьшения, т.е. значение 0 присваивается в тех случаях, если вес не превышает 0,(4).

Всего Москва имеет 248 связей из 542 представленных (48%), ближе всего к ней Санкт-Петербург — 107 (20%, коэффициент 0,43). Среднее количество исходящих и входящих связей, приходящихся на один регион, — 7,5, а медианное значение: 3 для входящих и 1 для исходящих. Это показывает сильный разрыв между самыми активными и неактивными в коммуникационном взаимодействии регионами с сильным перекосом в сторону Москвы и Санкт-Петербурга.

Указанные данные были обобщены в таблице, которую можно посмотреть на сайте проекта[1].

Сетевой вес регионов

Показатели сетевого веса наиболее точно определяют самые коммуникативно активные субъекты России. В таблице из 73 регионов, где присутствует хотя бы одна связь, выделены четыре группы активности.

1) **Зеленая зона.** Активно взаимодействующие, сетевой вес от 0,10 до 1.

В него входит 11 регионов, главной особенностью которых, за исключением Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, является высокое число исходящих связей. Это свидетельствует о том, что респонденты из этих регионов могут принимать желаемое за действительное или же указывать регионы по близости и известности. Например, Воронежская область заняла 8-е место по весу благодаря исходящим связям (0,32), а коллеги из регионов редко вспоминали про нее, когда указывали свои

[1] Таблица «Сетевой вес регионов в сети молодых политологов» // СМП РАПН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://morapn.ru/project/proekt-molodezhnye-politologicheskie-organizatsii-kak-subekt-formirovaniya-nauchny-h-setej/tablitsa-ves-regionov2/ (дата обращения: 15.07.2020).

варианты (0,3). Таким образом, наблюдается высокий потенциал развития коммуникаций для того, чтобы про регион узнавали другие коллеги. Воронежская область сильно связана с двумя столицами, а также Белгородской областью. Однако в целом о формировании Воронежа как центра притяжения регионов Центрального Черноземья говорить не приходится, поскольку связи с ними нет совсем.

Такая же ситуация в Кемеровской области. Несмотря на отсутствие профильной кафедры политологии сейчас, она находится на 7-м месте списка. Сильно отличающийся показатель также может быть связан с избыточным желанием показать разветвленность своих отношений, а также большим количеством респондентов из этого региона. Связь с Москвой ниже, чем у Воронежа, зато близость к Новосибирской области и Алтайскому краю определяет высокую интенсивность коммуникации между близкими регионами.

Московская агломерация отличается высокими показателями и входящих, и исходящих связей, что говорит о востребованности регионов в молодежном политологическом сообществе. Санкт-Петербург отличается еще более интересными результатами входящих связей (0,47) заметно выше, чем исходящих (0,37). Про питерскую школу политологии знают во всей России, поэтому вторая столица по праву занимает одно из центральных мест в сети.

Если рассматривать регионы по федеральным округам, то практически в каждом из них, за исключением Северного Кавказа и Дальнего Востока, есть центры притяжения. Причем в Сибири таких центров сразу три — Алтайский край, Кемеровская и Иркутская области. Также три в Центральной России, на юге — Ростовская область, ПФО представлен Татарстаном и Пермским краем, который можно рассматривать еще и как часть Уральского региона. Северо-Запад и Запад — Санкт-Петербург и Калининград соответственно.

2) **Синяя зона.** Умеренное взаимодействие с другими регионами, сетевой вес — от 0,05 до 0,09.

В группу входят 14 субъектов. Наиболее выдающиеся показатели у Ярославской, Свердловской, Новосибирской областей. Стоит отметить последнюю, поскольку она выделилась малым количеством респондентов, указывающих внешние коммуникации. У нее малая связь с Москвой и сильная с соседними регионами — Кемеровской областью и Алтайским краем. Несмотря на свое удобное географическое положение и транспортную доступность, область не может похвастаться сильными связями с другими регионами, что говорит о невысоком потенциале превращения Новосибирской области в коммуникационный узел между западом и востоком страны.

Важно выделить и позицию Крыма (0,07), который достаточно тесно вовлечен в российскую молодежную политологическую сеть, причем связи присутствуют не только с близлежащими регионами.

3) **Желтая зона.** Низкое взаимодействие, от 0,01 до 0,04. Эта группа самая большая — 32 субъекта.

Важным наблюдением может считаться позиция Ленинградской области (0,02). В отличие от Москвы, Санкт-Петербург не сильно влияет на позицию своей области, никто из опрошенных не указал вторую столицу как регион коммуникации с коллегами из Ленинградской области, такая же ситуация наблюдается и в обратном направлении.

Регионы из данной группы расположены по всей России и не могут считаться потенциально важными элементами сети. Политология в этих регионах хоть и присутствует, но не так развита, как в регионах первой группы.

4) **Красная зона.** Практически отсутствующее взаимодействие — 0,00.

Эти регионы не имеют исходящих связей, т.е. респонденты из данных субъектов отсутствуют или же не отметили взаимодействие совсем. Группа была указана только потому, что представители других регионов их указывали в регионах коммуникации.

Такая ситуация может говорить о неразвитости политологии в регионах, отсутствии интереса к этому направлению науки, отсутствии выпускающих кафедр. Чаще других в эту группу входят республики Северного Кавказа, Дальнего Востока, а также центральных регионов России. Несмотря на близость к Москве, во Владимирской, Калужской, Брянской областях по факту отсутствуют молодые политологи. Это может быть связано с влиянием столицы, близость к которой не позволяет создавать новые политологические школы, если они не сформировались в 90-е годы XX в., когда институционализировалась политическая наука в стране.

Сетевой вес регионов показывает, что, несмотря на разветвленность коммуникаций молодых политологов в России, в которых задействованы практически все регионы, плотность связей оставляет желать лучшего. Явно видны лидеры в лице двух столиц, небольшие «островки» активных регионов и все остальные, плотность связей которых крайне низка и не может считаться достаточной для того, чтобы быть важным элементом общероссийской сети. В следующем параграфе предлагаем более подробно остановиться на структуре таких межрегиональных взаимодействий.

5.3. Сетевая структура сообщества молодых политологов

Общий анализ сетевой структуры молодых политологов

Анализ структуры сети в целом дает общее представление об особенностях сетевых отношений.

1) *Подавляющий вес Москвы в сети.* Структура связи имеет форму двойного солнца с концентрацией связей в двух столицах. Причем, как видно из рис. 5.2, самые интенсивные связи наблюдаются у наиболее развитых политологических школ в стране: Санкт-Петербург, Татарстан, Пермский край, Воронежская, Ростовская, Саратовская и Калининградская области. При этом только первые три региона могут похвастаться примерным равенством входящих и исходящих связей со столицей. Респонденты из трех областей, в свою очередь, чаще коммуницируют в одностороннем порядке.
2) *Московская область*, которая входит в столичную агломерацию, *имеет достаточно существенный вес* (всего 38 взаимодействий, 15% от общего числа). Развитость политологии в области детерминировано позицией Москвы, а студенты из ближайшего Подмосковья едут учиться именно в столицу. Рассмотрение этого региона совместно с Москвой поможет избежать ошибки при оценке коммуникативного потенциала региона. Важно понимать, что коммуникации двух этих регионов взаимные, а все три весовых коэффициента у Московской области имеют одинаковое значение (0,15), что показывает дополнительную коррелирующую связь со столицей. Дополнительно стоит сказать, что связи этого региона достаточно разветвленные, но в основном входящие, если не брать в расчет Москву. К тому же если наложить два региона друг на друга, получится близкая структура связей.
3) Тульская, Тверская, Орловская, Воронежская, Белгородская области также имеют тесные связи с Москвой. Географическая близость этих регионов определяет интенсивность взаимодействия, что позитивно может влиять на близлежащие регионы в плане быстрого получения новых тенденций развития политологии.
4) Крым активно вовлечен в молодежные политологические сети, причем общую закономерность связей выявить сложно, поскольку участвуют в общении и представители Сибири, и Поволжья, и Центральной России.

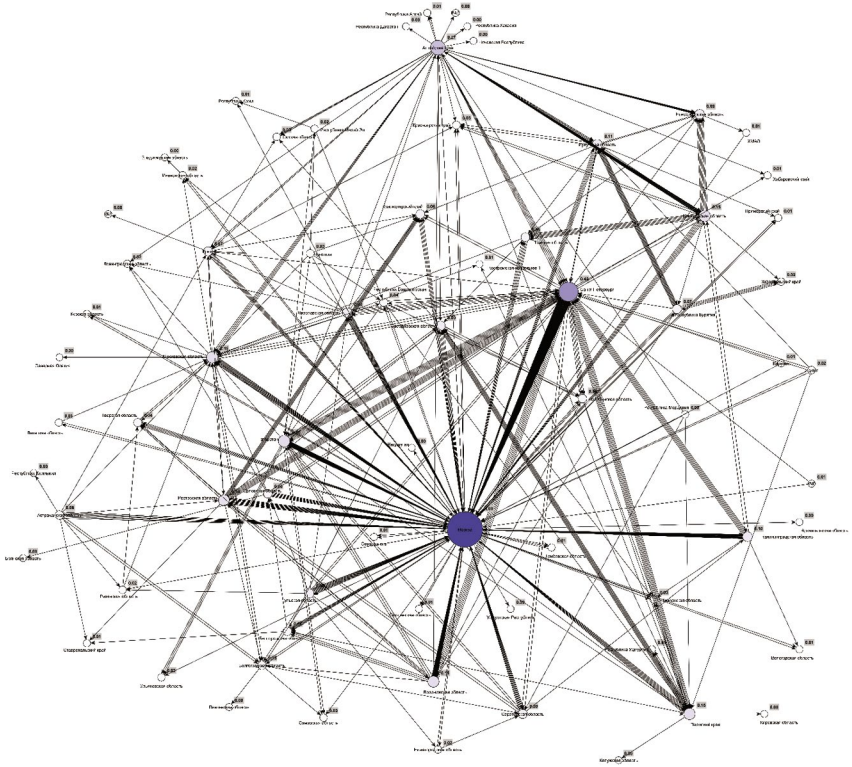

Рис. 5.2. Межрегиональная сеть молодых политологов[1]

5) В Сибири и на Дальнем Востоке тесные связи между близкими регионами. Влияние Москвы не такое сильное, как на территории до Уральских гор. Важным центром притяжения в Сибири и на Дальнем Востоке является Алтайский край. У него наиболее развитые отношения с регионами Центральной России, что говорит о его роли коммуникатора, «перевалочного пункта» между западом и востоком. Кроме того, именно он имеет наибольшее число «уникальных связей» с Еврейской автономной областью, республика-

[1] В высоком качестве рис. 5.2—5.13 можно посмотреть на странице проекта: Проект «Молодежные политологические организации как субъект формирования научных сетей» // СМП РАПН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://morapn.ru/project/proekt-molodezhny-e-politologicheskie-organizatsii-kak-subekt-formirovaniya-nauchny-h-setej/ (дата обращения: 15.07.2020).

ми Хакасия, Алтай и даже Чечней и Дагестаном. Такая ситуация свидетельствует об эффективной работе образовательных учреждений, поощряющих связи своих учащихся с коллегами из абсолютно разных регионов.

В целом можно отметить, что, с одной стороны, Москва является центром сети, связывающим всю территории России, а с другой — такая позиция столицы мешает субъектам, особенно находящимся близко к центру, выстраивать межрегиональное взаимодействие. Для оценки этого процесса предлагается рассмотреть сеть без Москвы.

Анализ сетевой структуры молодых политологов без Московской агломерации

Без Москвы и Подмосковья центр сети смещается в сторону Санкт-Петербурга, регионов, участвующих во взаимодействии, становится на 12 меньше, солнечная структура сохраняется, а связей остается 266 из 542 (рис. 5.3).

Вторая столица имеет менее разветвленную сеть взаимодействий и затрагивает в основном лидирующие в сетевом весе регионы: Ростовская, Воронежская, Калининградская, Иркутская, Кемеровская области, Пермский край и Татарстан. При этом только Пермский край и Татарстан могут похвастаться высоким показателем веса входящих коммуникаций от Санкт-Петербурга. Это, с одной стороны, определяет направления миграции политологов, а с другой — показывает уровень наиболее сильных школ политологии (см. раздел про связь места жительства и места учебы).

Такая ситуация свидетельствует о том, что Санкт-Петербург вступает во взаимодействие только с региональными лидерами в сфере подготовки политологов (рис. 5.4). Это может быть вызвано высоким уровнем образования в таких регионах, что помогает продолжать обучение в Северной столице. В этой связи выстраивание коммуникаций молодых политологов имеет две противоположные тенденции: региональные центры политологии готовят качественных специалистов, но уровень подготовки оказывается достаточным для того, чтобы уезжать из региона и продолжать обучение в столицах.

Санкт-Петербург имеет связи со всеми федеральными округами России и может выступать самостоятельным коммуникатором в отношениях между молодыми политологами из разных регионов страны. Однако для того, чтобы понять связь между субъектами, имеет смысл исключить Северную столицу из сети и посмотреть, какие кластеры региональных взаимодействий формируются у молодых политологов.

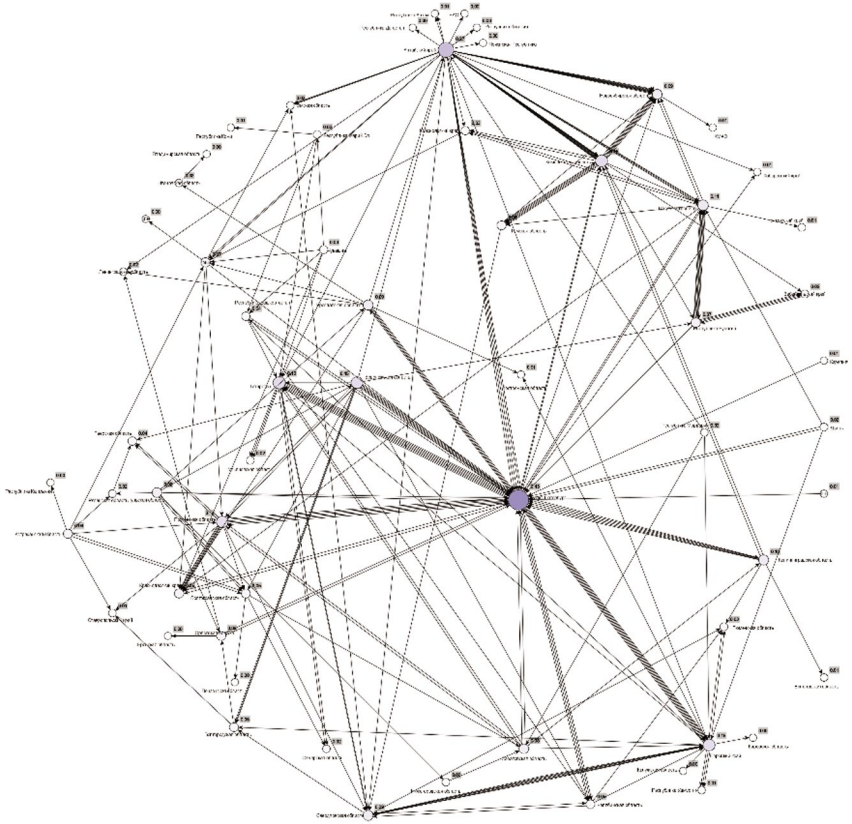

Рис. 5.3. Сетевая структура молодых политологов без Московской агломерации (см. сноску на с. 151)

Межрегиональная сеть молодых политологов (без Московской агломерации и Санкт-Петербурга)

Центры сети, с одной стороны, позволяют выступать скрепляющим механизмом неоднородных по своему составу, географическому положению, уровню развития политологии регионов. С другой — они способны мешать коммуникации представителей даже ближайших субъектов между собой, как в случае с Москвой. Для того чтобы определить связи между регионами России, из нее были исключены Москва и область, а также Санкт-Петербург. Ленинградская область не связана с последним, поэтому исключать ее смысла нет.

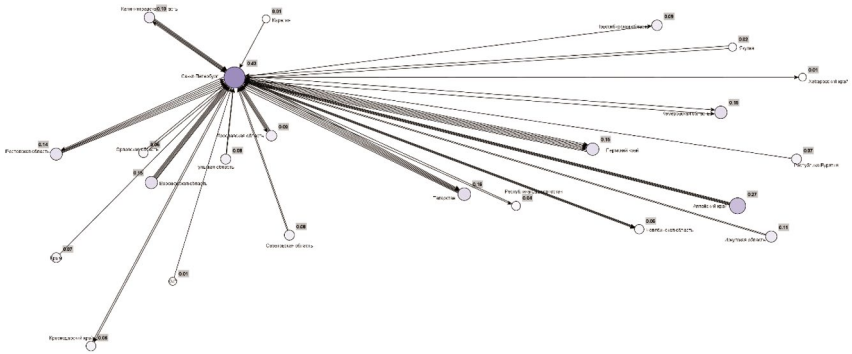

Рис. 5.4. Сетевые взаимодействия Санкт-Петербурга (см. сноску на с. 151)

Для определения кластеров в сети, связанных с собой наиболее тесными связями, была проведена программная процедура естественной кластеризации (*natural clusters*). Были определены 4 группы регионов (рис. 5.5), близких по географическому положению и интенсивности связей с условными названиями Центральный (слева), Приволжский (сверху), Уральский (снизу) и Сибирский (справа). Пунктирной линией отмечены границы кластеров.

1) **Центральный кластер.** Состоит из регионов Центральной и Южной России, всего 25 субъектов (рис. 5.6).

Ядро взаимодействия — это регионы центра и юга России, но не только. Так, сюда же можно отнести Калининградскую и Ленинградскую области (Северо-Западный федеральный округ), Ставропольский край (Северо-Кавказский федеральный округ).

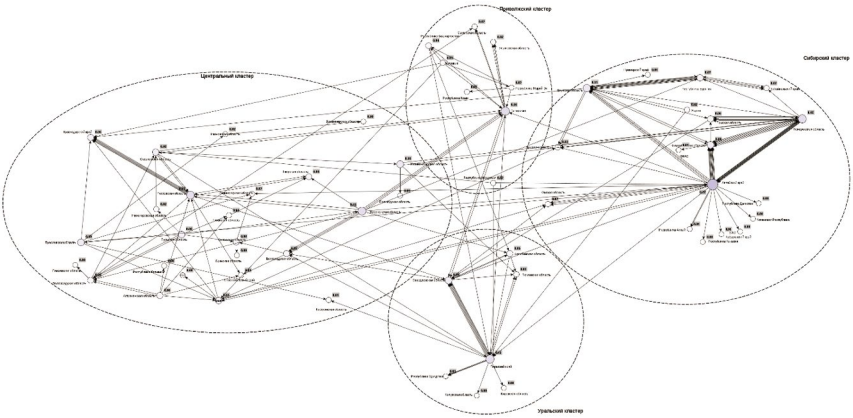

Рис. 5.5. Кластеры межрегиональной сети молодых политологов (без Московской агломерации и Санкт-Петербурга) (см. сноску на с. 151)

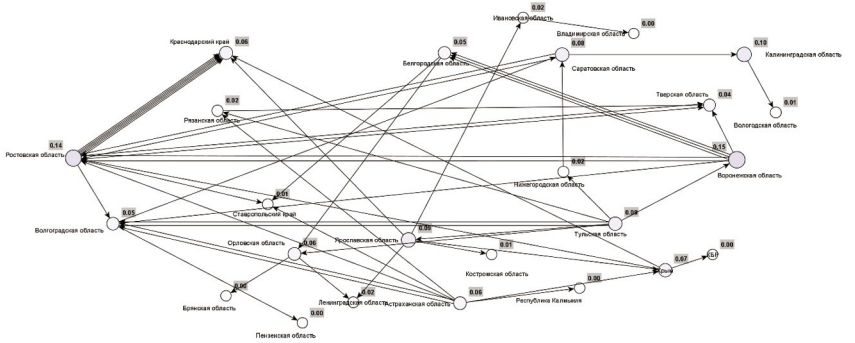

Рис. 5.6. Центральный кластер (см. сноску на с. 151)

Самая многочисленная группа, но интенсивность взаимодействия невысокая, если не считать связь двух близких субъектов — Краснодарского края и Ростовской области, у которой сетевой вес (0,14) чуть ниже лидера — Воронежской области (0,15). Однако входящий вес, показывающий значимость субъекта для коллег из других регионов, в два раза выше у Ростовской области — 0,06 (9 в абсолютных значениях) против 0,03 (4 в абсолютных значениях). У обоих регионов наблюдается перевес в сторону исходящих связей, что может свидетельствовать об активности молодых политологов и направленности на взаимодействие с другими регионами.

У Ростова-на-Дону есть сильные связи с соседними субъектами, но не с другими кластерами. За пределами Центральной группы он связан только со Свердловской областью на Урале (рис. 5.7).

Отдельно отметим особое место Краснодарского края, которую не показал анализ сетей. Несмотря на невысокую активность в прохождении опроса молодых политологов из этого субъекта, здесь сформировалась сильная школа политологии с большим количеством молодых исследователей. В частности, под руководством д. полит. н. И. В. Мирошниченко в регионе сложился один из сильнейших центров сетевого анализа публичной политики.

Коммуникации Воронежа распространяются на все другие кластеры — Приволжский (Татарстан), Уральский (Челябинская область) и Сибирский (Алтайский край и Бурятия, которая входит в Дальневосточный федеральный округ), но существенно ограничены во взаимодействии со своими соседями — только Белгород связан сетями с Воронежем (рис. 5.8).

Таким образом, наиболее вероятным вариантом центра сети является Воронежская область, однако низкий вес входящих коммуникаций говорит о том, что для такой роли регион должен искать новые способы позиционирования себя сильным политологическим регионом и развивать сети взаимодействия с регионами Центрального Черноземья.

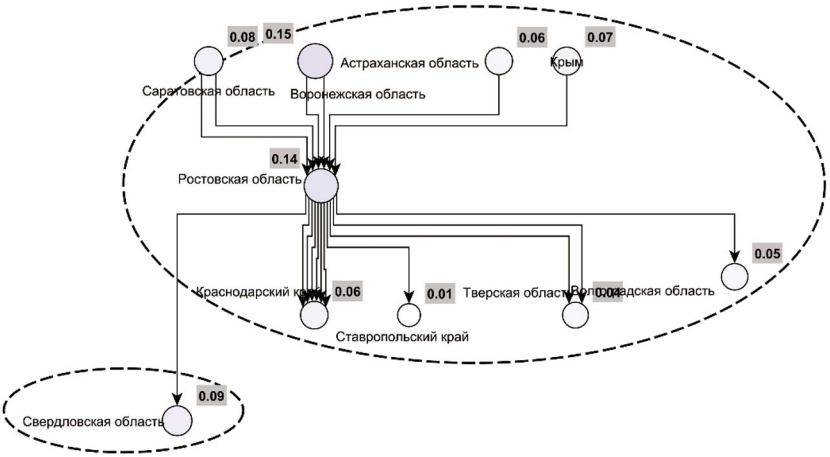

Рис. 5.7. Сеть молодых политологов из Ростовской области
(см. сноску на с. 151)

2) **Сибирский кластер**. Состоит из 18 регионов.

Отличительной особенностью является интенсивность взаимодействия внутри этой группы. Самые активные регионы — Алтайский край, Кемеровская, Иркутская, Новосибирская области, а также Республика Бурятия. В основном в кластере преобладают субъекты из двух федеральных округов — Сибирского и Дальневосточного. О наличии отдельной группы регионов на Дальнем Востоке речи не идет, поскольку эти субъекты тесно переплетены отношениями с Сибирью.

Лидером региона можно считать Алтайский край, у которого вес сети 0,27, а вес входящих связей — 0,08. Это меньше на 0,05 пункта, чем у Новосибирска, и на 0,01 — чем у Иркутска. Однако активность самих молодых политологов, которые стремятся коммуницировать с коллегами из других регионов, показывает региональный потенциал. Стоит отметить, что Барнаул обходит на 0,19 пункта Санкт-Петербург по весу исходящих связей (0,56 против 0,37) и затрагивает все остальные кластеры.

Также одной из особенностей Сибирской сети является наличие связей с регионами Северного Кавказа — Дагестаном и Чечней. В остальном сеть достаточно гомогенна и географически детерминированна (рис. 5.9).

3) **Уральский кластер.** Состоит из 8 негомогенных регионов (рис. 5.10).

Несмотря на то что лидером в группе является Пермский край, который относится к Приволжскому федеральному округу, наиболее интенсивное взаимодействие со Свердловской областью и географическое месторасположение дают основания относить Пермь к Уралу. Точнее его

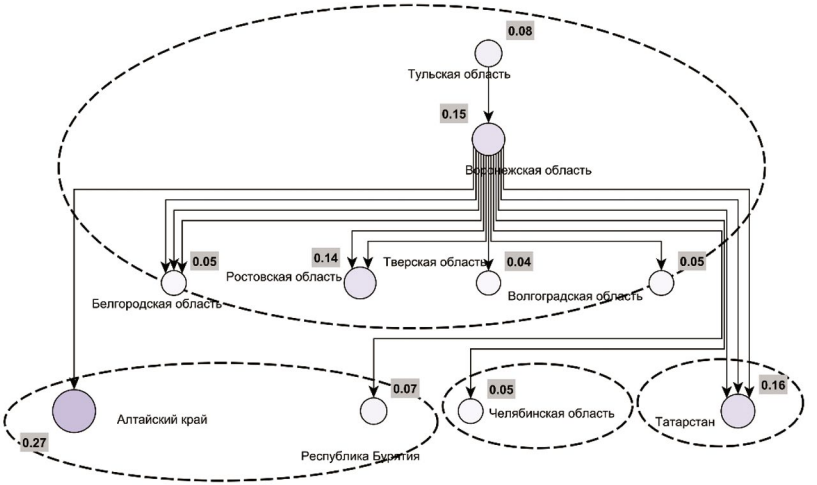

Рис. 5.8. Сеть молодых политологов из Воронежской области (см. сноску на с. 151)

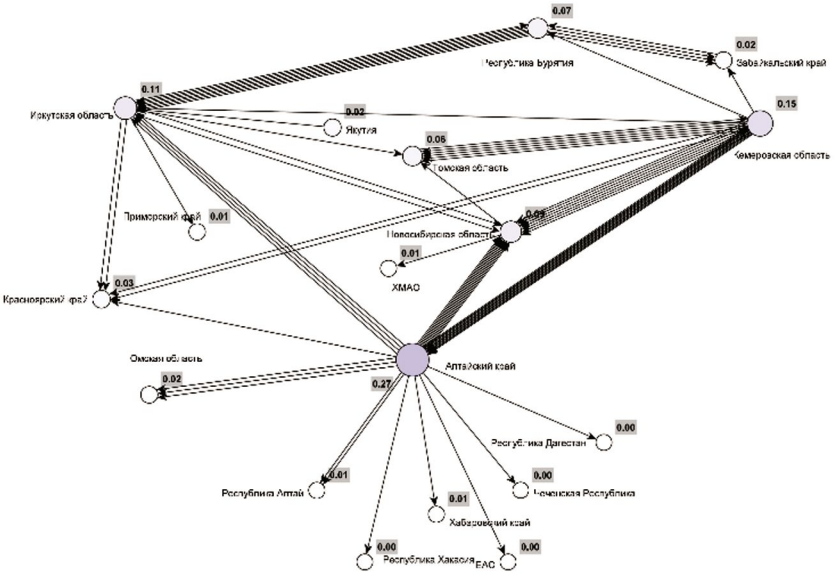

Рис. 5.9. Сибирский кластер (см. сноску на с. 151)

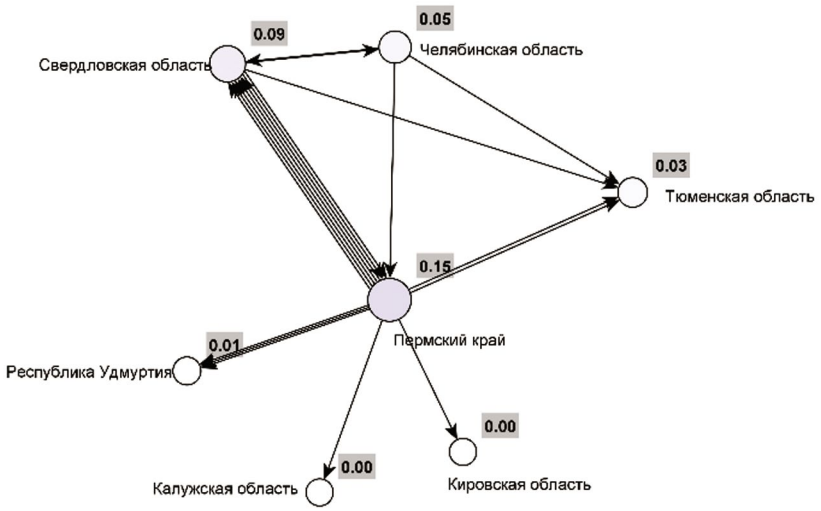

Рис. 5.10. Уральский кластер (см. сноску на с. 151)

можно было назвать Пермский кластер, но наличие разветвленных связей Екатеринбурга тогда не было бы отмечено. Это два региона, которые определяют данную группу.

Свердловская область значительно уступает Пермскому краю в весе — 0,09 против 0,15, как и в количестве регионов, с которыми коммуницирует, — это субъекты из центральных регионов России, Приволжья и Сибири, но вес их в сети невелик, если не считать Алтайский край и Татарстан. Интересно, что с Воронежской областью этот регион не связан, хотя есть взаимоотношения с Белгородом (рис. 5.11).

Также стоит отметить, что Пермь — это единственный регион, с которым выявлена связь у Калужской области, поэтому она добавлена в кластер. В целом же для этой группы регионов свойственно интенсивное взаимодействие с Приволжским кластером. Это объясняется их географической близостью и достаточно развитыми транспортными коммуникациями между ключевыми субъектами.

Высокий потенциал Перми как центра Уральского кластера определяется также весом входящих и исходящих связей, в абсолютном выражении данные показатели достаточно близки — 18 и 20 соответственно. Такой высокой оценке коллег из других регионов Пермь обязана в том числе и Ассамблее молодых политологов. Это ежегодное мероприятие, которое организует Пермский Совет молодых политологов РАПН совместно с Центром сравнительных исследований Пермского государственного на-

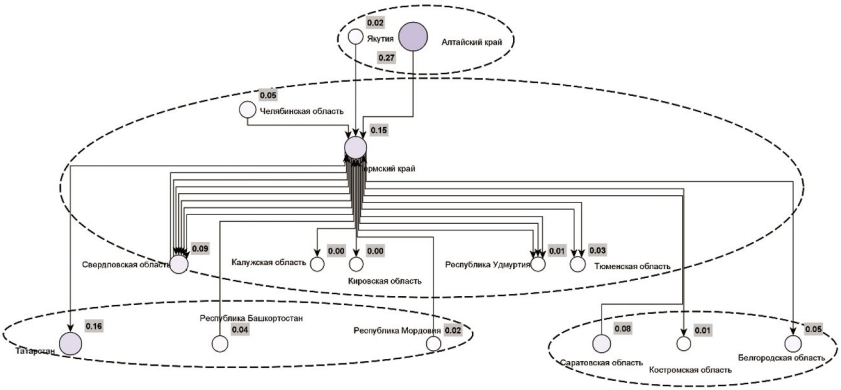

Рис. 5.11. Сеть молодых политологов из Пермского края (см. сноску на с. 151)

учно-исследовательского университета. Формат: конференции, лектории и круглые столы с участием ведущих экспертов. По итогам мероприятия издается сборник докладов участников Ассамблеи, лучшие статьи публикуются в научных журналах.

Ассамблея уже более 10 лет является основной «немосковской» площадкой объединения молодых политологов из других регионов России. Поскольку, как мы отмечали ранее, 45,9% респондентов используют совместные мероприятия как приоритетную форму взаимодействия с коллегами из других регионов, именно такая конференция может являться главным фактором развития коммуникации Перми с другими регионами. Это объясняет и развитость сетевых отношений субъекта с другими кластерами, и плотные коммуникации с Москвой и Санкт-Петербургом.

4) **Приволжский кластер.** В него входят всего 7 регионов.

Эта группа наиболее гомогенна и имеет явного лидера. Все субъекты расположены в Приволжском федеральном округе, безусловным центром притяжения является Татарстан (рис. 5.12).

Еще у одного региона ПФО — Саратовской области — есть незначительная связь с Казанью, но в целом интенсивность коммуникаций говорит о его принадлежности к Центральному кластеру. Еще более удивительная ситуация в Мордовии — по связям ее невозможно отнести ни к одной группе, поскольку в каждом кластере, кроме Приволжского, у нее есть связь с одним регионом — Пермский и Алтайский края, а также Саратовская область. Причем все связи исходящие, никто из политологов не отмечал общение с коллегами из Саранска. В таком случае учитывалось географическое расположение региона, поэтому он и был отнесен к Приволжской группе.

Рис. 5.12. Приволжский кластер (см. сноску на с. 151)

Структура сети Татарстана напоминает Москву «в миниатюре»: та же солнечная форма и «спутник» в лице Башкортостана, у которого нет других «уникальных» связей.

Казань имеет связи с ключевыми элементами других кластеров, но не более того. Несмотря на высокий сетевой вес, можно говорить лишь о региональном лидерстве Татарстана, которое распространяется только на близлежащие субъекты ПФО.

Кластерный анализ сетевого взаимодействия показывает наличие четко выраженных четырех групп, интенсивность связей которых определена географическими факторами. В каждом из кластеров выделяются свои региональные лидеры, которые обеспечивают связь с иными кластерами, — Воронежская область, Татарстан, Пермский и Алтайский края.

Сложнее всего обеспечить консолидацию близлежащих регионов, поскольку влияние Москвы здесь наиболее заметно. Так, лидер Центральной группы регионов — Воронежская область — не имеет связей практически ни с одним регионом Центрального Черноземья, а вторая по значимости — Ростовская область — замыкается в границах своего кластера.

Интенсивность коммуникаций Сибирского кластера намного выше, чем у всех остальных, что вызвано большим расстоянием до Москвы и су-

ществованием сразу нескольких сильных центров подготовки политологов — Барнаула, Томска, Иркутска.

Пермский край как центр объединения молодых политологов имеет менее выраженную региональную привязку, при этом достаточно широко распространяет свои сети на регионы из других кластеров. Проведение крупных мероприятий всероссийского масштаба позволяет развивать отношения с разными субъектами России и обеспечивать достаточно высокий уровень известности пермской политологической школы.

5.4. Особенности внутристрановой миграции молодых политологов

Среди подзадач опроса можно выделить оценку внутрироссийской миграционной активности молодых политологов. Важно понять, в какие регионы молодые люди приезжают за получением и продолжением получения политологического образования. Такие центры притяжения можно расценивать как более приоритетные направления для людей, которые хотят стать дипломированными специалистами-политологами.

Для анализа были взяты ответы на два вопроса: *«Родной субъект»* и *«Регион проживания»*. Всего выявлено 120 респондентов (22,3% от общего числа отобранных для анализа), отметивших, что они обучаются не в регионе своего рождения. Такое количество ответов не может представить полной картины внутристрановой миграции, однако позволяет выявить тенденции, связанные с выбором политологических специальностей при переезде в другой регион.

Данные были обработаны в программе для построения сетевых графиков *yEd Graph Editor*. Для оценки веса входящих связей в сети была использована формула

$$P_o = \frac{N_o}{N_{o(\max)}},$$

где P_o — вес входящих связей, N_o — количество входящих связей конкретного региона, $N_{o(\max)}$ — количество входящих связей наиболее взаимодействующего региона (Москва, 34 человека, 28,3% от общего числа входящих связей). Значения лежат в диапазоне от 0 до 1. Данные представлены в виде сетевого графика (рис. 5.13).

Полученные данные свидетельствуют о подавляющем преимуществе Москвы среди всех регионов, что является вполне ожидаемым результатом. Однако интересны другие региональные связи.

Так, среди наиболее заметных лидеров по весу входящих связей можно выделить Республику Татарстан (0,45), Санкт-Петербург (0,33) и Ка-

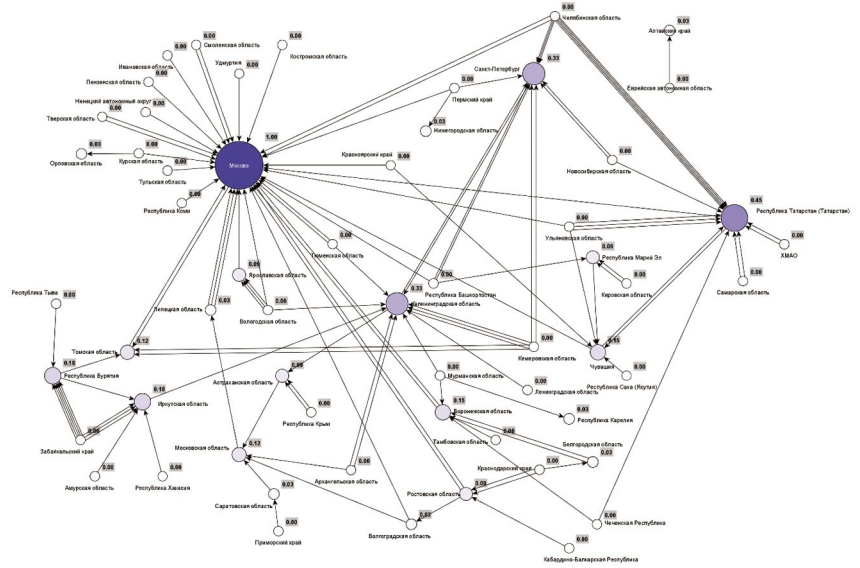

Рис. 5.13. Сеть внутристрановой миграции молодых политологов (см. сноску на с. 151)

лининградскую область (0,33). Более скромные показатели у Республики Бурятия (0,18), Иркутской (0,18) и Воронежской областей (0,15). У всех остальных коэффициент ниже 0,1, т.е. меньше 3 человек, а Московская область (0,12) может рассматриваться как часть Московской агломерации, куда переезжают, чтобы учиться в Москве. В Пермском крае наблюдается только отъезд людей, несмотря на достаточно большое количество респондентов из региона.

В Татарстан едут в основном из близлежащих регионов Приволжского федерального округа, но больше всего там молодых политологов родом из Челябинской области, несмотря на близость Перми, где сложилась достаточно сильная школа политологии. Таким образом, Татарстан может считаться региональным лидером по востребованности политологического образования в ПФО и в некоторой степени УрФО.

Санкт-Петербург также привлекает молодых людей из других регионов, причем Челябинск здесь тоже выделился — 3 человека приехали в Северную столицу. География Входящих связей у Санкт-Петербурга более разнообразная, она затрагивает регионы Сибири, Урала и Поволжья, наблюдается также связь с Калининградом, причем в обоих направлениях. Молодежь из Центральной России едет в Москву.

Самая западная точка страны имеет еще более разветвленную сеть миграции, в которую входят и южные регионы России.

В целом можно отметить, что за политологическим образованием едут в основном в Москву, особенно из Центральной России. Санкт-Петербург является «запасным аэродромом» для молодых людей из Сибири, а единственным региональным лидером на просторах Приволжья и Урала остается Татарстан. В этой связи наиболее перспективным может выглядеть опыт указанной республики по привлечению молодых людей для обучения по специальности «Политология».

5.5. Основные выводы

В сообществе молодых политологов, как и любом сетевом образовании, крайне важны коммуникации. Результаты общероссийского опроса молодых политологов выявили ряд особенностей как в плане средств коммуникаций, так и в структуре сетевого взаимодействия.

Так, четверть респондентов, в основном студенты 1-го и 2-го курсов бакалавриата, отметили отсутствие связей с коллегами из других регионов. Выявлена также важная черта возраста молодых политологов — чем моложе, тем реже они контактируют с представителями других субъектов России. Получается, что именно на первых шагах освоения профессии крайне важно обеспечить молодежи возможности для коммуникации со своими сверстниками и более опытными коллегами, не ограничивая их связями внутри вуза.

Также отмечена важная особенность коммуникативных предпочтений: подавляющее большинство респондентов отдают предпочтение личным формам общения, нежели дистанционным (72 против 17,8%). Это же выявилось и в ответе на вопрос о приоритетных формах взаимодействия с коллегами из других регионов: личное общение и участие в совместных офлайн-мероприятиях выбирали практически половина опрошенных. Однако здесь есть и другая сторона медали — сложно оценить научный потенциал такого общения, который чаще всего имеет неформальный характер и может быть не связан с политологией как таковой. То есть молодые политологи с большой долей вероятности не ставят своей главной целью развитие коммуникаций для накопления новых знаний, скорее такие связи имеют образовательную подоплеку: получение новых для себя знаний от других, развитие навыков и опыта общения, расширение коммуникаций на перспективу дальнейшего использования в любой из сфер своей деятельности.

Отметим также и слабую интенсивность коммуникаций: большинство участников опроса взаимодействуют с коллегами из других регио-

нов редко (раз в несколько месяцев) или очень редко (раз в год, несколько лет) — суммарно 56,7%. Почти половина опрошенных главной виной тому называют недостаточное количество открытых публичных площадок для личного взаимодействия. При этом, как мы отметим в 7-й главе, площадки для дистанционного взаимодействия часто могут быть разделяющим фактором, поскольку в зависимости от возраста политологи отдают предпочтение разным видам социальных сетей.

Оценка сетевого веса и структуры межрегиональных связей молодых политологов показывают, что в России сложилась небольшая группа субъектов, представители которых достаточно активно включены в сетевое взаимодействие с коллегами. При этом направленность сетевой коммуникации имеет два вектора: первый — это лидерство Москвы и Санкт-Петербурга. Как следствие, именно здесь определяются тренды, формирующие актуальную повестку дня и состояние политической науки в целом. Второй — местечковость регионального взаимодействия, чаще всего ограничивающаяся соседними регионами. Вероятно, это также следствие преобладания традиционных форм коммуникации (т.е. ее физического контакта).

В итоге можно выделить ряд проблем межрегиональной сетевой коммуникации организационного, технического и содержательного характера:

- молодые политологи часто не видят друг друга из-за разных предпочтений в выборе площадок для коммуникаций;
- недостаточное количество офлайн-площадок для коммуникации;
- невысокое качество взаимодействия, связанное с тем, что среди участников сети преобладает личное общение в ущерб деловым, и обмен информацией, но не знаниями.

Если говорить о региональных особенностях сетевого взаимодействия, то в целом стоит отметить его разветвленность при достаточно четком делении на четыре кластера наиболее тесно взаимодействующих регионов (без Московской агломерации и Санкт-Петербурга). Их лидерами можно назвать Воронежскую область, Татарстан, Пермский и Алтайский края. Сложнее всего обеспечить консолидацию близлежащих друг к другу регионов при географической близости к столице, например, Воронежская область, занимающая лидирующие позиции в плане интенсивности коммуникации, практически не связана с близлежащими субъектами. В итоге именно через Москву обеспечивается связь близких к ней регионов друг с другом. Другая ситуация с Сибирским кластером. Там расстояние от столицы может рассматриваться как благоприятствующий фактор более тесному общению молодых политологов с коллегами из соседних регионов.

В любом случае нынешние особенности коммуникации в сообществе накладывают на столицу особую ответственность — молодые политологи именно из Москвы могут выступать основой развития политологии в регионах, занимая центральное положение в сети. Однако при планировании мер поддержки отечественных политологических школ необходимо обратить внимание не только на столичные агломерации, но и на регионы, являющиеся лидерами сетевых кластеров. Их поддержка, например, в виде увеличения бюджетных мест на магистратуру, может позволить, с одной стороны, приблизиться им к уровню Москвы, а с другой — выступить драйвером развития политологии в близких к ним регионах и способствовать переезду талантливой молодежи не только в столицу.

Глава 6

МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ: РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СООБЩЕСТВА МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

Какое влияние на молодых политологов могут оказывать молодежные профессиональные структуры, направленные на формирование профессиональных знаний, навыков, компетенций, коммуникаций? Какие ожидания у их членов от работы в таких объединениях? Наиболее крупных структур такого вида у политологов две — Совет молодых политологов Российской ассоциации политических наук (СМП РАПН) и Молодежное отделение Российского общества политологов (МолРОП). Лишь первая из них при этом имеет фиксированное членство, что позволяет четко оценить человеческий капитал организации, потенциал участников, а также понять мотивацию их вступления, поскольку каждый желающий обязательно заполняет анкету и уплачивает членский взнос. Уже этот факт свидетельствует об активной заинтересованности и вовлеченности молодых людей при вступлении в СМП РАПН, соответственно во многих случаях именно эта структура может нам наиболее полно показать характеристики научной деятельности и мотивации членов МПО.

6.1. Потенциал молодежных политологических структур

Полученные в результате опроса данные свидетельствуют о высоком потенциале молодежных политологических организаций в качестве субъектов формирования научных сетей. Порядка 70% опрошенных считают, что МПО оказывают влияние на развитие политической науки. Еще более половины респондентов (52,6%) отметили, что в будущем роль и влияние МПО будут возрастать (рис. 6.1, 6.2).

Важной частью исследования можно назвать оценку деятельности МПО по определенным группам. Наиболее интересно выглядят результаты, полученные при выделении групп политологов по типу деятельности (табл. 6.1) и критерию членства (табл. 6.2).

Рис. 6.1. Роль молодежных политологических организаций

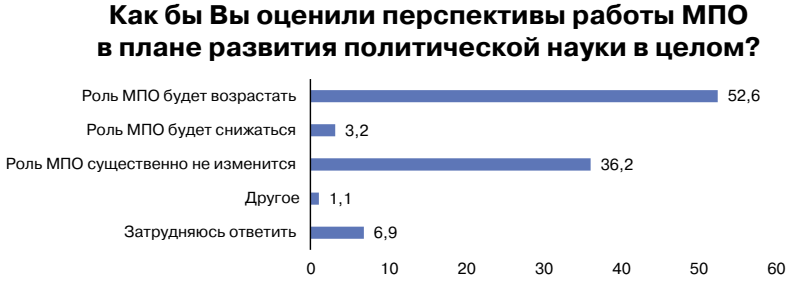

Рис. 6.2. Перспективы работы молодежных политологических структур

Оценка направлений деятельности молодежных политологических структур по типам деятельности

Основной функцией молодежных политологических организаций, по мнению большинства опрашиваемых, является коммуникативная, связанная с интеграцией в научное сообщество, расширением контактов с его представителями, а также созданием площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников. Аспекты работы МПО, связанные с научной деятельностью — развитие научно-исследовательских навыков, получение и трансляция знаний о политической сфере, содействие в публикационной деятельности, — имеют для участников второстепенное значение (см. табл. 6.1).

В ответах респондентов наблюдается существование неполных или не совсем корректных представлений о деятельности МПО, в том числе и у ее потенциальных членов. Так, 28,3% участников опроса не зна-

ют, существуют ли в их регионах подобные организации (при этом почти две трети из них в принципе хотели бы стать их участниками). Кроме того, при разработке анкеты в вопрос о наиболее приоритетных направлениях деятельности МПО нами намеренно были введены «неоднозначные» с точки зрения научной деятельности варианты: *«участие в общественно-политической жизни региона», «подготовка кадров для органов управления и государственных структур», «создание стартовых условий для политической карьеры членов МПО»*. Почти все спорные отклонения наблюдаются именно в этих трех категориях, что свидетельствует о несогласованности мнений в пределах одной группы респондентов.

Особенно интересно выглядят ответы бакалавров 1-го и 2-го курсов, которые сошлись во мнении, что подобные организации должны помогать строить государственную или политическую карьеру. По мере взросления средняя оценка этих параметров снижается, как и гомогенность ответов (особенно у магистрантов). Наиболее низкие баллы здесь у молодых ученых, которые неудовлетворительно оценивают «политическую» функцию МПО.

В целом мы можем наблюдать более высокую оценку направлений деятельности молодежных политологических организаций студентами-бакалаврами, что свидетельствует о завышенных ожиданиях от МПО. Молодые ученые, в свою очередь, более скептически относятся к деятельности МПО по всем параметрам, в том числе связанным с интеграцией в научное сообщество. Однако именно после завершения обучения по программам политологии в вузах у людей, которые решили связать свою жизнь с наукой, появляется осознание невысокой «политической» функции организации.

Оценка направлений деятельности МПО по критерию членства

Если рассматривать оценку направлений деятельности МПО респондентами в зависимости от их членства, то можно увидеть достаточно ровное распределение ответов, кроме «политических» параметров. Особенно высоко оценивают интеграцию молодых политологов в научное сообщество действующие и потенциальные члены (более 70%). Именно этому критерию деятельности организации респонденты придают наибольшее значение.

Еще один коммуникативный параметр, связанный с созданием площадок для общения, также имеет большое значение, при этом наблюдается определенное разочарование подобным направлением деятельности со стороны бывших членов (положительных оценок почти на 10% меньше, чем у остальных групп). Важно отметить, что желающие вступить в МПО

Таблица 6.1

Оценка направлений работы МПО по типу деятельности респондентов[1]

		Развитие научно-исследовательских навыков	**Содействие в публикационной деятельности**	**Интеграция молодых политологов в научное сообщество, расширение контактов с его представителями**	**Получение и трансляция знаний о политической сфере**	**Создание площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников**	**Участие в общественно-политической жизни региона**	**Подготовка кадров для органов управления и государственных структур**	**Создание стартовых условий для политической карьеры членов МПО**
Молодые ученые	*Средний балл*	**3,5**	**3,3**	**3,7**	**3,4**	**3,4**	**2,8**	**2,7**	**2,8**
	Стандартное отклонение	1,30	1,23	1,22	1,17	1,20	1,29	1,26	1,35
Студенты-магистры	*Средний балл*	**3,8**	**3,5**	**3,9**	**3,6**	**3,9**	**3,6**	**3,4**	**3,4**
	Стандартное отклонение	1,20	1,09	1,17	1,26	1,18	1,25	1,41	1,38
Студенты-бакалавры 1 и 2 курсов	*Средний балл*	**3,9**	**3,7**	**4,0**	**3,9**	**3,9**	**3,7**	**3,7**	**3,7**
	Стандартное отклонение	1,11	1,05	1,09	1,04	1,02	1,13	1,10	1,09
Студенты-бакалавры 3 и 4 курсов	*Средний балл*	**3,7**	**3,7**	**3,9**	**3,6**	**3,7**	**3,6**	**3,5**	**3,4**
	Стандартное отклонение	1,09	1,13	1,08	1,10	1,13	1,18	1,28	1,31
Специалисты в политической сфере	*Средний балл*	**3,1**	**3,2**	**3,6**	**3,5**	**3,6**	**3,2**	**2,8**	**2,8**
	Стандартное отклонение	0,94	1,18	1,13	1,21	1,21	1,54	1,57	1,49
Все респонденты	*Средний балл*	**3,7**	**3,6**	**3,9**	**3,6**	**3,7**	**3,5**	**3,4**	**3,4**
	Стандартное отклонение	1,16	1,14	1,13	1,14	1,14	1,27	1,31	1,31
*Уровень значимости (p)**		*0,003*	*0,018*	*0,222*	*0,003*	*0,007*	*0,000*	*0,000*	*0,000*

[1] ANOVA-анализ.

значительно выше остальных групп респондентов оценивают «политический» параметр деятельности организаций, что говорит о смутном понимании специфики их работы (см. табл. 6.2).

Таблица 6.2

Оценка направлений работы МПО по критерию членства, %

Оценили следующие направления деятельности МПО по их значимости, приоритетности на 4–5 баллов	**Действующие члены МПО**	**Не являются членами МПО и не хотели бы вступить**	**Не являются членами МПО, но хотели бы вступить**	**Ранее были членами МПО**	**Все респонденты**
Развитие научно-исследовательских навыков	59,3	60,8	**72,4**	**44,8**	**62,3**
Содействие в публикационной деятельности	53,7	53,8	62,4	50,6	**57,5**
Интеграция молодых политологов в научное сообщество, расширение контактов с его представителями	74,4	62,2	70,8	60,2	**68,3**
Получение и трансляция знаний о политической сфере	54,7	59,3	**66**	**48,9**	**59**
Создание площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников	64,4	61,4	67,2	54,5	**63,2**
Участие в общественно-политической жизни региона	52	**37,2**	50,4	43,6	**47,3**
Подготовка кадров для органов управления и государственных структур	42,3	37,2	46,9	40,4	**43**
Создание стартовых условий для политической карьеры членов МПО	35,8	33	**49,1**	34	**40**

В целом стоит признать высокий потенциал МПО в плане привлечения молодых политологов к своей работе, *но только если они смогут обеспечить участникам «интересный» продукт, связанный так или иначе с коммуникативной функцией политологических организаций*.

Отдельного внимания заслуживает анализ типов деятельности членов МПО и их оценка деятельности организации.

Так, среди участников опроса 22,9% в настоящий момент состоят в молодежных политологических организациях (преимущественно это СМП РАПН и МолРОП). Примерно половину из них (43%) можно на-

звать лидерами или активистами («*активно участвую в работе организации, реализации проектов, проведении мероприятий*»), еще 41,3% относят себя скорее к рядовым членам организации («*в целом осведомлен о текущей деятельности организации, периодически посещаю наиболее интересные для меня мероприятия*»). Лишь 9,8% заявили, что их участие в МПО носит чисто формальный характер.

Студенты первых курсов пока еще только обдумывают возможность вступления в МПО, в то время как на 3–4-х курсах бакалавриата, а тем более в магистратуре желания материализуются в конкретные шаги. После окончания магистратуры спрос на активную вовлеченность в деятельность МПО значительно снижается (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Ответ респондентов на вопрос:
«Состоите ли Вы в молодежных политологических организациях?»

Состоите ли Вы в молодежных политологических организациях?	**Молодые ученые**	**Студенты-магистры 1 и 2 курсов**	**Студенты-бакалавры 1 и 2 курсов**	**Студенты-бакалавры 3 и 4 курсов**	**Специалисты в политической сфере**	**Все респонденты**
Да	19,5	**32,89**	22,1	27,0	13,5	**22,9**
Никогда не состоял(а) и не хотел(а) бы вступить в МПО	23,0	18,0	16,3	12	27,0	**17,3**
Никогда не состоял(а), но хотел(а) бы вступить в МПО	19,4	39,4	**58,7**	44,0	21,5	**42,4**
Раньше состоял(а)	**38,1**	9,8	2,9	17,0	**37,89**	**17,4**

Еще одним аргументом в пользу тезиса о высоком потенциале МПО можно назвать востребованность организаций среди студентов и молодых ученых. Согласно полученным данным, 42,4% опрошенных хотели бы вступить в подобную организацию. Среди причин, мешающих им осуществить свое желание, чаще всего встречается нехватка времени, а также (несколько реже) отсутствие подобных организаций в вузе и регионе и собственная неосведомленность об их работе. Лишь менее пятой части опрошенных (17,3%) указали, что не хотели бы пополнять ряды МПО, в основном по причине отсутствия интереса к их деятельности.

Еще 17,5% участников опроса состояли в политологических организациях ранее. Отметим, что в качестве причин своего ухода из МПО респонденты чаще, чем в среднем по выборке, указывали отсутствие интереса, возраст

(«не отношу себя к молодежи») и несогласие с политикой организации. Последнее утверждение нашло отражение и в комментариях к вопросу анкеты: *«сконцентрированность МПО на активистской, а не научной и академической деятельности», «там занимаются дележкой институционального ресурса и игрой в начальников, науки там никакой нет», «серьезные разногласия»*.

В ходе анкетирования членам МПО было предложено также оценить их работу по ряду параметров по пятибалльной шкале. В результате анализа можно выделить сильные стороны и проблемные зоны деятельности МПО (табл. 6.4).

Таблица 6.4

Степень удовлетворенности членов МПО отдельными параметрами деятельности организации

В какой степени Вы удовлетворены следующими параметрами работы данной организации? *(респонденты ставили оценку каждому из параметров от 1 до 5 баллов, где 1 балл — полностью НЕ удовлетворен, а 5 баллов — полностью удовлетворен)*	**Средний балл**
Межличностные отношения участников, психологическая атмосфера	3,9
Тематика проводимых научных мероприятий (круглых столов, конференций и т.п.)	3,8
Информационное сопровождение научных мероприятий	3,6
Научно-исследовательская деятельность	3,5
Взаимодействие с представителями регионального научного сообщества	3,5
Поддержка со стороны вуза	3,4
Частота проводимых научных мероприятий	3,4
Работа руководства организации, кадровые решения	3,4
Взаимодействие с представителями научного сообщества других регионов	3,3
Поддержка со стороны региона	2,8
Взаимодействие с представителями научного сообщества других стран	2,6

К сильным сторонам, безусловно, относятся межличностные отношения и психологическая атмосфера, царящая в организациях, — данный параметр респонденты оценили на 3,9 балла. Этот показатель может свидетельствовать о высоком уровне доверия членов МПО друг к другу, что является одним из признаков формирования научных сетей. При этом политика руководства организаций и существующие кадровые решения, судя по всему, не всегда находят понимание среди членов МПО (3,4 бал-

ла). *Данный структурный параметр организации, наоборот, может мешать сетевым отношениям, поскольку переводит отношения между членами организации из горизонтальных в иерархические.*

Проводимые мероприятия также в целом устраивают участников организаций: респондентам интересна тематика (3,8 балла), положительно оценивается и информационное сопровождение (3,6 балла). А вот частота проведения мероприятий получила более низкую оценку (3,4 балла), как и научно-исследовательское направление.

Напомним, что в качестве основной задачи молодежных политологических организаций респонденты выделили интеграцию молодых ученых в научное сообщество. Взаимодействием с коллегами из своего и других регионов опрашиваемые скорее довольны (3,4 и 3,2 балла соответственно), что говорит в целом о том, что МПО выполняют свою функцию. Однако сотрудничество и обмен опытом на международном уровне оценивается ниже всего — 2,6 балла. Этот показатель может говорить о замкнутости в национальных границах молодежных политологических структур.

В итоге можно отметить, что ожидания членов организации не совсем оправдываются, деятельность молодежных политологических организаций, несмотря на высокий потенциал, на данный момент не совсем удовлетворяет их запросам. Однако такой подход свидетельствует скорее о потребительском отношении к получаемым от МПО ресурсам без активного включения в процесс обмена.

Как мы видим, желание вступать в такие организации у студентов-бакалавров большое, поэтому главное — предоставить возможность для них самоорганизовываться и коммуницировать между собой на общегосударственном уровне, чтобы подобные желания воплощались в реальные дела, которые и смогут удовлетворить их собственным запросам.

6.2. Сетевые ресурсы молодежных политологических структур: взгляд руководителей СМП (МО) РАПН

Совет молодых политологов (ранее — Молодежное отделение) Российской ассоциации политической науки — самая возрастная функционирующая на данный момент в России организационная структура, объединяющая молодых политологов. Она появилась еще в 2006 г. К 2020 г. сменилось уже пять поколений руководства организации. У некоторых из них, занимавших в разное время руководящие позиции в федеральных и региональных структурах МО РАПН (существовала до 2015 г.), взяты экспертные интервью (лично, некоторые посредством видеосвязи, список экспертов см. в табл. 6.5).

Таблица 6.5

Список экспертов

№	ФИО	Научная степень	Статус в МО РАПН
1	Артемов Антон Викторович	без степени	Председатель Правления (2012–2015)
2	Гончарик Алексей Александрович	к. полит. н.	ученый секретарь (2011–2012)
3	Кислицына Дарья Олеговна	к. полит. н.	Президент (2011–2012)
4	Кокарев Константин Павлович	без степени	Президент (2006–2008)
5	Окунев Игорь Юрьевич	к. полит. н.	Президент (2008–2009)
6	Руденкин Дмитрий Васильевич	к. соц. н.	Президент (2009–2011)
7	Сидоров Виктор Владимирович	к. полит. н.	Председатель Татарстанского регионального отделения (2008–2012)
8	Сосунов Денис Владимирович	к. полит. н.	Председатель Воронежского регионального отделения (2008–2011)

Цель данного параграфа — проанализировать мнения бывших руководителей МО РАПН о влиянии организации на их жизнь и формирование сообщества молодых политологов. Качественного материала для анализа собрано много, формат параграфа монографии не позволяет увидеть полную картину отношения к МПО. Однако основные направления организационной деятельности, за основу которых взята типология сетевых капиталов, ниже представлены[1].

Вопросы, заданные респондентам, которые когда-то фактически участвовали в создании молодежного крыла РАПН, а сегодня уже имеют к нему опосредованное отношение, корреспондируют с обсуждаемыми темами на круглых столах. Экспертные интервью касались основного предназначения молодежных политологических организаций: того, что они могут дать для студента и молодого ученого. В конце им задавался вопрос о том, на каких политологов или организации они ориентируются.

Также с каждым из респондентов обсуждались некоторые моменты, связанные с их деятельностью в молодежной научной организации. Важно отметить, что многие из тех, кто находился в руководстве Молодежного

[1] Подробнее с интервью можно ознакомиться на интернет-странице проекта: Молодежные политологические организации как субъект формирования научных сетей // СМП РАПН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://morapn.ru/project/proekt-molodezhny-e-politologicheskie-organizatsii-kak-subekt-formirovaniya-nauchny-h-setej/ (дата обращения: 06.05.2020).

отделения РАПН, так или иначе связаны с политической наукой. И. Окунев, Д. Сосунов, В. Сидоров стали вполне успешными исследователями и преподавателями-политологами, а Д. Руденкин — социологом, А. Артемов, А. Гончарик и Д. Кислицына работают в области аналитики, в том числе политической. В сферу профессиональных интересов К. Кокарева сейчас входят вопросы наукометрии. Уже поэтому их опыт, связанный с деятельностью в молодежной политологической организации, следует признать релевантным их настоящей профессии.

Реляционный и человеческий капиталы молодежной политологической структуры

Многие из респондентов основным предназначением молодежных политологических структур (пусть и не имеющих собственного юридического лица, но функционирующих как институционализированные объединения в рамках «взрослых» структур) считают выстраивание коммуникаций на одной площадке между людьми, подчас имеющими противоположное мнение, разные идеи, мировоззрение, бэкграунд, живущими в любых уголках страны:

«Первая, главная цель молодежного отделения заключалась в том, чтобы люди из разных регионов, из разных вузов, из разных тусовок... Чтобы люди могли пересекаться» (К. Кокарев).

Именно это пересечение и составляет основу реляционного капитала организации (совокупность сетевых связей между членами и структурными подразделениями организации, а также их отношения с внешними акторами). Студенты обогащают друг друга, генерируют новый продукт, создают площадки для обмена знаниями и опытом, не ограничиваясь пределами одного населенного пункта. Получаемые через организацию знакомства способствовали этому:

«Это был амбициозный проект, который помогал объединить и знакомить между собой людей, интересующихся политологией (студентов, аспирантов), и попробовать направить их в нужное русло, т.е. чему-то научить, где-то номерами помочь обменяться...» (Д. Руденкин).

В сущности, само по себе накопление реляционного капитала является важным смыслом существования молодежной организации, и именно он делает ее сетевой структурой:

«Самое главное — это связи, друзья. Общение с коллегами из других городов — это всегда новые идеи, новые направления, веяния, смотрим, что у соседей, чем занимаются люди. Ты их знаешь лично и можешь

спросить, попросить подсказать, и они всегда это делают. Мероприятия РАПН дают возможность договориться об оппонентах, рецензентах, узнать о возможностях, поэтому очень помогло» (В. Сидоров).
«МО РАПН — это организация, которая помогает вдохновлять, мотивировать ребят заниматься научно-исследовательской деятельностью, но многое зависит от каждого человека в отдельности, если он сам понимает, нужно ли ему это или нет» (Д. Сосунов).

Однако здесь важно не забывать о том, что организацию создают люди. Человеческий капитал, знания и навыки, которыми обладают люди, являются важной частью любого сообщества:

«Во-первых, люди были яркими. Во-вторых, когда яркие люди объединяются общими идеями, — это дает синергетический эффект» (Д. Кислицына);
«Я на них равнялся, там были очень авторитетные люди. Я тогда был бакалавром, а они уже магистрами, близкими к аспирантуре, т.е. они были уже очень подкованы, очень начитаны» (Д. Руденкин).

У такого подхода к строительству организации есть, как минимум, два недостатка, которые признают и респонденты. *Во-первых*, деятельность организации держалась не на правилах и нормах, а на работе узкой группы людей, что неизбежно создает проблемы при смене поколений. Вдруг таких же «молодых и активных» не окажется. Не зря практически все респонденты с теплотой вспоминают тех людей, с которыми они хоть и непродолжительное время, но были близки:

«Да, мы с ним виделись очень давно. В Перми — Валя Ефремова, Леша Гончарик, Юля Гранатова, Света Фахразеева, т.е. все очень активные. В Ростове тоже за всеми активностями были конкретные люди. Здесь нет никакого секрета» (Д. Кислицына);
«Там еще было много интересных ребят, которые тоже захотели войти в управление. Собственно, тогда и был сформирован конгломерат «Руденкин—Иост—Кислицына», который стал своего рода мемом — его и на всех фотках обсуждали, и смеялись на всех встречах, т.е. как все это случилось, сформировалось тогда, причем во многом по подсказке Окунева» (Д. Руденкин).
«Это все было просто. Все было основано только на доверии. Люди видели нашу активность, результаты нашей работы и доверили нам принять участие в правлении» (А. Артемов).

Во-вторых, доверительная и в то же время деловая атмосфера не может поддерживаться долгое время на одном лишь энтузиазме. Рано или поздно энтузиазм начинает гаснуть, а люди ищут себе уже новые вызовы:

«Интервьюер: но вы же могли просто сказать, что Вам надоело, и уйти оттуда?
Д. Кислицына: я так не делаю, никогда. Хотя хотелось.
Интервьюер: как раз, когда Вы стали президентом? А какие были тогда трудности?
Д. Кислицына: у меня уже была полноценная работа, диссертация, несколько иной образ жизни. Мне было сложновато себя мотивировать».

Именно поэтому для первых поколений было важно, чтобы руководство организации менялось часто, а вчерашние руководители со временем уходили в тень, причем происходило это не по результатам разногласий, а естественно. Все течет, все изменяется, а в молодежной среде эти процессы идут намного быстрее. Старшее поколение теряет мотивацию, а новые энтузиасты приходят на их место:

«К тому времени я отошел от управления и от всего остального и прямо считал, что не нужно мне лезть. Люди сами должны решать, что они хотят делать, и я в этом смысле сознательно дистанцировался... опыт на то и опыт, что его нужно получать самостоятельно» (К. Кокарев).

Важно отметить, что, по мнению всех респондентов, пока еще молодой политолог, взрослея и уходя из организации, уносит с собой не только знакомства, которые могут быть пронесены через годы, но и базу знаний, умений, навыков, результатов творческой и организационной деятельности. Как минимум, бывшие руководители молодежной политологической организации отметили приобретение умений, связанных с организацией мероприятий:

«Цель, которая кажется всегда актуальна для любой молодежной организации, — это получение какого-то организационного опыта, умение налаживать контакты, вообще понимание того, как организации действуют» (К. Кокарев).
«Опыт организации научных мероприятий и конференций помог в проведении подобных мероприятий уже в рамках работы в Молодежном совете при Пермской городской Думе...» (А. Гончарик).

Развитие организаторских способностей отметили практически все респонденты, потому что именно проведение научных мероприятий является одним из главных результатов работы молодежной исследовательской организации. Как минимум, здесь можно говорить о том, что это самая видимая часть ее работы:

«Первое — это, безусловно, организаторские навыки, умения. Это была первая площадка, определенный плацдарм, на которых ты можешь освоить первоначальные организаторские навыки: умение обращать внимание на детали, учитывать тайминг, выстраивать стратегию мероприятия, то, что сейчас называют event-management — очень хорошее преимущество. Второе — это нетворкинг» (Д. Сосунов);
«Если мы говорим о компетенциях, я понял, что такое сложные иерархические системы и структуры, управленческая борьба, как в рамках жесткого и при этом дистанционного противостояния, с одной стороны, не потерять лицо, а с другой стороны, добиться положительного результата, т.е. я приобрел управленческие навыки, организационные качества и компетенции» (А. Артемов).

Также бывшие руководители МО РАПН говорили о том, что активное участие в жизни организации дает возможность коммуницировать с множеством ярких людей. У талантливых студентов есть позиция по многим вопросам, подчас отличная от других. Значит, нужно договариваться и искать компромиссы, что помогает не только в дальнейшей работе, но и в жизни в целом:

«Руденкин Д.: она меня научила тому, что люди бывают очень разные и могут быть непредсказуемыми.
Интервьюер: нужно постоянно договариваться, искать компромиссы, да?
Руденкин Д.: да, чему она научила, так именно этому».

Еще одним важным критерием успешности политолога, в том числе академического, является навык публичного выступления. Общение с большим количеством слушателей нужно не только для преподавателя, но и для любого исследователя. Политическая сфера и политическая наука априори подразумевают частые выступления на публике. Работа в молодежной организации помогает совершенствовать и этот навык:

«Мы, кстати, очень сильно там все прокачали свои компетенции в области публичных выступлений. Потому что, с одной стороны, среда дружеская, тебя вроде как помидорами не закидают, и она еще с тобой может содержательно поговорить, подискутировать. Это очень интересно» (Д. Кислицына).

Символический и структурный капиталы молодежной политологической структуры

Молодежные организации предоставляют не только возможности для общения, но и статусные позиции, репутацию. Для молодых людей это тоже немаловажно, учитывая, что они делают только первые шаги в карьере. Именно поэтому роль ***символического капитала*** важно учитывать. Речь идет прежде всего о статусе:

«У меня даже такой мысли не было, понимаете? Тут работал элемент статусности. Моими деньгами, моей валютой был статус, который я приобретаю. Наверно, в этом и смысл всех молодежных организаций. Но это тот позитивный опыт, который я выношу из этой сложной работы» (А. Артемов);

«Я страшно гордился. Вице-президент... Я этим страшно гордился...» (И. Окунев);

«Тогда мне просто хотелось быть Президентом МО РАПН. Первая женщина Президент МО РАПН. В наше время это считалось очень статусным, поэтому мне было очень интересно» (Д. Кислицына);

«Я помню, МО РАПН был чем-то вроде моды тогда, туда стремились, туда ходили. На тот момент, насколько я помню, у нас было около 25–26 региональных отделений» (Д. Руденкин).

Кроме того, что статус банально удовлетворяет эго его носителя, он дает и вполне ощутимые преимущества. В частности, речь идет о более тесной коммуникации со взрослыми политологами. Также статус руководителя или члена Президиума молодежной научной организации может стать довольно эффектной строчкой в резюме, а также основанием для того, чтобы на человека обратили внимание опытные коллеги:

«Потому что это все-таки вопрос в том числе поиска первой работы, и когда ты ищешь определенное место, тебя спрашивают: “А что ты? А кто ты? А какой у тебя опыт?” И все-равно у каждого бывает момент первой работы, когда нет еще никакого опыта. А вот опыт общественной деятельности, конечно, сильно играет в плюс, потому что понимают, что ты уже не пустой, у тебя есть грамоты, и на самом деле, и очень интересно так вспоминать» (Д. Кислицына).

«Интервьюер: В общем, чем выше вы поднимались по этой лестнице, хотя она и была достаточно условной, эти остаточные позиции ничего, кроме обязанностей, не давали.

Артемов А.: Знаете, это давало возможности.

Интервьюер: Возможности общаться с другими регионами?

Артемов А.: Это была возможность общаться с другими регионами, со взрослыми политологами, мы же возглавляем молодежное отделение. Это прибавляло нам уверенности — мы не имели никаких академических статусов, мы даже не закончили ВУЗ на тот момент, но мы могли в какой-то степени наравне общаться с ведущими политологами России. Они смотрели на нас как на равных».

Та же проблема может мешать развитию организации, потому что люди могут идти покорять другие вершины:

«Дело в том, что МО РАПН стала для него [председателя воронежского реготделения. — Прим. авт.] ступенькой к другим молодежным организациям. Бэкграунд руководителя организации на уровне университета дал ему в молодежном правительстве определенный карт-бланш для реализации своих проектов» (Д. Сосунов).

То есть само по себе членство в организации уже является определенным плюсом, придающим дополнительную уверенность в общении со своими коллегами, но это не залог успеха.

«Мы поняли, что не нужно бороться за какие-то должности, а нужно эффективно пытаться включить себя в профессиональную деятельность и дать такую же возможность своим коллегам, с которыми мы вместе находимся в молодежном отделении» (А. Артемов).

Если молодой ученый проявляет активность, то для него будет двойная польза: его заметят старшие коллеги, а он сам к тому же приобретает навыки, полезные в построении дальнейшей карьеры.

Структурный капитал организации также является составной частью капитала сообщества и представляет собой совокупность всех установленных правил, по которым существует организация. По сути дела, именно эта составляющая и делает молодежную организацию институтом. Она может быть крайне важна для тех, кто идентифицирует себя с политологическим сообществом именно через принадлежность, членство в организации:

«В общем, я отстоял... хорошо, у меня нет образования, но я член сообщества, у меня есть публикации, у меня есть знания в этой сфере... знания есть, давайте считаться с этим» (И. Окунев).

Таким образом, членство в организации дает ощущение принадлежности к сообществу и служит основанием для идентификации самого себя в качестве политолога.

Но институтом МО РАПН можно считать только тогда, когда происходит смена поколений, а структура продолжает функционировать. Для МПО это особенно актуально, поскольку молодежь быстро вырастает, поэтому крайне важны нормы и правила, по которым возможно формирование практик перехода «власти»:

«В первые годы существования МО РАПН основными задачами было развитие институциональной структуры» (А. Гончарик);
«Это вообще была очень сложная история, потому что преемственность МО РАПН — это большая проблема. Ребята быстро вырастают, нужно быстро обновлять руководство, и есть угроза, что какие-то люди засидятся. Поэтому мы изначально закладывали, что только один срок, что обязательный переход власти» (И. Окунев).

Но здесь не стоит идеализировать институты, они важны лишь для того, чтобы можно было решать конфликтные ситуации, но они не очень помогали в реализации проектов:

«Знаете, я осознал, что, если бы мы изначально подходили с уставных целей и задач, которые были прописаны в РАПН, не совсем получилось бы. Поэтому мы не стали начинать проводить научные мероприятия, а начали с вещей, которые ребята могли бы ощутить на себе здесь и сейчас» (Д. Сосунов).

Важной составляющей преумножения реляционного и всех других видов капитала Молодежного отделения РАПН, а потом и Совета молодых политологов является развитая структура региональных отделений. Инициативная группа студентов, создавших организацию, изначально состояла из представителей разных регионов:

«Конечно, главным драйвером МО РАПН были регионы, региональные ячейки. Они создаются по-разному: где-то при инициативных кафедрах, которым нужен кружок, где-то вопреки кафедре, например, кафедра в одном институте, а создавали другие ребята, где-то создавались, где вообще не было взрослого отделения. Какие-то региональные отделения долго жили, какие-то быстро умирали, но так было абсолютно всегда» (И. Окунев).

У студентов столичных университетов имеется доступ ко многим ресурсам. Им дают знания наиболее авторитетные преподаватели, есть выход на лучшие библиотеки и базы данных. Они буквально «с места в карьер» попадают в конкурентную среду уже внутри студенческой группы.

Наиболее активные участвуют в молодежных конференциях, где общаются с коллегами из других ВУЗов.

Молодые политологи из регионов сами вынуждены создавать себе среду для саморазвития и искать возможности для коммуникации и обмена знаниями. Одним из таких каналов коммуникации, точкой сборки и становятся молодежные политологические организации (в частности, СМП РАПН):

«Потом, поскольку я был руководителем регионального отделения, я начал активно участвовать в жизни научного Совета, в жизни управления им, во всех этих группах у меня появились знакомые, и вот тогда я начал расти дальше...» (Д. Руденкин);
«Мне всегда казалось, что это очень важный момент, потому что региональные отделения сами по себе хороши, особенно когда политологи есть в нескольких вузах региональных» (К. Кокарев).

Таким образом, молодежные политологические организации в определенной степени могут способствовать накоплению реляционного, человеческого, интеллектуального, символического, структурного капитала сообщества. Приходя в организацию, становясь частью сетевого сообщества, ее члены осуществляют взаимовыгодный обмен, растут сами и развивают сообщество.

В заключение отметим, что для всех респондентов участие в жизни СМП РАПН оставило не только приятные воспоминания, но и важный опыт, который в дальнейшем помог реализовать себя в жизни и карьере. Может быть, это просто молодость, но интересно, когда такая молодость проходит активно, так, что в конечном счете есть дела и поступки, за которые можно гордиться и вспоминать с улыбкой:

«Да, но это, правда, один из этапов, который я вспоминаю с очень приятными эмоциями» (Д. Кислицына);
«МО РАПН подарило мне ряд очень близких, дорогих друзей... с которыми я с радостью вижусь, когда выдается такая возможность» (Д. Руденкин);
«Я себя, наверно, всегда буду считать молодым политологом. Потому что тот опыт, который я приобрел в молодежном отделении, ни с чем несравним» (А. Артемов).

Опыт бывших руководителей сообщества СМП РАПН показывает, что подобная деятельность на определенном этапе жизненного пути может помочь в накоплении сетевых ресурсов, которые всегда могут пригодиться в дальнейшей жизни.

6.3. Научная деятельность членов молодежных политологических структур (на примере членов СМП РАПН)

Немаловажным критерием отбора для анализа именно СМП РАПН является академическая направленность деятельности структуры, функционирующей в рамках Российской ассоциации политической науки, что выражается в предоставлении научного контента молодым политологам[1].

В данной работе рассмотрены два параметра, касающиеся деятельности молодых политологов в рамках МПО, — публикационная активность и желаемые направления работы членов организации. Это позволит ответить на вопрос о потенциале МПО в развитии навыков научной деятельности своих членов и особенностях человеческого капитала организации, формально вступивших в ее ряды.

Нынешние студенты, магистранты и аспиранты формируют будущее российской политологии как науки, они являются потенциальным интеллектуальным ресурсом профессионального сообщества, поэтому очень важно определить нынешние возможности членов МПО как ресурса самой организации.

Проведен анализ публикаций 209 членов СМП РАПН из 29 городов России. Если сравнивать количество человек всего/с публикациями, то в бакалавриате обучаются 130/52, в магистратуре — 44/27, в аспирантуре — 29/28. Вариант «Другое» отметили 6 человек, из них 4 писали научные работы (рис. 6.3). Диспропорция в сторону студентов-бакалавров связана с тем, что для них это может быть наиболее приоритетным способом понять особенности профессии, пообщаться со своими сверстниками из других регионов, попробовать себя в научно-исследовательской работе.

Средний возраст членов организации составляет 22,8 года, а медианное значение по возрасту — 21,9 года. Это позволяет судить о гомогенности возрастного состава членов СМП РАПН, а также востребованности подобной структуры у обучающихся в вузах, особенно старшекурсников бакалавриата и магистрантов. Вне учебного заведения у политологов нет необходимости и желания официально получать членский билет. Таким образом, можно сказать, что определение молодого политолога, представленное в начале параграфа, является вполне корректным для описания членов такой структуры, как СМП РАПН.

Наибольшее количество членов организации из Москвы — 114, на них приходится 56% всех публикаций. Молодые политологи из 10 городов

[1] *Алексеев Д. В., Копылова П. С.* Группы в социальных сетях как способ формирования сообщества молодых политологов: опыт дискурс анализа // Политическая наука. 2020. № 1. С. 281–304. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.11.

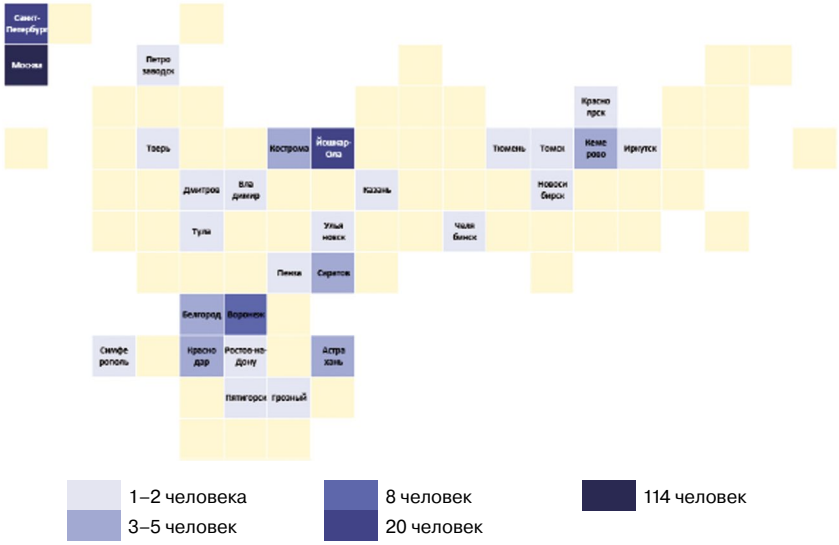

Рис. 6.3. Распределение членов организации по городам

России вообще не участвовали в написании статей: Астрахань, Белгород, Владимир, Дмитров, Красноярск, Пенза, Ростов-на-Дону, Тверь, Тула, Тюмень. В этих городах членов организации немного — 1–2 человека, единственное исключение — Астрахань (5 чел.). Всего таких 16 человек, что составляет меньше 8% от общего количества членов.

Почти половина молодых политологов в СМП РАПН не являются авторами научных работ, опубликованных на ресурсе eLIBRARY.RU (98 чел.), при этом 111 чел. имеют хотя бы одну публикацию.

Как мы видим в табл. 6.6, перекос в пользу двух столиц сильно заметен, причем в Москве в целом структуре отдают предпочтение активные молодые политологи, которые уделяют много внимания написанию научных работ. Поскольку Российская ассоциация политической науки — федеральная организация с центром в Москве, вполне логично, что его структурное подразделение (СМП) наиболее активно участвует в привлечении «москвичей» в свои ряды. Это в первую очередь связано с большим количеством вузов, студентов, а также множеством проводимых мероприятий в столице. В регионах же больше ориентируются на Москву и рассматривают ее потенциально как следующий этап своей научной деятельности.

Далее анализировались публикации, которые писались в соавторстве, а также наличие связей между членами СМП РАПН и их коллегами из других регионов. В итоге выявлено, что 146 работ сделаны в соавторстве (это около 34% от общего числа).

Таблица 6.6

Публикационная активность членов СМП РАПН

№	Город	Кол-во чел.	Кол-во публикаций	Доля публикаций от общего кол-ва, %	Ср. кол-во публикаций
1	Москва	114	237	56,03	2,08
2	Санкт-Петербург	20	72	17,02	3,60
3	Йошкар-Ола	20	24	5,67	1,20
4	Краснодар	4	15	3,55	3,75
5	Грозный	1	14	3,31	14,00
6	Томск	2	10	2,36	5,00
7	Пятигорск	2	9	2,13	4,50
8	Саратов	3	7	1,65	2,33
9	Кемерово	4	6	1,42	1,50
10	Белгород	1	5	1,18	5,00
11	Симферополь	2	5	1,18	2,50
12	Челябинск	2	5	1,18	2,50
13	Новосибирск	1	3	0,71	3,00
14	Ульяновск	2	3	0,71	1,50
15	Воронеж	8	3	0,71	0,38
16	Казань	1	2	0,47	2,00
17	Петрозаводск	1	1	0,24	1,00
18	Иркутск	2	1	0,24	0,50
19	Кострома	3	1	0,24	0,33
20	*Остальные (10 городов)*	*16*	*0*	*0*	*0,00*
	Всего	**209**	**423**	**100,00**	**1,95**

В большинстве случаев соавторами выступали студенты и преподаватели тех же вузов, но иногда встречаются представители других городов. Интересно отметить, что члены СМП, несмотря на замкнутость научных коммуникаций на своем регионе, пишут научные работы также с коллегами из других стран, например Армении и Китая.

Построенная на основании имеющихся данных сеть показывает, что единственным центром в России, где имеется разветвленная структура научных коммуникаций при написании статей среди членов СМП РАПН, является Москва. Однако, учитывая большое количество публикаций политологов из этого региона, число связей невелико, и они только исходящие. Члены СМП РАПН из регионов не пишут работы со своими столичными коллегами, мы можем наблюдать отсутствие сети как таковой, если рассматривать публикационную активность в организации (рис. 6.4).

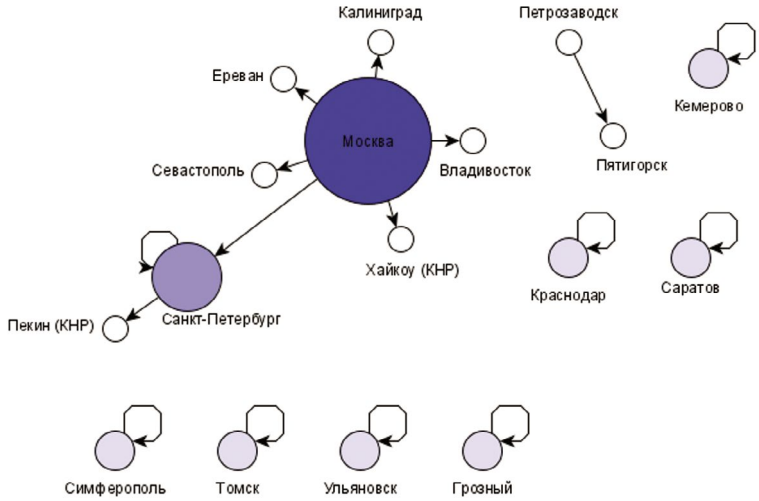

Рис. 6.4. Связи членов СМП РАПН с коллегами при написании научных работ (региональный срез)

Наибольшая публикационная активность наблюдалась в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Йошкар-Ола. При расчете среднего количества публикаций на человека указанные города не занимают ведущих мест: людей много, но «пишущих» меньше. В Москве на одного человека приходится 2,08 статьи, в Санкт-Петербурге — 3,6, в Йошкар-Оле — 1,2. Максимальное число статей на одного человека наблюдается в Грозном (14 статей всего у одного члена СМП РАПН), а наименьшее — в Костроме (на трех человек одна статья), не считая 10 регионов совсем без публикаций.

Как видно из табл. 6.6, люди, которые вступают в СМП, уже имеют определенный багаж публикаций, и они, скорее всего, рассматривают структуру как своеобразный «трамплин» для дальнейшей научной деятельности. Наблюдается вполне закономерная связь возраста и количества публикаций — чем старше, тем больше. Большинство членов СМП бакалавры, поэтому можно предположить, что их научный потенциал еще не раскрыт, и организация действительно может способствовать развитию молодых политологов, обеспечивая коммуникацию.

Также нужно отметить, что статей, которые охватывали бы представителей СМП РАПН в разных городах, очень мало. Такая ситуация свидетельствует о недостаточной развитости научных коммуникаций внутри структуры между собой и излишней централизации ее деятельности, несмотря на наличие региональных представительств во многих регионах страны. Это может быть связано со слабой ресурсной обеспеченностью,

сложностью установления взаимодействия между различными представителями, формальностью присутствия в организации, несовпадением научных интересов, отсутствием платформы для интеграции и репрезентации собственных разработок.

6.4. Потенциальные направления активности членов молодежных политологических структур (на примере СМП РАПН)

Большое количество вопросов, связанных с публикационной активностью членов СМП РАПН, лежит в плоскости их мотивации при вступлении в организацию. В ответе на этот вопрос могут помочь сводные данные по направлениям деятельности, которыми готовы заниматься «новоиспеченные» члены организации.

Всего информация была получена по 117 членам, указавшим конкретные формы активности в графе «Какой работой в СМП РАПН вы готовы заниматься?». Количество ответов неограниченно, поэтому кандидаты могли отмечать сразу несколько вариантов. Всего было указано 8 вариантов ответов, которые в рамках данной работы разбиты на пять групп по формам активности в двух больших категориях — научная и условно «ненаучная» деятельность. Группы первой категории отражают активность членов СМП РАПН в проведении личных и коллективных исследований, а также в развитии научных коммуникаций. Группы второй категории связаны с организационной и информационной активностью членов организации (табл. 6.7).

Полученные данные свидетельствуют о том, что вступление в СМП РАПН связано напрямую с желанием заниматься научной деятельностью (77,3% ответов так или иначе с этим связано). При этом основной запрос членов не на развитие научно-исследовательских навыков, а именно на коммуникации с коллегами посредством участия и выступлений на конференциях, семинарах, круглых столах (38,7%). Это в целом подтверждает результаты общероссийского опроса молодых политологов.

Научной составляющей работы СМП РАПН необходимо уделять большое внимание, таким образом, к основным видам деятельности организации можно отнести организацию научных мероприятий и развитие издательского направления, включающего выпуск научного журнала для молодых политологов. В 2018 г. вышел сборник по итогам Форума молодых политологов, где около 200 человек смогли опубликовать свои работы, однако это единоразовая мера, которая не обеспечивает систематическую работу с молодыми исследователями. Журнал мог бы стать площадкой для отработки навыков проведения исследований, написания научных текстов, позиционирования своих успехов в молодежном профессиональном сообществе.

Таблица 6.7

Ответ членов СМП РАПН на вопрос: «Какой работой в СМП РАПН вы готовы заниматься?» (в абсолютных / относительных величинах (%) от общего количества ответов)

Категория	Группа по формам активности	Формы активности	Количество ответов, %	Количество ответов по группе, %	Количество ответов в категории, %
Научная деятельность	Личные формы научной деятельности	Проведение индивидуальных исследований	**84/13,5**	**178/28,6**	**481/77,3**
		Подготовка и публикация научных работ	**94/15,1**		
	Коллективные формы научной деятельности	Участие в исследованиях других членов СМП РАПН	**62/10,0**	**62/10,0**	
	Формы научной коммуникации	Выступления на конференциях, семинарах, круглых столах	**149/24,0**	**241/38,7**	
		Посещение конференций, семинаров, круглых столов	**92/14,8**		
«Околонаучная» деятельность	Организационная деятельность	Руководящая деятельность, управление	**42/6,8**	**121/19,5**	**141/22,7**
		Организация мероприятий, координация конкретных проектов	**79/12,7**		
	Информационная деятельность	Информационная деятельность, осуществление рассылок, модерация интернет-ресурсов	**20/3,2**	**20/3,2**	
Всего					**622/100**

Публикационная активность молодых политологов является важным показателем человеческого капитала организации. Написание научных работ позволяет накапливать и обмениваться новыми знаниями среди представителей сообщества молодых политологов, таким образом происходит формирование и развитие сетевых взаимоотношений.

Совет молодых политологов РАПН является хорошим примером объединения, которое в рамках общей структуры и целей деятельности Российской ассоциации политической науки на общероссийском уровне оказывает положительное воздействие на формирование и развитие сообщества молодых политологов. Фиксированное членство в организации позволяет оценить ее человеческий капитал, в том числе по показателям публикационной активности. Кроме того, анкета при вступлении в организацию помогает определить основные интересы членов СМП РАПН, их запросы и желания.

Подавляющее количество членов — это студенты, магистранты и аспиранты, т.е. те, кто сейчас обучается в вузах по направлению подготовки «Политология» и смежным специальностям. С возрастом у политологов вполне естественно увеличивается количество публикаций, но совместные статьи пишут они в основном с коллегами из своих вузов, редко обращаясь к помощи кого-то из других регионов. Отметим, что членов СМП РАПН из регионов значительно меньше, но среднее количество статей на одного человека выше (если не брать в расчет 16 человек из 10 регионов, где публикаций нет совсем). Для молодых политологов из регионов эта структура может служить одной из возможностей для развития, нахождения новых научных коммуникаций.

Особое внимание членов организации к коммуникативному взаимодействию выявлено и в ходе изучения направлений работы, которыми они хотели бы заниматься в СМП РАПН. Научные формы активности приоритетны, однако многие хотели бы еще попробовать себя в организационной и управленческой деятельности.

В целом стоит сказать, что СМП РАПН действительно может выступать структурой, развивающей научные сетевые коммуникации, в том числе публикационную активность членов организации. Для этого требуется создавать научные площадки для коммуникаций, активнее издавая труды молодых политологов.

6.5. Основные выводы

Основной функцией молодежных политологических организаций респонденты называют коммуникативную, связанную с интеграцией в научное сообщество, расширением контактов с его представителями, а также созданием площадок для поиска и общения сторонников и еди-

номышленников. Данная функция явно преобладает над другими: развитие научно-исследовательских навыков, получение и трансляция знаний о политической сфере, содействие в публикационной деятельности имеют для участников второстепенное значение. В итоге можно отметить важную роль молодежных политологических структур именно как брокера сетевых отношений, занимающего центральное место в сети.

Однако стоит признать, что молодые политологи не считают высокий потенциал МПО реализованным, на данный момент подобные структуры не удовлетворяют всех запросов, а поддержка федеральных и региональных властей недостаточна.

Факторный анализ (см. § 2.3) выявил ключевую роль высших учебных заведений в процессе формирования и функционирования молодежного политологического сообщества. Именно на вузовском уровне, в отличие от регионального, представления о деятельности четко определены, что выражается в выделении трех наиболее явных групп факторов.

Отдельно стоит отметить деформацию представлений о роли и функциях МПО, особенно со стороны студентов-бакалавров первых курсов. Налицо нечеткость в различении понятий «политический» и «политологический», что выражается в высокой оценке этой группы политологов функций МПО, связанных с поддержкой в построении политической и государственной карьеры. С возрастом такие представления меняются, а ответы становятся менее гомогенными.

Стоит отметить также отдельные параметры деятельности одной из молодежных политологических структур — СМП РАПН. Средний возраст его членов — 22,8 года, что соответствует в целом результатам общероссийского опроса. Получается, что вне обучения в вузе молодым политологам нет необходимости официально вступать в какие-либо профессиональные объединения. Получается, что определение молодого политолога как человека, обучающегося по направлению «Политология», вполне уместно, а членство в МПО вполне может рассматриваться как дополнение к своему статусу и помогать развиваться в этой сфере.

Что касается членства в СМП РАПН, то здесь, как и в других случаях, наблюдается существенный перекос в пользу двух столиц. Привлечение «москвичей» в ряды членов проходит более активно из-за большого количества вузов, студентов, а также множества проводимых мероприятий. В регионах же ориентируются на Москву и рассматривают ее как потенциально следующий этап своей карьеры.

Научная деятельность членов СМП РАПН также оставляет желать лучшего. В большинстве случаев их соавторами выступают студенты и преподаватели тех же вузов, но иногда встречаются представители других городов. Интересно отметить, что, несмотря на региональную замкну-

тость научных коммуникаций, выраженных в публикациях, встречаются отдельные случаи написания научных работ не только с коллегами из других регионов, но и из других стран. Однако вряд ли можно это поставить в заслугу СМП РАПН: несмотря на разветвленную региональную сеть, особого прорыва в более тесном общении формальных членов не наблюдается. С другой стороны, данная МПО выступает лишь одной из структур, предоставляющих возможности для коммуникаций, а заинтересованность в развитии этих связей целиком лежит на самих молодых политологах.

Вступление в СМП РАПН можно рассматривать именно как пример заинтересованности ее будущих членов, еще один шаг на пути к вхождению во «взрослое» профессиональное сообщество. Анализ анкеты при их вступлении показывает, что подавляющее число молодых политологов (почти 80%) хотят заниматься научной деятельностью. Причем ожидания их в основном связаны не с тем, что структура будет помогать в развитии научно-исследовательских навыков, а с тем, что предоставит возможности для коммуникации. Научной составляющей работы организации при этом нужно также уделять достаточно пристальное внимание. В частности, развитие издательского направления и выпуск собственного журнала выглядят очень перспективно.

Экспертные интервью с представителями СМП (ранее – МО) РАПН, руководившие структурным подразделением «взрослой» ассоциации в разные годы, подтвердили высокую значимость активной работы в МПО для дальнейшего построения карьеры в политологической сфере. Символический и реляционный капитал организации действительно могут помочь каждому ее члену, особенно занимающим руководящие должности, на начальных этапах карьеры. Человеческий капитал МПО более подвижный, поскольку молодежь быстро взрослеет, и в этом плане структурный капитал организации, отраженный в институтах, действительно имеет серьезное значение для накопления навыков, опыта и знаний, но не в научной, а в организационной и управленческой сферах. Таким образом, при скромных результатах научной активности членов человеческий капитал в основном накапливается в организации за счет околонаучной активности, которая пригодится в дальнейшей профессиональной жизни.

В целом стоит признать, что молодежные политологические организации совместно с вузами способны обеспечить успешное развитие всего политологического сообщества за счет интеграции в него молодых политологов, формирования их профессиональной идентичности и содействия развитию сетевых коммуникаций, как минимум, на общегосударственном уровне. Однако это возможно только в случае, если МПО смогут обеспечить участникам «интересный» продукт — проекты, направленные на развитие коммуникаций молодых политологов из разных стран и регионов.

Глава 7

ЦИФРОВАЯ СРЕДА СООБЩЕСТВА МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

7.1. Интернет как площадка для институционализации молодежного политологического сообщества

В современных условиях всеобщей цифровизации и развития дистанционных средств коммуникации важнейшей площадкой для институционализации сообщества молодых политологов становится интернет-пространство. Именно всемирная сеть является основным средством общения, разрушающим границы при получении профессиональных знаний, поиске единомышленников, мобилизации сторонников. Тем более что спрос на получение информации о политике через Интернет растет довольно стремительными темпами. Согласно исследованиям, 84% респондентов получают информацию из Интернета, а телевидение является скорее дополнительным источником сведений о внешнем мире[1].

Перенос гражданских и политических практик в онлайн-среду заставляет более пристально взглянуть на сетевые ресурсы для молодых политологов. Как показывают исследования, именно сетевые позиции актора могут существенно влиять на распространение сообщений[2], поэтому структуры, претендующие на центры сетевых коммуникаций в сообществе, представляют особый исследовательский интерес.

Так, среди наиболее крупных интернет-ресурсов, ориентированных на молодых политологов, можно выделить как образовательные и граж-

[1] Российское «поколение Z»: установки и ценности 2019/2020 / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева. 2020. — 152 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

[2] *Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. [Электронный ресурс]. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06.

данские проекты («Гражданин политолог», «Лис-Политолог», #WisePolicy, Реальная политика и др.), так и ресурсы других структур (например, СМП РАПН). Так, Совет молодых политологов РАПН имеет свой сайт, группу (паблик) в социальной сети «ВКонтакте» (на данный момент более 8,2 тыс. подписчиков), *Facebook*, канал в *Telegram*. Сообщество МолРОП «ВКонтакте» включает в себя 2,1 тыс. участников.

Таким образом, можно указать на достаточно активный процесс институционализации сообщества молодых политологов в интернет-пространстве, постоянное увеличение числа площадок для коммуникации, а также рост участников и подписчиков онлайн-сообществ.

На данный момент важнейшими платформами взаимодействия молодых политологов являются группы в социальной сети «ВКонтакте». Особая их роль в процессе выстраивания коммуникаций молодых политологов подтверждается результатами опроса студентов и молодых ученых-политологов, проведенного в сентябре–октябре 2019 г. Он показал, что 73,7% из 538 опрошенных сообщили об использовании «ВКонтакте» для дистанционного общения с коллегами[1].

Данный факт свидетельствует о важной роли коммуникативных площадок на базе «ВКонтакте», возникших в сетевой среде в виде специализированных групп, которые оказывают существенное влияние на процесс формирования и развития сообщества молодых политологов.

Стоит признать, что сетевой подход наиболее оптимален для анализа взаимодействия молодых исследователей в рамках онлайн-сообществ[2], он уже давно применяется и освоен отечественными политологами. В то же время отметим, что *анализ создаваемого внутри этих сетевых взаимодействий контента и связей практически никогда не находился в фокусе академических исследований*.

В зарубежной науке сетевой подход также имеет довольно широкую сферу применения. Д. Ноук и Дж. Куклински разрабатывали типологию связей в рамках сетевого подхода[3]. Р. Родс обратил внимание на то, что институт может быть частью сети[4]. Это важно, потому что группа в социальной сети по факту и является таким институтом:

---

[1] *Помигуев И. А.* Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей // Политическая наука. 2020. № 1. С. 105–144. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05.

[2] *Кучукян А. В.* Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 24–26.

[3] *Knoke D., Kuklinski J.* Network analysis. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1982. — 96 p.

[4] *Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham, Philadelphia: Open Univ. Press, 1997. — 252 p.

с одной стороны, участники сетевого сообщества руководствуются определенными правилами поведения группы, закрепленными администраторами. С другой — сообщества в социальных сетях могут являться лишь видимой частью институтов, основная часть которых находится в офлайне в виде молодежных политологических организаций (например, «СМП РАПН. Политическая наука» и «Молодежное отделение РОП — МолРОП»).

Молодежные сообщества в рамках сетевой методологии исследовались мало. На возможность применения сетевого подхода в их исследовании указывал А. В. Кучукян[1], а В. М. Барсегян сопоставил политическую активность политологов и неполитологов. В работе было доказано, что политологи более активны в политической сфере, чем их коллеги других профилей обучения[2].

Таким образом, молодые политологи образуют сетевые сообщества, в том числе в социальных сетях, имея определенные знания о политике, которые они могут применить в разных формах политического активизма, еще будучи студентами[3]. В связи с этим важным становится вопрос о содержании контента, доминирующего в политологических группах в социальных сетях. Какой он: политологический или политический?

Получение ответа на поставленный вопрос поможет увидеть как научные, так и жизненные приоритеты молодых политологов. Прояснить это нам поможет дискурс-анализ такого контента.

Методика исследования онлайн-сообществ молодых политологов

Основные положения применяемых методов в том числе и в данной части исследования были изложены в § 1.4. Здесь же более подробно будет изложен авторский вариант кодировки с учетом специфики молодежных политологических сообществ в соцсетях.

Прежде всего, предлагается разделить все посты в группах в «ВКонтакте» на те, что связаны с политической повесткой, и те, которые содержат в большей степени политологический контент. Подсчет количества «политических» и «политологических» постов и откликов на них в различных группах поможет нам понять, в какой сфере лежат основные интере-

[1] *Кучукян А. В.* Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ. С. 24–26.

[2] *Барсегян В. М.* Политическая и научная активность молодых политологов: игра с нулевой суммой? // Политическая наука. 2018. № 4. С. 258–270.

[3] *Помигуев И. А.* Особенности сетевого подхода к изучению сообщества молодых политологов // Власть. 2019. № 4. С. 94–100.

сы молодых политологов: в политической практике или они ближе к академической политологии.

Однако политологическая сфера для молодых ученых и студентов — комплексная область, которая выходит за рамки академического измерения. Студенты бакалавриата или магистратуры, являющиеся членами молодежных политологических сообществ в социальных сетях, не всегда видят себя исключительно в сфере науки. Их мотивация может быть связана и с получением нового знания, и с интересом к образовательным мероприятиям, таким как лектории СВОП, подборки видео с ресурса «Постнаука». Стоит отметить, что для студентов первых курсов бакалаврских программ получение нового политологического знания более востребовано, чем его производство с помощью написания новых текстов, участия в научных проектах или выступления на конференциях. В связи с этим разделение политологических постов на образовательные и научные (академические) является оправданным.

Образовательные практики также могут различаться. Существенной является разница между поездкой в качестве участника на форум «Территория смыслов» и посещением дискуссии, организованной инициативными студентами. В первом случае создателем канала получения нового знания становятся государственные или окологосударственные структуры. Во втором — группа активных студентов-политологов.

Под «государственным образованием» в контексте кодировки понимаются образовательные инициативы, исходящие либо от государственных вузов, либо от государственных органов (например, «Росмолодежь»). Употребляя словосочетание «гражданское образование», мы имеем в виду проекты, семинары, круглые столы, инициированные молодыми учеными и группами студентов самостоятельно, без прямого участия каких-либо институций (рис. 7.1).

В исследовании рассматриваются именно сообщества в «ВКонтакте», так как на текущий момент именно эта площадка является наиболее популярной не только для обмена сообщениями между пользователями сети, но и обсуждений в группах и на публичных страницах широкого спектра тем. Именно во «ВКонтакте» представлены те возрастные группы, членов которых можно назвать молодыми учеными. 23,3% аудитории — люди в возрасте от 18 до 24, и еще 20% — младше 18 лет. Наиболее активная возрастная группа — 25–34 года (33,6%)[1].

Для анализа были выбраны группы, изначально позиционирующие себя как сообщества для молодых политологов и, как минимум,

[1] Социальные сети в России: Цифры и тренды, осень 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/ (дата обращения: 24.10.2019).

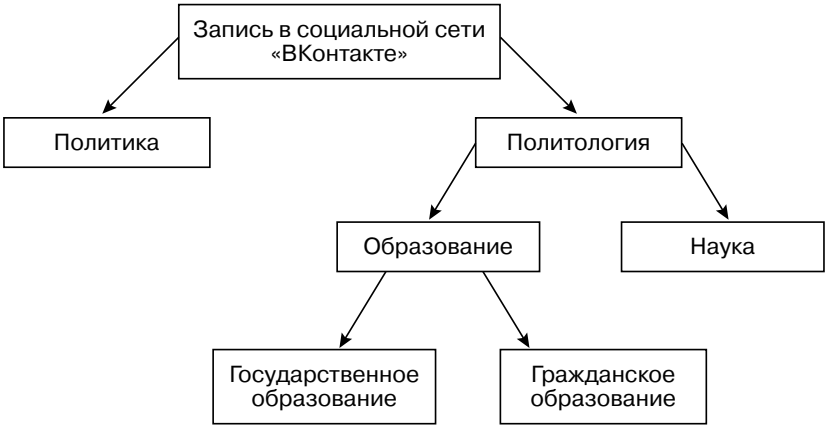

Рис. 7.1. Кодировка в рамках дискурс-анализа

для граждан, интересующихся политикой: СМП РАПН. Политическая наука, Молодежное отделение РОП — МолРОП, Лис-Политолог, Гражданин политолог и #WisePolicy. Это отражено в описании групп. Так, молодежное отделение Российского общества политологов позиционирует себя как «Корпорация молодых политологов»[1]. В описании сообщества «СМП РАПН. Политическая наука» есть такая фраза: «Совет молодых политологов... призван объединить студентов и аспирантов, обучающихся по политологии и смежным специальностям»[2]. В то же время такое позиционирование само по себе не опровергает факт наличия постов о политике. «Гражданин политолог» позиционирует себя как образовательный проект, направленный на популяризацию политической науки и ее «объяснение простым языком»[3]. Такое обозначение себя в публичном пространстве подразумевает публикацию как политических, так и политологических постов.

В следующем параграфе предлагаем ознакомиться с результатами кодирования всех оригинальных постов вышеназванных политологических сообществ за один учебный год (период с сентября 2018 по август 2019 г.).

[1] Сообщество «Молодежное отделение РОП — МолРОП». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/molrop (дата обращения: 24.10.2019).

[2] Сообщество «СМП РАПН. Политическая наука». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/smprapn (дата обращения: 24.10.2019).

[3] Сообщество «Гражданин политолог». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/gr_pol (дата обращения: 10.11.2019).

7.2. Онлайн-сообщества молодых политологов: особенности позиционирования в интернет-среде

Сначала необходимо определить, сколько постов можно отнести к теме политики, а какое количество — к политологии. Для наглядности представим эти данные в виде табл. 7.1.

Таблица 7.1

Количество политических и политологических записей

Сообщество	Политика	Политическая наука	Всего
СМП РАПН	10	109	119
МолРОП	17	49	66
«Лис-Политолог»	5	27	32
«Гражданин политолог»	99	120	219
#WisePolicy	57	21	78

Полученные данные показывают, что позиционирование групп как политологических в целом соответствует тематике публикуемого контента. В четырех из пяти групп, ставших объектами анализа, политологических постов заметно больше, чем политических. Исключение составляет лишь #WisePolicy, но это сообщество изначально преподносит себя как паблик не только с чисто политологическими материалами, но и с новостями, аналитикой. Об этом говорит и краткое описание группы — «О политике. О политологии»[1]. Примечательно, что на первой позиции здесь стоит именно политика.

Еще одним уникальным кейсом является сообщество «Гражданин политолог». Как показывают данные, политологических постов в группе больше, чем политических, однако разрыв не так велик, как в случае с СМП РАПН или МолРОП. Это видно на примере процентного соотношения политического и политологического контента от общего количества постов в каждом из сообществ. Данные показывают, что группа ориентирована на широкую аудиторию студентов и заинтересованных людей, вероятно, не только в политологическом знании в академическом смысле этого слова. Каждый, кто даже немного интересуется политикой и политологией, может, как минимум, узнать здесь что-то новое для себя или зарегистрироваться на интересное образовательное мероприятие или конференцию.

[1] #WisePolicy | Политология и политика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://m.vk.com/wisepolicy?from=groups (дата обращения: 20.02.2020).

Таблица 7.2

Доля политологических и политических записей, %

Сообщество	Политика	Политическая наука
СМП РАПН	8,4	91,6
МолРОП	25,8	74,2
«Лис-Политолог»	15,6	84,4
«Гражданин политолог»	45,2	54,8
#WisePolicy	73,1	26,9

Также для сообщества «Гражданин политолог» характерно размывание границ между политологическим и политическим. Оба этих компонента могут легко умещаться и в рамках одного поста. Например, в сообществе встречаются посты, где сразу после трансляции какой-либо политической новости предлагается ознакомиться с аналитическими или даже академическими материалами по теме.

Например, пост от 03.06.2019 о выборах в Европарламент начинается с простого сообщения о недавно прошедшем политическом событии: «С 23 по 26 мая в Евросоюзе проходили выборы в Европарламент»[1]. Далее предлагается набор экспертно-аналитических материалов по теме, с которыми члены сообщества «Гражданин политолог» знакомятся не для того, чтобы просто узнать о событии, но и для погружения в его интерпретацию. Также это может помочь научиться анализировать политические события. То есть в данном случае мы имеем дело с соединением сообщения о политическом событии и рефлексии над ним со стороны ведущих экспертов. Здесь, несомненно, присутствует образовательный момент для молодых политологов, так как, знакомясь с экспертно-аналитическими материалами, они вырабатывают свой взгляд на событие и учатся анализировать.

Образование и наука в политологических сообществах «ВКонтакте»

Разделение постов внутри категории «Политическая наука» важно, так как для членов политологических сообществ в приоритете может быть не научная карьера, но и просто поиск новых знаний и источников их получения. В этой связи частью образования в рамках категории «Политическая наука» являются и экспертно-аналитические материалы, выкладываемые администраторами группы в свободный доступ, и приглашение

[1] Пост в сообществе «Гражданин политолог» от 03.06.2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/gr_pol?w=wall-121510310_1422 (дата обращения: 12.10.2019).

на встречу-дискуссию с известными политологами, которые проводятся проектом «Гражданин политолог», и рекомендации по онлайн-курсам на платформе *Coursera*, и прочее.

Наибольшее количество постов, связанных с академической политической наукой, оказалось представлено в группе СМП РАПН и на площадке «Гражданин политолог». В случае с СМП это выглядит естественным, так как это публичная страница и, самое главное, сама организация позиционирует себя как крупнейшее сообщество, куда входят студенты и молодые ученые, интересующиеся политологией и делающие первые шаги на поприще политической науки. Вполне логично, что администрация группы стремится удовлетворить запрос аудитории, знакомя ее с научными источниками или информируя о возможностях публикации или выступления на конференциях. Большое количество «академических» постов в «Гражданине политологе» связано, *во-первых*, с целеполаганием группы (подробнее см. главу 4, § 4.3), а *во-вторых*, с большим количеством постов в сообществе в целом (всего их 219 за 2018/19 учебный год по всем категориям, не считая репостов) (табл. 7.3).

Таблица 7.3

Количество образовательных и академических политологических записей

Сообщество	Образование	Наука
СМП РАПН	48	60
МолРОП	42	7
«Лис-Политолог»	20	7
«Гражданин политолог»	54	66
#WisePolicy	11	10

В то же время в группах МолРОП и «Лис Политолог» образовательный дискурс существенно преобладает над академическим. В интернет-сообществе МолРОП преобладает контент, связанный не с научными мероприятиями, а с общественными, направленными на подготовку не политологов, а скорее политиков. Примером может служить ряд постов, связанных с ежегодным Всероссийским форумом «Территория смыслов» и форумом «Дигория». Последний позиционируется как политологическое мероприятие, хотя его содержание связано скорее не с академической политологией, а с освоением наиболее прикладных аспектов политики.

Интересно, что в сообществе #WisePolicy «научных» постов почти столько же, сколько и образовательных. Однако это не должно вводить в заблуждение, ибо сообщество мало публикует приглашения к участию на конференциях, отчетов о них или подборок научной литературы. В основном в группе выкладываются работы известных ученых и философов. Так, за прошедший учебный год в сообществе были опубликованы труды

Р. Хайлбронера «Философы от мира сего. Великие экономические мыслители. Их жизнь, эпоха и идеи», двухтомник Р. Ван ден Борта «Основы социальной политики», «Политическая экономия» П. И. Никитина.

Таблица 7.4

Доля образовательного и академического контента от общего количества записей, %

Сообщество	Образование	Наука
СМП РАПН	40,3	50,4
МолРОП	63,6	10,6
«Лис-Политолог»	62,5	21,9
«Гражданин политолог»	24,7	30,1
#WisePolicy	14,1	12,8

Обращаем внимание, что процент академических и образовательных постов высчитывается от общего количества записей, потому что именно так мы можем получить наглядную картину структуры повестки каждого из сообществ. Таким образом, мы лучше увидим приоритетные тематические направления во всех группах.

Данные показывают, что наибольшее число постов с чисто академическим контентом находится именно в группе СМП РАПН — чуть более 50% от общего числа публикаций. В остальных группах соотношение уже не в пользу категории «Наука». В сообществе МолРОП ее чуть более 10%, зато образовательных постов — 63,6%. Данные цифры говорят о приоритетах в первую очередь администраторов группы в рамках той повестки, которую они задают для посетителей сообщества.

Представленность общественных и государственных образовательных инициатив в политологических сообществах «ВКонтакте»

В целом отметим, что записей, связанных с общественными инициативами (посты о мероприятиях, которые организовываются студентами, или просто подборки аналитических материалов, сделанные администраторами группы), в категории «Образование» больше, чем с условно-государственными (сообщения о мероприятиях, реализуемых кафедрами в государственных вузах, или о событиях, организованных при участии окологосударственных структур) (табл. 7.5). Это связано с тем, что социальная сеть из-за возможностей, существующих на ее площадке (много зарегистрированных пользователей, возможность бесплатного создания сообщества), более пригодна для продвижения именно общественных инициатив. Для государственной образовательной активности имеются другие возможности, например создание платного сайта мероприятия.

Таблица 7.5

Количество записей по категориям кодировки «общественное» и «государственное» образование

Сообщество	Гражданское образование	Государственное образование
СМП РАПН	32	15
МолРОП	23	19
«Лис-Политолог»	6	14
«Гражданин политолог»	53	1
#WisePolicy	9	1

Данные свидетельствуют о том, что наибольшая разница в значениях между государственным и гражданским образованием имеет место в сообществе «Гражданин политолог». У администраторов публичной страницы много образовательных проектов (лекции и дискуссии «Гражданина политолога», образовательно-научный проект «На какой стороне Вы?», публикация аналитических записок и статей молодых исследователей), информация о которых размещается в сообществе. Кроме того, «Гражданин политолог» позиционирует себя именно как проект, занимающийся гражданским образованием. В то же время научный контент в группе размещается довольно часто (30,1% всех постов являются академическими) (табл. 7.6).

Таблица 7.6

Доля записей с гражданским и государственным образованием от общего количества постов в сообществе, %

Сообщество	Гражданское образование	Государственное образование
СМП РАПН	26,9	12,6
МолРОП	34,8	28,8
«Лис-Политолог»	18,8	43,8
«Гражданин политолог»	24,2	0,5
#WisePolicy	11,5	1,3

Отметим, что в СМП РАПН вдвое больше постов, связанных с общественными образовательными инициативами, чем с их государственными аналогами. Сходная ситуация и в МолРОП, хотя с точки зрения количества сообщений государственные образовательные инициативы представлены в группе в большей степени (28,8% от общего количества постов в паблике). Содержательно это связано с тем, что в группе МолРОПа есть целая серия материалов, посвященных форумам «Территория смыслов» и «Дигория». Их организация в той или иной степени была связана с окологосударственными структурами. Кроме того, здесь особенно видна и общая ориентация

сообщества в большей степени на образовательный контент, чем на академический. Напомним, что образовательные посты занимают более 63% от общего количества записей, а академические — лишь 10,6%.

Возвращаясь к анализу гражданского образовательного контента в сообществе СМП РАПН, важно отметить, что там он мало представлен в виде приглашений на образовательные мероприятия. В данном случае мы скорее имеем дело с подборками курсов по *data science* или дайджеста «Политическая наука», который содержит вновь вышедшие научные статьи, аналитические материалы и предстоящие мероприятия.

В сообществе «Лис-Политолог» доля постов, сообщающих о государственных образовательных практиках, составляет 43,8%. Это относительно много в сравнении с другими сообществами. Отчасти это связано с тем, что его контент в большей степени генерируется не администраторами группы, а самими ее посетителями. Это становится возможным с помощью инструмента «Предложить новость». Обращает на себя внимание и малое количество постов в группе за 2018/19 учебный год. Их было всего 32.

Отметим, что в сообществе #WisePolicy постов по категории «Государственное образование» лишь 1,3%, а по гражданскому образованию — 11,5%. Однако выборка по данному сообществу не слишком репрезентативна. Образовательных постов за учебный год всего 21. Данное сообщество все же более ориентировано на политический контент, пусть и в русле «политика для политологов».

Обратная связь в сообществах «ВКонтакте», или Посты, набравшие наибольшую популярность

В предыдущих подразделах мы рассмотрели структуру повестки дня пяти политологических сообществ в «ВКонтакте». Данный подраздел посвящен обратной связи на эти публикации. Из каждой группы были взяты пять постов, которые у посетителей сообществ вызвали наибольший отклик. В качестве показателя этого отклика был выбран такой индикатор, как количество лайков (отметок «Мне нравится»). Анализ ТОП-5 понравившихся постов поможет выяснить, какие темы и сюжеты обращают на себя наибольшее внимание у посетителей групп (табл. 7.7).

Данные показывают, что наиболее популярны у посетителей сообщества именно научные посты. Впрочем, гражданское образование находится примерно в тех же значениях.

Примечательно, что на первом месте по популярности у подписчиков паблика находится запись, связанная со смертью С. Вербы. Однако стилизованный под некролог текст (обращают на себя внимание такие формулировки, как «...не стало одного из самых влиятельных политологов современности...», «дело С. Вербы живет...») едва ли стал причиной

Таблица 7.7

Наиболее популярные записи сообщества СМП РАПН

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1	Смерть С. Вербы. К посту прикреплены несколько его работ	Политология Наука	105	28	6,3 тыс.
2	Скандал в западной науке. Ученые доказали, что в социальной науке первичнее соблюдение идеологических догм, а не поиск истины	Политология Образование Общество	104	19	4 тыс.
3	Объявление о научном конкурсе для молодых исследователей в сфере общественно-политических наук	Политология Наука	96	44	7,6 тыс.
4	Обзор ведущих российских научных политологических журналов	Политология Наука	74	35	8 тыс.
5	Серия видео с мини-лекциями по теории принятия политических решений	Политология Образования Общество	72	19	4 тыс.

такой популярности записи. Прикрепленные к сообщению работы американского ученого могли стать причиной такого количества лайков, так как мало где можно найти столь полную подборку работ С. Вербы.

Также отметим, что довольно живую реакцию аудитории вызвал обзор наиболее крупных российских научных журналов по политологии, принимающих статьи к публикации, видео с небольшими лекциями от известных специалистов в области теории принятия решений Ф. Т. Алескерова и А. Заостровцева, а также объявление о возможности получения гранта для молодых исследователей. Пост о грантовой программе РФФИ и ЭИСИ набрал наибольшее количество просмотров (табл. 7.8).

Наиболее популярными постами в сообществе Молодежного отделения РОП стали посты, так или иначе связанные с образованием (за исключением одного, посвященного соболезнованиям погибшим в трагедии в Керченском колледже). Все записи касаются приглашений на какие-либо события или мероприятия. Показательно, что наибольший отклик был на посты, содержащие информацию о возможностях для профессионального прикладного развития. Студенты, заходя в группу, ищут прежде всего сведения об участии в мероприятиях и стажировках, а не новые выпуски

Таблица 7.8

Наиболее популярные записи сообщества Мол РОП

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1	Приглашение на программу стажировки РОП	Политология Образование Общество	141	50	15 тыс.
2	Приглашение на форум молодых политологов «Дигория»	Политология Образование Государство	119	81	8,2 тыс.
3	Приглашение к участию в Универсиаде «Ломоносов»	Политология Образование Государство	75	25	2,1 тыс.
4	Соболезнования родным и близким погибших в результате трагедии в Керченском политехническом колледже	Политика	67	8	2,8 тыс.
5	Сообщение о конкурсе РФФИ и ЭИСИ в области общественно-политических наук	Политология Наука	57	27	4,7 тыс.

научных журналов или подборки научных или аналитических материалов. Таким образом, позиционирование в качестве «корпорации молодых политологов» вполне востребовано у посетителей паблика.

Наибольшее количество лайков набрала запись о стажировке в РОП. Одной из причин такой популярности этого поста, помимо предоставления очередной возможности для самореализации, могло стать его содержательное наполнение. В нем действительно прописаны все условия, этапы отбора и достоинства стажировки.

Хотя сообщество «Гражданин политолог» позиционирует себя как проект, рассказывающий о политической науке «простым языком», более популярными за прошедший учебный год стали посты, связанные с научной тематикой. В то же время, как уже указывалось выше, записи сообщества часто можно лишь условно отнести к той или иной категории, заданной кодировкой. Так, книга Е. Шульман «Практическая политология», несомненно, имеет именно образовательную ценность (табл. 7.9).

«Гражданин политолог», как и сообщество СМП РАПН, много знакомит читателей с работами, выкладывая тексты в открытый доступ. Тот факт, что из пяти наиболее популярных постов в группе за относительно долгий срок три как раз предоставляют читателю прямой доступ к текстам, давая возможность их скачать, говорит о спросе на такого рода контент.

Таблица 7.9

Наиболее популярные записи сообщества «Гражданин политолог»

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1	Пост о книге Л. Штрауса «Введение в политическую философию» (приложен текст книги)	Политология Наука	130	21	9,3 тыс.
2	Пост об аресте Егора Жукова (позиция «Гражданина политолога»)	Политика	116	13	4,5 тыс.
3	Пост о книге Е. Шульман «Практическая политология»	Политология Наука	101	10	3,9 тыс.
4	Пост о книге Д. Хелда «Модели демократии» (приложен текст книги)	Политология Наука	95	14	3,6 тыс.
5	Пост о книге А. Павлова «Политическая теория в XX веке: сборник статей»	Политология Наука	95	13	2,5 тыс.

Также отметим внимание аудитории к аресту студента НИУ ВШЭ Егора Жукова. В течение недели посты в группе сопровождались хэштегами #СвободуЕгоруЖукову, #АЕгорВыйдет и др.

С огромным отрывом (в пять раз) наибольшее количество отметок «Мне нравится» набрал политический мем. В нем герои мультфильма «Смешарики» представлены в роли антисоветчиков и лишь один из героев (Ёж) как «внимательный советский гражданин» (табл. 7.10). Мемы, связанные с политикой, стали популярны в российском околополитическом дискурсе достаточно давно. Кроме того, будучи информационным фастфудом, они воспринимаются посетителем благосклонно в силу своей простоты. Однако она обманчива, так как мем, как легко воспринимаемая и запоминающаяся информация, может влиять и на политические установки человека[1].

Другие записи, нашедшие отклик у посетителей страницы, представляют собой приглашения к участию на конференции, в презентациях и школах. Таким образом, «Лис-Политолог» стал площадкой для продвижения инициатив подписчиков среди других пользователей. Они оказывают не меньшее влияние на формирование повестки сообщества, чем администраторы группы и основатели проекта.

[1] *Шомова С. А.* Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 28–41.

Таблица 7.10

Наиболее популярные записи сообщества «Лис-Политолог»

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1	Политический мем со Смешариками	Политика	190	14	8,4 тыс.
2	Приглашение принять участие в исследовании в качестве интервьюера	Политология Наука	38	6	3,3 тыс.
3	Приглашение на презентацию коллективной монографии	Политология Образование Общество	38	5	6,5 тыс.
4	Объявление об открытии приема заявок на конференцию Московского представительства СМП РАПН «Политические тенденции и явления: что определяет политику сегодня?»	Политология Наука	31	5	3,3 тыс.
5	Объявление о новом наборе в Московскую открытую школу прав человека	Политология Образование Общество	20	3	2,5 тыс.

Из наиболее популярных постов сообщества #WisePolicy видно, что он специализируется в основном на политическом контенте (табл. 7.11). Больше всех лайков собрала запись, где воедино сведена вся хронология Керченской трагедии. Все остальные записи представляют собой мемы, связанные с президентом. Даже пост с известными фильмами, переделанными так, чтобы объяснить ключевые категории политической науки, имеет черты мема. Однако здесь его влияние положительно, так как помогает студенту лучше усвоить политологическое знание.

В конце отметим важный момент, связанный с относительно небольшим количеством комментариев в политологических сообществах. Под редкой записью комментариев больше пяти. Лайков, просмотров и репостов существенно больше. Это наталкивает на мысль о том, что студенты политологи и просто люди, интересующиеся политикой, скорее готовы потреблять контент, чем создавать новый.

* * *

В большинстве случаев *все политологические сообщества придерживаются заявленного ими позиционирования*. Так происходит благодаря усили-

Таблица 7.11

Наиболее популярные посты сообщества #WisePolicy

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1	Описание хронологии трагедии в Керченском проливе	Политика	155	1	1,8 тыс.
2	Описание Прямой линии с президентом в одной картинке	Политика	123	5	14 тыс.
3	Забавная картинка про будущего преемника В. В. Путина	Политика	99	3	3,3 тыс.
4	Серия образовательных политологических мульт-фильмов	Политология Образование Общество	97	22	3,7 тыс.
5	Критическая картинка по отношению к В. В. Путину по итогам лета 2019 г.	Политика	93	5	4,2 тыс.

ям администраторов групп, которые определяют повестку каждого конкретного сообщества. Они же и определяют специфические черты каждой из групп, ставшей предметом анализа.

Как группа СМП РАПН, так и МолРОП — сообщества, целевой аудиторией которых являются студенты-политологи. При этом в группе МолРОП администраторами больше внимания уделяется образовательному контенту, а в СМП РАПН фокус направлен именно на информирование об академических активностях (единственная из рассматриваемых групп, где такого контента более 50%).

В сообществе «Лис Политолог» также больше образовательного контента. Однако делать определенные выводы в результате анализа сообщества сложно, так как обновления в группе происходят относительно редко. В меньшей степени это касается и #WisePolicy, но даже на основе рассмотрения 78 постов можно сделать вывод, что содержание группы преимущественно политическое (более 73% от общего количества записей), а не политологическое. И это тоже соответствует позиционированию группы как «политической для политологов».

Особым кейсом является проект «Гражданин политолог». Именно в этой группе было опубликовано больше всех постов за учебный год — 219. По итогам анализа отметим, что и политические, и научно-политологические (академические), и посты с гражданским образованием занимают в группе свое место. При этом в группе мало записей, описывающих

образовательные практики, инициатором которых являются государственные или окологосударственные структуры. Их малое количество можно назвать особенностью сообщества.

Впрочем, *превалирование контента, связанного с гражданским образованием, над государственным* характерно и для других исследованных групп (за исключением группы «Лис-Политолог»). Из 514 постов (общее количество проанализированных записей в «ВКонтакте») государственные образовательные инициативы содержат лишь 50. Однако это напрямую не говорит о том, что они представлены существенно меньше, чем гражданские. Возможно, социальные сети — не лучшая площадка для их продвижения. За образовательными инициативами от государства, как правило, стоят бюджеты, бо́льшие, чем за гражданскими проектами. Следовательно, они могут профинансировать создание отдельного сайта, сделанного профессионально, и поддерживать его функционирование. Кроме того, суть окологосударственных проектов в сфере образования можно донести и в лекционной аудитории. В то же время анализ постов в «ВКонтакте» показал, что государственные и окологосударственные организации еще не до конца научились работать со студенческой аудиторией в социальных сетях.

Анализ популярности записей во всех пяти сообществах показал, что у аудитории имеется спрос на контент особого рода: *посты, набирающие наибольшее количество лайков за учебный год, содержат тексты, которые можно бесплатно скачать на свое электронное устройство*. Публичная страница *Political science library* именно за счет подобного контента набрала популярность. Кроме того, устойчивый отклик имеется на посты, связанные с приглашением принять участие в политологическом или околополитологическом мероприятии.

Также важно отметить, что во всех пяти проанализированных сообществах довольно *много постов, связанных с академической политологией* (150). Их немногим меньше, чем образовательных (175). Можно признать, что студентов-политологов действительно интересует научный контент: академические мероприятия (конференции, круглые столы), подборки статей и книг (причем как классиков политической науки, так и современных исследователей), публичные лекции и т.д. Таким образом, интерес к политологии действительно есть, причем как у студентов, так и у людей, заинтересованных в постижении политики.

В наши дни молодые люди проводят довольно много времени в социальных сетях, в том числе в «ВКонтакте». Периодически молодые исследователи и студенты заходят и в политологические группы, которые *формируют картину мира молодых людей, систему их взглядов, сферу научных интересов*. Каждое из сообществ делает это по-своему, по-разному расставляет акценты в повестках своих сообществ, ориентируясь

на определенные принципы размещения контента. Однако это взаимный процесс — аудитория групп также участвует в формировании контента, оценивая лайками и репостами просматриваемые записи. Например, администраторы паблика «Гражданин политолог» решили публиковать больше постов, связанных с политологической литературой, потому что записи с ними оказались самыми популярными за предыдущий год[1].

Влияние сетевых акторов, таких как политологические группы в социальных сетях, значимо и выступает одним из триггеров появления нового поколения молодых политологов, политиков, общественных деятелей и просто политически грамотных граждан. В этой связи интересно также рассмотреть социальные сети в качестве проводника политологических знаний.

7.3. Социальные сети как проводник политологического знания

В наши дни люди имеют практически неограниченные возможности для получения информации. Еще 20–30 лет назад для написания научных работ требовалось едва ли не вручную переписывать наиболее важные фрагменты монографий и научных статей. Сегодня многие работают с текстами в режиме онлайн. Информации и текстов много, поэтому основной проблемой становится поиск и обработка нужных данных. Это актуально и для политических наук, количество публикаций по которым значительно выросло в первой половине 2000-х годов[2].

Для ученых важным проводником нового знания стали научные базы данных, систематизирующие труды исследователей: *Scopus*, *Web of science*, *Springer*, *Science Direct* и др. Некоторые подобные ресурсы предоставляют доступ и к монографиям, например *Google Scholar*, *Directory of Open Access Books* и др. Однако большинство баз данных дают лишь ограниченный доступ к научным текстам. Попытки открыть доступ к платным статьям приводят к противодействию правообладателей[3] и даже блокировке некоторых сайтов[4].

---

[1] Пост в сообществе «Гражданин политолог» от 13.01.2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/gr_pol?w=wall-121510310_1989 (дата обращения: 15.01.2020).

[2] *Патрушев С. В., Филиппова Л. Е.* Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и проблемы // Политическая наука. 2020. № 1. С. 20–53. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.01.

[3] What If Elsevier and Researchers Quit Playing Hide-and-Seek? URL: https://www.eff.org/deeplinks/2015/12/what-if-elsevier-and-researchers-quit-playing-hide-and-seek.

[4] Например, портал Sci-hub заблокирован на территории Российской Федерации по просьбе правообладателей.

В России многими учеными используется отечественная научная электронная библиотека *Elibrary*, интегрированная с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ)[1]. Однако такие базы ориентированы в большей степени на размещение статей из научных журналов, а не фундаментальных трудов в виде монографий, электронные версии которых часто сложно найти в свободном доступе.

В этой связи нельзя забывать о влиянии социальных сетей, которые становятся площадкой для обмена научными знаниями среди ученых и исследователей, особенно молодого возраста. Согласно исследованиям, 23,3% аудитории социальной сети «ВКонтакте» — пользователи в возрасте от 18 до 24 лет, 20% — младше 18 лет. Самая активная группа — молодые люди в возрасте 25–34 года (33,6%)[2].

Популярность постов в соцсетях с книгами, монографиями и статьями по социальным и политическим наукам заставляет задуматься о причинах такого положения дел. С одной стороны, это может быть связано с актуальностью запроса к открытому знанию в науке, с другой — представители политологического сообщества таким образом могут находиться в курсе последних тенденций в политологии, полагаться на авторитетное мнение крупных сетевых акторов относительно актуальности и востребованности тех или иных исследований и разработок в политологии.

Одним из наиболее ярких примеров групп, целенаправленно предоставляющих информацию о научных трудах, является сообщество *Political science library*. Оно специализируется на размещении контента, в основном связанного с политологическими работами. Отметим, что подписчики не только активно просматривают посты, но и пишут комментарии к ним. Публикации в *Political science library* служат поводом для дискуссии вокруг текстов и, как следствие, формируют своеобразные сетевые отношения между исследователями.

Political science library как проводник политологического знания

Цель функционирования сообщества содержится в описании — «Эта группа создана для публикации литературы, необходимой для получения политологического образования»[3]. Согласно методике дискурс-анализа

[1] О проекте eLIBRARY.RU. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://elibrary.ru/elibrary_about.asp (дата обращения: 22.12.2019).

[2] Социальные сети в России: Цифры и тренды, осень 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/ (дата обращения: 24.10.2019).

[3] Группа Political science library. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://m.vk.com/politicalbooksion?from=groups (дата обращения: 22.12.2019).

аргументов М. Скривена[1], первую часть данного описания «Эта группа создана для публикации литературы...» стоит интерпретировать именно как то, что главной целью группы является не просто публикация информации, а размещение в свободном доступе научных текстов. Наличие формулировки «необходимой для получения политологического образования» можно объяснить через то, что размещенные источники связаны не только с политической наукой. Это выглядит оправданным, ведь получение «политологического образования» включает в себя изучение литературы, как минимум, еще и смежных научных дисциплин.

Страница существует уже более пяти лет (первоначальное название группы — «Библиотека политической литературы ИОН») и в течение этого времени в ежедневном режиме выкладывается, как минимум, один пост с научным источником. На данный момент *Political science library* насчитывает более 30 тыс. подписчиков, что для научного сообщества является достойным показателем. Также у сообщества есть *Telegram*-канал (3,8 тыс. подписчиков), который дублирует контент основной площадки.

На странице также есть раздел с рецензиями и обзорами на книги, связанные с политологией, например «Будущее свободы» Ф. Закария[2], «Революция. Очень краткое введение» Дж. Голдстоуна[3] и др. Причем их авторами стали студенты, которые в будущем могут стать и академическими политологами.

Важно отметить, что посты в *Political science library* генерируют поводы для дискуссий между подписчиками и потребителями контента группы, что является предпосылкой для формирования сети[4]. Так, пост с книгой Ф. Фукуямы «Отставание» о причинах социального и экономического разрыва между Северной и Южной Америкой[5] вызвал спор между посетителями страницы. На комментарий одного из подписчиков о высоком уровне жизни североамериканских колоний относительно самой Британии ему было указано на небольшое значение фактора ко-

---

[1] *Scriven M.* Reasoning. New York: McGraw-Hill, 1976. — 272 p.

[2] Будущее свободы Ф. Закария. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://m.vk.com/@politicalbooksion-buduschee-svobody-f-zakariya?context=author_page_date&ref=author_page (дата обращения: 22.12.2019).

[3] Революция. Очень краткое введение Дж. Голдстоуна. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://m.vk.com/@politicalbooksion-revoluciya-ochen-kratkoe-vvedenie-dzh-goldstouna?context=author_page_date&ref=author_page (дата обращения: 22.12.2019).

[4] *Кучукян А. В.* Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 25.

[5] Political science library. Ф. Фукуяма. «Отставание». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://m.vk.com/wall-80080904_8208?from=wall-80080904#comments (дата обращения: 22.12.2019).

лониализма, так как «обе группы стран изначально были колониями», поэтому причины стоит искать в различиях между британской и испанской моделями управления.

Сообщество *Political science library* стало одним из важных источников информации для людей, интересующихся политической и социальной наукой, а также площадкой для трансляции собственной позиции по книге или какой-либо научной проблеме. Таким образом, группа генерирует сетевую коммуникацию, которая так или иначе влияет на окружающую реальность, подобно тому как политические сети при любых условиях воздействуют на политический режим[1].

Методика исследования

Один из вопросов, поставленных в данном исследовании, касается определения тем, которые доминируют в дискурсе сообщества *Political science library*. Под темами в данном случае мы понимаем не столько предмет или объект исследования, но направление политической науки, в которое та или иная работа вносит свой вклад. Выделить их помогут хэштеги, которые присутствуют в каждом из постов для облегчения навигации по сообществу: они структурируют записи и позволяют легко найти нужную монографию по интересующей тематике. Хэштеги обозначают принадлежность научного источника к той или иной сфере политической науки.

В ходе исследования авторы ориентировались прежде всего на первые хэштеги, поскольку именно они в наибольшей степени отражают принадлежность поста с монографией к одному из направлений политической науки. Например, опубликованный в сообществе пост по книге Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики» начинается с хэштега #идеологии, а лишь потом следуют другие идентификаторы: #консерватизм и #политическая_история. Иными словами, мы будем исходить из того, что данная работа относится к группе «политические идеологии». В данном случае это становится ясным уже из названия монографии.

Формулировки хэштегов определены администрацией группы на основании их знакомства с текстами работ, аннотаций к книгам и материалов, интерпретирующих сами политологические тексты. Все администраторы группы имеют политологическое образование, следовательно, обладают необходимыми компетенциями. На втором шаге анализа хэштеги были сгруппированы в соответствии со сферами политической науки (табл. 7.12). Таким образом, нам удастся увидеть структуру дискурса сообщества *Political science library* по направлениям политической науки.

[1] *Бордовских А. И., Соловьев А. И.* Политические сети как новый источник политического риска // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 51. С. 201.

Таблица 7.12

Сферы политической науки и записи в *Political science library*

Сферы политологии	Хэштеги	Кол-во хэштегов	Общее кол-во хэштегов
Политическая философия	#политическая_философия	26	26
Политическая история	#политическая_история	24	26
	#революция	1	
	#власть	1	
Политические режимы	#демократия	12	20
	#демократизация	1	
	#политические_режимы	7	
Политическая теория	#политическая_теория	10	10
Политические идеологии	#либерализм	3	10
	#анархизм	1	
	#консерватизм	1	
	#национализм	4	
	#идеология	1	
Политика памяти и идентичность	#национальная_идентичность	1	6
	#идентичность	2	
	#историческая_политика	1	
	#историческая_память	2	
Политические институты	#политические_институты	3	6
	#партийная_система	1	
	#институционализм	1	
	#политические_партии	1	
Международные отношения	#международные_отношения	4	4
Политическая этика	#политическая_этика	3	3
Политическая культура	#политическая_культура	2	2
Современная российская политика	#российская_политика	1	1
Сравнительная политология	#сравнительная_политология	1	1
Политическая конфликтология	#политическая_конфликтология	1	1
Государственное управление	#государственное_управление	1	1
Политическая социология	#политическая_социология	1	1

Узнать, какие посты и монографии наиболее востребованы среди подписчиков и посетителей публичной страницы, можно по количеству отметок «Мне нравится» под записями в сообществе.

В рамках данного исследования в качестве эмпирической базы были взяты посты, к которым прикреплены файлы только политологических работ. Акцент на таком виде источников связан с тем, что монографии труднее найти в открытом доступе. Кроме того, именно данный жанр работ является воплощением наиболее фундаментального и систематизированного знания сферы политической науки.

Эмпирической базой стали записи, размещенные в 2019 г. Всего за этот период было опубликовано 118 постов с монографиями, которые так или иначе раскрывают различные сферы политической науки.

7.4. Востребованность политологического знания в социальных сетях (на примере *Political science library*)

Сферы политологии в дискурсе публичной страницы *Political science library*

Сначала необходимо определить, к каким сферам политической науки принадлежат те или иные посты, а также ответить на вопрос: какие направления политической науки в дискурсе сообщества представлены больше?

Хэштеги и тематика текстов группы говорит о том, что наибольшая представленность в дискурсе *Political science library* у работ, связанных с политической историей (26 постов) и философией (26 постов). Это свидетельствует о том, что целевой аудиторией сообщества являются те, кто изучает политологию, пишет статьи и диссертации, — студенты, аспиранты, молодые ученые. Подтверждает этот тезис и относительная популярность категории «политическая теория» (10 постов), в которую вошли книги по академической политологии. Ярким примером в данном случае является пост, связанный с *Oxford Handbook of Political Theory*, который собрал 234 лайка и 45 репостов. По сравнению с другими публикациями это относительно немного, однако сам факт наличия подобной записи много говорит о том, кто адресат контента сообщества.

Также востребована тема, связанная с политическими режимами, причем, как правило, в контексте демократизации и модернизации (20 постов). В российском политологическом сообществе наблюдается устойчивый интерес к исследованию демократии, а также таким темам, как политический транзит и модернизация. Есть много исследователей, которые активно ее разрабатывают (А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, М. Г. Миронюк, О. И. Зазнаев и др.). Были и масштабные проекты, так или иначе

связанные с темами демократии и политических режимов. Примерами являются составление «Политического атласа современности» под редакцией А. Ю. Мельвиля, а также дискуссия между американским и российским политологическими сообществами, результатом которых стала публикация коллективной монографии «Демократия в российском зеркале»[1]. Эта книга в 2019 г. была опубликована в группе *Political science library*. Исследование лишний раз подчеркивает, что интерес к теме политических режимов не ослабевает и по сей день.

Отметим, что устойчивый интерес есть и к такой сфере политологического знания, как теория идеологий (10 постов). Причем данная категория политической науки представлена в сообществе различными типами: 4 поста с книгами по национализму, 3 — по либерализму и по 1 посту — анархизму и консерватизму. При этом хэштег #идеология на первом месте идет лишь в записи про работу под редакцией Г. Никипорец-Такигава и Э. Паина «Интернет и идеологические движения в России».

Актуальной в политологическом дискурсе остается тема политических институтов и все, что связано с институциональным подходом (6 постов). Примечательно, что из шести опубликованных монографий, связанных с институтами, две посвящены партиям и партийным системам, что нашло свое отражение и в хэштегах, которые следовали далее. Две опубликованные монографии связаны с сущностным раскрытием институционального подхода (*The Oxford Handbook of political institutions* и книга под редакцией С. В. Патрушева «Институциональная политология»). Две работы касаются прикладных сюжетов, которые связаны с политическими институтами (речь о книгах Ф. Фукуямы «Отставание» и М. Вироли «Свобода слуг»). Институционализм в сообществе представлен наиболее комплексно (сквозь призму как собственно институционального подхода, так и конкретных институтов, их функционирования и дисфункций). Такое разнообразие подчеркивает сложность этого направления и интерес к нему у политологического сообщества, в том числе и в России.

Относительно заметной в сообществе стала тема идентичности и политики памяти (6 постов). Объединение этих двух на первый взгляд не совсем однородных тем связано с несомненным влиянием политики памяти государства на формирование национальной идентичности[2]. В то же время эти сферы политической науки вполне оправданно рассматриваются отдельно. В сообществе по данной теме также опубликованы как теоре-

[1] Демократия в российском зеркале / Под ред. А. М. Мигранян, А. Пшеворского. М.: МГИМО-Университет, 2013. — 519 с.

[2] *Малинова О. Ю.* Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. 2005. № 3. С. 9.

тико-методологические работы (например, сборник статей «Методологические вопросы изучения политики памяти»), так и более прикладные исследования (М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира»).

Такие сферы политологического знания, как международные отношения (4 поста), политическая этика (3), политическая культура (2), политическая конфликтология (1), политическая социология (1), государственное управление (1), представлены меньше. Примечательно, что многие из них связаны с прикладными исследованиями политических процессов. Общая направленность группы связана с публикацией классических политологических работ, а не с современными исследованиями, которые касаются текущей повестки дня. Однако обратная связь в виде лайков, комментариев и репостов говорит о востребованности контента, раскрывающего нюансы политической теории и отдельных категорий политической науки.

Также отметим, что такие сферы политической науки, как политическая теория и политическая история, демократизация и политическая культура, относительно близки, следовательно, монографии с точки зрения темы находятся на стыке различных направлений политической науки. Например, подобная ситуация возникает в случае с книгой Р. Инглхарта и К. Ветцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия», посвященной влиянию трансформации ценностных установок граждан на изменение и демократизацию политических режимов[1]. В случае с работой К. Скиннера «Макиавелли. Очень краткое введение» граница между политической философией и политической теорией фактически стирается.

В дискурсе *Political science library* доминирует контент по политической истории и философии. Книги, связанные с исследованием политических процессов и прикладной политологией (за исключением таких направлений науки, как демократия, политические режимы), выкладывались в свободный доступ существенно реже, чем теоретико-методологические работы. В то же время ряд сфер (идентичность и политические институты) представлены как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Какие посты сообщества наиболее востребованы у аудитории

Наиболее востребованные у аудитории сообщества книги и монографии определялись по количеству отметок «Мне нравится», которые посетители сообщества оставляли под соответствующими постами. Также учитывалось количество просмотров и репостов. Результаты представлены в табл. 7.13.

[1] *Инглхарт Р., Ветцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.

Таблица 7.13

Наиболее популярные посты в сообществе *Political science library* за 2019 г.

№	Книга	Тематика	Лайки	Репосты	Просмотры
1	К. Скиннер «Макиавелли. Очень краткое введение»	Политическая теория	745	131	67
2	Дж. Голдстоун «Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850»	Политическая история	722	159	69
3	Б. Мур-младший «Социальные истоки диктатуры и демократии»	Политические режимы	635	132	62
4	Э. Хобсбаум «Нации и национализм после 1780 г.»	Политические идеологии	621	137	34
5	Д. Асемоглу, Дж. Робинсон «Экономические истоки диктатуры и демократии»	Политические режимы	538	94	58
6	П. Кеннеди «Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.»	Политическая история	466	126	43
7	Н. Фергюсон «Империя. Чем современный мир обязан Британии»	Политическая история	455	114	48
8	П. Брендон «Упадок и разрушение Британской империи»	Политическая история	437	97	64
9	В. В. Согрин «Политическая история США»	Политическая история	428	87	41
10	Б. Мур-младший «Социальные основы диктатуры и демократии»	Политические режимы	418	96	43

Из данной таблицы видно, что наиболее популярным постом у посетителей и подписчиков публичной страницы стала запись, посвященная книге К. Скиннера «Макиавелли. Очень краткое введение». Это естественно, ведь труды итальянского классика, такие как «Государь» и «История Флоренции»,

часто изучаются не только студентами-политологами, но и теми, в фокусе исследовательских интересов которых находятся социология, теория государственного управления, философия, культурология и др. Таким образом, тексты, связанные с трудами Н. Макиавелли, всегда будут востребованы теми, кто изучает социальные и гуманитарные науки. Кроме того, нерадивых студентов может привлечь название работы «Макиавелли. Очень краткое введение», так как оно наталкивает на мысль о том, что текст короткий и после ознакомления с ним читать тексты итальянского мыслителя уже необязательно. Представление о его трудах и воззрениях будет уже составлено.

Отметим и пост, содержащий текст книги Б. Мура-младшего «Социальные основы диктатуры и демократии». Он был опубликован дважды в разное время: 30 января и 20 августа. В обе даты записи набрали довольно много отметок «Мне нравится» (418 и 635 соответственно).

Наиболее популярным направлением политологии за прошедший год в паблике *Political science library* стала политическая история. Среди десяти записей с наибольшим количеством лайков пять посвящены именно ей. Примечательно, что тематика «исторических» работ так или иначе связана с событиями, происходившими в западных странах (Британия, США, Европа), а не в России. Несмотря на то что окружающая политико-экономическая реальность наполнена критикой западных режимов и политических систем, именно сюжеты, связанные с историей западных стран, вызывают интерес у людей, интересующихся политикой.

Последний тезис подтверждает и популярность у посетителей и подписчиков страницы темы политических режимов и теории демократии. Причина интереса к этой тематике и конкретно к постам, посвященным книгам Д. Асемоглу и Дж. Робинсона «Экономические истоки диктатуры и демократии» и Б. Мура-младшего «Социальные основы диктатуры и демократии» (5-е и 3-е места соответственно), заключается в их большой важности для современной политической науки. Эти тексты и сегодня много цитируют. Кроме того, как уже упоминалось выше, тема политических режимов вызывает большой интерес в российском исследовательском сообществе по причине сложности ее изучения во времена СССР и в попытке «догнать» западную политическую науку, в том числе и в данном направлении[1].

Также в десятку наиболее популярных постов попала книга Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 г.», которая была отнесена к категории «политические идеологии». Высокие показатели лайков и репостов здесь довольно предсказуемы, так как речь идет о наиболее фундаментальном и полном научном труде по национализму.

[1] История российской политической науки / Под ред. Ю. С. Пивоварова, А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 33.

Востребованность политологического знания в социальных сетях

Таким образом, публичная страница *Political science library* может по праву считаться проводником политологического контента, через который администрация группы свободно распространяет знания в виде научной литературы. Особое место среди них заняли фундаментальные научные труды, монографии. Группа способствует развитию коммуникации между учеными и теми, кто интересуется политической наукой.

Рассмотрение контента паблика *Political science library* показало, что у посетителей страницы наиболее востребованы монографии, связанные с политической философией и историей. Отчасти это с тем, что администрация группы публикует больше постов, отмечающих теоритические аспекты изучения политики. В то же время среди десяти самых популярных монографий шесть связаны с теорией или историей. То есть спрос на такой контент у аудитории стабильно высокий. Также у аудитории есть спрос на работы, в которых исследуются политические режимы.

Монографии, связанные с наиболее прикладными областями политической науки (политическая социология, государственное управление, международные отношения и др.), представлены меньше. Это во многом обусловлено спецификой группы, а также тем, что по вышеперечисленным темам довольно много информации в других источниках. Однако такие сферы политологического знания, как «политические институты» и «политика памяти и идентичность», представлены как академическими работами, так и прикладными исследованиями.

При этом в сообществе представлено гораздо больше монографий на русском языке, чем на английском. За 2019 г. из 118 опубликованных постов с монографиями лишь в пяти записи содержат источники на иностранном языке, причем *Oxford Handbook of political theory* был размещен дважды. Одним из направлений развития публичной страницы *Political science library* может стать публикация большего количества постов с монографиями и статьями на английском языке.

Публикация фундаментальных академических текстов сообществом в условиях недостатка качественных материалов в свободном доступе и дефиците ресурсов у студентов делает *Political science library* ценным источником научной информации для всех интересующихся политической наукой.

7.5. Основные выводы

Современные условия всеобщей цифровизации заставляют особо пристально взглянуть на особенности институционализации сообщества молодых политологов в интернет-пространстве. Всемирная сеть позво-

ляет интенсифицировать взаимодействие, разрушать границы при получении профессиональных знаний, поиске единомышленников, мобилизации сторонников. По результатам общероссийского опроса, наиболее популярной площадкой для взаимодействия молодых политологов является «ВКонтакте» (§ 5.1), поэтому неудивительно, что основные молодежные политологические ресурсы также располагаются в этой соцсети.

В свою очередь, группы в соцсетях являются важным фактором, влияющим на конструирование сетевых взаимодействий в сообществе молодых политологов. В качестве целевой аудитории таких групп или публичных страниц выступают молодые политологи и интересующиеся политическими науками люди. Повестку молодежных политологических сообществ определяют администраторы групп. В то же время конструирование нового контента и повестки дня — процесс обоюдный, в котором аудитория так или иначе принимает участие. Обратная связь между администрацией группы и подписчиками может происходить в разной форме: посредством лайков и репостов, инструмента «предложить новость», переписок в комментариях. Важно то, что именно с помощью таких взаимодействий — между подписчиками, между администраторами и подписчиками — создается сетевая структура.

Отметим большую популярность постов, содержащих тексты научных публикаций. Именно благодаря этому сообщество *Political science library* популярно у тех, кто интересуется политической наукой. По итогам анализа контента этой публичной страницы было определено, что наибольший интерес у ее посетителей вызывают такие направления политической науки, как «политическая история», «теория демократии» и «политические режимы». Популярность постов с политологическими текстами также подтвердил анализ контента сообществ «Гражданин политолог», «СМП РАПН. Политическая наука». При этом наиболее востребованы посты с работами зарубежных авторов, что подчеркивает важность западной политической науки и ее влияние на отечественную. Данный вывод несколько контрастирует с одним из выводов 3-й главы, а именно с тезисом о большей популярности отечественных политологов у начинающих и молодых исследователей и студентов. Неудивительно, что отечественные политологи более понятны и ближе российской аудитории, однако важность углубления знаний в зарубежной политологии, как минимум, осознана в молодежном политологическом сообществе.

Кроме того, популярны посты, которые так или иначе транслируют контент, связанный с гражданским образованием. Таким образом, мы можем зафиксировать возникновение запроса на формирование знания «снизу» и его поиск не только с помощью государственных структур, в том числе университетов, но и посредством создания коллективов мо-

лодых политологов по инициативе группы людей. Все более популярными становятся видео на ресурсе «Постнаука», мероприятия, связанные с гражданским просвещением. Специализация на просвещении стала залогом успеха такой группы «ВКонтакте», как «Гражданин политолог».

В рамках данной главы был проанализирован контент шести сообществ, важной частью аудитории которых выступают молодые политологи. Можно с уверенностью сказать, что политологические группы позволяют своим подписчикам быть в тренде актуального состояния молодежной политологии, являются проводником нового знания для еще не сформировавшихся специалистов, а также способствуют образованию связей между ними, в том числе соединяя представителей разных регионов и школ отечественной политической науки, что приводит к обогащению и развитию сообщества в целом.

Глава 8

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА СООБЩЕСТВА МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

8.1. Международное взаимодействие как фактор развития сети молодых политологов в России

Коллективное начало любой науки подразумевает отсутствие государственных границ в процессе получения научного знания. Выстраивание сетевых отношений между исследовательскими группами по всему миру, которые относительно изолированы от других, но при этом имеют общие интересы и идентичность, способствует эффективному обмену новыми знаниями и обеспечивает определенный уровень доверия между участниками. Расширение коммуникаций становится важнейшим элементом научной деятельности.

Анализ любых форм сетевого взаимодействия связан с оценкой сетевых ресурсов — совокупности факторов и конкурентных преимуществ, которые используются акторами в процессе сетевого взаимодействия для достижения ими общих целей. Результаты опроса молодых политологов показали, что наиболее низкие баллы респонденты ставили при оценке внешних факторов, составляющих окружающую среду, в первую очередь государственных органов власти.

Сети не могут находиться в отрыве от окружающей их реальности. Одним из ключевых факторов внешней среды для сетей является институциональная матрица, включающая в себя устойчивую структуру государственных и общественных институтов, сложившиеся нормы и правила[1]. Самыми устойчивыми являются правила, кодексы поведения, которые разделяют все участники сетевого взаимодействия[2].

---

[1] *Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.* Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 53–54.

[2] *Михайлова О. В.* Сети в политике и государственном управлении. М.: ИД КДУ, 2013. — 332 с.

Таким образом, институциональная структура подготовки научных кадров в России существенно влияет на возможности коммуницировать с коллегами из других стран (особенно западных).

Опрос молодых политологов свидетельствует о том, что молодежь в процессе получения политологического образования замыкается в границах государства, мало контактирует со сверстниками из зарубежных стран, а молодежные политологические организации не предоставляют реальных возможностей для такого рода коммуникаций (табл. 8.1).

Таблица 8.1

Оценка удовлетворенности респондентов параметрами работы молодежных политологических организаций (МПО)

Оценка удовлетворенности респондентов параметрами работы МПО *(по шкале от 1 до 5, где 1 — очень плохо, 5 — очень высоко, отлично)*	**Средний балл**	**Затруднились оценить, %**
Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях представителей молодежного политологического сообщества у себя в вузе*	3,2	6
Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях представителей молодежного политологического сообщества у себя в регионе*	3,2	7
Взаимодействие членов МПО с представителями научного сообщества других стран**	2,6	9

* Отвечали все респонденты.

** Отвечали только действующие члены МПО.

Особенности развития отечественной и мировой науки ставят перед исследователями новые вопросы, в частности какие возможности и ограничения наблюдаются для развития сетевых коммуникаций молодых исследователей на международном уровне.

Формат взаимодействия и виды активности играют важную роль в процессе вовлечения молодого ученого в профессиональное научное сообщество. Согласно опросу, исследовательские проекты респонденты отметили как наиболее полезную форму вовлечения молодых политологов в процесс получения и обмена новыми знаниями — 4,5 балла из 5. На втором месте оказались стажировки — 4,4 балла. Участие в научных мероприятиях также является востребованной формой коммуникации, но их специфика заключается в установлении «связей между университетами,

институтами, сетями, проектами»[1] или ознакомлении участников с ведущими тенденциями в науке, но не систематической научной или образовательной работе. При этом проведение научных мероприятий имеет свою специфику — вмешательство государства в научную повестку сообществом не приветствуется, а без этой поддержки крайне сложно организовывать крупные мероприятия, привлекая только ресурсы участников[2].

Таким образом, для оценки внешних факторов формирования научных сетей молодых политологов, кроме вузов, важно определить подход государства и некоммерческих организаций к наиболее востребованным формам поддержки молодых исследователей: финансирование исследовательских проектов и система стажировок / обмена.

Все страны, участвующие в обмене, организации стажировок для преподавателей и студентов, способствуют продвижению интересов как учебного заведения, которое они представляют, так и страны, демонстрируя престиж и привлекательность науки у себя дома[3]. Именно академическая мобильность становится важным инструментом геополитических и экономических целей в долгосрочной и краткосрочной перспективе. Согласно концепции «мягкой силы» Дж. Ная, которую следует отличать от пропаганды[4], важным является понятие привлекательности для других определенных положений, феноменов, образов действий[5]. Стоит еще раз подчеркнуть, что в контексте неолиберального подхода, в рамках которого и работает Най, «мягкая сила» заключается в привлекательности продвигаемого образа, а не в принуждении, силовом давлении или шантаже.

8.2. Условия Болонской системы образования как фактор развития международных коммуникаций молодых политологов

Ярким примером «мягкой силы» ЕС, например, является Болонский процесс. Как отмечает М. А. Чепурина, «Болонский процесс — инструмент публичной дипломатии, площадка, открывающая возможность и об-

[1] *Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И., Чугров С. В.* Мир и политика сквозь призму научных форумов // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 95–96. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.06.

[2] Там же. С. 102–103.

[3] *Лебедева М. М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 216.

[4] Там же.

[5] *Nye J. S.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2002. — 240 p.

легчающая студентам, исследователям и преподавателям стран-участниц использование возрастающей международной мобильности как для развития личного потенциала, так и для продвижения имиджа своей страны и ее образовательного пространства за рубежом»[1].

Изначально Болонский процесс был направлен на усиление конкурентоспособности и привлекательности высшего образования в Европе, развитие мобильности и решение вопросов академических кадров. Профессорско-преподавательская и, в первую очередь, студенческая мобильность является центральным элементом Болонской системы и Единого европейского образовательного пространства. Так, целью Сорбоннской декларации 1998 г., предварявшей создание Болонской системы, является создание общих положений по стандартизации Европейского пространства высшего образования, в которой необходимым условием становится поощрение мобильности для студентов и выпускников, а также для молодых специалистов на старте трудовой деятельности. С этой целью она была призвана обеспечить соответствие квалификаций современным требованиям на рынке труда[2].

Летом 1999 г. министры образования 29 европейских государств подписали совместное заявление «Зона европейского высшего образования», положившее начало процессу интеграции европейских образовательных систем — Болонского процесса. Болонская декларация заложила фундамент дальнейшего развития систем высшего образования государств Европы, зафиксировав основные направления развития, среди которых: создание системы ясных, прозрачных и сопоставимых степеней с выдачей универсальных приложений к дипломам; переход к трехступенчатой системе высшего образования; использование системы кредитов для повышения студенческой мобильности; разработка и использование стимулов, направленных на свободное перемещение студентов и преподавателей внутри зоны европейского образовательного пространства; развитие европейского сотрудничества в области обеспечения и контроля качества высшего образования с целью выработки сопоставимых критериев и методологий[3].

Болонский процесс вывел регулирование системы высшего образования за рамки национальных границ и установил ряд требований и критериев к организации учебного процесса и функционированию национальных систем высшего образования, что привело к необходимости

---

[1] *Чепурина М. А.* «Мягкая сила» в глобальной политике: Болонские измерения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 96–103.

[2] Sorbonne Declaration 1998. URL: www.ehea.info/page-sorbonne-declaration-1998 (дата обращения: 03.02.2020).

[3] EHEA официальный сайт/ Ministerial Conference Bologna 1999. URL: www.ehea.info/page-ministerial-conference-bologna-1999 (дата обращения: 03.02.2020).

их реформирования. Однако в каждой национальной системе проекция этих требований и критериев осуществляется в зависимости от характера традиционного механизма регулирования национальных систем[1]. Таким образом, имплементация норм Болонской системы в институциональную систему высшего образования отдельно взятой страны будет зависеть от существующих особенностей данной институциональной системы.

Одной из основных задач реформирования систем высшего образования европейских стран является переход к трехуровневой системе (бакалавриат, магистратура, докторантура). С этой целью страны-участницы проводят ряд преобразований национальной системы высшего образования, но при сохранении элементов традиционной системы и адаптации к ней элементов новой. Так, например, существует две основные модели систем высшего образования (по продолжительности обучения в бакалавриате и магистратуре (лет)): 3+2 и 4+1. Однако в Великобритании в том числе действует система 3+1, а российская модель системы высшего образования — 4+2. В ряде вузов России сохранилась подготовка студентов по традиционной модели специалитета. К таковым относятся, например, медицинские вузы, где подавляющее число реализуемых программ подготовки — программы специалитета, архитектурно-строительные институты и др.

Болонский процесс усилил конвергенцию институтов высшего образования в Европе, однако он предполагает не унификацию, а гармонизацию архитектуры систем высшего образования европейских стран и направлен на сохранение культурного многообразия Европы, национальных традиций и уклада, содействие общественному развитию. Данный процесс призван содействовать развитию инновационного потенциала Европы и ее социальному и экономическому прогрессу посредством тесного сотрудничества между европейскими высшими учебными заведениями. Таким образом, можно сказать, что Болонский процесс в том числе имеет целью обеспечить трансляцию ценностей («мягкая сила»), что в современном мире является фактором, определяющим доминирующее положение стран западного мира на международной арене.

Вместе с тем реформы системы высшего образования европейских стран позволили ликвидировать барьеры внутри академического сообщества, что способствовало расширению, интернационализации и упрочению научной сети их контактов.

В рамках реализации положений Болонской декларации исполняются и программы поддержки исследовательских проектов в Европейском союзе, например *Horizon 2020 The European Research Area*, которая направлена

[1] Болонский процесс в России: история и современность /Национальный офис Erasmus+ в Росии. М., 2017. — 44 с.

на создание единой сети внутриевропейского исследовательского сообщества[1]. Европейский союз хочет, чтобы «Европейское исследовательское пространство» стало процессом с собственной конкурентной динамикой между национальными академическими традициями и глобальной гегемонией американских исследований[2].

Но в первую очередь Болонский процесс придал значительный импульс развитию студенческой мобильности для многих стран. Так, например, В. А. Аватков и П. И. Касаткин отмечают, что до увеличения финансирования и присоединения к Болонскому процессу турецкие университеты не привлекали студентов и образование отличалось невысоким качеством. На сегодняшний день Турция имеет вторую по величине систему высшего образования в Европе, а в двух университетах обучение ведется полностью на английском языке. В итоге значительно повысилась мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава[3]. Это свидетельствует о том, что присоединение к Болонскому процессу позволяет расширить научные коммуникации и популяризировать науку отдельной страны во всем мире[4].

Однако есть и другая сторона медали — для основной части иностранцев имеет смысл переезжать в другую страну, но только если они понимают, что смогут получить более качественное образование, чем у себя дома. Мы можем наблюдать это на примере России. Согласно данным исследования студенческой мобильности иностранных студентов в России Института образования НИУ ВШЭ, основная часть иностранных студентов приходится на страны бывшего СССР (79% от числа всех иностранных студентов, 20,8% — на дальнее зарубежье). Большинство иностранных студентов из стран, не входивших в состав СССР, прибывает из Азии (57% от числа студентов из таких стран). Следующий по представленности географический регион — Северная Африка и Ближний Восток (19%)[5]. По сведени-

[1] What is Horizon 2020? URL: https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/what-horizon-2020 (дата обращения: 09.08.2019).

[2] *Gengnagel V., Massih-Tehrani N., Baier C.* Laying claim to the academic field: The European Research Council and the European project // Berliner Journal für Soziologie. 2016. 1 March. Vol. 26, Issue 1. P. 61–84.

[3] *Аватков В. А., Касаткин П. И.* Высшее образование в Турции и Болонский процесс // Вестник МГИМО. 2012. № 6. С. 277–281.

[4] *Касаткин П. И.* Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. 2013. № 4. С. 70–77; *Касаткин П. И., Ивкина Н. В.* Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 26–36.

[5] Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. 2016. № 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf (дата обращения: 23.09.2019).

ям заместителя министра высшего образования и науки А. М. Медведева, на 1 октября 2019 г. 208 (74%) из 280 тыс. человек — из стран ближнего зарубежья[1].

Такая статистика свидетельствует о том, что для западных стран Россия не является законодателем «научно-образовательной моды», несмотря на взятый курс по имплементации основных принципов и норм Болонского процесса. К тому же не совсем очевидны курс на «вестернизацию» отечественного образования и положительная оценка российским государством такого пути.

8.3. Роль государства и некоммерческих организаций в развитии сетей молодых политологов

Образование в современном мире имеет важнейшее значение, причем не только для обычных людей, но и для государств, которые используют его как один из наиболее действенных инструментов «мягкой силы»[2]: идет подготовка кадров, разделяющих ценности и идеи той или иной страны; выстраиваются доверительные отношения между представителями разных государств. В итоге такой инструмент формирования личности используется в политике стран, стремящихся занять лидирующие роли на международной арене[3].

Недавний опрос молодежи, выполненный Левада-центром и Фондом Ф. Эберта, показывает, что «молодые россияне в значительной степени отчуждены от Европы». Однако те, кто имеет опыт поездок за границу, в большей степени признают себя европейцами[4]. Это показывает, что участие в обменах и другие формы контактов между молодежью из разных стран могут иметь положительный эффект для формирования позитивного отношения к представителям других государств, главное — развивать коммуникации.

Представители гуманитарных, в частности политологических, специальностей имеют особый потенциал продвижения ценностных ориента-

[1] Стенограмма парламентских слушаний // Личный архив автора. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cloud.mail.ru/public/5m5A/3CeZ87to1 (дата обращения: 25.02.2020).

[2] *Amirbeck A., Ydrys K.* Educations as a Soft Power Instrument of Foreign Policy. Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 143. P. 501–503.

[3] *Nye J.* Smart Power // New Perspectives Quarterly. 2009. Vol. 26, Iss. 2. P. 7–9.

[4] Российское «поколение Z»: установки и ценности 2019/2020 / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева. 2020. С. 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

ций и политических взглядов в силу специфики профессии. Особенно это касается научной деятельности, поскольку в ней преобладают принципы объективности, позволяющие рассматривать эту сферу как наднациональную, но, конечно, с определенными оговорками[1]. Так, если технические и фундаментальные науки рассматривают общие законы, которые объективны по своей природе, то в науках об обществе бывает тяжело отделить оценки и интерпретации, характерные для того или иного национального научного сообщества, от объективного знания[2].

Как в свою очередь отмечал Д. Истон, наука направлена на улучшение общества, конструирование новой, лучшей социальной реальности, соответственно, ученые несут ответственность за продвигаемые идеи, и сами в какой-то степени становятся политиками[3]. В данной трактовке подготовка научных кадров имеет высокое значение для национальных интересов, поэтому трудно переоценить роль государства в сфере поддержки научной деятельности, молодежных обменов, развитии коммуникаций молодых политологов со своими зарубежными коллегами и т.д.

Государственная политика Германии в сфере образования

Политика «мягкой силы» в сфере образования имеет два основных направления: *внутреннее*, где фокус делается на подготовке иностранных кадров в своей стране (например, США, Германия), и *внешнее*, когда готовят своих — за рубежом (Китай)[4]. Причем развитие второго направления имеет больше рисков — иностранные студенты подвергаются влиянию страны, в которой проходят обучение[5], а также с большей долей вероят-

---

[1] *Пономарева Е. Г., Ягья В. С.* Научные связи как фактор развития // Обозреватель — Observer. 2014. № 5. С. 101–106.

[2] *Вахштайн В.* Интеллектуальные уловки в социологии // Postnauka. 2019. 2 июня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://postnauka.ru/video/99586 (дата обращения: 01.12.2019).

[3] *Easton D.* The new revolution in political science // American Political Science Review. 1969. No. 63(4). P. 1051–1061; *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / Сост.: проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 319–331. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt27.htm#s (дата обращения: 01.12.2019).

[4] Примеры приоритета одного из двух направлений см.: *Антюхова Е. А.* Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 86–98.

[5] Есть, однако, мнения, что этот тезис не так однозначен, например, С. Ломер считает, что студенты не меняют своих политических взглядов, поскольку уже изначально имеют расположенность к выбранному месту обучения. *Lomer S.* Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. Vol. 74 (4). P. 581–598. DOI: 10.1007/s10734–016–0060–6.

ности остаются там работать[1]. Именно поэтому наиболее перспективным направлением развития «мягкой силы» в сфере образования является создание особых условий для подготовки научных кадров — отечественных и иностранных — в своей стране.

В данном параграфе рассматривается роль государства и некоммерческих организаций в процессе развития сетевой коммуникации молодых политологов с международным политологическим сообществом.

Для определения положительного опыта государственной политики в научно-образовательной сфере рассматривается опыт организации финансирования научных исследований и студенческих обменов двух ведущих стран Запада, ориентированных на внутреннее направление политики «мягкой силы»: Германии и США.

Выбранные государства — лидеры в научно-технической сфере: США занимают первое место (19%) в рейтинге студенческой мобильности, Великобритания — второе (8%), Австралия — третье (7%). Места с четвертого по шестое заняли Франция, Германия и Россия, на каждую из которых приходится 5% мировой студенческой мобильности[2].

США, Швейцария, Германия, Великобритания, Франция входят в число лидеров по затратам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). На первом месте — Соединенные Штаты Америки (более 500 млрд долл.), у КНР — более 400 млрд долл., в настоящее время страна занимает второе место в рейтинге. Лидером среди европейских государств является Германия (более 110 млрд долл.), в мировом рейтинге она занимает пятое место (по состоянию на 2016 г.)[3].

Германия обеспечивает конкурентоспособность и влияние государства на международной арене за счет систематического развития так называемой триады: высшее образование, научные исследования и человеческий капитал[4]. Страна неизменно занимает лидирующие позиции в Европейском союзе по уровню привлекательности для иностранного

---

[1] *Parey M., Waldinger F.* Studying abroad and the effect on international labour market mobility: evidence from the introduction of Erasmus // The Economic Journal. 2010. Vol. 121 (March). P. 194–222. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2010.02369.x.

[2] На высшем уровне. Россия — в мировом топе по привлекательности для иностранных студентов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rg.ru/2018/12/10/rossijskie-vuzy-voshli-v-chislo-samyh-privlekatelnyh-dlia-inostrancev.html (дата обращения: 23.09.2019).

[3] Исследование Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ // Затраты на науку в России и ведущих странах мира. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2017/09/07/1172519569/NTI_N_64_0709_2017.pdf (дата обращения: 12.10.2019).

[4] *Большова Н. Н.* Государственная политика в области высшего образования и науки как инструмент «мягкой силы» (опыт Германии) // Вестник МГИМО (У). 2014. № 2 (35). С. 71–80.

капитала и высококвалифицированных иммигрантов, а в «Рейтинге мягкой силы» уже второй год подряд удерживает 3-е место[1].

Федеральное правительство Германии реализует «Национальную стратегию интернационализации академического и исследовательского сообществ». С 2014 г. высшее образование в стране стало полностью бесплатным, причем и для иностранных студентов, стипендии которым выплачиваются из окологосударственных фондов, что соответствует современной внешнеполитической концепции государства[2].

В Германии существуют организации различного профиля, которые осуществляют финансирование коллективных исследовательских проектов, оказывают финансовую поддержку отдельным исследователям и исследовательским группам. Крупнейшими являются *Deutsche Forschungsgemeinschaft* (*DFG*) — самоуправляемая организация науки и исследований Германии, объединяющая высшие учебные заведения и исследовательские организации, Немецкая служба академических обменов (*DAAD*) и Фонд Александра фон Гумбольдта. Эти организации содействуют развитию международных обменов и межнационального сотрудничества в научно-исследовательской сфере не только в Германии, но и в других странах Европейского союза[3].

Основную поддержку исследователям оказывают немецкое правительство и Европейский союз, однако негосударственный сектор тоже активно вовлечен в этот процесс, особенно в плане поддержки молодых ученых.

В стране существует множество программ поддержки исследовательских проектов для иностранных граждан, причем здесь ключевую роль играют организации некоммерческого сектора. Например, по данным портала *Research in Germany*, осуществляющего деятельность при поддержке Федерального министерства образования и науки Германии, в 2016 г. более 32 тыс. исследователей из числа иностранных специалистов получили финансовую поддержку, еще 10 тыс. человек были задействованы в работе крупных неуниверситетских исследовательских организаций, а около 46 тыс. — в немецких университетах[4].

Страна оказывает также существенное влияние на другие страны за счет фондов и программ, реализуемых в других государствах, в основ-

---

[1] Softpower30.com. Germany. Overview. 2018. [Online]. URL: https://softpower30.com/country/germany/ (дата обращения: 25.02.2020).

[2] *Антюхова Е. А.* Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 86–98.

[3] Программы финансирования Федерального министерства науки и образования Германии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.research-in-germany.org/en/research-funding/funding-programmes.html (дата обращения: 27.11.2019).

[4] Там же.

ном за счет некоммерческих организаций, нацеленных на представление интересов гражданского общества[1].

Государственная политика США в сфере образования

В США интернационализация образования также является приоритетом, что выражается в работе ряда организаций, которые можно считать частью системы образования США. Например, к таковым можно отнести *NAFSA* (Ассоциация международных педагогов) и *IIE* (Институт международного образования)[2]. *NAFSA* с 1980-х годов является объединением для защиты международного высшего образования в глобальном контексте. Изначально основное финансирование она получала от правительства США, но теперь она уже имеет статус международной, что сказалось на диверсификации источников финансирования[3]. *IIE* также занимается управлением и распределением международных стипендий, межкультурным обучением, международным обменом и лидерскими проектами, финансирует исследования. Организации уже хоть и международные, но штаб-квартира находится в США, соответственно, цели их так или иначе коррелируют с национальной политикой Соединенных Штатов в сфере образования и науки.

Большую роль в реализации международных образовательных программ США играют частные институты и фонды, которые стали поставщиками многочисленных программ обмена[4]. Например, *American Association of University Woman Educational Foundation* обеспечивает финансовую поддержку женщинам с высшим образованием и ученой степенью, предоставляет гранты и стипендии, организует различные научно-образовательные мероприятия в формате круглых столов, форумов и симпозиумов[5].

Грантовая поддержка на проведение исследований также финансируется преимущественно из частных фондов, которые устанавливают

---

[1] *Рустамова Л. Р.* Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 118–128; *Мегем М. Е., Максимов И. П., Грицаенко П. С.* Ключевые факторы «мягкой силы» Германии в странах Балтии. 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://abfund.org/klyuchevy-e-faktory-myagkoj-sily-germanii-v-stranah-baltii/ (дата обращения: 25.02.2020).

[2] *Li J.* Globalization and Internationalization of Higher Education in the United States: Globalization and Universities in China and the World // Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Singapore: Springe, 2018. P. 213–251. DOI: 10.1007/978-981-13-0641-9_9.

[3] Ibid.

[4] *Bu L.* Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // Journal of American Studies. 1999. Vol. 33. No. 3. Part 1: Women in America. P. 393–415.

[5] *Антюхова Е. А.* Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 126–136. [Электронный ресурс]. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.09.

свои цели и конкурсные правила. К участию в конкурсах часто приглашают интернациональные команды. Так, например, согласно данным портала *Grantist*[1], политологи и представители смежных специальностей могут найти ряд перспективных программ для молодых ученых из разных регионов мира[2], исследовательские летние школы[3], дистанционные программы обучения.

Если говорить об американской политической науке, то стоит сказать о большом влиянии первой в мире профессиональной организации политологов — Американской ассоциации политической науки (*APSA*). Она объединяет почти всех политологов страны и многих зарубежных исследователей, которые также могут быть членами национальной ассоциации. Организация пользуется авторитетом не только в США, но и в мировом сообществе, а членами ее являются представители более 80 государств[4].

Стоит также отметить, что рассмотренные страны бережно относятся к сохранению и поддержанию академических свобод в стране, что положительно влияет на развитие социогуманитарной сферы. Наблюдается общая тенденция к приоритетному развитию образования и науки через некоммерческие организации. При этом важной особенностью является общая направленность таких организаций на продвижение интересов своих стран, следование стратегическим задачам государства на международной арене.

Потенциал молодых политологов являться «мягкой силой» в продвижении национальных интересов лежит в способности представителей гуманитарных наук артикулировать и формировать ценностные ориентации и политические взгляды. Полученные в ходе обучения в российских вузах знания, с одной стороны, позволяют заложить основу формирования объективного представления о действительности, с другой — определить оценки и интерпретации с учетом особенностей национального научного сообщества. Важным условием развития такого сообщества становится подготовка научных кадров, отечественных и зарубежных, в своей стране.

Важнейшим элементом научной деятельности является коммуникация, которая помогает выстраивать сетевые отношения. Замкнутость в национальных границах пагубно влияет на качество любой научной дея-

---

[1] Портал Grantist. URL: http://grantist.com/countries/usa/ (дата обращения: 10.11.2019).

[2] Central Asia-Azerbaijan Fellowship Program. URL: https://centralasiaprogram.org/fellowships/central-asia-azerbaijan-fellowship-program#1529341238759-b8d3f2f3-0dfe (дата обращения: 10.11.2019).

[3] Исследовательская стипендия в Германии Georg Arnhold Visiting Research Professorship. URL: https://grantist.com/grant/issledovatelskaya-stipendiya-v-germanii-georg-arnhold-visiting-research-professorship/ (дата обращения: 27.11.2019).

[4] About APSA // APSA. URL: https://www.apsanet.org/ABOUT/About-APSA (дата обращения: 25.02.2020).

Таблица 8.2

Оценка молодых политологов форм вовлечения в процесс получения новых знаний

Какие формы вовлечения молодых политологов в процесс получения новых знаний Вы считаете наиболее полезными? *(поставьте оценку от 1 до 5 баллов по каждому пункту, где 5 — наиболее полезны, 1 — наименее полезны)*	**Средний балл**	**Затруднились оценить, %**
Стажировки	4,5	2
Участие в исследовательских проектах	4,4	2
Участие в конференциях и других научных мероприятиях	4,3	1
Семинары	3,9	2
Лекции	3,7	1
Обзоры статей	3,5	3
Онлайн-курсы	3,4	4
Обмен литературой	3,2	3

тельности. Институциональная структура научно-образовательной сферы, в первую очередь Болонский процесс, и собственно государственная политика являются важнейшими факторами развития подобных коммуникаций, особенно с коллегами из западных стран.

Всероссийский опрос молодых политологов показал, что наиболее востребованными формами вовлечения в процесс получения новых знаний являются стажировки и участие в исследовательских проектах (табл. 8.2). Без помощи государства сложно представить развитие этих направлений. Однако положительный опыт передовых западных стран свидетельствует о том, что такая поддержка в основном оказывается не прямо, а через некоммерческие организации, продвигающие интересы государства за рубежом. Такие организации, в том числе профессиональные ассоциации, могут достаточно эффективно выстроить работу с государством и представителями научного сообщества, особенно в плане поддержки молодых кадров, а также избежать политизации и идеологизации сферы науки и образования. Кроме того, они могут обеспечить эффективную связь политологов с международным сообществом.

Однако всегда сохраняется опасность излишнего государственного контроля за научной и образовательной деятельностью: законодательные или финансовые ограничения могут значительно снижать потенциал влияния некоммерческих организаций на подготовку новых научных кадров[1].

[1] Подробнее в § 3.1.

8.4. Высшие учебные заведения как источник культурного капитала сообщества

Высшие учебные заведения и молодежные политологические организации тесно связаны между собой. В результате анализа МПО мы пришли к выводу, что их деятельность во многом зависит от вуза, который используется как площадка для проведения мероприятий, также задействует кадровый ресурс (профессорско-преподавательский состав) для организации мероприятий, проведения экспертизы различного назначения. Но есть еще один аспект вузовского образования — тот культурный капитал, который университет предоставляет обучающимся.

Образование и его уровень, согласно П. Бурдье, представляет собой институционализированное состояние культурного капитала[1]. Посредством участия студента во внеаудиторных мероприятиях происходит приращение социального капитала (знакомства с представителями «взрослого» профессионального сообщества, коллегами, а также широким кругом лиц, так или иначе влияющим на профессиональное становление) и символического капитала (авторитет, формальные посты в различных структурах, вознаграждения, поощрения). Расширение присутствия представителей университета в мероприятиях, проводимых организациями профессионального сообщества, повышает и авторитет самого вуза внутри сообщества.

В контексте нашего исследования мы рассматриваем вузы в большей степени как элемент окружающей среды для формирования профессионального и научного сетевого сообщества. Вместе с тем для студента вуз — это важнейший ресурс для приобретения социального и культурного капитала. Однако важна реальная ориентированность структуры на развитие компетенций и получение знаний, что предполагает необходимость дополнительного участия студента в научных, образовательных и иных мероприятиях. Но это при условии, если цель не только просто получить диплом: такой формальный подход достаточно распространен в России. Несмотря на то что наличие диплома о высшем образовании априори признает статус и компетенции, на практике этот уровень приходится подтверждать.

В вузы поступают студенты из семей с разным уровнем дохода и социального капитала. Благодаря обучению в вузе различия между студентами в некоторой степени нивелируются. Именно такое «активное» обучение в вузе способно обеспечить качественное приращение социального

[1] *Бурдье П.* Формы капитала / Пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 67. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

и культурного капитала студента, а не просто ограничиваться только его символическим атрибутом — дипломом.

Как отмечает П. Бурдье, «работа по приобретению свойств культурного капитала — это работа над собой (самосовершенствование), предполагающая собственные усилия. Это инвестирование — прежде всего времени, но также и социально выстроенной формы влечения»[1]. Вузы должны создавать условия и инструменты для обогащения студента культурным и социальным капиталом на протяжении всего периода обучения, но только сам студент способен принять решение, воспользоваться предоставленными ему возможностями и ресурсами вуза или отнестись к обучению в вузе формально, внеаудиторное время посвящая приобретению опыта работы или развивая набор иных компетенций, косвенно либо совсем не связанных с его непосредственной образовательной программой.

Стоит признать, что не все вузы способны дать студентам равные возможности для развития базы компетенций. Как показывают исследования, студенты элитных вузов России дают более высокие оценки параметрам, связанным с организацией учебного процесса в вузе, а также последующим трудоустройством и уровнем заработной платы[2]. Показатели рейтингов подтверждают существующее неравенство. Исследование, проведенное на массиве данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ и Мониторинга НИУ ВШЭ «Качество приема в вузы за 2011–2013 гг.», выявило, что выпускники ведущих вузов с высокими показателями рейтинга получают устойчивую зарплатную «премию» по сравнению с выпускниками вузов, занимающими более скромные позиции в рейтинге, при контроле на академические, социально-демографические факторы и те, что связаны с рынком труда. Один дополнительный балл приема по ЕГЭ в рейтинге качества вузов приносит выпускникам соответствующего вуза 1,9–2%-ную прибавку к заработной плате. Выпускники вузов с наибольшим качеством приема зарабатывают на 31% больше выпускников вузов с самым низким показателем в указанном рейтинге[3].

Обратим внимание, что в данном рейтинге за 2019 г. наивысшие позиции по направлению подготовки «политология» занимают вузы из Москвы и Санкт-Петербурга как по контрактному, так и бюджетному приему. Действительно, в структуре культурного капитала вуза город его дислоци-

[1] *Бурдье П.* Формы капитала / Пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

[2] *Шишкин С. В.* Элитное и массовое высшее образование: социально-экономические различия // Вопросы образования. 2006. № 2; *Рощина Я. М.* Чьи дети учатся в российских элитных вузах? // Вопросы образования. 2006. № 1.

[3] *Рощин С. Ю., Рудаков В. Н.* Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников. WP15/2015/03. М.: ИД ВШЭ, 2015. — 30 с.

рования занимает не последнее место. Столица или региональный центр являются центром притяжения студентов со всей страны, что усиливает конкуренцию за места, *увеличивая не только средний балл приема, но и качество знаний студентов.* Место расположения (город) отмечали в качестве характеристики престижности вуза и респонденты в исследовании, проведенном Независимым институтом социальной политики в сотрудничестве с Аналитическим центром Юрия Левады в 2006 г.

Неравенство между возможностями студентов в получении качественного политологического образования в вузах способна сгладить МПО.

Институциональная база и существующие практики подготовки студентов в вузе являются ресурсом для формирования культурного и социального капитала студентов и выпускников вуза. В свою очередь, чем выше качество образования в вузе, уровень его престижа и организация работы молодежного политологического и студенческого сообщества, тем более существенным будет и объем культурного капитала, который студент может приобрести в процессе обучения в вузе.

Такие вузы располагают большими ресурсами — и человеческими, и финансовыми, чтобы создавать институциональные структуры качественной подготовки молодых политологов и реализовывать различные практики вовлечения студентов в научную и исследовательскую деятельность. Соответственно, в ведущих вузах организация работы структур политологического сообщества должна быть более эффективной с точки зрения подготовки молодых политологов и вместе с тем самодостаточной. Следовательно, ценность участия в мероприятиях других МПО и самих МПО для студентов из таких вузов будет невысокой, а оценка деятельности подобных структур будет ниже, чем деятельности вуза. И наоборот, студенты вузов со слабой организацией молодежного политологического сообщества будут скорее обращаться к ресурсам МПО и ценить ее выше.

Исходя из этого можно сделать предположение, что студенты ведущих вузов скорее будут выше оценивать деятельность вуза в направлении организации молодежного политологического сообщества, нежели деятельность молодежных политологических организаций. В качестве гипотезы можно предложить тезис, что высоким оценкам деятельности вузов будут соответствовать более низкие оценки деятельности МПО.

С целью проверки данного предположения мы проанализировали все ответы респондентов по вопросу № 5 *«Как Вы оцениваете уровень организации молодежного политологического сообщества у себя в вузе?»*, в рамках которого оценивали такие параметры, как научная активность студентов и молодых ученых, публикационная активность, кадровый потенциал в вузе, поддержка вуза и др., и вопросу № 9 «Как бы Вы оценили направления деятельности МПО по их значимости, приоритетности» опроса

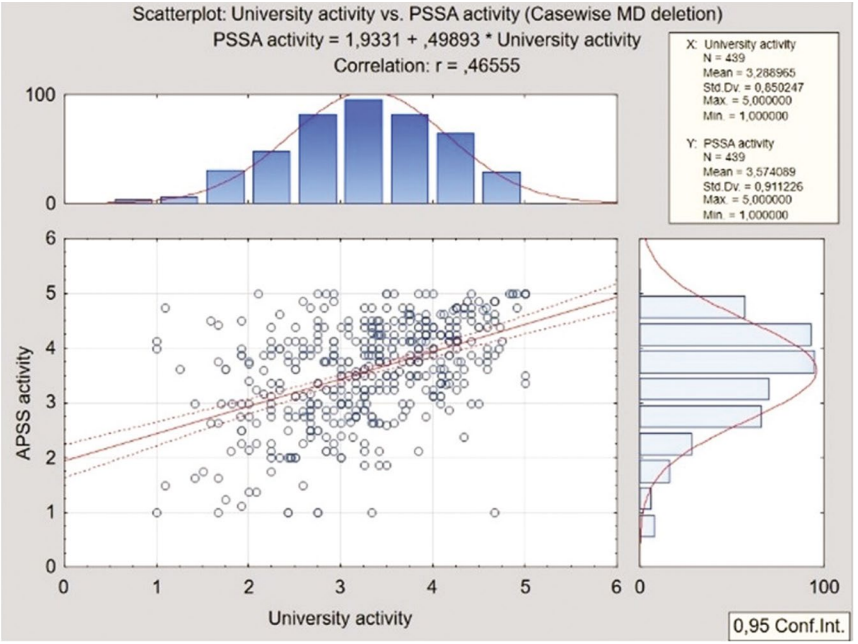

Рис. 8.1. График корреляции между показателями «Активность вуза» и «Активность МПО» по результатам анализа ответов респондентов анкеты

студентов и молодых политологов, который содержал такие параметры для оценки, как развитие научно-исследовательских навыков, получение и трансляция знаний, интеграция в научное сообщество и др.

На основе средних значений ответов респондентов по каждому из указанных выше вопросов был проведен корреляционный анализ (рис. 8.1), который выявил наличие средней положительной связи между переменными «Оценка уровня организации молодежного политологического сообщества в вузе» (Активность вуза — *University activity*) и «Оценка направлений деятельности МПО по их приоритетности для респондентов» (Активность МПО — *APSS activity*) (коэффициент корреляции $r = 0{,}47$), однако связь оказалась положительной, соответственно, более высокой оценке деятельности вуза по отношению к молодежному политологическому сообществу соответствуют более высокие оценки деятельности МПО.

На наш взгляд, это может быть обусловлено тем, что деятельность молодежных политологических организаций, как это было показано ранее, тесно переплетена с деятельностью вузов. Как правило, МПО реализуют мероприятия на базе университетов, участвуют в мероприятиях вузов как партнеры.

С другой стороны, восприятие респондентов субъективно, и те, кто склонен к более оптимистичной оценке окружающего мира, будет давать более позитивные оценки, чем пессимистично настроенные коллеги. О влиянии субъективного восприятия может говорить и тот факт, что респонденты из одного вуза и кафедры могли давать диаметрально противоположные ответы.

Тем не менее мы решили посмотреть, как распределились средние оценки в ответах на вопросы по вузам (рис. 8.2). Среди наших респондентов наиболее представленными оказались 26 таких организаций. В результате корреляционного анализа данных по средним оценкам параметров обучающихся этих вузов мы получили схожие результаты. Коэффициент корреляции оказался положительным, его значение составило $r = 0{,}49$.

Однако в результате анализа ответов респондентов мы обратили внимание на то, что оценки деятельности МПО и вуза среди респондентов из вузов Москвы и Санкт-Петербурга в среднем более низкие, чем у представителей других регионов.

Тогда мы решили посмотреть, есть ли различие в направлении и уровне значения связи между оценками представителей из разных вузов, разделив респондентов по линии принадлежности к Москве, Санкт-Петербургу и другим регионам. Стоит отметить, что данное деление также соответствовало положению указанных вузов в рейтинге «Качество приема в вузы за 2019 год» на вузы с высоким качеством приема в первой группе и средним и низким во второй.

По результатам корреляционного анализа оценок активности вуза и активности МПО региональных вузов (рис. 8.3) мы получили более высокий положительный коэффициент корреляции ($r = 0{,}51$), аналогичные переменные среди вузов Москвы и Санкт-Петербурга (рис. 8.4) дали схожие результаты, но коэффициент корреляции оказался несколько ниже ($r = 0{,}33$). Также можно обратить внимание, что разброс в ответах среди представителей региональных университетов выше. Это может объясняться в том числе и тем, что данная группа крайне неоднородна, в нее попали вузы как из категории опорных, высокорейтинговых участников программы «5 в 100», так и другие региональные структуры.

Различия в характере связей между переменными в вузах в первом и втором случае незначительны, однако обращает на себя внимание разность оценок респондентов (рис. 8.5). Как видно из графика, респонденты столичных вузов в среднем давали более низкие оценки по исследуемым показателям, чем представители региональных вузов.

Разница в величине оценок деятельности вузов у респондентов из двух условных групп не столь значительная, в отличие от различий в оценках МПО. В «столичных» вузах деятельность молодежных политологических организаций оценивают скромнее. По оценкам деятельности вуза вы-

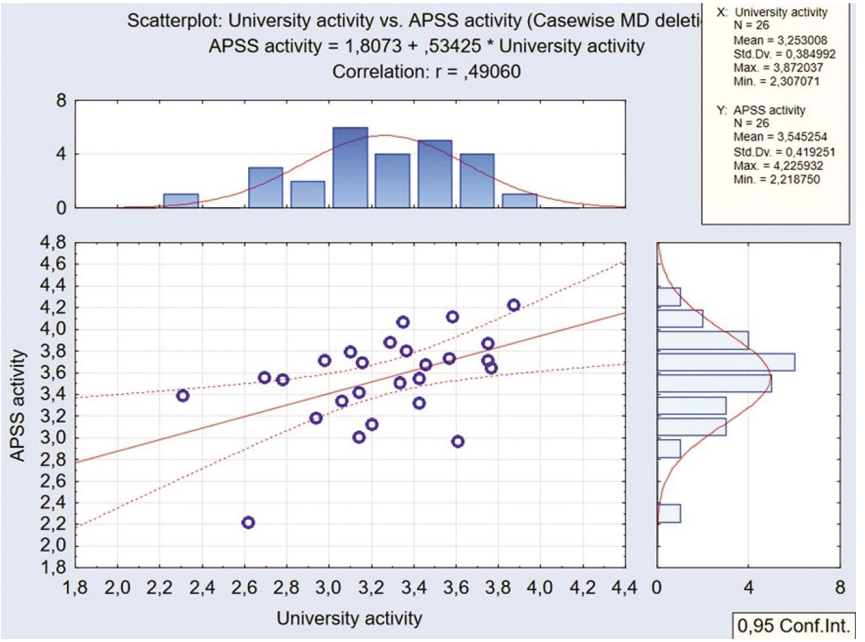

Рис. 8.2. График корреляции между показателями «Активность вуза» и «Активность МПО» по результатам анализа средних значений ответов респондентов анкеты по вузам

биваются респонденты из НИУ ВШЭ, которые высоко оценивали данные параметры — около 3,60 из 5, и самые низкие оценки деятельности МПО — 2,98 из 5, а самые высокие оценки деятельности МПО дали студенты РАНХиГС — около 3,73 из 5, при том что деятельность вуза респонденты оценили в 2,98 из 5.

Также мы обратили внимание на разницу между оценками показателя *«Роль МПО в развитии политической науки в целом»*, рассчитанного по ответам респондентов на соответствующий вопрос анкеты. Представители региональных вузов отмечали существенное влияние деятельности МПО на развитие политической науки чаще (64 из 312 ответов, или 20,05%) в сравнении с представителями вузов Москвы и Санкт-Петербурга (5 из 75 ответов, или 6,7%). Наименьшую оценку влияния деятельности МПО на развитие политической науки, напротив, значительно чаще давали представители «столичных» вузов (33 из 73 ответов, или 45,2%), чем регионов (50 из 312 ответов, или 16,03%).

Более сдержанные (низкие) средние оценки могут быть связаны, например, с наличием в столицах большого числа альтернативных возмож-

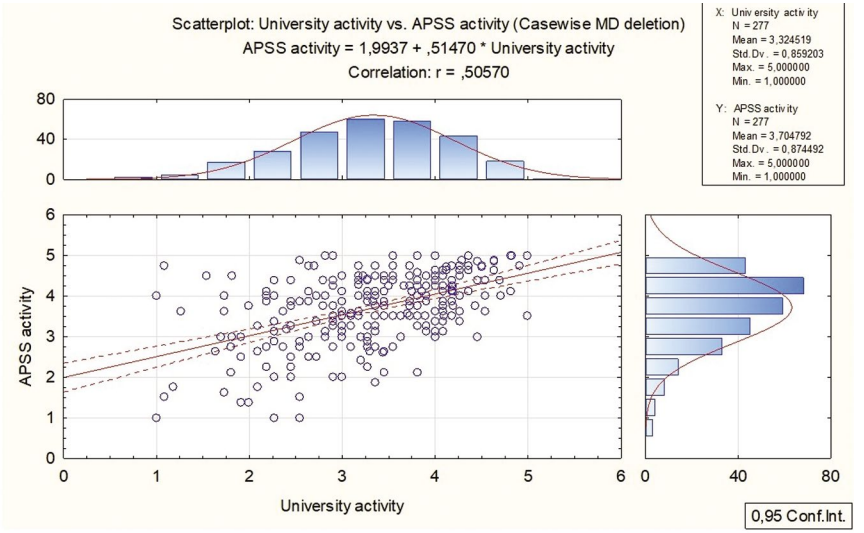

Рис. 8.3. График корреляции между показателями «Активность вуза» и «Активность МПО» по результатам анализа ответов респондентов анкеты — представителей региональных вузов

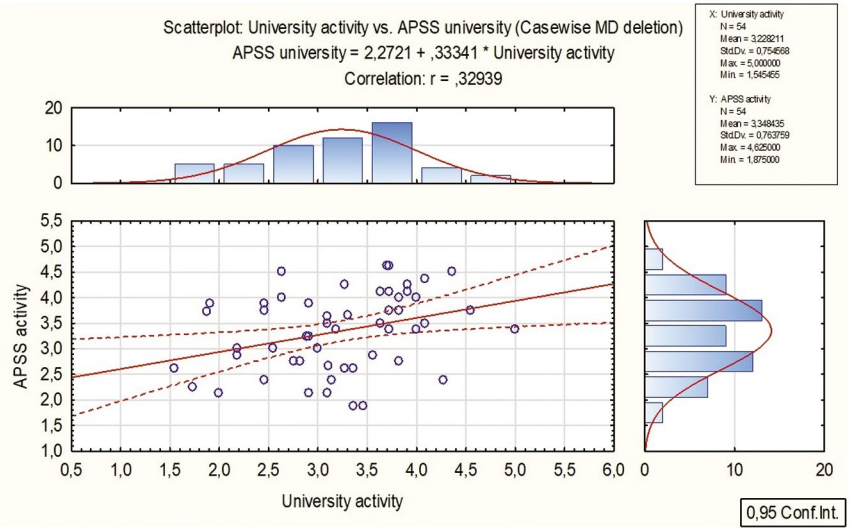

Рис. 8.4. График корреляции между показателями «Активность вуза» и «Активность МПО» по результатам анализа ответов респондентов анкеты — представителей вузов Москвы и Санкт-Петербурга

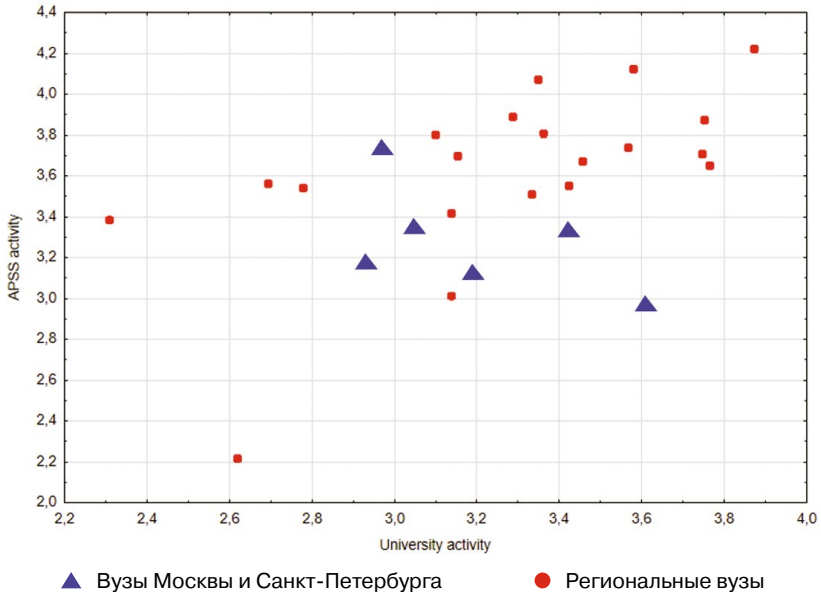

Рис. 8.5. Точечный график распределения усредненных оценок респондентов по вузам (показатели «Активность вуза» и «Активность МПО»)

ностей для развития профессиональных компетенций, вовлечения в профессиональную деятельность у молодых политологов, в этой связи МПО имеет меньшее влияние на политологическое сообщество и в меньшей степени ее деятельность связана с деятельностью вузов.

Деятельность МПО в многочисленных вузах Москвы и Санкт-Петербурга растворяется во множестве «столичных» мероприятий самих университетов (подробнее о них мы расскажем в 10-й главе), иных, городских и всероссийских общественных проектах, имеющих образовательную и даже научную направленность. Среди таковых можно выделить, например:

- проект «Лаборатория социальных наук» (*SSL*), деятельность которой направлена на развитие социальных наук в России через поддержку молодых исследователей, а также разработку и организацию образовательных и исследовательских программ[1];
- просветительский проект о социальных исследованиях *FOM-LABS* (Фонд общественного мнения), занимающийся организацией об-

[1] Официальный сайт Лаборатории социальных наук. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ssl-research.org (дата обращения: 26.05.2020).

разовательных лекториев и поддержкой, популяризацией социальных исследований[1];
- проект «Учи ученого» — школа авторов журнала «Россия в глобальной политике», цель которого — усовершенствование навыка написания понятных и интересных экспертных и научных текстов[2]; просветительский проект «Гражданин политолог»;
- лекции и семинары проекта *InLiberty*[3] по актуальным общественно-политическим темам и многие другие.

Консалтинговые компании, аналитические центры и другие организации приглашают студентов на стажировки, в том числе и с последующим трудоустройством, организуют для них свои проекты и мероприятия, направленные на углубленное знакомство студентов с рабочим процессом и задачами.

Также есть вероятность несоответствия между ожиданиями студентов и реальностью обучения в ведущих «столичных» вузах, что выражается в более сдержанных оценках их деятельности.

В итоге наше предположение, что в более рейтинговых вузах роль молодежных политологических организаций оценивается ниже, чем в остальных, не подтвердилось. Вузы являются основной площадкой получения политологического знания и приращения культурного капитала студента-политолога, а МПО выступает важным, но не ключевым субъектом наращивания культурного капитала. Несмотря на существующие различия в ресурсной базе вузов, студенты могут найти варианты внеаудиторной, дополнительной активности, направленной на развитие компетенций, о чем в том числе свидетельствуют достаточно высокие оценки организации молодежного политологического сообщества в вузах, занимающих в том числе рядовые позиции в рейтингах. Также мы обнаружили, что оценки респондентов из одного и того же вуза могут быть кардинально противоположными, что говорит о приоритете индивидуального подхода студента к участию в студенческой жизни в вузе.

Город расположения вуза, безусловно, является важной составляющей его привлекательности для абитуриента и вместе с тем дополнительным ресурсом культурного и социального капитала, который может получить студент в процессе своей учебной, научной и трудовой деятельности.

---

[1] Официальный сайт Лаборатории социальных исследований. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fomlabs.ru/lectorium (дата обращения: 26.05.2020).

[2] Официальный сайт школы авторов «Учи ученого». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://school.globalaffairs.ru/about-us/ (дата обращения: 26.05.2020).

[3] Официальный сайт проекта «InLiberty». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.inliberty.ru (дата обращения: 26.05.2020).

Однако, как показали результаты нашего опроса, респонденты из Москвы и Санкт-Петербурга оценивают и вузы, и МПО даже ниже, чем их коллеги из регионов. Вероятно, это может быть связано с наличием большого числа альтернативных возможностей развития профессиональных навыков и компетенций молодых политологов, помимо тех, которые формируют университет и политологические организации.

8.5. Основные выводы

В результате анализа окружающей среды сетей молодых политологов выявлены их общие мнения о состоянии политической науки в России, рассмотрены сетевые факторы влияния, в том числе международные, связанные с Болонским процессом. Отдельно проанализирована роль государства и некоммерческих организаций в процессе подготовки молодых политологов на примере передовых западных стран.

Болонская система способствует развитию международных коммуникаций, однако привлекательность образовательных систем стран Запада в первую очередь способствует продвижению позитивного образа своих стран. Россия не является «законодателем мод» в научно-образовательной сфере, что может негативно влиять на внутреннее направление политики «мягкой силы», которая призвана поддержать отечественную образовательную систему и привлечение иностранцев в Россию.

В то же время реформы системы высшего образования европейских стран позволили ликвидировать барьеры внутри академического сообщества и расширить научные сети, интернационализировать науку.

Как показывает практика Германии и США, развитие программ обмена и стажировок действительно помогает формировать положительное отношение иностранцев к системе ценностей, продвигаемых странами. Роль государства в этом процессе ключевая, однако положительных результатов сложно было бы добиться без активной поддержки со стороны некоммерческих организаций. Их главная задача — предоставление возможностей для научно-образовательной деятельности иностранным студентам и исследователям. Чаще всего такие цели достигаются организациями, в первую очередь представляющими профессиональное сообщество, благодаря тесной кооперации с вузами.

Вузы, в свою очередь, являются важнейшей площадкой получения политологических знаний и выступают основным источником культурного капитала политолога. Здесь важны и город расположения вуза, и его рейтинг среди других университетов. Однако, как показали результаты нашего опроса, респонденты из Москвы и Санкт-Петербурга оценивают и вузы, и МПО даже ниже, чем их коллеги из регионов. Возможно, это

связано с тем, что студенты из «столичных» вузов имеют намного больше возможностей для получения новых знаний и работы над своими проектами не только в стенах своего учебного заведения. Поддержка общественной активности студентов вузами является важной составляющей образовательного процесса, и в принципе можно заметить, что более высокие оценки и вузов, и МПО коррелируют друг с другом.

В целом стоит признать, что политологические организации, университеты, молодежные структуры способны обеспечить успешное развитие политологического сообщества за счет интеграции в него молодых политологов, формирования их профессиональной идентичности и содействия развитию сетевых коммуникаций на общегосударственном и международном уровнях.

Глава 9

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

9.1. Поступление на политологические направления подготовки: плюсы и минусы, проблемы и решения

Сложно себе представить, что все абитуриенты, поступающие на политологию, мечтают связать свою жизнь с академической наукой. Но вполне естественно, что эти люди так или иначе интересуются политикой. Поэтому на первых порах молодежь может привлекать в политологии возможность узнать лучше политическую сферу, прикоснуться к ней, найти себя в политике, возможно, реализовать свои мечты, стать политическим деятелем.

Недавние исследования Левада-центра совместно с Фондом Ф. Эберта показывают отсутствие выраженного интереса к политике со стороны молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет (всего 19% интересуются ею). Еще меньше респондентов считают свои собственные знания в области политики хорошими или очень хорошими (11%)[1].

В то же время заметна потребность в обсуждении политических тем в самых молодых возрастных категориях (14–17 лет), «острее реагирующих на происходящее и нуждающихся в подкреплении своей точки зрения со стороны окружающих взрослых или сверстников»[2]. Одним из способов познать политику становится получение политологического образования, поэтому так или иначе количество студентов и качество набора на специальность растут[3]. Одной из задач круглых столов «Знания о политике:

[1] Российское «поколение Z»: установки и ценности 2019/2020 / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева. 2020. — 152 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

[2] Там же. С. 40.

[3] *Карягин М.* Как политизация повлияла на наборы политологов? // Актуальные комментарии. 2017. 8 сентября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://actualcomment.ru/kak-politizatsiya-povliyala-na-nabory-politologov-1709081721.html (дата обращения: 30.04.2020).

как получить и где применить?» было выявление причин, по которым молодые люди идут учиться на политологов.

Сразу на нескольких круглых столах студенты младших курсов смогли рассказать об их мотивации изучения политических наук. Было отмечено, что, несмотря на имеющиеся в политологическом образовании проблемы (подробнее о них см. ниже), его популярность, по крайней мере в «столичных» вузах, растет:

«Я, к сожалению, не смогла по всем собрать вузам, нет единого реестра, который все провели и собрали, сколько. Но по всем ведущим вузам он вырос серьезно, выросло число поступающих, в том числе платно. Это объективно. [...] Иначе говоря, востребованность политологических знаний, как мы видим, возрастает. Вопрос состоит в том, что конкурс на политологическое отделение высокий. В Москве выше, регионах чуть ниже, там есть свои нюансы, тем не менее нигде нет недоборов политологов-бакалавров, везде есть спрос» (Черникова Виктория, доцент, Воронеж).

Но каковы же причины интереса к политологическому образованию? Почему многие молодые люди готовы потратить, как минимум, несколько лет своей жизни на изучение политологии? Хотя этот выбор может быть непростым:

«Зачастую студенты не представляют, где они могут себя реализовать после получения диплома, и работодатели были бы рады, если бы они делали этот выбор еще в процессе своего обучения. Все чаще можно наблюдать, что окончившие высшие учебные заведения идут работать не по специальности, и, к сожалению, эта проблема становится все более актуальна. В нашем возрасте бывает сложно сделать выбор, так как он предполагает ограниченность в дальнейших действиях. Сделав выбор в пользу чего-то одного, мы лишаемся шанса реализовать себя во многих направлениях. Пока в нас живет надежда в то, что мы можем реализовать себя не только в узконаправленной сфере, у нас есть желание сделать как можно больше и как можно лучше. Но, однако, перед выбором сковывает страх» (Потапова Дарья, студент, Томск).

Таким образом, особенностью, но не недостатком политологии как образовательной дисциплины может служить возможность достаточно широкого применения своих знаний и навыков в различных профессиях, не ограничиваясь на этапе обучения узкой специализацией. При этом студенты готовы много работать, познавать и меняться, но их сковывает страх перед неизвестностью: что будет, когда они уже в силу возраста покинут тихую гавань университета? Кроме опасений за собственную судьбу, сту-

денты боятся потерять часть своей свободы, связанной с самореализацией где-то, кроме выбранной специальности. Строго говоря, влияние выбора специальности на профессию крайне велико, но не абсолютно. Однако хватит ли у человека энергии, желания и интеллекта, чтобы успешно реализовывать себя сразу в нескольких ипостасях (например, одновременно в науке, аналитике, на государственной службе)? Верного ответа здесь быть не может, сколько молодых политологов, столько и мнений.

Большой конкурс на специальность связан также с престижем будущей профессии, с ее статусом. Такое понимание вытекает из априорного осознания близости политолога к власти и всему, что с ней связано:

«Во-первых, это статусность и престижность профессии. Во-вторых, если ты политолог, то ты находишься близко к власти. Конечно же, такие факторы, как семья, школа, СМИ, когда мы смотрим в Интернете, и там идут политические программы, и в этих программах принимают участие люди преклонного возраста, ты невольно думаешь — почему же ты там не сидишь» (Неизв., 1-й курс, Барнаул).

То есть буквально политолог как профессионал идентифицируется в качестве человека, близкого к политике, а значит, к государственным и властным структурам. Такая ассоциация происходит даже на лексическом и семантическом уровнях. Лишь потом студенты понимают всю сложность ситуации и натянутость подобной логики.

Некоторых студентов, даже первых курсов, уже интересуют конкретные области знания в рамках политологии, большинство активных участников круглых столов вполне ясно представляют себе карьерные перспективы, не связанные с академической политологией. Широта получаемых знаний и навыков выражается в том числе в желании реализовывать себя в публичных профессиях, лишь косвенно касающихся чисто политической деятельности:

«Я решила поступать на политологию, потому что мне интересна политика по причине политической психологии. Мне интересно, как люди выбирают тот или иной путь. Также в июле месяце я проходила обучение на модель-сессии. В один из дней мы занимались журналистикой — это то, что я люблю и занимаюсь 3 года. Вот, ранее Вы задавали вопрос — привели бы сюда своего ребенка? — Я бы привела сюда своего ребенка, потому что здесь очень дружеская атмосфера, что благоприятно влияет на обучение» (Неизв., 1-й курс, Барнаул).

Комментарий несколько сбивчивый, но более чем информативный. *Во-первых*, пример студентки показывает, что при наличии интереса к процессу обучения даже совсем юные студенты могут определиться со

своим приоритетным направлением развития и исследований на первом курсе. Увлеченность студентки политической наукой очевидна. В частности, она использует эмоционально окрашенные слова, такие как «люблю», «мне интересно». В данном случае речь идет о политической психологии и журналистике. *Во-вторых*, участница круглого стола указывает на еще одну составляющую успеха политологического образования — дружескую и позитивную атмосферу. Наверняка здесь идет речь как о кафедре или факультете, так и о студенческой группе и потоке. Данный фактор важен для получения любого образования.

Помимо высоких проходных баллов на политологические специальности, существуют и другие препятствия, связанные с обучением на политолога. Некоторые считают, что освоение учебной политологической программы — непростая задача. С одной стороны, она содержит дисциплины, требующие внимания и строгого самоконтроля, а с другой — политолог — творческая профессия, требующая рефлексии над происходящими событиями и генерирования новых смыслов. Сразу на нескольких круглых столах студенты подчеркивали трудность освоения специализации, связанной с политикой. Приведем несколько примеров:

«А тех людей, кто действительно хочет академическую карьеру построить, их не так много. Но, может быть, их и не должно быть много, с другой стороны, потому что это, в общем-то, серьезная и сложная работа. Это очень тяжело» (Деткина Валерия, аспирант, Казань / Москва);

«Политология более сложная сфера, и нужно не просто где-то общаться, с кем-то общаться. Нестись вперед. Постоянно что-то изучать, нестись по миру» (Переверзнева Эвелина, студент, Калининград);

«И хороших GR-специалистов мало. Хороший GR-специалист — это тот, кто может анализировать информацию, хорошо писать. Это сложная профессия. Потому что ты должен уметь как коммуницировать, так и анализировать» (Алешин Артем, студент, Калининград).

Таким образом, многие студенты осознают, что современный и сильный политолог должен сочетать навыки коммуникации и умение анализировать информацию.

При выборе вуза и направления обучения во многих случаях велико влияние родителей. Причем оно может сыграть как в пользу выбора политологии как направления обучения, так и против принятия такого решения:

«Я учусь на международных отношениях, на зарубежном регионоведении. Изучаю регион Китай. У меня все началось с языкового направления, потому что я начала изучать китайский язык в 15 лет. И поэтому пошла на эту специальность, потому что решили родители, что лучше

знать не только язык, но еще регион. То есть это более широкая специальность, чем только язык» (Бойко Жанна, доцент, Челябинск).

«Международные отношения» не тождественны политологии как учебной дисциплине или направлению подготовки. Однако на этом примере хорошо видна одна из родительских логик при определении будущего ребенка. Получение высшего образования рассматривается как органичная ступень развития личности и уже существующих навыков. Здесь есть и тонкий психологический момент, связанный с важностью своевременного понимания способностей и склонностей старшеклассника.

Есть и обратные примеры:

«По моему мнению, плановость политологического образования — это и плюс, и минус. Просто почему? Мы да, профильные специалисты, которые могут работать практически в любой сфере. А минус почему? Потому что, когда школьники выбирают место обучения, они больше слушают мнение родителей, а родители были воспитаны немного в консервативной сфере. Они до сих пор не понимают, кто такие политологи. И выбирают для детей более узкие специальности, ГМУ, например, и юридические, допустим» (Тюпенкова Елизавета, студент, Барнаул).

В данном случае, хотя пример противодействия родителей выбору специальности «Политология» носит абстрактный характер, многие вчерашние школьники, выбирая политические науки в качестве своей стези, сталкивались с сопротивлением отца или матери. Вместе с тем, предположим, мнение родителей в данном случае связано не с их консерватизмом. Для них «Политология» как направление обучения просто менее понятно, а оттого и будущие карьерные перспективы туманны. Многие зрелые люди могут думать о политологах как о специалистах «по всему, да ничему». Однако широкий набор знаний может, наоборот, расширить возможности для самореализации.

Многие студенты в качестве демотивирующего фактора поступления на политологию называли купирование социальных лифтов, в том числе и в политических институтах, органах государственной власти:

«Они стремительно начинают закрывать эти лифты, чтобы не попали туда люди, которые могут составить им конкуренцию. И у этого есть только один инструмент — время, должно пройти много времени» (Холодов Илья, депутат городской думы, Тверь).

Об этой проблеме уже упоминалось в § 9.1 (о скепсисе относительно профессионального будущего молодых политологов). Там же было сказано, что это не повод не прилагать усилия по построению карьеры в политологии, политике или аналитике.

В качестве одного из недостатков политологического направления в современной России некоторые студенты называют слабый образовательный маркетинг. Как уже говорилось выше, школьникам и их родителям часто просто непонятна специальность. Хуже всего то, что мало кто трудится объяснять им все плюсы обучения на политологии:

«Вы меня как бренд должны взять на ручки и забрать, потому что я ваше будущее. Я прихожу, зачем мне нужно, чтобы у меня появлялось чувство разочарования? Я знаю, на каком этапе у нас все находится, но для того, чтобы политическое образование как-то развивалось, а не находилось в стагнации, оно должно работать над брендом, популяризацией, представительством в школах, чтобы политология развивалась» (Щеглов Кирилл, студент, Калининград).

Участник круглого стола справедливо указывает, что в современной России не сформирован бренд политологического образования. Зачастую студенты не знают, зачем приходят на направление «Политология», или, напротив, имеют чересчур завышенные ожидания от обучения:

«Для начала я хочу сказать, что я, как девочка из Улан-Удэ, думала, что, поступая на политологию, стану депутатом, но увы...» (Абдуллаева З., Кемерово).

Наверное, в том, что политология как учебная специальность и наука до сих пор остается не до конца понятой, есть вина и политологических организаций. Сделать науку о политике, знания о политике более понятными — важнейшая задача и вызов, которые стоят перед политологическим сообществом прямо сейчас. Это еще одна проблема, на которую указал, например, студент К. Р. Щеглов, — нужно популяризировать политологию в школах. Такие же мнения высказывались и на других круглых столах:

«Потом, я считаю, что очень важно проводить просветительскую работу, конкурсы по повышению уровня политической грамотности... Надо продумать концепцию, как можно вознаградить людей, родителей. Например, люди у нас пишут большой географический диктант, большой этнографический диктант 1 ноября будет проходить в Тульской области. А почему не реализовать такой проект, как “Большой политический диктант”?» (Савина Екатерина, аспирант, Тула).

Именно в школе начинается гражданское образование, и политологическому сообществу, в том числе и молодежному, не стоит об этом забывать.

Таким образом, поступая на политологическую специальность, студент сталкивается с большим количеством вызовов. При этом он не всегда понимает суть направления, на которое поступил. В результате это может

завершиться либо обманутыми ожиданиями, либо апатией к процессу обучения. Особенно это заметно по тем людям, которые шли для того, чтобы стать политиками, практиками. Без общетеоретических знаний и развития критического мышления очень сложно представить хорошего политолога, но объяснить это молодым людям порой бывает достаточно сложно.

Решением здесь может стать объективный рассказ абитуриентам и юным студентам о политологии как науке и учебной дисциплине, перспективах обучения и основных компетенциях, которые они получат. Вместе с тем политология остается относительно популярным направлением, а студенты и выпускники все же имеют неплохие перспективы, хотя и буквально «с места в карьер» погружаются в конкурентную среду.

9.2. Политическое участие молодых политологов

Вопрос о политическом участии молодых политологов уже затрагивался ранее в контексте поиска ответа на вопрос — должен ли исследователь быть вовлечен в политические процессы? Или он обязан их анализировать как сторонний наблюдатель? Было отмечено, что вопрос сложный и каждый сам делает свой выбор.

Проблеме вовлеченности ученых в политику посвящено много работ, но взгляды исследователей порой диаметрально противоположны. Например, позитивисты и бихевиоралисты[1] считают, что ученый должен оставаться сторонним наблюдателем, марксисты отмечают «объективные законы» социального развития[2], которые определяют активную включенность в политическую борьбу представителей науки. Постбихевиоралисты попытались найти «золотую середину»: Д. Истон говорил, что наука должна быть не ради науки, а ради улучшения общества, конструирования новой, лучшей социальной реальности, соответственно, ученые несут ответственность за продвигаемые идеи и сами в какой-то степени становятся политиками[3].

Для молодых политологов проблема политического участия стоит даже более остро, и подкрепляется она еще тем, что они не могут определиться

[1] *Конт О.* Дух позитивной философии. М.: Либроком, 2012. — 92 с.; *Pye L.* The Behavioral Revolution and the Remaking of Comparative Politics // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis // Ed. by R. E. Goodin, Ch. Tilly. Oxford: Oxford University Press, 2006. — 869 p.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Полное собрание сочинений (ПСС). М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 4. С. 419–459.

[3] *Easton D.* The future of the post-behavioral phase in political science // Contemporary Empirical Political Theory / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley; Los Angeles, 1997. P. 13–46; *Easton D.* The new revolution in political science // American Political Science Review. 1969. No. 63(4). P. 1051–1061.

с будущими перспективами, но близость к политике в любом случае определяет необходимость делать выбор, в том числе моральный и этический. Поэтому рассмотрим проблему политического участия сквозь призму возможностей самореализации молодежи в политике.

Самая очевидная возможность приобщиться к политике в раннем возрасте — это участие в общественной деятельности в рамках общественной организации и в молодежной политике в целом. На круглом столе в Иркутске проблемы молодежной политики стали одной из центральных тем. Один из докладчиков обратил особое внимание на проблемы, существующие в этой сфере. Всего было названо порядка 15 проблем, характерных для молодежной политики современной России. Среди них выделим недостаточное законодательное регулирование, отсутствие четкого целеполагания в документах, связанных с молодежной политикой, а также отсутствие сильной центральной структуры, курирующей молодежную политику:

«Отсутствие законов о молодежной политике тоже. Не может политика существовать, если она не закреплена на нормативно-правовом уровне, эта проблема имеет острое отношение к сфере ГМП (под ГМП спикером понимается государственная молодежная политика. — Д. А.)...» (Мащенко Анна, студент, Иркутск);
«Недостаточная эффективность Федерального агентства по делам молодежи, которое занимается реализацией ГМП. Я считаю, что нашей стране нужно нечто большее, чем это агентство. Действительно, должна существовать огромная большая структура, которая бы осуществляла деятельность по делам молодежи по разным направлениям» (Мащенко Анна, студент, Иркутск).

На самом деле «Росмолодежь» как раз и является организацией, которая отвечает за молодежную политику в России. При этом в своей деятельности она делает упор на общественную активность молодых людей. Наука здесь находится на периферии.

Вопрос о создании централизованной организации уровня ведомства, регулирующего молодежную политику, сложен. Заинтересованность молодых людей в такой структуре понятна, ведь это может повлечь увеличение финансирования. Хочется отметить, что на таком примере видно, как существующая модель принятия политических решений влияет в том числе и на молодежь. На круглом столе было отмечено: молодежные *политические* организации — это одни из немногих структур, которые организованы горизонтально. Здесь есть место «низовым инициативам» в большей степени, чем в вертикально организованных структурах (например, в министерствах). Многие привыкли быть исполнителями уже принятых решений, а не генерировать идеи, выходить с новыми инициативами. Отсюда

стремление передать этот уже порой забытый функционал в единый центр принятия решений, в то самое воображаемое профильное министерство. Сетевая структура подразумевает творчество и инициативу, вертикальная — исполнение того, что уже придумано:

«Безусловно, если понимать доклад Анны Сергеевны, то если мы говорим о других отраслях экономической сферы, они являются вертикальными, единственной горизонтальной сферой является государственная молодежная политика. Смотрите, там есть молодые специалисты, молодые инвалиды, молодые ученые, т.е. мы возьмем вертикальные сферы: наука, социальная защита — это вертикальные сферы» (Неизв., Иркутск).

В Твери гостем круглого стола стал молодой депутат городской думы И. А. Холодов. Он отметил, что время молодежных политических организаций уходит:

«Время молодежных общественных организаций официально ушло. Связано с высокой степенью ее финансового содержания, стоят общественные организации, содержание в год, если ты получаешь какие-то деньги грантовые, порядка 30 000 рублей уходит на зарплату, это очень дорого. Стремительно сокращается круг тех, кто допущен к содержанию этих организаций» (Холодов Илья, депутат городской думы, Тверь).

Таким образом, старый формат «больших» молодежных политических организаций начинает себя исчерпывать. Данную тенденцию сложно охарактеризовать как позитивную или негативную. Слабости молодежных организаций открывают возможности для небольших волонтерских объединений. Их деятельность строится в основном на энтузиазме, а не на материальных стимулах. Таким образом, для некоторых молодежных организаций появился шанс заявить о себе.

Один из немногих институтов, которые еще могут поддерживать и содержать молодежные политические организации, — это политические партии. По крайней мере, каждая парламентская партия имеет относительно крупную молодежную организацию:

«Нынешние политические организации действительно представляют собой множество возможностей. И вот как сказал молодой человек про взносы, что люди не хотят вступать в организации, потому что приходится платить взносы, я с этим не соглашусь. Например, тот же самый “Ленинский комсомол”, он не берет никаких взносов, и все мероприятия, митинги, они финансируются за счет КПРФ. И там действительно много возможностей, полезная организация» (Кулеш Виктория, студент, Орел);

«Такая организация, как “Молодая гвардия”, является самым крупным молодежным движением в России. Это тоже говорит о многом, сколько молодых ребят задействованы в политике, что говорит о многом» (Неизв., Орел).

Также молодежные организации есть у ЛДПР («Соколы Жириновского») и «Справедливой России» («Молодые социалисты России»). Если молодой человек поддерживает ту или иную политическую силу, то построение карьеры в партийной структуре — вполне перспективный вариант. Однако это непростой путь, так как в таких структурах велика конкуренция между ее членами, в том числе из-за относительно низкого порога входа в организацию. Как минимум, такое вхождение в политическую систему не требует материальных затрат.

При этом на некоторых круглых столах был высказан запрос на деятельность оппозиционных молодежных организаций:

«У нас в России эти организации в основном государственные, т.е. можно вступить не потому что интересно, а молодежь видит все это и постепенно разочаровывается. Из-за того, что нет возможности реализовать, возникает политическая апатия. Тут я бы сказал, что нужно работать над развитием частного сектора, в рамках ассоциации организации» (Неизв., Орел).

Речь идет о развитии негосударственных молодежных организаций, безусловно важном направлении. Однако инициатива о создании таких организаций должна исходить «снизу», от инициативных групп или от политических лидеров, которые не связаны с государственными структурами. Тем более что, по крайней мере, у части молодежи есть запрос на политическое участие, в том числе и оппозиционного характера. Достаточно вспомнить события, предшествующие выборам в Мосгордуму в 2019 г.:

«По официальным данным МВД, насчитывалось всего 20 тыс. человек, когда организация “Белый счетчик” насчитала 50 тыс. митингующих, только прошедших через рамку. Однако больший резонанс был вызван не дезинформацией о количестве участников, а жестоким отношением к ним органов правопорядка» (Скрябина Анастасия, Йошкар-Ола).

По словам очевидцев, существенное количество протестующих было довольно молодого возраста. Так, на митингах 10 августа доля возрастной группы 26–35 лет от общего числа протестующих составила 36%, что довольно существенно[1]:

[1] Как изменился протест // Ведомости. 2019. 30 сентября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 08.04.2020).

«Насколько мы знаем, на последние выборы не допустили много независимых кандидатов, за которых бы проголосовала молодежь, и поэтому они ходили на митинги, чтобы допустили именно тех людей, которые им симпатизируют, а если нет человека, за которого они бы проголосовали, то и смысла нет идти на выборы» (Кулеш Виктория, студент, Орел).

Таким образом, молодежь готова участвовать в политике, однако ее мнение может расходиться с воззрениями большинства. Здесь необходимо помнить, что активность, в том числе и на оппозиционных митингах, не всегда означает непримиримые противоречия с властью. Старшеклассников и младшекурсников может привлекать новизна мероприятий, ощущения, опыт, который для них еще недавно был недоступен. В то же время для возрастной категории «25–36 лет» важнее именно политические требования и программы, так как их собственные принципы к этому времени уже во многом сформированы.

В целом посещение митингов для молодых политологов кажется даже полезным с точки зрения накопления эмпирического материала для исследований и написания студенческих работ, а также ознакомления с максимально полным спектром политических позиций, форм участия, понимания политических процессов, позволяет быть в тренде современных тенденций развития отношений между обществом и государством.

Представляется, что различные формы политического участия для молодых политологов полезны, они могут выступать воспитательным и социализирующим фактором. В данном случае речь идет и об участии в митингах, и о деятельности молодежных политических организаций, иных общественных, волонтерских структурах, и даже просто о реализации активного избирательного права:

«Лишь 8 процентов современной российской молодежи готовы проявить политическую активность, т.е. способны действовать ради общего блага. Отсутствие элементарных знаний о политике, несформированность навыков конструктивного политического участия, недостаточный жизненный опыт делают молодежь уязвимой и неустойчивой к влиянию различного рода политических сил, в том числе и популистских, и экстремистских» (Андреев Андрей, студент, Белгород).

Исходя из всего вышесказанного отметим, что политическое участие закладывает не только фундамент, связанный с прикладными политологическими навыками. Именно здесь можно начать получать тот самый опыт работы по специальности, о котором не раз упоминалось на страницах книги. Политическое участие является залогом воспитания гражданской культуры

и предоставляет молодому политологу возможность быть «политологом-гражданином» (см. § 3.3). Также необходимо помнить о принципе научной непредвзятости. Когда молодой политолог пишет статью, проводит исследование, его политические предпочтения должны уходить на второй план.

9.3. Роль молодежных политологических структур в образовательном процессе

Деятельность молодежных политологических организаций, в отличие от политических, направлена прежде всего на исследовательскую активность, проведение совместных научных мероприятий, конференций, круглых столов, а также на активизацию взаимодействия молодых политологов из разных регионов России, нетворкинг:

«Совет (Совет молодых политологов РАПН. — *Д. А.*), *у него много различных направлений деятельности, и студент, начиная уже с первого курса, может себя как-то уже проявить и получить опыт, например, в тех же исследовательских проектах, в каких-то мероприятиях, тех же круглых столах. Он уже нарабатывает себе опыт, он уже может проявить какие-то начальные свои навыки» (Соколова Анастасия, студент, Кемерово).*

Молодежная политологическая организация выступает в качестве площадки для самореализации молодого политолога, раскрытия в первую очередь его научного потенциала. Здесь он делает первые шаги в качестве исследователя. Также у него появляется одна из первых реальных возможностей отточить коммуникативные навыки, устанавливая контакты с коллегами из других регионов. Впоследствии он не обязательно построит научную карьеру, однако опыт, получаемый в организации, позволит ему развивать дополнительные компетенции.

Также членство в молодежной политологической организации открывает более широкие возможности для участия в профильных студенческих научных конференциях. Даже для студента бакалавриата это полезно в контексте апробации результатов исследования в рамках выпускной квалификационной работы. Кроме того, через аффилиацию с такой организацией часто проще опубликовать свою статью в научных журналах, индексируемых ВАК или РИНЦ:

«Их преимущество (молодежных политологических организаций. — *Д. А.*) *состоит в том, что каждый желающий может попробовать свои силы в научной деятельности. Например, членство в сетевых структурах, таких как СМП РАПН, дает возможность молодым политологам принимать участие в круглых столах, конференциях,*

форумах, заниматься публикационной деятельностью и т.д. Разбирая на практике политические вопросы и взаимодействуя друг с другом, они обмениваются идеями и опытом, все больше понимая политическую реальность» (Карташова Анастасия, студент, Москва, тезисы).

Данный фрагмент обращает на себя внимание тем, что молодежные научные организации (СМП РАПН как их частный случай) охарактеризованы как «сетевые структуры». Благодаря такому сообществу у студентов появляются все возможности для преумножения собственного символического капитала, который они получают в вузе. Речь идет о новом знании, связанном с политикой[1].

Некоторые участники круглых столов транслировали рациональный и даже утилитарный подход к молодежным политологическим организациям. Например, А. Ю. Красноперов назвал их неплохим ресурсом для молодого политолога:

«Политолог как профессионал стоит выше в моей системе ценностей, чем сама организация, и поэтому я рассматриваю это так: когда ты вступаешь в организацию, если ты профессиональный политолог, то ты используешь эту организацию как ресурс... вопрос "А что может дать организация?" — это неправильный вопрос, он пассивный род предполагает. Правильный вопрос "А что я могу взять с этой организации?"» (Красноперов Антон, аспирант, Томск).

Кроме того, в своем докладе он обратил внимание на четыре составляющие, которые могут быть предоставлены организацией для перспективного ученого:

«Первое — это все, что связано с мероприятиями, любыми мероприятиями... Второе — это связи. В организации связи проявляются не столько внутри самой организации, сколько вне ее... Третье — это статус. Но статус — это для самооценки, хотя при этом статусы — это тоже важная штука... И четвертое — это опыт, опыт организации этих мероприятий, который вы не получите в университете, как бы сильно вы этого ни хотели» (Красноперов Антон, аспирант, Томск).

То есть политологическая организация может дать студенту и молодому ученому не так уж и мало, главное — не ждать, когда кто-то что-то предоставит, а брать самому. В то же время докладчик обратил внимание на моменты, связанные с нетворкингом, а не, например, с публикационной активностью. Действительно, чтобы молодому ученому генерировать научный контент, интересный другим исследователям, не так важно быть

[1] *Помигуев И. А.* Особенности сетевого подхода к изучению сообщества молодых политологов // Власть. 2019. № 4. С. 94–100.

членом какой-либо организации. Следовательно, для признания академическим сообществом состоять в какой-либо общественной организации не обязательно. Однако это, несомненно, может помочь при построении академической карьеры.

Молодежная политологическая организация — это шанс не только показать себя, но и перенять опыт коллег на мероприятиях или в работе над совместными проектами, в том числе исследовательскими:

«СМП РАПН — возможность для молодых политологов опробовать себя в качестве исследователя: студенты могут ознакомиться с механизмами построения программы исследования, проведением исследований, отточить навыки владения методологией исследований» (Гуревич Даниил, студент, Томск).

При этом молодежная политологическая организация не должна замыкаться на чисто политологических сюжетах, хотя они и имеют первостепенную важность. В XXI в. ключевые открытия делаются на стыке наук. Политология в этом смысле не является исключением: ее частью являются такие области знания, как политэкономия, политическая социология, политическая история и др.

В одном из докладов на круглом столе в Иркутске было показано, например, как география может помочь в исследованиях, связанных с политической наукой:

«Важным направлением для политологов является электоральная география. Но простое нанесение результатов выборов на карту еще не является такой географией. Когда мы начинаем анализировать, почему в том районе проголосовали больше, а в том меньше. Проводим таким образом районирование, таким образом, здесь выступает уже географический анализ. И здесь даже сейчас выиграла грант одна наша коллега, суть ее исследования заключается в том, чтобы увязать то, насколько этничности тех или иных районов влияют на политические предпочтения во время выборов» (Фартышев Арсений, научный сотрудник, Иркутск).

Политическая география действительно является одним из перспективных направлений исследований. Причем у нее есть как теоретический, так и прикладной потенциал для развития. Например, при диагностике в преддверии избирательной кампании важно учитывать географический и этнический факторы. Примечательно, что один из наиболее видных политических географов России — И. Ю. Окунев — достиг успеха на академическом поприще во многом благодаря активному участию в работе молодежной политологической организации. Пример с географией по-

казывает, что в молодежные политологические организации важно интегрировать не только молодых политологов, но и студентов, обучающихся на других специальностях и интересующихся наукой. Взаимное обогащение знаниями будет способствовать образованию более сложной сетевой структуры взаимодействия молодых ученых. Сеть как бы выходит на новый уровень, преодолевая границы политического сообщества.

Однако у молодежных политологических организаций есть и проблемы. Самая главная из них — низкий уровень их известности среди студентов:

«Я рассуждаю как обыватель, заполняя эту анкету, я не знаю этого, потому что в моем вузе этого не проходит, и ничего не проходит в региональном плане. Я только сейчас узнал о Совете и о Председателе. Это о чем говорит? О том, что не информируют, о том, что никакого бренда не создано, никакого аппетита» (Щеглов Кирилл, студент, Калининград);

«Скажу честно, с молодежными политологическими организациями не удалось мне повзаимодействовать ни разу в жизни. Я с разными политическими организациями взаимодействовал, абсолютно разного политического толка, поэтому изучу материалы, которые есть в раздатке, — пойму, кто такие молодежные политологические организации, а потом уже скажу Вам» (Гладких Иван, Барнаул).

На ряде круглых столов также было высказано мнение о недостаточной информированности о деятельности молодежных научных организаций. Информационное направление в некоторых из них развито слабо. При этом необходимо отметить невысокий интерес к научной деятельности у некоторых студентов (это показали и результаты проведенного опроса в рамках данного исследовательского проекта), и это естественно. Обучающийся просто получает политологическое образование и реализует себя вне академической сферы. Таким образом, целевой аудиторией политологических сообществ изначально являются не все студенты.

Вместе с тем необходимо помнить, что и самим студентам нужно проявлять интерес к поиску возможностей для самореализации в науке. Говоря проще, не только молодежные политологические организации должны рекрутировать новых членов, но и самим молодым исследователям следует стремиться вступить в организацию. Здесь должна максимально приветствоваться студенческая инициатива, в том числе и по формированию новых молодежных научных структур или созданию регионального отделения на базе уже существующей организации.

Одной из целей проведения круглых столов в рамках грантового проекта как раз и стало донесение до широкой аудитории пользы от деятельности молодежных политологических организаций. Проведение подобных мero-

приятий — одна из главных задач таких структур, а успехом в данном случае является расширение сетевого сообщества молодых политологов:

«Я с большим удовольствием наблюдаю за той огромной работой, которую проделывает Молодежный Совет РАПН, считаю, что эта организация живет, она имеет реальные всероссийские масштабы» (Щербинин Алексей Игнатьевич, профессор, Томск);
«Мое мнение, что повышать политическую грамотность нужно, развивая такие движения, как СМП РАПН и так далее. Люди будут не подвержены партийной пропаганде, подвержены конкретному объективному взгляду. Если проводить почаще такие аналогичные круглые столы, конференции, мастер-классы, лекции, семинары по повышению политической грамотности с людьми других специальностей, не только с политологами» (Савина Екатерина, аспирант, Тула).

Успешная реализация подобных проектов не только усиливает сами молодежные научные организации, но и расширяет политологическое сообщество и дает стимулы к дальнейшей работе.

Таким образом, молодежные политологические организации являются возможностью для начинающих исследователей развить свои навыки, показывать себя на мероприятиях, реализовать свои проекты и искать единомышленников. Именно такие организации становятся главным проводником для молодого политолога в профессиональное сообщество, а также площадкой для взаимодействия политологов из различных университетов, научных школ и регионов России.

9.4. Основные выводы

Несмотря на все трудности, у молодых политологов все же остается пространство для самореализации, использования получаемых знаний и навыков. Среди политологических профессий студенты особое внимание обращают на политтехнологов, аналитиков, журналистов, исследователей, чиновников. Кроме того, политологическое образование очень важно для становления человека как личности и гражданина.

Выпускник-политолог сталкивается с рядом препятствий при построении карьеры в политической и политологической сферах. Среди них стоит выделить прежде всего завышенные, в том числе и финансовые, ожидания. Реальность такова, что молодой специалист должен быть готов проработать некоторое время за скромное вознаграждение, и это касается не только политической сферы. При этом, чтобы достичь успеха, молодому политологу необходимо много работать и успевать выполнять поставленные задачи, а для этого нужно грамотно расставлять

приоритеты. Также студенту для построения карьеры важно проявлять инициативу. Хотя университет и другие организации должны ему помогать, но студенту и самому необходимо искать новые возможности, стажировки, практики.

Участие юных политологов в деятельности политических организаций на первый взгляд может войти в противоречие с их исследовательской деятельностью. Распространена точка зрения, что исследователь не должен принимать участие в политическом процессе, оставаясь беспристрастным наблюдателем. В то же время политическая деятельность, особенно в студенческие годы, дает богатый жизненный опыт и позволяет отточить практические навыки. В конечном итоге эту дилемму каждый разрешает для себя сам.

Деятельность молодежных политологических объединений связана с исследованиями, а также расширением коммуникаций между молодыми политологами из разных регионов. Такие структуры дают ресурсы, посредством которых у молодых политологов появляется возможность проводить научные мероприятия, обмениваться опытом, обретать статус. Основной их проблемой, по словам участников круглых столов, является относительно низкая их известность среди студентов. При этом, являясь площадкой для взаимодействия начинающих политологов, молодежные политологические структуры открывают новые перспективы для публикации научных работ, расширения возможностей участия в научных мероприятиях на федеральном и региональном уровнях.

Глава 10

ПРАКТИКИ РАБОТЫ С МОЛОДЫМИ ПОЛИТОЛОГАМИ

10.1. Практики работы молодежных политологических структур

В представленном исследовании уже многие аспекты влияния МПО на молодых политологов были рассмотрены. В данном параграфе будет раскрыта еще одна сторона — конкретные практики работы и функционирования подобных структур, и предлагаем начать с рассмотрения студенческих сообществ, формируемых по профессиональному принципу, а не только по принадлежности к определенному вузу.

Студенческие организации различных направлений и функционального назначения особенно активно возникали в Европе и США в 60-е годы XX в., и связано это было с увеличением численности аспирантов и молодых ученых. Студенты были заинтересованы в улучшении условий в обучении и работе в вузе, для чего объединялись в студенческие союзы, которые занимались представлением их прав и защитой их интересов. Процент иностранных студентов в этих вузах был значительным, и сети контактов студентов быстро вышли за рамки национальных границ.

Студенческие структуры часто не ограничиваются рамками одной страны. Идеи создания единого Европейского образовательного пространства были продиктованы современной реальностью, в которой возрастает мобильность, стираются границы, интернационализируются коммуникации. Студенты видят необходимость в общении с ровесниками из других регионов. Такой студенческий диалог способствует приросту знаний, интеграции в научное, профессиональное сообщество.

Болонский процесс стал одним из факторов, способствующих интеграции европейских университетов и европейского студенчества в единое пространство, и одновременно с тем является прямым следствием процессов глобализации и международной интеграции, особенно явно протекающей на Европейском континенте.

В данной связи вызывают интерес сложившиеся практики работы молодежных политологических организаций и их основные ориентации.

Для анализа были выбраны:

- Международная ассоциация студентов-политологов (*IAPSS*) — наиболее крупная и известная международная организация;
- Совет молодых политологов Российской ассоциации политической науки и Молодежное отделение Российского общества политологов — крупнейшие молодежные политологические организации в России.

Международная ассоциация студентов-политологов

Идея создания международной студенческой организации для студентов-политологов возникла в 1996 г. во время визита студентов-политологов из Нидерландов в Италию[1]. В то время большинство академических дисциплин уже имели свои международные студенческие сети, однако для студентов политологии подобных институций создано не было.

31 октября 1998 г. Международная ассоциация студентов-политологов (*IAPSS*) была официально учреждена в Лейдене (Нидерланды). Основная цель состояла в создании площадки, объединяющей национальные ассоциации политологов и студентов, предоставляя им доступ к постоянному потоку информации по актуальным вопросам в области политических наук. Кроме того, такая ассоциация должна была обеспечить платформу для обмена идеями и опытом, оказания взаимной помощи в проведении исследований.

Изначально центром притяжения *IAPSS* была Европа, где за первые три года своего существования удалось объединить 17 ассоциаций под эгидой *IAPSS*.

Один из наиболее важных периодов в истории Ассоциации начался в 2003 г., когда на Генеральной ассамблее (высшем руководящем органе *IAPSS*) в Любляне (Словения) делегаты приняли решение придать более формальный статус Ассоциации, создав штаб-квартиру и секретариат на базе Университета Любляны.

Поворотный момент в истории *IAPSS* произошел в 2001 г., когда присоединились три ассоциации с Африканского континента, что позволило ей выйти за пределы Европы и придало статус по-настоящему международной сети. Всего через год после этого первого трансконтинентального расширения ее членами стали также ассоциации из Северной и Южной Америки, а также Азии.

С этого момента Ассоциация активно работает в направлении расширения международного участия. Можно сказать, что на сегодняшний день

[1] Официальный сайт *IAPSS*. URL: https://www.iapss.org (дата обращения: 20.03.2019).

она является крупнейшей международной молодежной политологической организацией, которая объединяет в себе практики работы организаций со всех континентов. Данный факт обуславливает особый интерес к работе организации.

Сегодня мероприятия *IAPSS* проходят в разных странах, созданы региональные отделения в Африке, Азии, Европе, Латинской Америке, США и Канаде, Океании. Целенаправленно расширяются практики совместного участия студентов в мероприятиях, проводимых в странах регионов, а также интеграции в команду Ассоциации для организации работы.

В рамках Ассоциации существуют разнообразные площадки, предоставляющие широкие возможности для вовлечения молодого студента-политолога в профессиональную и научную среду. Среди них:

- *Исследовательские комитеты*, направленные на развитие исследовательского потенциала с последующей возможностью публикации результатов работы в формате статьи в журналах Ассоциации. Комитеты работают независимо от Ассоциации, которая формирует сеть контактов потенциальной исследовательской группы. В каждый комитет входит несколько исследовательских проектов. Члены *IAPSS* могут присоединяться к работе существующих либо создавать новые исследовательские проекты под свои научные интересы. Результаты исследований представители комитетов имеют возможность презентовать на конференциях Ассоциации, площадках летних и зимних школ, также других мероприятиях. На данный момент функционирует 12 комитетов[1].
- *Издание рецензируемых журналов*. Основной журнал Ассоциации — *Politicon*, в который принимаются статьи по широкому спектру политологических тем. *Encuentro Latinoamericano: Revista de Ciencia Politica (ELA)* — издание, посвященное латиноамериканской политике[2].
- *Научно-популярный блог Ассоциации «Разные взгляды»* (*A Different View*) является на сегодняшний день одним из крупнейших студенческих блогов, где публикуются статьи, посвященные разнообразным аспектам политической теории, внешней политики и международных отношений[3].

[1] Student research committees IAPSS. URL: https://www.iapss.org/academics/student-research-committees/ (дата обращения: 20.05.2020).

[2] Politicon // IAPSS. URL: https://politikon.iapss.org/index.php/politikon (дата обращения: 20.05.2020).

[3] Different view // IAPSS. URL: https://www.iapss.org/academics/a-different-view/ (дата обращения: 20.05.2020).

- Два раза в год (в зимний и летний периоды) *IAPSS* в разных странах проводит *школы*, представляющие собой смесь лекционных и семинарских занятий и нетворкинга, что позволяет участникам школ не просто пополнить багаж знаний, но и расширить сеть своих контактов, найти единомышленников из разных стран[1].
- *Учебные поездки* — установленный формат мероприятий *IAPSS*, где ее члены собираются вместе, общаются с коллегами со всего мира и исследуют конкретную тему. Поездки включают в себя посещение различных государственных учреждений, встречи с политиками и журналистами, представителями бизнеса, дипломатами и другими популярными личностями.
- *Международный конгресс Ассоциации* — одно из наиболее масштабных мероприятий *IAPSS*, которое можно назвать флагманским. Конгресс проходит ежегодно, по определенной теме, которая меняется из года в год и является основной темой деятельности *IAPSS* в год проведения конгресса, соответствует актуальной международной политической повестке. В рамках конгресса проходят очень разноплановые мероприятия, среди которых: секции конференций, деловые игры в формате дебатов, презентации исследовательских проектов, дискуссионные сессии и лекции известных ученых и т.д. Формат проведения конгресса дает возможность для общения широкому кругу участников–молодых политологов из более чем 50 стран мира как с авторитетными учеными, экспертами, так и с представителями общественных и политических организаций[2].
- *Академический конвент* (*IAPSS Academic Convention*) — площадка, организованная в партнерстве с Международной ассоциацией политической науки (*IPSA*) и Международной научной организацией (*ISA*) с целью обмена идеями и исследовательскими наработками. Участие в Конвенте дает возможность исследователям презентовать свои работы, вынести их на суд зарекомендовавших себя исследователей и получить от них ценные рекомендации. Также в рамках Конвента организованы курсы лекций и культурная программа. Академический конвент традиционно проводится в разных странах, что способствует интернационализации студенческих связей[3].

[1] Winter school // IAPSS. URL: https://www.iapss.org/events/winter-school/ (дата обращения: 20.05.2020); АссоциацииSummer school // IAPSS. URL: https://www.iapss.org/events/summer-school/ (дата обращения: 20.05.2020).

[2] World congress // IAPSS. URL: https://www.iapss.org/events/world-congress/ (дата обращения: 20.05.2020).

[3] Academic convention // IAPSS. URL: https://www.iapss.org/events/academic-convention/ (дата обращения: 20.05.2020).

Ассоциация систематически направляет свои делегации на конференции в международные партнерские организации, к которым прежде всего относятся Международная ассоциация политических наук (*IPSA*), Европейский консорциум по политическим исследованиям (*ECPR*) и Международная ассоциация исследований (*ISA*), с целью выстраивания планов совместной деятельности, обсуждения совместных инициатив.

Мероприятия, проводимые *IAPSS*, направлены на развитие международной сети молодых ученых-политологов. Каждый год они проходят в разных странах при участии делегаций Ассоциации со всей Европы и Америки, партнерских организаций. Информация о проектах и мероприятиях представлена на ее официальном сайте на нескольких языках, что позволяет привлечь внимание к деятельности *IAPSS* широкой аудитории, однако для участия в подавляющем большинстве проектов знание английского языка является необходимым. В команду Ассоциации рекрутируют представителей разных стран, что также способствует интернационализации ее работы. Член Ассоциации получает доступ к личному кабинету и возможность участвовать в организации работы *IAPSS* как в своем регионе, так и в команде коллег из других стран. Данный формат организации работы способствует постоянному расширению географии деятельности представительств *IAPSS*. Ассоциация по праву может претендовать на статус центра притяжения молодых политологов со всего мира.

Практики работы молодежных политологических структур в России

На данный момент с определенной долей условности можно говорить, что активно функционируют два молодежных политологических объединения, которые соответствуют заявленным нами характеристикам структуры. Первая, и наиболее известная из них, создана наиболее авторитетной политологической организацией в России, имеющей уже 65-летнюю историю, - Российской ассоциацией политической науки. В ее рамках функционирует Совет молодых политологов. Вторая, достаточно молодая на данный момент, но имеющая амбициозные планы (особенно в плане развития сообщества преподавателей политологии), – Российское общество политологов. Оно создало свое молодежное отделение. Обе молодежные структуры являются внутренними подразделениями организаций, однако в рамках своего функционала активно вовлечены в создание и организацию проектов для молодых политологов[1].

[1] СМП РАПН // РАПН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rapn.ru/in.php?to=youth (дата обращения: 20.03.2020).

Данные структурные подразделения функционируют фактически как отдельные молодежные политологические организации, проводят свои мероприятия, ориентированные на студентов и молодых ученых, развивают собственную региональную сеть представительств, формируют собственную программу деятельности.

Рассмотрим направления деятельности данных организаций подробнее.

Совет молодых политологов РАПН — структурное подразделение общероссийской общественной организации Российская ассоциация политической науки (СМП РАПН), созданное как площадка, позволяющая молодым исследователям из всех регионов России реализовать свой потенциал в области политической науки.

История молодежной организации политологов России берет начало еще в СССР, когда действовала Советская ассоциация политической науки (САПН). «Молодежная секция» была составной частью САПН. Членами ее могли стать начинающие ученые, которые впоследствии определили развитие уже современной российской политологии.

21 октября 2006 г. состоялась институционализация существующего сейчас сообщества молодых политологов в современной России: состоялось учредительное собрание первой молодежной организации политологов федерального масштаба — Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки. Учредительное собрание прошло в последний день IV Всероссийского конгресса политологов, на котором членами Правления МО РАПН были избраны студенты и аспиранты из Москвы, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Казани, Челябинска, Краснодара и Саратова. Сразу же после создания организации молодые ученые принялись за реализацию ряда значимых инициатив, которые впоследствии стали «визитной карточкой» МО РАПН: исследовательские группы, Всероссийский форум молодых политологов и молодежные секции на ежегодных конференциях РАПН.

1 февраля 2008 г. на общем собрании МО РАПН было принято решение о вхождении организации в Международную ассоциацию студентов-политологов (*IAPSS*). 5 марта 2008 г. МО РАПН стало полноправным членом *IAPSS*.

Организация провозгласила своей миссией развитие и популяризацию политической науки в России посредством привлечения молодежи. МО РАПН и, после 2015 г., СМП РАПН проводят ряд мероприятий, основная цель которых — развитие научного и исследовательского потенциала молодых ученых.

Всероссийская ассамблея молодых политологов является одним из наиболее крупных проектов организации. Ассамблея представляет собой площадку для обмена опытом научно-исследовательской и организаци-

онной работы между студентами и молодыми учеными, занимающимися исследованиями в сфере политических наук. Участники мероприятия имеют возможность представить свои работы в рамках тематических секций, также прослушать лекции от ведущих отечественных политологов и экспертов. Ассамблея проводится на базе Пермского государственного национального исследовательского университета с 2008 г.[1]

Конкурс научных работ молодых исследователей «Дебют» проводится ежегодно с 2008 г. совместно с Научным советом РАПН. Конкурс направлен на поощрение публикационной активности молодых ученых и студентов-политологов по результатам их научной и исследовательской деятельности.

Всероссийский форум молодых политологов — наиболее масштабный проект СМП РАПН. Форум проводится раз в три года в рамках Конгресса РАПН и из года в год имеет определенные особенности, которые выражаются как в разнообразии форматов мероприятий, проводимых в рамках Форума, так и в его тематической направленности.

В рамках Форума определяются направления работы СМП РАПН на последующие три года. Так, например, в 2012 г. на VI Всероссийском конгрессе политологов РАПН был сделан упор на расширение регионального охвата, экспертно-аналитической интеграции молодых исследователей в профессиональную деятельность, усиление представленности организации в медиапространстве, что привело к развитию групп в социальных сетях и собственном сайте организации.

V Форум молодых политологов прошел 8 декабря 2018 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ, темой Форума стало: «Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики». Цель Форума заключалась в обосновании концептуальных характеристик и идей развития гражданского общества и государственной власти в России.

Форум стал одним из самых крупных по числу участников: в нем приняли участие почти 500 молодых политологов из 35 регионов России и 23 стран мира, и самым масштабным научным мероприятием молодых ученых, занимающихся исследованиями политики, в России.

Всего в рамках Форума проведено 45 мероприятий, среди которых 12 секций по основной теме, восемь секций по направлениям политической науки, шесть специальных тематических заседаний, пять круглых столов, пленарное заседание, пленарная лекция[2].

---

[1] Всероссийская ассамблея молодых политологов // Кафедра политических наук ПГНИУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://polit.psu.ru/new/ассамблея-молодых-политологов/ (дата обращения: 20.04.2020).

[2] *Помигуев И. А.* Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики (V Форум молодых политологов, г. Москва, 8 декабря 2018 г.) // Политическая наука.

На сегодняшний день особенностью Форума является возможность для начинающих исследователей принимать участие во всех мероприятиях Конгресса политологов РАПН, что дает возможность молодым политологам перенимать опыт и знания ведущих ученых-политологов России и мира, обсуждать с ними свои идеи в открытом диалоге, почувствовать себя частью большого профессионального политологического сообщества.

Научно-исследовательский журнал «Политический вектор-М» стал для молодежного крыла РАПН инструментом интеграции молодых исследователей в профессиональную деятельность, способствовал развитию их научно-исследовательских навыков. «Политический вектор-М» активно развивался на базе Южно-Уральского государственного университета с 2011 по 2015 г. и был одним из основных изданий для молодых политологов России, который принимал статьи начинающих исследователей. Сегодня выпуск журнала временно приостановлен.

Научный общественно-политический журнал «БЕЗ ТЕМЫ» издавался в 2006–2009 гг. на базе факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького совместно с молодыми политологами РАПН. Журнал позиционировал себя как научное периодическое издание, ориентированное на молодых ученых Урала и России в целом.

Рубрика «Первая степень» была создана в 2011 г. в одном из наиболее авторитетных российских политологических журналов «Политическая наука», входящем на данный момент в *Russian science citation index* на базе *Web of Science*. Молодые ученые получили возможность попробовать свои силы и публиковать статьи наравне с ведущими отечественными и зарубежными политологами.

«Гражданин политолог» — просветительский проект, идея которого состоит в том, чтобы сделать политологию научно-популярной и в то же время показать, как теоретические концепты объясняют конкретные политические события, доступно преподнося эти объяснения широкому кругу слушателей. Проект был создан в 2016 г. на базе Санкт-Петербургского представительства организации.

При участии членов СМП РАПН в разных регионах проходят лектории с участием представителей научного и профессионального сообщества, круглые столы на актуальные общественно-политические темы, дебаты, деловые игры.

СМП РАПН активно развивает партнерские связи с другими образовательными и научными организациями. В частности, совместно с Российским центром обучения избирательным технологиям при ЦИК России реализуется проект Всероссийского конкурса по избирательному праву

2019. № 1. С. 268–274.

и процессу «Атмосфера», продолжается сотрудничество с научными журналами «Научные записки молодых исследователей», «Власть», «Полис» и др.

На сегодняшний день у СМП РАПН функционируют собственный сайт, страницы в социальных медиа, ставшие впоследствии основными площадками для коммуникации как с действующими, так и с потенциальными членами организации, инструментом поиска и привлечения к участию в мероприятиях организации представителей целевой аудитории.

Молодежное отделение Российского общества политологов, структурное подразделение общероссийской общественной организации «Российское общество политологов» (РОП)[1], призвано объединить молодых представителей академического и профессионального сообщества в сфере политики.

Молодежное отделение РОП было учреждено в июне 2014 г., организация функционирует на базе факультета политологии МГУ.

Организация создавалась с целью консолидации профессионального и академического сообщества в политической сфере, защиты прав членов политологического сообщества, содействия повышению качества политологического образования и профессиональной политологической подготовки, обмена научным и практическим опытом, содействия профессиональной реализации молодых политологов и интеграционных процессов в сфере политологического образования и исследований на уровне пространства СНГ, Евразийского пространства.

МолРОП представляет интересы молодежи в Российском обществе политологов посредством участия в установлении, поддержании и развитии научных связей молодых политологов с российским и зарубежным молодежным научным сообществом, экспертными структурами, организациями-грантодателями, работодателями и другими общественными группами.

Организация реализует ряд собственных и совместных проектов с внешними партнерскими организациями.

Форум молодых политологов России «Дигория» является одним из наиболее крупных и значимых мероприятий МолРОП. Впервые Форум был проведен в сентябре 2019 г.

Форум стал площадкой для объединения интеллектуального потенциала молодых исследователей в области социально-политических наук с целью выработки смысловых оснований образа будущего России[2].

Всероссийская лига дебатов — проект, направленный на выявление самых ярких, эрудированных и харизматичных лидеров среди молодежи, проводится ежегодно с 2015 г. под эгидой МолРОП и является одним

[1] Деятельность МолРОП // Официальный сайт РОП. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ruspolitology.ru/mol-rop/ (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Форум молодых политологов «Дигория». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digoriya.ru (дата обращения: 20.04.2020).

из ключевых просветительских проектов организации. Отборочные этапы конкурса проходят в разных городах России, таких, например, как Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Сыктывкар[1].

Ежегодно в Москве и Минске проводится две сессии Союзной лиги дебатов МолРОП. Проект направлен на укрепление связей между представителями молодежных сообществ в рамках Союзного государства России и Беларуси.

Polit.Job — кадровый проект, способствующий выстраиванию эффективной карьерной траектории, представляющий собой платформу для трудоустройства по политическим профессиям.

«Молодые политологи и аналитики РОП» — программа стажировки, направленная на системное обучение стажеров профессиональным компетенциям политологического профиля, а также развитие гибких навыков. Реализуется Российским обществом политологов на базе Корпоративного университета МолРОП.

Молодежное отделение Российского общества политологов выступает в качестве соорганизатора в рамках форумных кампаний Росмолодежи, включая такие мероприятия, как: ежегодный Всероссийский образовательный форум «Территория смыслов», Международный молодежный форум «Байкал», Молодежный форум Уральского федерального округа «УТРО», Молодежный форум Северо-Западного федерального округа «Ладога», Молодежный форум Приволжского федерального округа «iВолга».

МолРОП содействует развитию преподавания политологии в российских вузах, университетах стран СНГ, Евразийского пространства посредством осуществления *общественной аккредитации*, участия в контроле качества образования по направлению подготовки «политология» в российских образовательных учреждениях.

МолРОП проводит систематическую просветительскую работу в направлении расширения теоретических и практических познаний молодых политологов и представителей смежных направлений в области политической науки.

* * *

Большая часть мероприятий молодежных политологических организаций, рассмотренных в данном параграфе, реализуется на базе или при непосредственном участии вузов, в то же время организации позиционируют себя как часть общероссийского профессионального сообщества и в определенной мере дистанцируются от университетов. Обе организации проводят работу в направлении расширения региональной

[1] Всероссийская лига дебатов // Портал АИС «Росмолодежь». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://myrosmol.ru/measures/view/18083 (дата обращения: 20.04.2020).

сети, однако интегрированность в международную профессиональную сеть молодых политологов остается невысокой. В то время как представители молодежных политологических организаций разных европейских стран встречаются на площадках международных форумов, проводят совместные исследования и участвуют в совместных проектах, СМП РАПН и МолРОП осуществляют свою деятельность преимущественно на территории России и отличаются невысоким уровнем международного участия.

В данном случае способствуют международной активности на деятельности студентов именно вузы, так как имеют возможность осуществлять финансирование научной деятельности студентов, участвуют в программах студенческого обмена.

Условные *KPI* деятельности молодежных политологических организаций размыты, невысокое финансирование, визовые барьеры, отсутствие широкой коммуникации с коллегами из международных организаций и прочие факторы не способствуют интернационализации сети контактов молодых политологов. Ситуация, при которой молодые политологи активно общаются с иностранными коллегами и при этом не уезжают за рубеж учиться и жить, — большая редкость.

Данные проблемы носят системный характер и не могут быть решены усилиями только молодежных организаций. В то же время именно молодежные организации имеют самое выгодное положение, так как обладают большим потенциалом расширения взаимодействия с представителями международных молодежных организаций посредством социальных медиа.

10.2. Институциональная база подготовки молодых политологов: высшие учебные заведения

Научная и исследовательская деятельность университета, безусловно, остается приоритетной. Вместе с тем в современном мире усиливается значимость процесса воспитания студенческой молодежи и реализации компетентностного подхода в образовании. На университет сегодня возложена задача по формированию у студентов одновременно как исследовательских и управленческих, так и иных профессиональных компетенций.

Вузы готовят студентов к профессиональной деятельности при тесном взаимодействии с потенциальными работодателями. Последние, в свою очередь, рассматриваются как одни из основных стейкхолдеров для организаций высшего образования[1]. В этой связи университеты являются важ-

[1] *Саввинов В. М., Стрекаловский В. Н.* Учет интересов стейкхолдеров в управлении развитием образования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. № 1 (40). С. 87–99.

ным, а, возможно, ключевым элементом в процессе подготовки молодых политологов к профессиональной деятельности, в том числе в вопросе построения карьерных траекторий студентов и понимания современного рынка труда и потенциальных возможностей.

Целью данного параграфа является определение институциональной базы, используемой вузами для подготовки студентов-политологов в профессиональном, научном и исследовательском направлениях.

Помимо самого учебного процесса, в вузах существует ряд внеучебных активностей, направленных на дополнительное развитие студентов, приобретение ими опыта общественной и научной деятельности, трудовых отношений, о чем мы более подробно расскажем в следующем параграфе.

Для развития научного и исследовательского потенциала студента университет предлагает ряд дополнительных опций. Помимо научных работ, выполняемых в рамках курсовых и дипломных проектов, которые студенты обязаны писать в процессе прохождения университетского курса, существуют и другие формы деятельности: формальные — в научных лабораториях, центрах — и неформальные, инициированные самостоятельно студентами в студенческом научном обществе, клубах, молодежных организациях соответствующего профиля.

В качестве институций, способствующих вовлечению студентов в активную научную и исследовательскую деятельность, можно выделить студенческие советы и научные общества, функционирующие в том числе при участии профсоюзных организаций.

В ряде университетов (например, НИУ ВШЭ[1], К(П)ФУ[2] и др.) существуют факультеты подготовки школьников выпускных классов к поступлению в институт. В рамках курсов, проводимых на базе этих факультетов, потенциальным абитуриентам читают лекции по сюжетам, близким к тем, которые изучают на профильных кафедрах. Курсы организованы по правилам вуза, что помогает абитуриентам адаптироваться к университетской среде. Лекции и семинарские занятия ведут студенты выпускных курсов или преподаватели, которые рассказывают в том числе об особенностях студенческой жизни и ее возможностях. Прохождение подобных курсов помогает сомневающимся абитуриентам окончательно определиться с выбором будущего направления подготовки, лучше осознать то, что он хочет получить как в процессе обучения, так и по окончании университета.

[1] Факультет довузовской подготовки ВШЭ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fdp.hse.ru (дата обращения: 15.03.2020).

[2] «Малый университет» К(П)ФУ. Общая информация. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://admissions.kpfu.ru/dovuzovskaa-podgotovka/obsaa-informacia (дата обращения: 15.03.2020).

С целью привлечения абитуриентов вузы организуют ряд мероприятий в формате «Открытых дверей», на которых подробно рассказывают будущим студентам о существующих направлениях подготовки, особенностях научной деятельности студентов, перспективах трудоустройства и внеурочной активности: знакомят с представителями студенческих советов, клубов, кружков.

Для организации работы со студентами, завершившими обучение, вузы создают ассоциации выпускников, оказывают содействие в трудоустройстве посредством публикации вакансий для студентов по направлениям подготовки. Также формируется пул контактов из выпускников прошлых лет для развития сети потенциальных работодателей и, в качестве примера, успешно реализованных карьерных возможностей.

Как показали результаты опроса молодых политологов, работа молодежных политологических сообществ в регионах сильно зависит от деятельности вузов, с которыми они ассоциируются[1]. Именно вузы играют ключевую роль в формировании компетенций будущих политологов, их вовлечении в профессиональную деятельность. Вместе с тем институты предоставляют площадку и ресурсы для деятельности студенческих организаций, ставящих перед собой схожие цели: интеграцию в научное сообщество, профессиональное самоопределение, наращивание знаний и расширение пула компетенций, необходимых для выстраивания успешной карьерной траектории.

Университеты оказывают непосредственное влияние на внеурочную активность студентов и мобильность, расширяют их научные контакты посредством поощрения участия студентов в научной деятельности (конференциях, форумах, курсах и т.д.) в формате финансовых стимулов (компенсации командировочных расходов, стипендий, грантов), бонусных баллов к сумме баллов за курс. Значительную роль в формировании молодого специалиста играет также система студенческого самоуправления на базе вуза[2].

Безусловно, в век цифровых технологий коммуникация между представителями студенческого сообщества не ограничивается местом фактического пребывания студента и не всегда даже требует очного участия. Однако результаты нашего опроса показали, что для респондентов большое значение имеет именно личное общение. Вместе с тем в вопросе получения знания они отдают предпочтение участию в конференциях и стажировках. Организация подобного рода активности возможна только на базе или при непосредственном участии университета, профильного факультета и кафедры/департамента[3]. Таким образом, вузы являются важ-

[1] *Помигуев И. А.* Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей // Политическая наука. 2020. № 1. С. 105–144.

[2] Воспитательная среда университета: традиции и инновации: Монография / А. В. Пономарев [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 408 с.

[3] *Помигуев И. А.* Указ. соч.

нейшим звеном в организации мероприятий, наиболее предпочтительных для самих же студентов и молодых ученых.

Для более детального понимания деятельности этих институций рассмотрим подробнее особенности их функционирования в нескольких российских вузах.

Ранее на основе сетевого анализа результатов опроса были выделены города-лидеры сети и сетевых кластеров (§ 5.3): Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Воронеж, Казань, Пермь. Мы предполагаем, что плотность связей, определяющая лидирующие позиции региона в рамках каждого кластера, свидетельствует также и о наличии в том или ином субъекте сложившихся эффективных практик взаимодействия с молодыми политологами, прежде всего, во внутривузовской среде.

МОСКВА

Разнообразие университетов, концентрация финансовых и интеллектуальных ресурсов, территориальная доступность научных и политических центров сделали Москву городом, наиболее привлекательным для остальной части России, а также зарубежных стран и находящимся в центре сетевого взаимодействия. Вместе с тем ряд московских вузов имеют филиалы во многих городах России и обеспечивают постоянную коммуникацию между студентами из разных регионов.

Именно в Москве продуцируется основной объем сетевых связей студентов-политологов. В то же время Москва выступает в качестве некой буферной зоны, своеобразной платформы, на которой формируются связи представителей других регионов между собой. Данные факты определили необходимость обособления Москвы для отдельного изучения.

На сегодняшний день в Москве выпускающие кафедры политологии функционируют на базе 16 ведущих вузов.

Мы решили рассмотреть организацию работы с молодежным политологическим сообществом в вузах, где обучается наибольшее количество участников нашего опроса.

Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
(декан Факультета управления и политики — д. полит. н. Г. Т. Сардарян)

Подготовку политологов в МГИМО осуществляет факультет управления и политики[1], который является ведущим в стране по данному направлению подготовки. Именно на базе этого вуза появился первый в России факультет

[1] Страница факультета управления и политики // МГИМО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mgimo.ru/study/faculty/sgp/ (дата обращения: 08.05.2020).

политологии, основанный в 1998 году. В дальнейшем, в 2017 году, в результате слияния Факультетов государственного управления и политологии был создан Факультет управления и политики, функционирующий на настоящее время. Бакалавров готовят по двум основным направлениям: «Технологии публичной политики» и «Теория политики». Магистранты проходят обучение по большому количеству образовательных программ, среди которых есть программы двух дипломов в партнерстве с университетами г. Флоренция, Италия; г. Пиза, Италия; г. Никосия, Республика Кипр; ЛУИСС, Италия; МГУ им. М. В. Ломоносова. Факультет оказывает содействие студентам в организации стажировок в ведущих вузах Европы и Азии в течение обучения. На факультете активно реализуются программы студенческого обмена.

В МГИМО работают аспирантура и диссертационный совет по трем специальностям.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(декан Факультета политологии — д. ист. н., проф. А. Ю. Шутов)

Политологов в МГУ готовят сразу на нескольких факультетах, но основным является факультет политологии. Бакалавров-политологов готовят по следующим образовательным программам: «Общая политология», «Политический менеджмент и связи с общественностью». Для магистрантов предусмотрен также большой набор направлений подготовки[1].

В МГУ существует аспирантура по трем и диссертационный совет по шести политологическим специальностям[2].

Факультет политологии осуществляет подготовку специалистов на основе классических университетских традиций, с учетом современного международного опыта и результатов новейших исследований политических практик. В настоящий момент у факультета политологии заключен ряд международных договоров о межвузовском сотрудничестве с такими вузами, как Университет Милана (Италия), Университет Джорджа Мэйсона (США), Высшая коммерческая школа Парижа (Франция), Международный центр, Университет коммерции Чиба (Япония), и многими другими.

На философском факультете МГУ бакалавров и магистрантов готовят по образовательной программе магистратуры «Стратегическое управление и экономическая политика»[3]. Факультет государственного управле-

[1] Страница факультета политологии на официальном сайте МГУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://polit.msu.ru (дата обращения: 08.05.2020).

[2] Аспирантура и диссертационные советы по политологии // СМП РАПН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://morapn.ru/aspirantura-i-dissertatsionny-e-sovety-po-politologii/ (дата обращения: 08.05.2020).

[3] Страница философского факультета // МГУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://philos.msu.ru/node/14 (дата обращения: 08.05.2020).

ния реализует программу подготовки бакалавров и магистрантов «Стратегическое управление экономическими и политическими процессами»[1].

Вуз и факультеты активно принимают участие в программах академического обмена, предоставляют места для иностранных студентов. Преподавание в ряде направлений подготовки ведется на английском языке, что способствует привлечению иностранных студентов на кафедры.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(декан Факультета социальных наук — д. полит. н., проф.,
Заслуженный деятель науки А. Ю. Мельвиль)

В НИУ ВШЭ в Москве политологов и представителей смежных направлений готовят на факультете социальных наук, где существует единственная бакалаврская программа «Политология», студенты которой могут выбрать одну из двух специальностей: «политическое управление», акцентирующая внимание на прикладных дисциплинах и практике, и «политический анализ», на которой глубже преподают математические дисциплины. В конце второго курса политологи-бакалавры сдают независимый экзамен по международным стандартам, позволяющий изучать предметы на иностранном языке и обучаться в зарубежных вузах-партнерах.

Магистрантам предлагают на выбор пять образовательных программ. Занятия проходят не только на русском, но и на английском языке, с участием иностранных лекторов. Так, например, кафедра публичной политики является самым интернационализированным подразделением Высшей школы экономики, где обучаются студенты более чем из 20 стран. Осуществляет программы обмена совместно с партнерами, в числе которых Болонский университет, Международный университетский колледж Турина (Италия), Университет Лугано (Швейцария) и др. В целом на каждом направлении в НИУ ВШЭ имеется ряд дисциплин, читаемых на английском языке, что становится мощным стимулом для интернационализации образования.

Студенты всех уровней образования принимают активное участие в научной деятельности различных лабораторий НИУ ВШЭ: Лаборатории антикоррупционной политики, Лаборатории политических исследований, Лаборатории качественных и количественных методов анализа политических режимов и Лаборатории региональных политических исследований.

В НИУ ВШЭ г. Москвы работают аспирантура и диссертационные советы по трем специальностям.

[1] Страница факультета государственного управления // МГУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://spa.msu.ru/magistratura_strategicheskoe_upravlenie_ekonomicheskimi_i_politicheskimi_processami.html (дата обращения: 08.05.2020).

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(руководитель Школы политических исследований —
к. ист. н., доцент С. В. Демиденко)

В РАНХиГС развернута широкая сеть программ подготовки с акцентом на практические дисциплины, такие как: бакалаврская программа «Политическое управление», магистерские программы «Политическая философия», «Политическое управление» (эти и другие программы реализуются на Институте общественных наук, в рамках «Школы политических исследований»[1]) , «Экономическая политология» (реализуется совместно с Центром государственно-частного партнерства Факультета государственного управления экономикой), «GR-менеджмент» (взаимодействие с органами государственной власти), программа профессиональной переподготовки «Управление избирательными кампаниями», «Государственно-частное партнерство: проекты и механизмы реализации» и другие.

Подготовку бакалавров-политологов в РАНХиГС осуществляет кафедра политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук. Кафедра основана в 1992 г., и по сегодняшний момент является одним из крупнейших центров по подготовке политологов в стране. В 1990-е гг. на базе кафедры политологии и политического управления были защищены более 75 % кандидатских и докторских диссертаций по политологии в России. На кафедре в разные годы преподавали и вели научную деятельность такие ученые, как С.И. Рогачёв, В.А. Кулинченко, В.С. Комаровский, О. Ф. Шабров, Л.Н. Тимофеева. Многие из них и сейчас продолжают работу на кафедре.

На сегодняшний день кафедра политологии и политического управления реализует весь спектр существующих программ высшего профессионального образования политологов, подготовку кадров высшей квалификации в аспирантуре и докторантуре, программы повышения квалификации, в том числе управленческое бизнес-образование. Широкая сеть филиалов РАНХиГС по всей стране способствует развитию сетевых связей молодых ученых и студентов в более чем 54 регионах России.

В московском кампусе РАНХиГС осуществляется подготовка аспирантов по четырем политологическим специальностям.

[1] Подробнее об образовательных программах, реализуемых «Школой политических исследований» можно узнать на официальном сайте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ion.ranepa.ru/structure/faculty/shkola-politicheskikh-issledovaniy.

Финансовый университет при Правительстве РФ
(декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций — к. полит. н., доцент А. Б. Шатилов)

Политологов в Финансовом университете готовят на факультете социальных наук и массовых коммуникаций. Образовательные программы на уровне бакалавриата представлены следующими профилями: «Политология экономических процессов», «Связи с общественностью в политике и бизнесе», «Реклама и связи с общественностью». На сегодняшний день магистерские программы по политологии включают в себя несколько профилей, в которых упор сделан на практические направления деятельности политологов[1].

В Финансовом университете работают аспирантура и диссертационный совет по направлению 23.00.02 — «Политические институты, процессы и технологии».

Факультет ведет активную и целенаправленную работу по налаживанию международного сотрудничества с европейскими вузами, в частности с представителями статусных вузов Чехии. Кроме того, студенты-политологи регулярно выезжают на международные форумы, конференции и летние школы в такие страны, как Мальта, Китай, Казахстан, Киргизия, Армения, Греция, Сербия.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Подготовку студентов-политологов осуществляют в шести ведущих вузах Санкт-Петербурга, среди которых стоит отдельно выделить два.

Санкт-Петербургский государственный университет
(и.о. декана Факультета политологии — д. полит. н., проф. А. В. Курочкин)

В 2009 г. в университете создан факультет политологии, который представляет одну из ведущих политологических школ России[2].

На факультете политологии СПбГУ бакалавров готовят по образовательной программе «Политология», магистранты обучаются по большому количеству разнообразных программ.

В образовательном процессе используется ряд инновационных обучающих программ. При факультете функционируют три Совета образовательных программ при участии ведущих российских и зарубежных ученых, представителей работодателей и профессиональных сообществ, благодаря которым формируется стратегия развития образовательных программ

[1] Страница факультета социальных наук и коммуникаций // Финансовый Университет при Правительстве РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fa.ru/org/faculty/sip/Pages/Home.aspx (дата обращения: 25.03.2020).

[2] Страница факультета политологии // СПбГУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://politology.spbu.ru (дата обращения: 25.03.2020).

факультета. Факультет ежегодно организует программы академической мобильности студентов, по результатам которых молодые ученые могут пройти стажировку или практику за рубежом.

В СПбГУ работают аспирантура по трем, а также диссертационный совет по четырем политологическим специальностям.

Европейский университет в Санкт-Петербурге

(декан факультета политологии — д. полит. н., проф. Г. В. Голосов)

Подготовка политологов осуществляется на базе факультета политических наук, созданного в 2018 г. в результате разделения факультета политических наук и социологии[1].

На факультете существует магистерская программа «Политические процессы и институты», направленная на изучение природы и логики развития политических институтов, теории и практики политических режимов, взаимодействия политики, экономики и общества. В университете осуществляется подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре по программе «Политические институты, процессы и технологии» по направлению подготовки кадров высшей квалификации 41.06.01 «Политические науки и регионоведение».

После завершения магистерской программы «Политические процессы и институты» выпускники факультета могут продолжить обучение на программе профессиональной переподготовки «Европейские политические исследования», которая реализуется совместно с Европейским университетским институтом (*EUI*, Флоренция, Италия). В течение четырех лет обучения слушатели выполняют академические требования обоих университетов и проводят исследования под руководством двух научных руководителей, представляющих оба университета, защищают итоговую работу в ЕУСПб, а затем выходят на защиту в *EUI* и в случае ее успешного прохождения получают степень *Ph.D in Political and Social Sciences*.

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

Регион является примером наиболее активного участия молодых политологов в межрегиональном взаимодействии.

Базой для подготовки профессиональных политологов в Барнауле является кафедра политологии Института массовых коммуникаций и филологии и политологии Алтайского государственного университета. Политологов-бакалавров готовят по программе «Политические теории, процессы и технологии», магистрантов по программе «Политическое управление и *PR*».

[1] Страница факультета политических наук // ЕУСПб. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eusp.org/political-science/about (дата обращения: 25.03.2020).

В АлтГУ существует аспирантура по специальности 23.00.01 — «Теория и философия политики, история и методология политической науки». Диссертационный совет по политическим наукам отсутствует.

Как отмечается на сайте кафедры, подготовка политологов практико-ориентирована, но основана на солидной теоретической базе, что позволит разбираться в политике, управлять политическими процессами, успешно использовать знания и умения на практике. Студенты-политологи имеют возможность пройти практику в политических партиях, исполнительных и законодательных органах власти, избирательных комиссиях, СМИ. Основные сферы деятельности для политологов — политический лидер, государственный и муниципальный служащий, политтехнолог, PR- и GR-менеджер, политический журналист и аналитик, исследователь политики[1]. Заведующей кафедрой политологии (в структуре Института массовых коммуникаций, филологии и политологии) является д. полит. н., доц. Я. Ю. Шашкова.

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Политологов готовят следующие вузы: Воронежский государственный университет (ВГУ), Воронежский институт экономики и социального управления (ВИЭСУ). Неизменным региональным лидером подготовки политологов является ВГУ.

Воронежский государственный университет (ВГУ)
(заведующая кафедрой политологии и социологии (в структуре Исторического факультета) — д. полит. н., проф. А. В. Глухова)

Подготовка политологов в вузе обеспечивается кафедрой социологии и политологии с 1990 г.[2] на историческом факультете ВГУ.

При кафедре социологии и политологии существует Лаборатория социологических исследований, изучающая политические и социальные вопросы региона и страны в целом. На кафедре осуществляется подготовка студентов-бакалавров, магистров по программам бакалавриата «Политология», «Публичное управление и политический менеджмент», магистратуры «Анализ политики и политическая экспертиза». Помимо основной программы, кафедра ведет широкий спектр факультативных занятий.

В ВГУ работает аспирантура по специальности 23.00.02 — «Политические институты, процессы и технологии». Диссертационный совет отсутствует.

---

[1] Страница кафедры политологии Института массовых коммуникаций и филологии и политологии // АлтГУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fmc.asu.ru/department/politol/ (дата обращения: 25.03.2020).

[2] Страница кафедры политологии и социологии // ВГУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hist.vsu.ru/politics/ (дата обращения: 25.03.2020).

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН

Единственная выпускающая кафедра политологии находится в Институте социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (К(П)ФУ), вместе с тем кафедра является одной из первых в России по направлению подготовки «Политология»[1]. На сегодняшний день по программе «Политология» готовят студентов бакалавриата и магистратуры. Заведующим Кафедрой является д. юрид. н., профессор О. И. Зазнаев

Кафедра политологии проводит научные исследования в рамках тематики, позволяющей ей интегрироваться в российское и мировое политологическое сообщество. Ключевое направление деятельности кафедры — проведение исследований в области политической регионалистики и этнополитики с особым вниманием к Республике Татарстан и регионам ПФО. На протяжении ряда лет кафедра занимается методологическими вопросами политологии, в частности понятийно-категориальным аппаратом науки.

В К(П)ФУ существует аспирантура и диссертационный совет по двум политологическим специальностям.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

За подготовку студентов-политологов в регионе с 1998 г. отвечает кафедра политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). Огромный вклад в создание и развитие пермской политологической школы внесла д. ист. н., проф. Л. А. Фадеева, заведовавшая кафедрой на протяжении 20 лет (с 1998 по 2018 гг.). Кафедра реализует бакалаврские, магистерские и аспирантские программы по политическим наукам. Бакалавры-политологи обучаются по программе «Политология», магистрантов-политологов обучают по программе: «Академические политические исследования: логики, методологии, техники», «Современная российская политика в сравнительной перспективе», которая с 2014 г. реализуется в сотрудничестве с НОЦ «Центр сравнительных исторических и политических исследований». Главным направлением научной деятельности кафедры является «Институциональные и социокультурные измерения политики». С 2018 г. кафедрой политических наук заведует к. полит. н., доц. К. А. Сулимов.

[1] Страница кафедры политологии // К(П)ФУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kpfu.ru/isfnmk/struktura/otdeleniya/socialno-politicheskih-nauk/kafedra-politologii (дата обращения: 23.03.2020).

В ПГНИУ работает аспирантура по специальности 23.00.02 — «Политические институты, процессы и технологии». Диссертационный совет отсутствует.

Также обращают внимание и оказывают существенное влияние на развитие отечественной политической науки кафедра социально-политических теорий Ярославского государственного университета (заведующий — д. полит. н, доц. А. В. Соколов), кафедра политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета (заведующий — д. ист. н., проф. А. А. Пасс), кафедра политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (и. о. заведующего кафедрой, к. полит. н. Р. С. Мухаметов), Кафедра теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (заведующий — к. полит. н., доц. Р. А. Пупыкин), кафедра государственного и муниципального управления Курского государственного университета (заведующий — д. полит. н., доц., Директор института экономики и управления КГУ В. Б. Слатинов). Список можно и нужно продолжать, здесь же мы подчеркнули широту политологических сетей и высокую институционализацию политологии как направления подготовки в России.

* * *

Сегодня университеты играют ключевую роль в формировании не только научных и исследовательских, но и профессиональных компетенций будущих политологов. Вместе с тем институты предоставляют площадку и ресурсы для деятельности студенческих организаций, ставящих перед собой схожие цели: интеграцию в научное сообщество, профессиональное самоопределение, наращивание знаний и расширение пула компетенций, необходимых для выстраивания успешной карьерной траектории.

При детальном рассмотрении институциональной базы университетов в каждом из пяти сетевых кластеров заметна разница между региональными и «столичными» вузами: последние имеют намного больше возможностей для привлечения студентов и аспирантов за счет большого выбора образовательных программ. К тому же возможности региональных вузов по подготовке кадров высшей квалификации существенно ограничены отсутствием политологических диссоветов. Такая ситуация еще нагляднее показывает причины, по которым две столицы являются ключевыми центрами сетевого взаимодействия в России.

10.3. Практики подготовки молодых политологов: опыт ведущих вузов

В данном параграфе рассмотрены практики подготовки молодых политологов лидеров сетевых кластеров, выделенных в главе 5. Анализ опыта представленных регионов поможет понять, какие именно меры поддержки обучающихся необходимо внедрять в университеты другим субъектам, осуществляющим подготовку студентов и аспирантов политологических специальностей.

Обзор практик проводится на примере тех же 11 вузов, которые мы выделили для анализа в предыдущем параграфе.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Большим плюсом МГИМО для студентов-политологов является факт нахождения на базе вуза штаб-квартиры Российской ассоциации политической науки. Президент РАПН О. В. Гаман-Голутвина заведует кафедрой сравнительной политологии МГИМО. Всероссийские конгрессы РАПН, в рамках которых проходят Форумы молодых политологов, организуются в большей мере силами МГИМО и его сотрудников, хотя состоявшийся в 2018 г. Форум проходил на базе Финансового университета при Правительстве РФ. РАПН проводит методические семинары с участием приглашенных лекторов, которые активно посещают конференции.

В МГИМО находится штаб-квартира Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), одной из наиболее активных национальных ассоциаций по изучению международных отношений, нацеленной на сохранение и развитие лучших традиций междисциплинарных исследований международных отношений и преподавание соответствующих учебных дисциплин, также развитие неформальных контактов между представителями политической и научно-исследовательской элиты[1].

Кроме того, на базе МГИМО функционирует Российская ассоциация студентов по связям с общественностью (РАССО), основанная в 2003 г. и способствующая трудоустройству наиболее активных студентов, рекомендуя их кандидатуры на вакантные позиции работодателям[2].

В МГИМО хорошо развито студенческое самоуправление. Крупнейшая студенческая организация университета — Союз студентов МГИМО, агрегирует активных студентов, предоставляя им возможности для реали-

[1] РАМИ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://risa.ru/ru/about-rami (дата обращения: 25.03.2020).

[2] РАССО // МГИМО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mgimo.ru/about/structure/student-org/rasso/ (дата обращения: 25.03.2020).

зации проектных инициатив, таких как Международный Парламентский клуб или *GR Club* МГИМО, нацеленный на создание менторского центра формирования *GR*-компетенций, а также развитие навыков, необходимых для работы в сфере *GR*, у студентов–участников мероприятий клуба[1].

Исследовательское направление в МГИМО развито довольно сильно. Студенческое научное общество также активно занимается развитием научных клубов и исследовательских центров по разным тематикам при непосредственной поддержке профильных факультетов.

На факультете управления и политики функционирует клуб *Cognitio*, учрежденный в 2015 г., деятельность которого ведется на английском языке с привлечением профессорско-преподавательского состава факультета и носителей языка, работающих в посольствах, крупных коммерческих структурах и банках. Уникальность научно-исследовательского клуба заключается в наличии электронной платформы для публикации научных статей на английском языке, написанных студентами, — *Journal of Governance and Politics*. Стоит отметить, что *Cognitio* — это не только научная деятельность, но и организаторская. Студенты сами организовывают все мероприятия, что дает возможность получить практический опыт управленца. Не стоит забывать и про опыт публичных выступлений на иностранном языке, который получают участники общества.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

На базе факультета политологии МГУ[2] реализуется ряд значимых проектов, функционируют организации, направленные на вовлечение студентов в научную и практическую деятельность, а также на стимулирование студенческой мобильности. В рамках факультета систематически проходят открытые лекции, в том числе с участием приглашенных лекторов из ведущих зарубежных вузов, также встречи с известными общественными и политическими деятелями.

В МГУ существует широкая база для вовлечения студентов в активную научную и профессиональную деятельность. Всем известная всероссийская *научно-практическая конференция проводится именно на базе МГУ — «Ломоносов»*, в рамках которой организуется ряд секций по политическим наукам совместно с профильными факультетами МГУ. Студентами МГУ был создан бесплатный *сервис для организации конференций «Ломоносов»*[3]

[1] *GR*-клуб // МГИМО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mgimo.ru/about/structure/student-org/nso/docs/gr-club/ (дата обращения: 25.03.2020).

[2] Страница факультета политологии // МГУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://polit.msu.ru (дата обращения: 18.03.2020).

[3] Портал конференции «Ломоносов». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru (дата обращения: 18.03.2020).

с элементами социальной сети для студентов, интересующихся научными и связанными с ними мероприятиями.

МГУ проводит ряд мероприятий, направленных, с одной стороны, на привлечение талантливых абитуриентов, с другой — на создание площадки для коммуникации, обмена опытом и знаниями между молодыми политологами по всей стране.

На базе факультета политологии МГУ функционируют общественная организация «Российское общество политологов» и ее молодежное отделение, которые регулярно проводят ряд научных и образовательных мероприятий с участием студентов-политологов и профессорско-преподавательского состава не только МГУ, но и других российских вузов, осуществляющих подготовку политологов и представителей смежных направлений подготовки.

Также на базе факультета политологии МГУ в партнерстве с Фондом целевого капитала «Истоки» осуществляется проект *PolitIQ*[1], направленный на реализацию образовательной программы для студентов МГУ имени М. В. Ломоносова, обучающихся по специальности «Политология». Проект предполагает стипендии для студентов в целях обучения в летних школах на базе ведущих зарубежных образовательно-научных центров, а также программы студенческого обмена и магистерскую программу «Государственная политика в постсоветских странах».

Студенты реализуют ряд собственных проектов, в том числе на базе факультета политологии МГУ, к которым относится, например, *Polit F.A.Q.* — канал на видеохостинге *YouTube*, посвященный популяризации высшего образования и повышению политической грамотности у молодого поколения политологов. На канале публикуются интервью с участием преподавателей факультета политологии МГУ, специалистов разных научных направлений, обсуждения на разные темы, обзоры политических публикаций, книг, анонсы интересных мероприятий[2].

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» делает упор на развитие научных и исследовательских компетенций обучающихся, деятельность существующих в вузе организаций

[1] PolitIQ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://politiq.ru (дата обращения: 18.03.2020).

[2] Polit «F.A.Q.» // YouTube. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UCJWiFaTv1SHgc_BNNpPA1-Q?view_as=subscriber (дата обращения: 18.03.2020).

ориентирована преимущественно на эти направления. Университет имеет несколько филиалов (в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Перми).

ВУЗ проводит конференции, наиболее значимая из которых ежегодная Апрельская конференция, лекции и семинары с участием спикеров из партнерских вузов, летние школы, в том числе совместно с Международной ассоциацией студентов-политологов (*IAPSS*) на базе НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, для студентов из России и других стран.

На базе факультета функционируют Лаборатория антикоррупционной политики, Лаборатория политических исследований, Лаборатория качественных и количественных методов анализа политических режимов и Лаборатория региональных политических исследований, участие в работе которых принимают молодые ученые-аспиранты, магистранты, проходят практику и стажировку студенты бакалавриата. Студенты из регионов могут проходить стажировки и участвовать в мероприятиях на базе НИУ ВШЭ.

В департаменте политики и управления активно внедряются новые формы работы с молодыми политологами. В феврале 2015 г. был запущен массовый открытый онлайн-курс «Сравнительная политика» для образовательного портала *Coursera*, а в 2016 г. на платформе «Открытое образование» запущен онлайн-курс «Введение в современную политическую науку», подготовленный профессором А. Ю. Мельвилем и доцентом И. М. Локшиным.

Студенческий совет НИУ ВШЭ имеет реальные полномочия в решении ряда административных вопросов. Существует и функционирует институт студенческого омбудсмена. Многие позиции внутри студенческого совета являются выборными должностями, избирательный процесс строго регламентирован.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Кафедра политологии и политического управления РАНХиГС сотрудничает с большим количеством экспертов из множества отраслей, которые непосредственно участвуют в обучении молодых ученых-политологов. Политологическому образованию уделяется внимание и в других структурных подразделениях РАНХиГС. Так, с 2018 г. на базе Института государственной службы и управления действует Научная лаборатория социально-политических исследований регионов России, исследующая состояние, динамику, тенденции развития социальных и политических процессов, институтов, элит и лидеров в регионах России.

В РАНХиГС отлично развито студенческое самоуправление. На базе Института общественных наук студентами реализуется просветительский

проект «Реальная политика», являющийся интеллектуально-политической площадкой для молодых политологов, где они могут встретиться с ведущими экспертами и действующими политиками, поучаствовать в дискуссиях, обсудить важнейшие феномены и проблемы, услышать различные точки зрения и сформировать свою позицию. Ключевые роли в этом проекте играют студенты, обучающиеся на Кафедре Политологии и политического управления. Проектом «Реальная политика» организована «Школа молодого политолога» — особая образовательная программа для учащихся 10–11-х классов, в рамках которой участники смогут получить практические навыки и базовые компетенции в сфере политологии, международных отношений, государственного управления и политического консалтинга, познакомиться с профессорами, преподавателями и студентами академии и сделать первый шаг на пути в профессию.

С 2019 г. в Москве во многом силами студентов Кафедры политологии и политического управления проходит всероссийский Форум политологов РАНХиГС, в рамках которого проводится множество секций, круглых столов и пленарное заседание. Форум направлен на вовлечение действующих и практикующих политологов в дискуссии об острейших проблемах современной политики. Участниками форума являются студенты, преподаватели, эксперты их всех филиалов страны.

Финансовый университет при Правительстве РФ

На факультете социологии и политологии (с июля 2020 г. — факультет социальных наук и массовых коммуникаций) осуществляет деятельность научное студенческое общество, которое имеет обширную структуру и реализует широкий спектр возможностей для самореализации студентов: масштабные научные исследования, подготовку мероприятий вуза и факультета, развитие внешних связей, проведение конференций, форумов, круглых столов, редактуру и написание информационных статей[1].

С 2018 г. при факультете функционирует «Клуб оперативной политики», который представляет собой внутриуниверситетскую экспертно-образовательную площадку, главная цель которой состоит в обучении студентов основным методам анализа политического процесса современной России. Члены клуба проводят детальный разбор актуальных политических событий, осваивают мастерство аналитики, развивают навык политического прогнозирования.

На базе университета проходят крупные политологические конгрессы, в частности VIII Всероссийский конгресс политологов «Политика разви-

[1] Страница Научного студенческого общества // Финансовый университет при Правительстве РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fa.ru/org/faculty/sip/Pages/nso.aspx (дата обращения: 01.05.2020).

тия, государство и мировой порядок», V Форум молодых политологов «Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики».

В 2015 г. на факультете создан «Клуб элитологов», главный проект которого — «Элиты России и зарубежья: актуальное досье», нацеленный на мониторинг актуальной информации и составление баз данных по отечественным и зарубежным элитам.

В октябре 2019 г. был дан старт работе нового дискуссионно-экспертного клуба факультета — *NYE Club*, основным направлением деятельности которого является изучение технологий «мягкой силы» в политике (*soft power*) в формате дискуссий, разборов кейсов и встреч с экспертами в данной области. Также с 2019 г. начал свою работу факультетский *PR*-клуб.

В 2018 г. на базе Финансового университета прошел Всероссийский форум молодых политологов СМП РАПН[1]. Мероприятие позитивно сказалось на молодежной активности обучающихся в вузе политологов, что привело к созданию в феврале 2020 г. Московского представительства Совета молодых политологов на базе университета и проведению в его стенах ряда научных мероприятий молодежной направленности[2].

Санкт-Петербургский государственный университет

В вузе активно действует студенческий совет, ставший эффективной площадкой для обсуждения и информирования студентов. На факультете политологии функционирует Студенческое научное общество, которое реализует десятки проектов и оказывает поддержку молодым исследователям. Студенческое научное общество проводит на регулярной основе конкурсы, олимпиады, круглые столы и активно ведет социальные медиа.

При факультете работает клуб политических дебатов, проводятся многочисленные профильные конкурсы, например «Актуальная наука» памяти Олега Николаевича Кена, конкурс молодых ученых «Другая Европа», конкурс «Галатея» памяти Галины Васильевны Старовойтовой и десятки других проектов.

Особое внимание обращает на себя просветительский проект «Гражданин политолог», основная идея которого построена на популяризации политологии, используя доступный для широкой аудитории язык, чтобы объяснять конкретные политические события через призму политической теории.

Организаторы проекта большое внимание уделяют темам и спикерам, формируя программу дискуссий таким образом, чтобы она была интерес-

[1] *Помигуев И. А.* Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики (V Форум молодых политологов, г. Москва, 8 декабря 2018 г.) // Политическая наука. М., 2019. № 1. С. 268–274.

[2] МСМП РАПН // «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/msmprapn (дата обращения: 08.05.2020).

на и понятна не только представителям профессионального политологического сообщества, но и всем тем, кому интересна политика и актуальная политическая повестка.

Европейский университет в Санкт-Петербурге

На факультете политических наук проходят регулярные международные конференции, школы, круглые столы на общественно значимые темы в области политических и социальных наук, а также по актуальным философским проблемам с участием ведущих российских и зарубежных ученых. В рамках факультета проводится ежегодный круглый стол Студенческого клуба «Полис» (совместно с СЗАГС), а также издается студенческий журнал *DOXA*.

На базе факультета политических наук ЕУСПб, начиная с 2015 г., проводится «Весенняя школа», посвященная актуальным теоретическим и практическим проблемам политологии. В рамках школы проходит цикл мероприятий, на которых студенты слушают лекции ведущих специалистов в областях политологии и международных отношений.

В рамках университета существуют различные программы и центры, направленные на развитие научных и исследовательских навыков у студентов и аспирантов политологического направления. Программа «Гендерные исследования» была открыта на базе факультета политических и социальных наук в 1997 г., вокруг которой сформировался круг молодых исследователей, занимающихся изучением гендерной проблематики и аспектов социальных процессов в современном российском обществе.

На факультете функционируют исследовательские коллективы центра *Res Publica* и исследовательского центра энергетической политики (ЭНЕРПО). Развивается программа сотрудничества факультета с Европейским университетским институтом во Флоренции, поддерживается активное партнерство с другими ведущими научными учреждениями мира.

Студенты вуза не просто вовлечены в учебный и научный процесс университета, они также являются непосредственным элементом его управления благодаря использованию в вузе системы управления, основанной на концепции *shared governance* (смешанного участия). В управлении ЕУСПб участвуют: управляющий внешний совет, президент и его административный аппарат, профессорско-преподавательский состав и студенты (студенческий совет), а право принятия решений делегируется той из групп, которая обладает большей компетентностью в вопросе.

Алтайский государственный университет (АлтГУ)

Основная направленность подготовки политологов в рамках университета — развитие практических навыков, применимых в политической

сфере. Кафедра политологии в исследовательской деятельности ориентирована на изучение политических процессов в Сибири, регулярно занимается опросами общественного мнения, особое внимание уделяет вопросам политической коммуникации, изучает доминирующие политические ценности, ориентации, установки и модели поведения населения Сибирского региона.

Кроме того, реализуется ряд интересных студенческих проектов, среди которых:

- *Rapid Foresight* на Алтае — технология, которая позволяет участникам обсудить образ будущего;
- «Республика политология» — интерактивная деловая игра, главной целью которой является создание максимально приближенной к реальности обстановки избирательной кампании;
- *Model session* — мероприятие для абитуриентов, призванное рассказать о политологии. Интересно, что главные темы в основном связаны с политическими технологиями.

Таким образом, для того чтобы вызвать интерес у абитуриентов и студентов к политологии, кафедра использует важные для молодых людей темы, связанные с политическими и избирательными технологиями, актуальной политикой и практическим применением своих навыков.

Еще одна институциональная основа развития молодежной политологии в регионе — это деятельность молодежных политологических организаций. Первая из них — Совет молодых политологов — базируется в Институте истории и международных отношений. Главным проектом организации в регионе является Международная научная конференция Алтайской школы политических исследований. Направленность на научную деятельность, а также развитие международных коммуникаций за счет обсуждения тем, связанных с международными отношениями, расширяют возможности молодых исследователей получать и обмениваться новыми знаниями. Также заметна роль другой организации — Молодежного отделения Российского общества политологов.

Вместе с тем кафедра политологии ведет активную работу в социальных медиа, реализует совместный проект «Кафедра» с ВГТРК «Алтай» на телеканале Россия 24 (Алтай), транслируя цикл передач о политологии и других гуманитарных дисциплинах.

Воронежский государственный университет (ВГУ)

Для политологов ВГУ регулярно проводятся мероприятия, направленные на развитие научной и исследовательской деятельности. Кафедра социологии и политологии ВГУ ежегодно проводит Студенческую науч-

ную конференцию. Также на базе кафедры систематически проводят конкурсы научных студенческих работ.

В вузе реализованы студенческие проектные инициативы, направленные на развитие профессиональных компетенций будущих политологов. При поддержке кафедры активно действует Воронежский клуб дебатов, созданный активистами молодежного регионального отделения РАПН. Это одна из крупнейших площадок для саморазвития студентов и школьников в регионе. Проект перерос молодежное отделение и стал самостоятельным, как в свое время «Гражданин политолог» начинал свою работу в рамках МО РАПН. Данный процесс неизбежный, организация молодых политологов выступает площадкой для развития первичных навыков организационной работы и выстраивания коммуникаций с другими политологами и студентами, перерастающей в дальнейшем в более глобальные проекты. Фактически Совет выступает статусной организацией, которая придает вес участникам в глазах других студентов и преподавателей.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (К(П)ФУ)

Кафедра политологии Казанского (Приволжского) федерального университета проводит ряд мероприятий, направленных на интеграцию студентов в научное и профессиональное сообщество с целью развития необходимых компетенций у будущих политологов как для продолжения академической карьеры, так и работы по специальности в политических партиях, аналитических центрах, государственных структурах.

Кафедра проводит Ежегодную студенческую конференцию, на которой молодые исследователи могут презентовать результаты своей работы широкой публике. Лучшие работы по итогам конференции публикуются в университетском сборнике статей.

Каждый год кафедра политологии КФУ проводит Олимпиаду для школьников выпускных классов, победители которой получают преимущество при поступлении и также имеют возможность познакомиться с профессорско-преподавательским составом кафедры, особенностями учебного процесса и студенческой жизни, что, безусловно, помогает школьникам определиться с будущим направлением подготовки, выбрав в качестве такового политические науки.

Студенческое научное общество является частью студенческого самоуправления. Оно проводит мероприятия, цель которых помочь студентам с реализацией их научных проектов: дополнительные консультации с профессорско-преподавательским составом, научно-исследовательские семинары.

Каждый год в вузе проходят фестиваль «Интеллектуальная зима», а весной — «Дни науки», в рамках которых каждое направление подготов-

ки проводит свой цикл мероприятий совместно с активом студенческого научного общества, предлагая студентам участие в секциях конференций, дебатах, деловых играх в формате «Что? Где? Когда?» с тематическими вопросами и т.д. Студенческому самоуправлению в реализации мероприятий помогает профсоюзная организация студентов К(П)ФУ.

На базе кафедры политологии Казанского университета действует Студенческий дискуссионный политический клуб «Политсковородка». Клуб является открытой площадкой для обсуждения актуальных проблем общественно-политического и социально-экономического развития, вопросов молодежной политики и студенческой жизни с участием представителей академического, экспертного сообщества, а также политиков и государственных служащих.

Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ)

За время своего существования кафедра политических наук реализовала многие крупные российские и международные проекты. При ней созданы и активно действуют: Лаборатория по исследованию идентичности, Информационный центр изучения Европейского союза, с 2010 г. развивается электронный ресурс «Экспертная электронная сеть по исследованию идентичности». На кафедре существует широкая международная программа по стажировке иностранных студентов из зарубежных политологических центров. Для молодых ученых, школьников и преподавателей на базе кафедры ежегодно проводятся региональные конкурсы научно-исследовательских работ и тематические олимпиады.

Ежегодно на базе кафедры политических наук ПГНИУ Пермское региональное представительство СМП РАПН совместно с региональным отделением РАПН проводит «Всероссийскую ассамблею молодых политологов». В рамках мероприятия проходят панельные дискуссии, семинары, секции, воркшопы, круглые столы, гостевые лекции приглашенных специалистов, а также презентации научных проектов и магистерских программ. По итогам конференции авторы лучших докладов получают возможность опубликовать их в рецензируемых журналах.

Кафедра издает несколько научных журналов и альманахов, таких как «Политический альманах Прикамья», «Вестник Пермского университета. Политология» и многие другие.

* * *

В итоге можно признать, что именно вуз является главным интересантом в развитии потенциала своих студентов и целенаправленно развивает активность в студенческой среде при взаимодействии с внешни-

ми партнерскими организациями, в том числе и с МПО. В некоторой степени капитал студента и выпускника вуза — это конкурентное преимущество самого вуза, что объясняет прямую заинтересованность университетов в его развитии. И чем выше конкуренция на рынке высшего образования, тем больше вузы готовы вкладывать в развитие конкурентных параметров. А это значит, что внеаудиторной работе со студентами вуз, претендующий на высокий статус и место в рейтинге, всегда будет уделять значительное внимание.

10.4. Адаптация и интеграция молодых политологов в профессиональное сообщество

Молодые политологи, как и любые молодые специалисты, нуждаются в интеграции и адаптации в профессиональное сообщество. Получив необходимый набор навыков, умений и знаний, окончив университет, они чувствуют себя «чужаками» в большом мире, который ставит новые задачи, требует быстрой ориентации в ситуации и своевременного адекватного ответа. Это заставляет молодых специалистов чувствовать себя дезориентированными, «взрослый» мир им кажется новым обществом, в котором они являются «мигрантами» со своими представлениями, установками и моделями поведения. В связи с этим представляется релевантным рассмотреть взаимодействие между молодыми специалистами и профессиональным сообществом сквозь призму отношений между мигрантами (зачастую инокультурными) и принимающим обществом.

Интеграция и адаптация рассматриваются как процессы, которые должны идти в паре. Так, концепция адаптации Дж. Берри представляет собой процесс, при котором мигрант поддерживает свою культуру и адаптируется к новой культурной среде. При этом он может использовать одну из пяти стратегий: ассимиляцию, интеграцию, сепарацию или сегрегацию, а также маргинализацию[1]. На процесс адаптации также влияет общий социальный контекст, отношения между группами мигрантов и принимающим обществом[2]. В связи с этим необходимо рассматривать не только стратегии прибывающих мигрантов, но и ожидания членов принимающего общества[3].

[1] *Berry J. W.* Acculturation as varieties of adaptation. Ed. By A. Padilla. Boulder, Westview, 1980. P. 9–25.

[2] *Berry J. W.* Imposed ethics, emics, derived etics: The operationalization of a compelling idea // International Journal of Psychology. 1989. No. 24. P. 721–735.

[3] *Berry J. W.* A psychology of immigration // Journal of Social issues, 2001. No. 57. P. 615–631.

Особенности интеграции молодых политологов

Прежде чем перейти к описанию моделей как с точки зрения принимающего общества, так и со стороны мигрантов, необходимо понять, что такое интеграция. Социологами и социальными антропологами термин «интеграция» используется при обозначении процесса приспособления мигранта к жизни в принимающем обществе, к существующим там нормам и обычаям, а также опыта, который может быть приобретен и распространен между мигрантами и автохтонным населением на разных уровнях социальной организации[1], что укладывается в обозначенное выше разделение молодых политологов как мигрантов и принимающего профессионального сообщества.

Выделяют четыре измерения интеграции, в рамках которых мигранты адаптируются в новом для них обществе.

1. *Структурная интеграция*, подразумевающая приобретение прав и доступ к получению статуса или позиции в рамках основных институтов принимающего общества (например, доступ на рынок труда). С точки зрения молодых политологов, это получение документа, подтверждающего их квалификацию, и следующий за этим процесс трудоустройства по специальности с возможностью карьерного роста, получения необходимого профессионального опыта и продвижения своих идей в научном сообществе.
2. *Культурная интеграция*, предполагающая изменения в поведении и отношении мигранта к новому положению в контексте новой культуры. В границах этого измерения культурные трансформации не только происходят в сознании мигрантов, но и постигаются принимающим населением, поскольку оно должно научиться взаимодействию и совместному проживанию с мигрантами. Для молодых политологов это означает погружение в контекст, принятие закрепленных норм поведения, например, понимание критериев научности, поиск необходимой информации и ее анализ, ее преподнесение в соответствии с существующими требованиями, предъявляемыми к научной работе. При этом молодые специалисты сталкиваются с необходимостью отойти от «ложной скромности» и синдрома самозванца[2], принять себя как специалиста в одной из политологических областей. Для профессионального

[1] *Ager A., Strang A.* Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21. No. 2. P. 166–191.

[2] См. подробнее: *Булгакова Л. И.* «Синдром самозванца»: история возникновения термина, основные концепции и их трансформация // Психология и психотерапия семьи. 2018. № 3. С. 30–37.

сообщества это означает способность принять новые идеи, привносимые молодыми специалистами, и помочь в их встраивании в существующие реалии и структуры.

3. «*Интерактивная» интеграция*, которая предполагает принятие и включение мигрантов в социальную структуру общества. Речь идет о завязывании дружеских отношений с представителями автохтонного населения. Так и интеграция молодых политологов в профессиональное сообщество проходит тогда, когда формируются четкие связи между представителями обеих сторон, растет число контактов между ними, например, в рамках проведения конференций, написания научных работ и реализации совместных грантов и командировок. Такой формат общения зачастую предполагает не только формальное измерение отношений, но и неформальное, которое ведет к построению дружественных связей между представителями разных поколений.
4. *Идентификационная интеграция*, а именно создание у мигранта чувства принадлежности к принимающему обществу и ощущения им себя неотъемлемой его частью[1]. После того как произошла интеграция на указанных выше уровнях, сами молодые специалисты начинают воспринимать себя частью большого профессионального сообщества, формируется их идентичность как ученых-политологов, чьи идеи и выступления воспринимаются и принимаются членами сложившегося профессионального сообщества.

Если применить указанные измерения интеграции к сообществу молодых политологов, следует сначала определить общие характеристики его участников.

В частности, большая часть молодых политологов относится к новому поколению миллениалов, что накладывает определенный отпечаток на особенности их интеграции в политологическое сообщество в силу ряда характеристик.

Для представителей этого поколения характерна ориентация на сегодняшний день и быстродостижимые цели, а также на стремительный взлет по социальному лифту. Они опираются на конкретный жизненный опыт близких по возрасту социальных групп и связывают знания с реальными судьбами референтных для них людей[2].

[1] *Heckmann F., Bosswick W.* Integration of Migrants: Contribution of Local and Regional Authorities. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2006. — 45 p.

[2] Мониторинг и анализ московского информационного образовательного пространства: Результаты социологических исследований и программирования / С. Цымбаленко, А. Шариков, И. Жилавская [и др.]. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. — 108 с.

Кроме того, они параллельно живут в социальных сетях, для которых характерна горизонтальная коммуникация, у них выражена потребность в социальном признании. Миллениалы стремятся к постматериальным ценностям[1].

Таким образом, для них необходимы площадки для самореализации, саморазвития, а также участие наставника, который будет способствовать раскрытию их потенциала[2]. Перечисленные особенности могут помочь в поиске механизмов интеграции и адаптации молодых политологов в профессиональное сообщество, приводя к взаимообогащению обеих групп, причем указанные характеристики молодого поколения укладываются в рассмотренные выше механизмы интеграции и модели поведения мигрантов. Так, экстраполирование принципов мультикультурализма на интеграцию молодых политологов в профессиональное сообщество не только предоставляет возможности для получения опыта старших коллег, но и позволяет им раскрыть свой потенциал, привнести новые идеи и получить искомое признание.

Согласно проведенному в рамках данного исследования опросу среди молодых политологов, наиболее предпочтительным способом взаимодействия с коллегами был указан личный, что характерно для миллениалов, ведь они хотят коммуницировать, опираясь на опыт авторитетов и раскрывая свой потенциал при взаимодействии со старшими коллегами. Это, в свою очередь, ведет к интеграции молодых политологов в профессиональное сообщество, подобно тому как личные контакты способствуют установлению связей между «принимающим обществом» и «мигрантом». Это укладывается в две интеграционные модели: *ассимиляторскую* и *мультикультурную*.

Что касается вопроса о подготовке кадров для органов управления и государственных структур, можно сказать, что респонденты выбирают одну из указанных выше моделей поведения, а именно стратегию «борьбы», полагая, что на направлении «Политология» готовят в первую очередь тех, кто впоследствии уйдет на государственную службу. Соответственно политология становится средством к достижению другой цели — трудоустройство в государственные органы власти. Таких молодых специалистов можно интегрировать в профессиональное сообщество, но они могут впоследствии оставить академическое сообщество.

---

[1] *Султанов К. В., Воскресенский А. А.* Концептуальные основания экономики знаний: человеческий капитал и антропология креативности // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 4. С. 148–152.

[2] *Султанов К. В., Воскресенский А. А.* Особенности и проблемы поколения в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 150–153.

Кроме того, согласно результатам опроса, молодые политологи указали на совместную работу над грантами как основную форму интеграции в профессиональное сообщество. Именно исследования респонденты выделили как наиболее полезную форму вовлечения молодых ученых в процесс получения и обмена новыми знаниями (4,5 балла из 5).

Участие в научных мероприятиях также является востребованной формой коммуникации, но их специфика заключается в установлении «связей между университетами, институтами, сетями, проектами»[1] или ознакомлении участников с ведущими тенденциями в науке. Однако это нельзя назвать систематической научной или образовательной работой.

Молодые политологи хотят большей вовлеченности в исследовательские проекты с возможностью реализации своего потенциала и установления личных контактов. Работа в рамках одного проекта позволяет коммуницировать молодому и старшему поколениям исследователей, обмениваться опытом и знаниями. Для молодых политологов, в свою очередь, важно будет получить удовлетворение от результатов проведенного исследования, что соответствует потребностям миллениалов, ориентированных на постматериальные ценности и признание. В таком случае они начинают идентифицировать себя с научным сообществом и переходить к модели поведения «гибкость» (см. ниже), а значит, сделать еще один шаг к интеграции в профессиональное сообщество.

Также стоит отметить, что в рамках работы над исследовательским проектом представитель профессионального сообщества в качестве наставника может помочь молодому специалисту в интеграции посредством не только раскрытия его потенциала, но и знакомства его с другими членами профессионального сообщества. Происходит своего рода межкультурная коммуникация, которая заканчивается адаптацией молодого специалиста и его принятием в сообщество.

Со стороны старшего поколения исследователей в рамках реализации исследовательского проекта зачастую применяется модель мультикультурализма, так как необходимы новые идеи и взгляды на решение той или иной исследовательской задачи, а значит, индивидуальность каждого молодого специалиста и его креативный подход с опорой на полученные знания может обогатить и «раскрасить» результаты, полученные по окончании реализации исследовательского проекта.

[1] *Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И., Чугров С. В.* Мир и политика сквозь призму научных форумов // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 87–106. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.06.

Модели адаптации молодых политологов

Социокультурная адаптация представляет процесс взаимодействия мигранта (молодого специалиста) с чужой культурой (культурой профессионального сообщества). Для успешной интеграции необходима совокупность усилий как со стороны принимающего общества, так и со стороны мигрантов. К. Додд выделял следующие основные модели поведения в условиях адаптации[1]:

1. *Flight (избегание)* заключается в попытке избежать прямых контактов с чужой культурой, закрытие в анклавах, создание там своего микромира, живущего по установленным внутри него законам. Такая стратегия поведения ведет к увеличению дистанции между мигрантом и автохтонным населением[2]. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что молодые специалисты не стремятся участвовать в научных проектах и мероприятиях, не расширяют свои знания о профессиональном сообществе, изучают только то, что им предлагается в рамках читаемых в университете курсов, а иногда не желают делать и этого, стремясь лишь получить диплом.
2. *Fight (борьба)* — этноцентризм, желание перенести свою модель поведения в принимающее общество. При такой стратегии молодые специалисты пытаются продвинуть свои идеи, игнорируя принятые в профессиональном сообществе нормы и правила, полагают, что до них тем или иным вопросом никто не занимался, не стремятся опереться на опыт предшественников и признанных классиков и пытаются заняться «изобретением велосипеда». Наставления научного руководителя воспринимают «в штыки» и считают их ненужными, плохо идут на контакт с представителями научного сообщества.
3. *Filter (фильтр)* — выстраивание диалога культур либо сохранение собственной культуры, идентификация со своей этнической группой, активные контакты с представителями принимающего общества. В этом случае молодые специалисты не готовы продолжить свой путь в науке, но идут на контакт с представителями профессионального сообщества, принимают активное участие в научной жизни. Однако их мотивация заключается в получении необходимых контактов и набора дополнительных знаний и навыков, с тем чтобы успешно окончить университет, а потом начать работать в политической сфере (когда речь идет о молодых политологах). Они еще не

[1] *Dodd C. H.* Dynamics of intercultural communication. Boston: MS: McGraw Hill, 1998. — 289 p.

[2] *Владимирова С. С., Пшенко К. А., Шарри Т. Г.* Проблемы социокультурной, языковой и правовой адаптации трудовых мигрантов в РФ // Человек и Общество. 2010. № 4. С. 49–54.

видят себя неотъемлемой частью научного профессионального сообщества, не уверены в своих силах как ученые и специалисты в интересующей их области, воспринимают политологическое образование не как самоцель, а как средство реализации амбиций в качестве будущих политиков или специалистов политических профессий.

4. *Flex (гибкость)* — изменение культурной идентичности на двух уровнях: на уровне внешнего поведения и на уровне социального восприятия. Мигрант (молодой политолог) принимает новые общественные модели поведения, ценности (характерные для профессионального политологического сообщества), а с течением времени начинает и себя считать неотъемлемой частью принимающего общества. В данном случае молодой политолог чувствует себя уверенным в своих силах, способен вести научный диалог с представителями старшего поколения, понимает контекст, в котором находится, таким образом, становясь частью профессионального сообщества.

Так или иначе, каждый студент-политолог проходит через все из описанных выше моделей поведения, однако нельзя говорить о том, что интеграция в профессиональное сообщество является задачей только начинающего специалиста. Это двусторонний процесс, и без помощи со стороны профессионального политологического сообщества он не сможет перейти из одной модели поведения в другую и в конечном итоге стать его частью. Ведь порой усилий одного молодого ученого недостаточно, особенно если он не находит поддержки и наставлений со стороны состоявшихся политологов. В связи с этим перейдем к рассмотрению существующих моделей интеграции мигрантов со стороны принимающего общества в контексте вступления молодых политологов в профессиональное сообщество.

Исследователи выделяют три интеграционные модели: сегрегационную, ассимиляторскую и модель мультикультурализма.

Сегрегационная (модель «приезжего рабочего») подразумевает, что сначала мигранты «приглашаются» в страну для заполнения вакантных мест на рынке труда. Затем, выполнив определенную работу на территории государства, они возвращаются на родину. Страна, принимающая подобную модель, стремится исключить инокультурное меньшинство из процесса принятия общественно значимых решений, избавиться от них по исполнении ими их функции[1]. Механизмов адаптации мигрантов такая модель не подразумевает, однако на практике временные мигранты становятся постоянными, а значит, остро встает вопрос об их интеграции в общество. Общим для моделей ассимиляции и сегрегации («приезжего рабочего») явля-

[1] *Esser H., Korte H.* Federal Republic of Germany // European Immigration Policy / Ed. by T. Hammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — 319 p.

ется то, что обе не нацелены на сохранение культуры инородных элементов. В рамках рассматриваемого вопроса, где принимающее общество — профессиональное сообщество, молодые специалисты привлекаются для технической работы при реализации более масштабного исследования. Например, они могут заниматься поиском необходимой информации, баз данных и их обработкой, поскольку силами ограниченного количества исполнителей исследования при лимитированном времени реализации проекта невозможно обработать большой массив информации. После завершения сбора данных студенты-политологи не привлекаются к дальнейшей работе по проекту, и на этом взаимодействие со старшим исследовательским коллективом заканчивается. В свою очередь, это может заставить студентов-политологов прибегнуть к моделям «борьба» или «фильтр». В первом случае они выполнят необходимую работу, но интеграции в научное сообщество не состоится. Во второй ситуации, получив определенные навыки работы с данными, студенты стараются реализовать себя в политической сфере. При этом об интеграции в научную деятельность говорить не приходится.

Под *ассимиляцией* подразумевается попытка инкорпорировать представителей микрокультуры в более крупную или усилия по созданию более гомогенного общества. Процесс ассимиляции можно считать завершенным, когда новые члены общества становятся неотличимы от представителей более крупной, доминантной культуры[1].

При ассимиляционной модели мигранты рассматриваются как лица, заключившие контракт с государством. Они обязаны принять традиции и культурные обычаи страны, идентифицировать себя с местным населением. Правительства прибегают к данной модели по той причине, что культурные отличия могут восприниматься как потенциальная угроза сложившимся в обществе ориентирам. В сущности, общество видит в чужеродной культуре угрозу своему выживанию.

Тем не менее мигранты не всегда стремятся слиться с принимающим обществом и желают сохранить свою культуру, что противоречит двум обязательным условиям для успешной реализации политики ассимиляции:

- *во-первых*, носители инородной культуры могут в принципе быть ассимилированы, в противном случае мигранты прибегают к ней по принуждению;
- *во-вторых*, инородная культура должна проявить стремление к ассимиляции в принимающее общество[2].

[1] *Bennett Ch. I.* Comprehensive Multicultural Education: Theory and Practice. Boston: Allyn and Bacon, 1995. — 452 p.

[2] *Веретевская А. В.* Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы: Дисс. ... канд. полит. наук.: 23.00.02 / Веретевская Анна Вячеславовна; МГИМО. М., 2012. — 209 с.

Так, представители профессионального сообщества включают молодых политологов в реализуемые исследовательские проекты, пишут совместные статьи, организуют научные мероприятия, чтобы научить молодых политологов нормам и правилам ведения научной работы. Молодые политологи воспринимаются профессиональным сообществом как его неотъемлемая часть, способная проводить собственные исследования. В этом случае, в зависимости от мотивации молодого политолога, он прибегает к модели либо «фильтр», либо «гибкость».

В первом случае молодой политолог получает не только необходимые навыки и практические знания, но и контакты с представителями профессионального сообщества, что может помочь ему реализоваться не только в научной сфере. Во втором случае молодой политолог становится членом профессионального сообщества, ученым-политологом, который интегрирован в академическую среду. Тем не менее молодые политологи примут существующие шаблоны исследования и не смогут выйти за рамки устоявшихся паттернов, опасаясь быть отторгнутыми профессиональным сообществом, что будет тормозить развитие политической науки в целом.

Термин «*мультикультурализм*» вошел в обращение на рубеже 1960-х — 1970-х годов. Такое название в 1971 г. получила новая доктрина социальной политики Канады, основанная на принципе включения[1]. На сегодняшний день единого представления о содержании понятия не существует. Б. Парек считает, что необходимо терминологически разделять характеризующуюся культурным многообразием (гетерогенностью) социальную реальность и, собственно, мультикультурное общество[2]. Общество, с его точки зрения, следует называть мультикультурным в случае, если многообразие в нем признается ценностью и поддерживается посредством особых принципов и механизмов управления.

Мультикультурализм отличается от модели «приезжего рабочего» тем, что мигранты рассматриваются как потенциальные постоянные жители. По этой причине к ним изначально относятся как к гражданам принимающего общества. В отличие от ассимиляционной модели мигранты сохраняют свою культуру, традиции и обычаи.

Основные принципы мультикультурализма включают в себя толерантность, признание различий между культурными группами, равных прав на политическое и социальное участие при сохранении собственно

[1] *Trudeau P.* Statement to the House of Commons on Multiculturalism // Parliament of Canada, House of Commons Debates, 3rd session, 28th Parliament, volume 8, 8 October 1971. Ottawa: Queen's Printer, 1971. P. 8545–8548.

[2] *Parekh B.* Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. New York: Palgrave Macmillan, 2006. P. 5–6.

идентичности мигрантов[1]. При наложении принципа мультикультурализма на рассматриваемую проблему можно сказать, что профессиональное сообщество должно быть готово к включению в свои ряды молодых политологов, при этом не противостоять привносимым ими новым идеям, взглядам и методологическим подходам, не препятствовать их обучению и совершенствованию в профессиональном плане.

В этом случае молодые специалисты не только будут ощущать себя интегрированными в профессиональное сообщество, но и смогут предлагать новые идеи, у них появятся стимулы для саморазвития и самосовершенствования, что будет способствовать развитию политической науки в целом.

Участие в деятельности молодежных политологических структур как механизм интеграции и адаптации

Среди других механизмов интеграции и адаптации молодых политологов в профессиональное сообщество в России можно отметить участие в молодежных политологических организациях, таких как, например, СМП РАПН, которая устраивает различные мероприятия, где возможны обмен опытом, установление новых связей и расширение сети исследователей.

Разветвленная сеть СМП РАПН, включающая в себя представительства в разных регионах России, позволяет осуществлять контакты как между молодыми специалистами, являющимися представителями различных российских политологических школ, так и между состоявшимися политологами с новым поколением.

Проведение политологических олимпиад и соревнований на базе различных университетов, как, например, конкурс конфликтологов, проводимый на базе Казанского (Приволжского) федерального университета, не только способствует совершенствованию практических навыков разрешения конфликтов, но и помогает установить контакты с коллегами.

Проведение мероприятий различных форматов способствует активному вовлечению обучающихся в процесс постижения новых знаний. Например, проводимые политические ланчи на базе Парламентского клуба МГИМО позволяют студентам обсудить насущные вопросы со специалистами в рамках неформального общения, установить связи с профессиональными политологами, определиться с направлением исследований в будущем, создать сеть личных контактов с состоявшимися специалистами.

Можно отметить и проводимый Российской ассоциацией политической науки (РАПН) конкурс работ (номинация «Дебют»), который позволяет молодым политологам не только поверить в свои силы и раскрыть свой потенциал, но и интегрировать их в профессиональное сообщество,

[1] *Гаман-Голутвина О. В.* Проблема мультикультурализма в современной Европе // Вестник МГИМО (У). 2011. № 6 (21). С. 16–18.

познакомив его с молодым политологом. Перечисленные выше меры являются лишь некоторыми примерами шагов профессионального сообщества для интеграции и рекрутирования молодых политологов в свои ряды.

Подводя итог, стоит отметить, что интеграция молодых политологов в профессиональное сообщество объединяет усилия как принимающего сообщества, так и «мигрантов». Иными словами, перспективные исследователи должны быть заинтересованы во вхождении в профессиональное сообщество, не закрываться в анклавы и принимать активное участие в различных формах деятельности, как организационного, так и научного характера. Это позволит им заявить о себе в профессиональном сообществе, раскрыть свой потенциал, наработать необходимые связи и опыт, обрести практические навыки.

Именно по этой причине они должны придерживаться модели «гибкости». В деле интеграции и адаптации молодых политологов также велика роль самих профессиональных сообществ. Они, в свою очередь, помимо предоставления площадок для самовыражения молодых политологов, должны подталкивать и мотивировать их к участию в проводимых мероприятиях, включать их в исследовательские проекты, на конкретных примерах показывать способы применения своих знаний.

Более того, профессиональные сообщества обладают ресурсами для поощрения молодых политологов к проведению своих исследований, организации взаимодействия между представителями разных поколений и обмена опытом, поощряя начинания и идеи молодых специалистов — это укладывается в рамки мультикультурного подхода к интеграции и адаптации. В этом случае появляются реальные возможности продвигать и развивать политическую науку в России.

Таблица 10.1

Варианты взаимодействия между молодыми политологами и профессиональным сообществом

		Модели поведения в условиях адаптации			
		Избегание	**Борьба**	**Фильтр**	**Гибкость**
Модель интеграции	**Сегрегация**	отсутствует	низкое	среднее	среднее
	Ассимиляция	отсутствует	низкое	среднее	среднее
	Мультикультурализм	отсутствует	среднее	среднее	высокое

10.5. Основные выводы

Главной площадкой для подготовки молодых политологов является вуз. Подготовка и адаптация молодых политологов в университетах имеет как общие черты с другими специальностями, так и свои особенности.

Как минимум, в ведущих вузах наиболее талантливые кадры рекрутируют еще со школьной скамьи, привлекая их в лицеи и школы при университетах. Также университеты знакомят всех заинтересованных со своими преподавателями посредством публичных лекций. Далеко не изжил себя формат «дней открытых дверей». Уже в университете студентам могут помогать ассоциации выпускников, предлагая возможности для стажировок и практик, а система студенческого самоуправления способствует расширению коммуникаций между студентами, создавая таким образом новые сетевые структуры.

В результате анализа институциональной базы и практик подготовки можно отметить, что «столичные» вузы предоставляют студентам-политологам больший простор для выбора образовательных программ. Это, безусловно, является конкурентным преимуществом таких вузов.

Помимо непосредственно образовательной и научной деятельности, вузы играют важную роль в процессе вовлечения студентов в мероприятия, направленные на развитие профессиональных компетенций, социальной активности, в том числе посредством поощрения создания организаций студенческого самоуправления.

В результате анализа практик подготовки молодых политологов среди вузов в регионах-лидерах сетевых кластеров можно отметить, что в данных вузах они представлены широким кругом разнообразных проектов: от ежегодных конференций до организации работы исследовательских лабораторий студентов по узким темам. Все они ориентированы на развитие целого набора компетенций у обучающихся: управленческих, коммуникативных, исследовательских и т.д., позволяющих на выходе получить выпускника, готового приступить к профессиональной деятельности. Практики, таким образом, призваны дополнить образовательный процесс, предоставить площадку для обкатки студентами полученных в результате обучения в вузе знаний, навыков.

Дополнительно можно отметить, что участие в студенческих проектах способствует развитию сети контактов. Студенческие организации тесно общаются между собой, вступают в партнерские отношения в процессе реализации проектных инициатив. Обучающиеся в процессе работы в структурах студенческого самоуправления развивают и диверсифицируют сеть своих профессиональных контактов, наращивают ее реляционный капитал, что способствует более плавному вхождению в жизнь сообщества, в том числе и «взрослого».

Адаптация студентов в политологическом сообществе, в вузе — непростое дело. Это комплексный процесс, при котором необходимо помнить о множестве факторов. В частности, важно учитывать ценности нового поколения миллениалов. В данном случае речь идет прежде всего о по-

требности в самореализации, приоритете постматериальных ценностей, чувстве собственной значимости.

Сравнение моделей адаптации мигрантов с инкорпорированием молодых политологов в профессиональное сообщество является релевантным и позволяет оценить риски, избежать ошибок. Анализ показал, что наиболее эффективной моделью является мультикультурализм, в рамках которого «мигранты», с одной стороны, принимают правила игры нового сообщества, с другой — у них есть возможность сохранить свои особенности. При этом молодые исследователи не должны замыкаться в рамках узких профессиональных или возрастных групп, так как это в лучшем случае замедлит процесс их социализации в сообществе. В то же время и сообщество должно быть готово принять новых членов, быть открытым к новым тенденциям и идеям и не допускать дискриминации условных «мигрантов».

Большое значение в адаптации молодых политологов в профессиональное сообщество имеют молодежные политологические сообщества. Главная задача — реализовать этот потенциал, но зависит он в первую очередь от энергии и энтузиазма членов молодежного политологического сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сообщество молодых политологов — это пример сети, главной целью которой является получение научного знания о политике. Отличие лишь в том, что члены молодежного сообщества учатся не только вырабатывать новое знание, но и получать уже имеющееся, а заодно опыт и навыки, необходимые для политолога.

Возраст, принадлежность к сообществу и факт обучения на политологических специальностях являются главными отличительными чертами молодых политологов. Несмотря на то что государство считает молодыми учеными людей без научной степени до 30 лет, с кандидатской — до 35, а с докторской — до 40, сами политологи так не думают. Средний возраст, когда специалист ощущает себя взрослым, — 26 лет, время первых самостоятельных шагов в карьере и/или завершения обучения в аспирантуре. Средний возраст молодого политолога при этом 22–23 года.

В данном исследовании под молодыми политологами мы понимали в широком смысле *людей, которые получают признаваемый политологическим сообществом набор профессиональных компетенций, необходимых для производства новых знаний о сфере политического.*

Для молодежи крайне важно быть признанным в сообществе как среди своих ровесников, так и коллег постарше. В этом плане важны и дипломы о высшем образовании, когда молодые люди по праву начинают себя считать политологами, и участие в научной жизни (например, написание научных статей), а также принадлежность к политологическим структурам.

Структура и сети при этом — разные явления, но они одинаково важны для представителей сообщества, в совокупности предоставляя необходимый уровень сетевых ресурсов, способствующих профессиональному развитию.

На первых порах, когда молодые люди только начинают получать политологическое образование, важно не только выработать аналитические навыки, но и обрести «политологическое» мышление, видеть разницу между политическим и политологическим, между научным и обыденным знанием, увидеть карьерные пути развития. И здесь крайне важным становится вопрос вовлечения молодых людей в политологическую жизнь, постановка целей и описание будущих перспектив. Главным фактором здесь становятся коммуникации. Чем больше они развиты, тем больше заинтересованности у молодых политологов в профессии, тем более позитивно они оценивают состояние политической науки в стране, тем больше они работают по специальности.

Не стоит отрицать ключевую роль высших учебных заведений в процессе формирования и функционирования сообщества молодых политологов. Именно на вузовском уровне, а не на региональном или федеральном, представления о деятельности молодых политологов наиболее четко определены. При этом члены сообщества оценивают человеческий капитал сети выше остальных ресурсов, что может говорить о высоком потенциале сообщества, главное — правильно его раскрыть, в первую очередь на вузовском уровне, а во вторую — на общероссийском с помощью профессиональных организаций федерального уровня. Результаты общероссийского опроса, проведенного в рамках представленного проекта, показали, что, как минимум, треть опрошенных являются «начинающими» или «потенциальными» политологами, и крайне важно именно на первых порах обеспечить им коммуникации с сообществом, чтобы они не потеряли интерес к сфере. Без регулярного взаимодействия с опытными и авторитетными политологами и — шире — специалистами и профессионалами интеграция в сообщество едва ли возможна.

Однако с кого им брать пример? Как показал опрос, в основном со своих преподавателей, ярких отечественных политологов, но не только. Важным критерием признания «авторитетов» в сфере политологии становится медийная активность. При этом равняются на тех, кого видят в соцсетях, но не по телевизору, с кем общаются вживую или у кого современные популярные научные работы. Однако можно заметить одну неприятную тенденцию: с одной стороны, мы можем сказать, что в России появилась отечественная школа политологии со своими «звездами» и эксклюзивными направлениями исследования, с другой — молодые политологи продолжают ориентироваться на западные стандарты политологии. При этом они практически не знают современных зарубежных политологов, список которых в подавляющем большинстве включает только ученых конца XX в. и более ранних периодов.

Такая проблема была выявлена, несмотря на цифровизацию и развитие дистанционных средств коммуникации. Всемирная сеть позволяет интенсифицировать взаимодействие, разрушать границы при получении профессиональных знаний, поиске единомышленников, мобилизации сторонников. Однако ¾ опрошенных отдают предпочтение личному общению, а не дистанционному. В свою очередь, межрегиональная коммуникация оставляет желать лучшего. Несмотря на разветвленность сети контактов (участвуют почти все регионы России), интенсивность связей невысокая.

Оценка сетевого веса и структуры межрегиональных связей молодых политологов показывает, что в России сложилась небольшая группа субъектов, представители которых достаточно активно включены в сетевое взаимодействие с коллегами. При этом сетевая коммуникация имеет две особенности: первая — Москва и Санкт-Петербург являются лидерами с большим отрывом от других. Как следствие, именно здесь определяются

тренды, формирующие актуальную повестку дня и состояние политической науки в целом. Вторая — местечковое межрегиональное взаимодействие, чаще всего ограничивающееся соседними регионами. Вероятно, это также является следствием преобладания традиционных форм коммуникации (физического контакта). Но все-таки удалось выделить несколько кластеров и их лидеров — Алтайский и Пермский края, Республика Татарстан и Воронежская область. Сложнее всего обеспечить консолидацию близлежащих друг к другу регионов при географической близости к столице, например, Воронежская область, занимающая лидирующие позиции в плане интенсивности коммуникации, практически не связана с близлежащими субъектами. В итоге именно через Москву обеспечивается связь близких к ней регионов друг с другом.

Можно также отметить ряд проблем межрегиональной сетевой коммуникации организационного, технического и содержательного характера:

- молодые политологи часто не взаимодействуют друг с другом из-за разных предпочтений в выборе площадок для коммуникаций;
- количество офлайн-площадок недостаточно;
- качество взаимодействия низкое, что связано с тем, что среди участников сети преобладают личное общение в ущерб деловому и обмен информацией, но не знаниями.

Основной функцией молодежных политологических структур становится коммуникативная, связанная с интеграцией в научное сообщество, расширением контактов с его представителями, особенно из «взрослой» среды, а также созданием площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников. МПО важны именно как брокеры сетевых отношений, занимающие центральное место в сети.

Однако стоит признать, что молодые политологи не считают высокий потенциал МПО реализованным. На данный момент подобные структуры не удовлетворяют всех запросов, а поддержка федеральных и региональных властей недостаточна.

Кроме всего прочего, молодежные объединения важны еще как источники символического капитала как фактора, придающего дополнительную уверенность в своих силах молодым людям, получающим новый статус и зарабатывающим «очки» в свою политологическую копилку. Но важнее всего — человеческий капитал, выраженный в приобретении новых навыков и знаний по организации сложных иерархических сетей, способности договариваться с коллегами, учиться коммуницировать. Научная деятельность при этом здесь остается на втором плане.

В целом стоит признать, что МПО совместно с вузами и при поддержке государства способны обеспечить вполне успешное развитие молодежного политологического сообщества и личности каждого конкретного молодого политолога. Но здесь не стоит забывать и про современные средства коммуникации, которые помогают в этой трудной задаче.

Как показал опрос, наиболее популярной площадкой для взаимодействия молодых политологов является российская соцсеть «ВКонтакте», там же мы можем найти основные политологические ресурсы для молодежи. Данный фактор говорит о том, что соцсети могут разделять, а не только объединять людей. Так, основной площадкой для коммуникации более старшего поколения является *Facebook*, соответственно разные поколения могут не увидеть друг друга, потому что находятся преимущественно в разных цифровых зонах. Эта проблема действительно может быть серьезной коммуникационной преградой для молодых политологов.

Если говорить про молодежные политологические ресурсы в соцсетях, то можно заметить популярность тех из них, что предоставляют контент, связанный с результатами научной деятельности (книги, статьи, подборки материалов), а также с текущими новостями, освещающими разные события жизни сообщества. Группы являются проводником нового знания для еще не сформировавшихся специалистов, а также способствуют образованию связей между ними, в том числе объединяя представителей разных регионов и школ отечественной политической науки.

В результате анализа окружающей среды выявлены общие мнения молодых политологов относительно состояния политической науки в России, рассмотрены сетевые факторы влияния, в том числе международные, связанные с Болонским процессом. Отдельно проанализирована роль государства и некоммерческих организаций в процессе подготовки молодых политологов на примере передовых западных стран.

Болонская система благоприятствует развитию международных коммуникаций, однако привлекательность образовательных систем стран Запада направлена на продвижение позитивного образа своих стран. Россию сложно назвать «законодателем мод» в научно-образовательной сфере, что может негативно влиять на внутреннее направление политики «мягкой силы», которая призвана поддержать отечественную образовательную систему и привлечь иностранцев в Россию.

В то же время реформы системы высшего образования европейских стран позволили ликвидировать барьеры внутри академического сообщества и расширить научные сети, интернационализировать науку. Важным драйвером такого развития выступили именно структуры некоммерческого сектора в виде образовательных фондов или профессиональных организаций.

Таким образом, политологические организации, университеты, молодежные структуры могут обеспечить развитие политологического сообщества за счет интеграции в него молодых политологов, формирования их профессиональной идентичности и содействия развитию сетевых коммуникаций на общегосударственном и международном уровнях.

В итоге можно признать, что в научном споре М. Кастельса и Я. Ван Дейка о приоритете структуры или сети можно сказать одно: ис-

тина где-то посередине. Если применить этот тезис к представленному исследованию, то роль МПО действительно существенна при формировании сетевого сообщества молодых политологов. Но не стоит забывать, что без существования сообщества невозможно представить и работу молодежных политологических структур. Потенциал у сообщества большой, главное — эффективно его реализовывать, чтобы вырастить в России сильных специалистов-политологов. Ведь это очень важно для выстраивания доверительных отношений между властью и обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аватков В. А., Касаткин П. И. Высшее образование в Турции и Болонский процесс // Вестник МГИМО. 2012. № 6. С. 277–281.

Авдонин В. С. Политическая наука в институтах РАН: Институциональное измерение и наукометрические показатели // Политическая наука. 2015. № 3. С. 27–52.

Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. 2016. № 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf (дата обращения: 23.09.2019).

Акопов С. В. Эпистемические сообщества: Производство политических нарративов в эпоху глобализации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Akopov_RAPN.pdf (дата обращения: 23.09.2019).

Алексеев Д. В., Копылова П. С. Группы в социальных сетях как способ формирования сообщества молодых политологов: опыт дискурс-анализа // Политическая наука. 2020. № 1. С. 281–304. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.11.

Антюхова Е. А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 126–136. [Электронный ресурс]. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.09.

Антюхова Е. А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 86–98.

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. [Электронный ресурс]. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06.

Барсегян В. М. Политическая и научная активность молодых политологов: игра с нулевой суммой? // Политическая наука. 2018. № 4. С. 258–270.

Башкарев А. А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2009. — 166 с.

Большова Н. Н. Государственная политика в области высшего образования и науки как инструмент «мягкой силы» (опыт Германии) // Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 71–80.

Бордовских А. И., Соловьев А. И. Политические сети как новый источник политического риска // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 51. С. 185–212.

Булгакова Л. И. «Синдром самозванца»: история возникновения термина, основные концепции и их трансформация // Психология и психотерапия семьи. 2018. № 3. С. 30–37.

Бурдье П. Формы капитала / Пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.

Веретевская А. В. Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы: Дисс. ... канд. полит. наук.: 23.00.02 / Веретевская Анна Вячеславовна; МГИМО. М., 2012. — 209 с.

Владимирова С. С., Пшенко К. А., Шарри Т. Г. Проблемы социокультурной, языковой и правовой адаптации трудовых мигрантов в РФ // Человек и Образование. 2010. № 4. С. 49–54.

Воспитательная среда университета: традиции и инновации: Монография / А. В. Пономарев [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 408 с.

Гаман-Голутвина О. В. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / РАПН // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 8–28.

Гаман-Голутвина О. В. Проблема мультикультурализма в современной Европе // Вестник МГИМО (У). 2011. № 6 (21). С. 16–18.

Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И., Чугров С. В. Мир и политика сквозь призму научных форумов // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 87–106. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.06.

Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И., Чугров С. В. Современные конгрессы как форма научной коммуникации: отечественный и зарубежный опыт // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 87–101.

Гапич А. Э., Плисюк А. Г. Теоретико-методологические подходы к изучению структуры молодежных интернет-сообществ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 36–40.

Демократия в российском зеркале / Под ред. А. М. Миграняна, А. Пшеворского. М.: МГИМО-Университет, 2013. — 519 с.

Дюментон Г. Г. Сети научных коммуникаций и организация фундаментальных исследований / Отв. ред. В. А. Ядов; АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1987. — 103 с.

Ермолаев-Томин О. Ю. Математические методы в психологии: В 2 ч. Ч. 2: Учебник для академического бакалавриата / О. Ю. Ермолаев-Томин. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. — 235 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

Знания о политике: как получить и где применить? (27 сентября — 12 октября 2019 г.): Сб. материалов по итогам цикла региональных круглых столов / Под общ. ред. И. А. Помигуева, П. С. Копыловой. М.: Аспект Пресс, 2020. — 480 с.

Иванченко Г. В., Плотникова А., Леонтьев Д. А. Идея потенциала в науках о человеке: от «человеческого потенциала» к личностному // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под науч. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 42–58.

Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. — 992 с.

Ильин М. В. Десять лет академической политологии — новые масштабы научного знания // Полис: Политические исследования. 1999. № 6. С. 135–143.

Инглхарт Р., Ветцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.

Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / Сост.: проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 319–331. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt27.htm#s (дата обращения: 01.12.2019).

История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. — 360 с. — (Серия «Российская политическая наука: истоки и перспективы» / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной)

История российской политической науки / Под ред. Ю. С. Пивоварова, А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2015. — 470 с. — (Серия «Российская политическая наука: истоки и перспективы» / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод. Хабаровск: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. — 352 с.

Карягин М. Е., Сунгуров А. Ю. Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 8–20.

Касаткин П. И. Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. 2013. № 4. С. 70–77.

Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 26–36.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 494–505.

Конт О. Дух позитивной философии. М.: Либроком, 2012. — 92 с.

Кочетков А. П. Нетократизм // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 111–121.

Круглый стол: «Политическая наука в институтах РАН: История, современное состояние, перспективы» // Политическая наука. 2015. № 3. С. 237–251.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. — 310 с.

Кучукян А. В. Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 24–26.

Лазутина И. В. Приоритеты и инструменты международного сотрудничества России в области науки и образования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 1. С. 150–166.

Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО (У). 2017. № 3(54). С. 212–223.

Левинсон А. Открытые групповые дискуссии как метод прикладных социологических исследований // Вестник общественного мнения. 2007. № 6 (92). С. 45–54.

Леднёва А. В. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. — 119 с.

Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2010. — 240 с.

МакЛюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. — 432 с.

Малинова О. Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. 2005. № 3. С. 8–20.

Малинова О. Ю. Кто формирует общественное «лицо» профессии: сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ // Политическая наука. 2015. № 3. С. 225–237.

Малинова О. Ю. Об опыте взаимодействия профессионального сообщества политологов с властью и гражданскими организациями // Публичная политика / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2006. С. 42–54.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Полное собрание сочинений (ПСС). М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 4. С. 419–459.

Мелешкина Е. Ю., Авдонин В. С. Представляем номер // Политическая наука. 2020. № 1. С. 9–12.

Методология исследования сетевых форм организации бизнеса: Колл. моногр. / М. А. Бек, Н. Н. Бек, Е. В. Бузулукова и др.; под науч. ред. М. Ю. Шерешевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 446 с.

Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. — 295 с.

Михайлова О. В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: Дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Михайлова Ольга Владимировна; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2014. — 335 с.

Михайлова О. В. Сети в политике и государственном управлении. М.: ИД КДУ, 2013. — 332 с.

Мониторинг и анализ московского информационного образовательного пространства: Результаты социологических исследований и программирования / Цымбаленко С., Шариков А., Жилавская И. [и др.]. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. — 108 с.

Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов: 2-е изд., расшир. и испр. М.: ИФРАН, «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // ЛитМир — Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=81219&p=2 (дата обращения: 19.03.2020).

Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и проблемы // Политическая наука. 2020. № 1. С. 20–53. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.01.

Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. История Российской ассоциации политической науки: Науч. издание / Под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. — 360 с. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы» / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

Пляйс Я. А. Отечественная политология на рубеже XX и XXI вв. // Полис: Политические исследования. 2002. № 2 С. 175–179.

Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009. — 448 с.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Редкол.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. — 463 с.

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В . Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. — 560 с. — (Серия «Российская политическая наука: истоки и перспективы» / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2016.

Помигуев И. А. Особенности сетевого подхода к изучению сообщества молодых политологов // Власть. 2019. № 4. С. 94–100. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6592.

Помигуев И. А. Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики (V Форум молодых политологов, г. Москва, 8 декабря 2018 г.) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 268–274.

Помигуев И. А. Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей // Политическая наука. 2020. № 1. С. 105–144. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05.

Пономарева Е. Г., Ягья В. С. Научные связи как фактор развития // Обозреватель — Observer. 2014. № 5. С. 101–106.

Профессиональные ассоциации в России и оптимизация условий научной и преподавательской деятельности: Материалы конференции (Центр развития политической науки и конституционного права). М.: ИНИОН РАН, 2003. — 246 с.

Романов П. В., Щебланова В. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций) // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 144–154.

Российская политическая наука: в 5 т. / Под общей редакцией А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008.

Российская политическая наука. Идеи, концепции, методы / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. — 376 с. — (Серия «Российская политическая наука: истоки и перспективы» / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников. WP15/2015/03. М.: ИД ВШЭ, 2015. — 30 с.

Рустамова Л. Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО (У). 2016. № 1 (46). С. 118–128.

Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. — 173 с.

Саввинов В. М., Стрекаловский В. Н. Учет интересов стейкхолдеров в управлении развитием образования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. № 1(40). С. 87–99. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-interesov-steykholderov-v-upravlenii-razvitiem-obrazovaniya (дата обращения: 15.03.2020).

Сморгунов Л. В. Познание политической реальности: от состояния политики к политическим процессам // Политика и управление государством: новые вызовы и векторы развития / Под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 76–93.

Сморгунов Л. В. Политическая интеграция в сетевом обществе: поиск нового порядка для инклюзивного развития // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 12–25.

Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018. — 320 с.

Соловьев А. И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис: Политические исследования. 2015. № 3. С. 127–146.

Сообщества как политический феномен / Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 248 с.

Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, А. А. Гнедаш, Н. А. Рябченко. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. — 181 с.

Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. — 376 с. — (Серия «Российская политическая наука: истоки и перспективы» / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

Султанов К. В., Воскресенский А. А. Концептуальные основания экономики знаний: человеческий капитал и антропология креативности // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 4. С. 148–152.

Султанов К. В., Воскресенский А. А. Особенности и проблемы поколения у в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 150–153.

Сушко В. А. История и методология сетевого подхода // Социология. 2015. № 1. С. 46–58.

Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1999. — 261 с.

Чепурина М. А. «Мягкая сила» в глобальной политике: Болонские измерения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 96–103.

Шерстобитов А. С., Брянов К. А. Технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: Сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 196–202.

Шеффе Г. Дисперсионный анализ / Пер. с англ. Б. А. Севастьянова, В. П. Чистякова. М.: Физматгиз, 1963. — 625 с.

Шомова С. А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 28–41.

Этос науки: Колл. монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Academia, 2008. — 544 с.

Яковлев А. А. Казун А. П., Ситкевич Д. А. Профессиональные организации как драйверы социальных изменений в развивающихся странах // Journal of Institutional Studies. 2016. № 3. С. 47–71.

Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21. No. 2. P. 166–191.

Amirbeck A., Ydrys K. Educations as a Soft Power Instrument of Foreign Policy. Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 143. P. 501–503.

Bennett Ch. I. Comprehensive Multicultural Education: Theory and Practice. Boston: Allyn and Bacon, 1995. — 452 p.

Borgatti S. P., Foster P. C. The network paradigm in organizational research: A review and typology // Journal of Management. 2003. No. 29. P. 991–1013.

Bu L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // Journal of American Studies. 1999. Vol. 33. No. 3. Part 1: Women in America. P. 393–415.

Calhoun C. Nationalism, Political Community and the Representation of Society Or, Why Feeling at Home is not a Substitute for Public Space // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. No. 2. P. 217–231.

Castels M. The Information Age: Economy, Society and Culture: L.: Wiley-Blackwell, 2010. Vol. I. The Rise of the Network Society. — 656 p.

Dijk J. A. G. M. van. The Network Society. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999. — 272 p.

Dodd C. H. Dynamics of intercultural communication. Boston, MS: McGraw Hill, 1998. — 289 p.

Easton D. The future of the post-behavioral phase in political science // Contemporary Empirical Political Theory / Ed. by K. R. Monroe. Berkeley: Los Angeles, 1997. P. 13–46.

Easton D. The new revolution in political science // American Political Science Review. 1969. No. 63(4). P. 1051–1061.

Esser H., Korte H. Federal Republic of Germany // European Immigration Policy / Ed. by T. Hammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — 319 p.

Flick U. An introduction to qualitative research: Fourth edition. L.: SAGE Publications Ltd, 2009. — 518 p.

Gengnagel V., Massih-Tehrani N., Baier C. Laying claim to the academic field: The European Research Council and the European project // Berliner Journal für Soziologie. 2016. 1 March. Vol. 26. Issue 1. P. 61–84.

González-Bailón S., Borge-Holthoefer J., Rivero A., Moreno Y. The Dynamics of Protest Recruitment through an Online Network // Scientific Reports. 2011. Vol. 197. No. 1. P. 1–7. DOI: www.doi.org/10.1038/srep00197.

González-Bailón S., Ning Wang. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // Social Networks. 2016. Vol. 44. P. 95–104. URL: https://doi.org/10.1016/j.socnet.2015.07.003.

Haas P. M. Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. Vol. 46 (1). P. 1–35.

Handbook on Knowledge Management 2. Knowledge Directions / Ed. by C.W. Holsapple. Berlin: Springer, 2003. — 751 p.

Heckmann F., Bosswick W. Integration of Migrants: Contribution of Local and Regional Authorities. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2006. — 45 p.

Khavand Kar J., Khavandkar E. Intellectual Capital: Management, Development and Measurement Models. Publisher: Ministry of Science, Research and Technology, 2013. 3rd Edition. — 424 p.

Knoke D., Kuklinski J. Network analysis. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1982. — 96 p.

Leifeld P. Discourse network analysis: Policy debates as dynamic networks // The Oxford Handbook of Political Networks. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. Vol. 12. P. 301–326.

Li J. Globalization and Internationalization of Higher Education in the United States: Globalization and Universities in China and the World // Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Singapore: Springe, 2018. P. 213–251. DOI: 10.1007/978-981-13-0641-9_9.

Lin N. Social networks and status attainment // Annual Review of Sociology. 1999. No. 25. P. 467–487.

Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. Vol. 74 (4). P. 581–598. DOI: 10.1007/s10734–016–0060–6.

Merton R. The Sociology of Science: An Episodic Memoir // The Sociology of Science / Ed. by R. K. Merton, J. Gaston. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1977. P. 3–141.

Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. University of Chicago Press, 1973. — 605 p.

Meyer M. Epistemic Communities and Collaborative Research // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. Vol. 7. P. 862–866. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.41024-X.

Meyer M. & Molyneux-Hodgson S. Introduction: The Dynamics of Epistemic Communities // Sociological Research Online. 2010. Vol. 15(2). P. 109–115. DOI: https://doi.org/10.5153/sro.2154.

Nye J. Smart Power // New Perspectives Quarterly. 2009. Vol. 26. Iss. 2. P. 7–9.

Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2002. — 240 p.

Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. New York: Palgrave Macmillan, 2006. — 424 p.

Parey M., Waldinger F. Studying abroad and the effect on international labour market mobility: evidence from the introduction of Erasmus // The Economic Journal. 2010. Vol. 121 (March). P. 194–222. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2010.02369.x.

Pye L. The Behavioral Revolution and the Remaking of Comparative Politics // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis // Ed. by R. E. Goodin, Ch. Tilly. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. — 869 p.

Rhodes R. Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham, Philadelphia: Open Univ. Press, 1997. — 252 p.

Scott J. Social network analysis: a handbook: 2nd edition. L.: SAGE Publications Ltd., 2013. — 224 p.

Scriven M. Reasoning. New York: McGraw-Hill, 1976. — 272 p.

Stokman F. N., Doreian P. Evolution of Social Networks: Processes and Principles. // Evolution of Social Networks / Ed. by P. Doreian, F. N. Stokman. L.: Routledge, 1997. Vol. 1. P. 233–250.

Sveiby K. E. Intellectual capital. URL: http://www.sveiby.com/articles/IntellectualCapital.

Sveiby K. E. The New Organizational Wealth: Managing and Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco: Berrett-Koehler, 1997. — 220 p.

The Cambridge History of Science / T. Porter, D. Ross. Oxford: Cambridge University Press, 2008. Vol. 7: The Modern Social Sciences. — 734 p.

Trudeau P. Statement to the House of Commons on Multiculturalism // Parliament of Canada, House of Commons Debates, 3rd session, 28th Parliament. Volume 8, 8 October 1971. Ottawa: Queen's Printer, 1971. P. 8545–8548.

Weber M. Bureaucracy // Weber's Rationalism and Modern Society: New translations on Politics, Bureaucracy, and Social Stratification / Ed. by T. Waters, D. Waters. P. 67–121.

Wiig K. M. Knowledge Management Foundations: Thinking About Thinking: How People and Organizations Create, Represent, and Use Knowledge. Arlington. TX: Schema Press, 1993. — 471 p.

Zito A. R. Instrument constituencies and epistemic community theory // Policy and Society, 2018. Vol. 37. Iss. 1. P. 36-58. DOI: 10.1080/14494035.2017.1416929.

Научное издание

СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ
СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ

Коллективная монография

Отв. ред. *И. А. Помигуев*

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 20,25. Заказ № 155653
Подписано в печать 10.12.2020. Тираж 300 экз.

ООО Издательство «Аспект Пресс».
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.
E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.
Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, к. 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80